

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

80 [1]

1869 Mar.

Pat. 27897 d 72

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ.

1869

МАРТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ГРАФЪ ПАНИНЪ, УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ.
Д. А. Анучина.
- II. ГЕНЕРАЛЬ УЛИССЪ СИМПСОНЪ ГРАНТЪ.
- III. ВОСПОМИНАНІЯ О КАВКАЗѢ И ГРУЗИИ. Гл. VI—VII. Т.
- IV. ПАНУРГОВО СТАДО. Романъ. Часть первая. Гл. X—XIX. В. В. Крестовскаго.
- V. НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ О РЫЛѢВѢ. По поводу *Записокъ* Греча. Д. И. Кропотова.
- VI. ПОЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ МЯТЕЖѢ 1861 — 1863 ГОДОВЪ. Гл. VIII. С. А. Райковскаго.
- VII. НОВЫЙ ПАРИЖЪ И ЕГО ФИНАНСЫ. П.
- VIII. БѢЛЫЕ ГОЛУБИ. Гл. I—XII. П. И. Мельникова.
- IX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. *Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время.* Соч. автора *Исторіи отечественной войны 1812 года.* Спб. 1869, т. I—IV. П. Щ.
- X. ТАКТИКА ПРОТИВНИКОВЪ НАШЕЙ ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ. Р.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДОКТОРА БРЕДИ. Романъ въ трехъ частяхъ. Соч. Вильяма-Говарда Росселя. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. X—XIII.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)

На Страстномъ бульварѣ.

1869.

ГРАФЪ ПАНИНЪ

УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

Пугачевскій бунтъ, начавшійся 18-го сентября 1773 года появленіемъ Пугачева съ шайкой на Бударинскомъ форпостѣ Нижне-Яицкой линіи, не окончился ни поимкой Пугачева 15-го сентября 1774 г., ни его казнью 10-го января 1775 г. Чрезвычайныя мѣры приняты правительствомъ для успокоенія умовъ и водворенія порядка въ волжскихъ губерніяхъ сохраняли силу еще нѣсколько мѣсяцевъ, и толькo 9-го августа 1775 г. правительство признало что исчезли все внутреннія безпокойства и тишина окончательно возстановлена. Въ этотъ день данъ былъ изъ подмосковнаго села Царицына указъ о прекращеніи полномочій графа Петра Панина.

Грозное время извѣстное въ народѣ подъ именемъ „Пугачевщины“ продолжалось безъ малаго два года, съ 18-го сентября 1773 г. по 9-е августа 1775 года.

Изучая внимательно совокупность событій тогдашняго времени, взгляды правительства на характеръ мятежа и принимаемыя для усмиренія возстанія мѣры, нельзя не придти къ заключенію что усмиреніе Пугачевщины рѣзко дѣлится на четыре періода. Каждый изъ нихъ соотвѣтствуетъ различнымъ фазамъ мятежа и совершенно различнымъ на него взглядамъ правительства.

Первый періодъ, съ начала бунта до 29-го ноября 1773 г., обнимаетъ первые успѣхи Пугачева и дѣйствія противъ него генераль-маіора В. А. Кара.

Второй, съ 29-го ноября 1773 года по 9-е апрѣля 1774 года, обнимаетъ дѣйствія генераль-аншефа А. И. Бибикова, до его рановременной смерти.

Третій, до 29-го іюля 1774 г.,—дѣйствія генераль-поручика князя **Θ. Θ. Щербатова**.

Четвертый, съ 29-го іюля 1774 г. по 9-е августа 1775 г.,—дѣйствія графа **Петра Панина**.

При отправленіи генерала Кара въ Оренбургскую губернію, старались не разглашать о появленіи самозванца. Манифестъ 15-го октября 1773 г. объ отправленіи Кара на Яикъ * данъ былъ ему для обнародованія только на мѣстѣ. Значеніе бунта было такъ мало понято, что Кару назначили всего пятисотенную военную команду и съ нею приказали „учинить надъ онымъ злодѣемъ поискъ и стараться какъ самого его, такъ и злодѣйскую его шайку, переловить.“ Губернаторамъ, казанскому и оренбургскому, указано было только содѣйствовать Кару. Слѣдствія такого непониманія дѣла оказались печальными. Каръ встрѣтился не съ разбойникомъ и его шайкой, а съ обѣдноснымъ самозванцемъ, державшимъ въ страхѣ и осадѣ сильнѣйшія мѣстныя крѣпости и имѣвшимъ въ своихъ толпахъ десятки тысячъ людей и десятки орудій. Войска посланныя за Волгу были частію разбиты, частію захвачены Пугачевымъ, и Каръ самовольно пріѣхалъ въ Москву. Силы Пугачева болѣе и болѣе увеличивались.

Назначеніе и дѣйствія **А. И. Бибикова** совершились при иныхъ обстоятельствахъ. Сила и значеніе мятежа были лучше поняты, хотя все еще полагали что мятежъ сохранить лишь мѣстный характеръ. Бибикову однако дали дѣйствительно достаточное число войскъ; ему вполнѣ подчинили на театрѣ войны всѣ гражданскія и военныя учрежденія. Онъ былъ облеченъ полною властію. Ему было предложено, дѣйствуя отъ своего имени, объяснить казанскому дворянству что бунтъ направленъ не только противъ государства, но и противъ дворянства, что „въ семь случаевъ интересованы въ вышнемъ степени собственная ихъ и семей ихъ личная безопасность, безопасность ихъ имѣній, да и самая цѣлость дворянскаго корпуса“. Онъ долженъ былъ побудить дворянство вооружиться на защиту государства и свою собственную оборону. Разбитіе главныхъ шаекъ Пугачева, освобожденіе Оренбурга, Уфы и Яицкаго городка и очищеніе всего пространства отъ Камы и Волги до Яика и Бѣлой, были плодами полезной дѣятельности Бибикова. Но Бибикова похитила преждевременная смерть. Въ могилу онъ унесъ съ собою знаніе тогдашнихъ обстоятельствъ и не оставилъ послѣ себя никого кто могъ бы подробно объяснить правительству положеніе дѣла за Волгой и указать какъ слѣдуетъ дѣйствовать далѣе. Пугачевъ бѣжалъ, и многіе надѣялись что все кончено.

Князь **Θ. Θ. Щербатовъ** замѣнилъ Бибикова какъ старшій въ чинѣ между его подчиненными. Императрица утвердила

* Сочин. Пушкина, изд. Исаковъ, т. VI, стр. 193.

его въ должности указомъ 1-го мая 1774 г., „но какъ порученная покойному Бибикову комиссія, въ разсужденіи перемѣнившихся нынѣ обстоятельствъ, въ гораздо лутчее положеніе приведена“, то князю Щербатову повелѣно было, принявъ команду надъ войсками, предоставить губернаторамъ, казанскому и оренбургскому, дѣйствовать къ водворенію порядка въ ихъ губерніяхъ по собственному ихъ усмотрѣнію, на томъ основаніи что они лучше знаютъ мѣстныхъ условія. * Единство распоряженій, достигнутое при Бибиковѣ, нарушилось; князь Щербатовъ ушелъ со своими войсками въ Оренбургъ, а Казанскую губернію оставилъ съ ея мѣстными командами, которыя еще такъ недавно не иначе назывались Бибиковыми въ официальной перепискѣ какъ „скаретами, страмцами и негодницей“. Пугачевъ ожилъ, ускользнулъ отъ Михельсона, разбилъ „скаретовъ и страмцевъ“ и достигъ небывалыхъ еще успѣховъ. Мятежъ перешелъ на правую сторону Волги. Нижній-Новгородъ и даже Москва опасались приближенія Пугачева. Шайки мятежниковъ подходили на пятнадцать верстъ къ Нижнему, а въ Московскомъ уѣздѣ со страхомъ ожидали злодѣя „называя его Петромъ Третіимъ“. **

Итакъ, въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ сдѣланы были три капитальныя ошибки: командированъ Каръ съ пятьюстами солдатъ, уменьшены полномочія князя Щербатова и не принято никакихъ мѣръ къ охраненію Волги и центральныхъ губерній. Между тѣмъ Пугачевъ, хотя и разбитый дважды подъ Казанью неутомимымъ Михельсономъ, перешелъ чрезъ Волгу. Селеніе Сундырь, не давшее самозванцу помощи и жители коего разбѣжались, было выжжено. *** Курмышъ взятъ и разграбленъ; всюду объявлялась воля; помѣщиковъ ловили, истязали и вѣшали. Началась неистовая оргія черни, спѣшившей отмстить владѣльцамъ и чиновному люду за прежнія притѣсненія и несправедливости. Необходимо было прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ, назначить главногo распорядителя всѣми мѣрами по усмиренію бунта и облечь избраннаго полною властію. Необходимо было выбрать челоувѣка рѣшительнаго, который бы сумѣлъ надѣть узду на расходившіяся страсти и не остановился бы предъ принятіемъ мѣръ на которыя императрица не могла рѣшиться дѣйствуя своимъ именемъ. Выборъ палъ на генерала графа Петра Ивановича Панина.

* Губернаторы дѣйствительно вступили въ полное управленіе губерніями. „Сего же мѣсяца (мая) отъ 21-го числа, получилъ ордеръ отъ г. казанскаго губернатора фонъ-Браута, въ коемъ уведомлялся Державинъ что секретная казанская комиссія и спокойствіе его губерніи вѣрено его попеченію.“ *Записки Державина*, стр. 74.

** *Осминадцатый вѣкъ*, стр. 115. Письмо князя Волконскаго къ императрицѣ, отъ 1-го августа 1774 г.

*** *Допросы Пугачева*, стр. 34.

Послѣдній періодъ Пугачевщины, Панинскій, несмотря на то что онъ самый важный, менѣе другихъ извѣстенъ. Пушкинъ едва коснулся его въ своей *Исторіи Пугачевского бунта*: нарисовалъ эффектную сцену встрѣчи Панина съ Пугачевымъ въ Симбирскѣ, и ни слова не сказалъ о дѣятельности графа Панина, тогда какъ она въ высшей степени замѣчательна.

Послѣ Пушкина, Д. Б. Мертваго въ своихъ запискахъ * сказалъ нѣсколько словъ о Панинѣ, и то вскользь. Г. Лебедевъ въ брошюрѣ *Графы Никита и Петръ Панины* и г. Бартеневъ въ сборникѣ *Осмадцатый вѣкъ* обнародовали нѣсколько чрезвычайно важныхъ документовъ объясняющихъ положеніе графа П. И. Панина предъ его назначеніемъ, но о дѣйствіяхъ его и въ этихъ двухъ сочиненіяхъ сказано весьма мало. Большая часть его донесеній и отвѣтныхъ на нихъ рескриптовъ императрицы, находится въ дѣлѣ № 26.429, хранящемся въ государственномъ архивѣ, куда оно перенесено изъ бывшаго архива военно-топографическаго депо. Дѣло это состоитъ изъ 229 бумагъ. ** Немногія изъ нихъ напечатаны въ разныхъ сочиненіяхъ, въ моемъ же распоряженіи находятся подробныя выписки изъ всѣхъ 229 бумагъ, сдѣланныя въ 1829 году, когда дѣло было еще въ архивѣ военно-топографическаго депо. Этими-то выписками я пользовался при составленіи настоящей статьи.

Панинъ, вступивъ въ должность главнокомандующаго за нѣсколько недѣль до послѣдняго пораженія Пугачева, въ военныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ и даже не могъ руководить этими дѣйствіями по отдаленности театра войны. Распоряженія графа Панина о преслѣдованіи мятежныхъ шаекъ оставшихся въ тылу Пугачева и за Волгой и дѣйствовавшихъ послѣ взятія самозванца весьма важны. Вся дѣятельность его была преимущественно обращена на умиротвореніе края и восстановленіе гражданскаго устройства и порядка. Кромѣ того, Панину пришлось бороться съ новымъ врагомъ—голодомъ, который былъ неминуемымъ слѣдствіемъ Пугачевщины, оторвавшей рабочія руки отъ полевыхъ занятій. Плохой урожай, уничтоженіе старыхъ запасовъ и несвоевременная уборка во время мятежа, были причинами голода. Сперва мы разсмотримъ военныя дѣйствія, а потомъ дѣйствія графа Панина по умиротворенію края и обезпеченію народонаселенія отъ голода. Главнымъ образомъ мы имѣемъ въ виду привести въ разказѣ по возможности болѣе достовѣрныхъ фактовъ; ихъ сопоставленіе лучше всего разъяснитъ дѣло.

* См. *Русскій Архивъ* 1867 г., №№ 8 и 9.

** Я. Гротъ: *Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта*. С.-Петербургъ, 1862. Стр. 3.

I. Назначеніе Панина.

Генераль-аншефъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ былъ лицомъ весьма виднымъ. Братъ канцлера и воспитателя наслѣдника престола, онъ имѣлъ сильныя связи при дворѣ. Участіе въ переворотѣ 1762 г. и блестящая военная карьера доставившая ему прозваніе *покорителя Бендеръ* ставили его въ ряду замѣчательныхъ людей своего времени. Быть-можетъ, его значеніе еще болѣе увеличивалось отъ того что онъ явно высказывалъ свое недовольство дворомъ, и живя въ Москвѣ или своей подмосковной деревнѣ, громко осуждалъ дѣйствія правительства и выказывалъ симпатіи къ наслѣднику престола, достигавшему тогда совершеннолѣтія. Высокомѣрный, гордый и тщеславный, онъ не могъ простить двору неумѣнье или нежеланье по достоинству наградить его личныя заслуги. Это было, кажется, главною причиною оставленія имъ военной службы, такъ какъ въ отставку онъ былъ уволенъ чрезъ два мѣсяца послѣ покоренія Бендеръ (27-го ноября 1770 г.). Оставивъ службу, хотя онъ и получилъ отъ императрицы рескриптъ гдѣ было сказано что она „теряетъ въ Панинѣ искуснаго въ войнѣ предводителя, котораго поступки приобрѣтали всегда ея удовольствіе“, но не могъ поселиться въ Петербургѣ. Личныя его отношенія къ императрицѣ были весьма не хороши. Опубликованные документы * показываютъ, что не будь какого-либо особеннаго обстоятельства, графу Петру Ивановичу пришлось бы ограничиваться своими упражненіями во фрондерствѣ. Императрица считала его *первымъ врагомъ* и себѣ *персональнымъ оскорбителемъ* **. Переписка ея съ московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. И. Волконскимъ ***, показываетъ что за П. И. Панинымъ строго слѣдили, и дѣйствія его считали подозрительными.

Вскорѣ послѣ пріѣзда графа Панина изъ арміи, Москву постигло великое бѣдствіе—чума 1771 года. Городская чернь шумно волновалась и, наконецъ, произвела въ городѣ мятежъ и важные безпорядки. Есть указанія, которыя нельзя

* Гг. Лебелевымъ и Бартеевымъ.

** Графы П. и Н. Панины. стр. 116.

*** *Осмнадцатый вѣкъ*. Кн. I, стр. 52—162.

пройти молчаніемъ, будто бы волненія эти возникли не безъ участія графа П. И. Панина. Вдова Настасья Пассекъ начала въ 1772 году дѣло противъ своей дочери Маріи, покушавшейся отравить ее. Марія Пассекъ на допросахъ, между прочимъ, показала, что народное возстаніе случившееся во время моровой язвы было произведено по внушенію Петра Панина, съ цѣлью возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича. Въ послѣдствіи Марія Пассекъ отперлась отъ своихъ показаній. Но если самый фактъ и не имѣетъ достовѣрности, то во всякомъ случаѣ не лишено значенія что въ Москвѣ ходили такого рода слухи, поставлявшіе Панина главою недовольныхъ, приписывавшіе ему даже рѣшимость на столь крайнія мѣры какъ возбужденіе народа къ мятежу.

Императрица знала о дѣйствіяхъ Панина. Въ замѣчательно-откровенной перепискѣ съ княземъ Волконскимъ она постоянно обращала вниманіе московскаго главнокомандующаго на „дерзкаго болтуна“. Отъ 25-го сентября 1773 г. она писала: „Что касается до дерзкаго, вамъ извѣстнаго болтуна, то я здѣсь кое-кому внушила, чтобы до него дошло, что если онъ не уймется, то я принуждена буду его унимать наконецъ. Но какъ богатствомъ я брата его осыпала выше его заслугъ на сихъ дняхъ *, то чаю, что и онъ его уймется же, а домъ мой очистится отъ каверзы. Чего всего вамъ въ крайней конфиденціи сообщая для вашего свѣдѣнія, дабы наружностью иногда вы бѣ не были обмануты.“

Князь Волконскій посылалъ въ деревню Михалково, гдѣ жилъ Панинъ, надежнаго человѣка „выслушать его дерзкія болтанья“. Волконскій не придавалъ имъ никакого значенія. „Подлинно, писалъ онъ, что сей тщеславный самохваль много и дерзко болтаетъ, и до меня нѣсколько доходило; но все оное состояло въ томъ что все и всѣхъ критикуетъ, однако, такого не слышно что бы клонилоя къ какому-либо дерзкому предпріятію. Я хотя всегда за нимъ мое примѣчаніе имѣлъ, а теперь еще удвою оное и употребилъ разные паналы его

* Графъ Никита Панинъ, въ день совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича, получилъ чинъ фельдмаршала, 9.000 душъ, 100.000 р. на обзаведеніе, 50.000 руб. на сервизъ, 30.000 руб. ежегоднаго пенсіона, 14.000 р. на содержаніе, придворный экипажъ, провизію и погребъ на годъ, да кромѣ того разрѣшено купить для него въ Петербургѣ домъ который самъ выберетъ. Щербальскій, стр. 93.

слова свѣдать; когда что увѣдаю, то вашему императорскому величеству донесу. Примѣчательно есть, что онъ, Панинъ, съ нѣкотораго времени гораздо утихъ, и въ своемъ болтаньи нѣсколько скромнѣе сталъ. Не знаю, происходитъ ли сія скромность отъ страха или для закрытія какихъ видовъ. Въ здѣшнихъ мѣстахъ, кажется, никакой опасности нѣтъ; однако, со всѣмъ тѣмъ *il faut attendre à tout et rien crainier*“ (sic).

За Панинымъ назначенъ былъ прсмотръ надежныхъ людей, и они-то донесли Волконскому что „дерзкій болтунъ“ не обрадовался посыпавшимся на брата наградамъ и на всѣ поздравленія отвѣчалъ съ нѣкоторою холодностью. Очевидно, что Петръ Панинъ желалъ лично возвыситься, независимо отъ могущественнаго положенія своего брата.

Какъ ни скрывали „оренбургскія происшествія“, о нихъ говорилось въ Москвѣ много, и шли разныя пересуды. Для Петра Панина явилась новая возможность порицать „все и всѣхъ“. „Здѣсь, всемилостивѣйшая государыня, пишетъ кн. Волконскій отъ 7-го января 1774 г., все тихо и смирно, и черезъ всѣ дни праздника никакихъ не порядковъ не было, а вракъ гораздо меньше стало. Только одинъ большой, вашему императорскому величеству извѣстный болтунъ вздоръ болтаетъ, не разбирая при комъ, но при всѣхъ, а другіе пербалтываютъ, но все ничего незначущее и единственно къ тщеславію его касающееся.“

Панинъ зналъ что за нимъ наблюдаютъ, зналъ что императрица собиралась сама его унимать, и все продолжалъ „вздоръ болтать“. Этому, разумѣется, были особыя причины. Не одинъ онъ осуждалъ дѣйствія правительства; въ Москвѣ была огромная масса недовольныхъ, громко требовавшихъ принятія энергическихъ мѣръ къ обузданію духа мятежа. Такое же положеніе дѣлъ было и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Еще въ началѣ января 1774 г. Бибиковъ писалъ изъ Казани фонъ-Визину знаменательныя слова: „вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодование“. * Всеобщее негодование дѣйствительно охватило восточную половину Имперіи; чернь чаяла прибытія освободителя, Петра Третьяго, а дворянство со страхомъ ожидало жестокой участи, негодую на мѣстныя власти и вообще на правительство не спѣшившее на помощь.

* Соч. Пушкина, т. VI, стр. 237.

Личность Петра Панина была именно такова чтобы сдѣлаться выраженіемъ недовольства высшаго общества. Сторонникъ строгихъ мѣръ въ отношеніи черни, онъ громко укорялъ всѣхъ и высказывалъ, ни чѣмъ и ни кѣмъ не стѣняясь, что онъ бы не такъ поступилъ, еслибъ имѣлъ въ своихъ рукахъ власть. Отсюда и донесенія кн. Волконскаго что „большой болтунъ“ распускаетъ „ничего незначущее и единственно къ тщеславію его касающееся“.

Всюду повторялись слова сказанныя имъ при извѣстіи о взятіи Пугачевымъ Казани: *„дѣлайте то что я намъ ренгъ дѣлать“*. И когда его спросили на что онъ рѣшился, онъ отвѣчалъ: *„умереть“*.

Для подтвержденія этихъ словъ, графъ Панинъ вооружилъ своихъ дворовыхъ людей и расторопнѣйшихъ крестьянъ и имѣлъ намѣреніе идти съ ними навстрѣчу бунтовщикамъ и подчинить себя начальнику первой дѣйствующей воинской команды. *

Попытки императрицы образумить Петра Панина чрезъ посредство канцлера послужили, съ одной стороны, поводомъ къ перепискѣ между братьями, а съ другой—дали возможность графу Никитѣ Ивановичу говорить о своемъ братѣ, его заслугахъ, невниманіи къ нему правительства и требовать новаго призванія его къ дѣятельности. Надо полагать что канцлеру не было дано особыхъ обнадеживаній насчетъ его брата, но тѣмъ не менѣе опытный царедворецъ увидѣлъ что усилія его могутъ увѣнчаться успѣхомъ и рѣшился на смѣлый шагъ. Онъ довелъ до свѣдѣнія государыни что братъ его Петръ Ивановичъ предлагаетъ свои услуги и опытность къ усмирению свирѣпствовавшаго мятежа. Уклончивый отвѣтъ принять за согласіе, и 22-го іюля канцлеръ пишетъ къ брату что послѣдовало высочайшее избраніе его „къ престѣченію пугачевского смятенія“.

Утромъ 26-го числа курьеръ привозитъ это извѣстіе Петру Панину, и въ тотъ же день онъ пишетъ къ государынѣ: „Сего утра въ шестомъ часу отъ брата моего графа Никиты Ивановича Панина предварило меня съ нарочнымъ увѣдомленіемъ, пущенное 22-го числа сего мѣсяца, что вашему императорскому величеству благоугодно стало всемилостивѣйше избрать меня къ употребленію на пересѣченіе внутреннего въ

* Лебедевъ, стр. 95.

Империю, Богомъ вамъ порученной, пугачевского смятенія. Сіе хотя нашло меня въ крайней здоровья слабости отъ мучившей жестокой лихорадки, съ волнованіемъ во всемъ корпусѣ моемъ летучей подагры, отчего однакожь по счастью на другой день стало нѣсколько легче, но со всѣмъ тѣмъ оживотворило мой духъ вновь, и я какъ всегда былъ, такъ и теперь всею душою“.... „Повелѣвайте, всемилостивѣйшая государыня, и употребляйте въ семъ случаѣ всеподданнѣйшаго и вѣрнаго раба своего по вашей благоугодности: я теперь, мысленно павъ только къ стопамъ вашимъ съ орошеніемъ слезъ приношу мою всеижайшую благодарность за всемилостивѣйшее меня къ тому избраніе и дерзая всеподданнѣйше испрашивать той полной ко мнѣ императорской довѣренности и власти въ снабженіи и способіи, которыхъ требуетъ настоящее положеніе сего важнаго дѣла *“.

Хотя прежде чѣмъ пришло это письмо въ Петербургъ графъ П. Панинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, но на это были совершенно новыя обстоятельства и, кажется, канцлерское извѣщеніе 22-го іюля было преждевременно, какъ сейчасъ увидимъ.

Худыя вѣсти изъ-за Волги давно уже беспокоили императрицу. Въ началѣ іюля 1774 г. каждый курьеръ привозилъ все болѣе и болѣе печальныя свѣдѣнія. Пугачевъ страшно усиливался и наконецъ перешелъ Волгу. 27-го іюля вечеромъ получено было въ Петербургѣ извѣстіе о взятіи Курмыша. Опасность угрожала не только Нижнему, но и Москвѣ. Минута была рѣшительная, и Никита Панинъ сталъ дѣйствовать. Съ вечера 28-го іюля до вечера 29-го іюля разыгралась въ Петергофѣ, гдѣ жилъ дворъ, великая драма, и мы постараемся прослѣдить ее во всей подробности, насколько позволяютъ имѣющіеся документы.

Главнымъ лицомъ чрезъ кого до сихъ поръ дѣйствовала императрица по принятію мѣръ противъ Пугачева — былъ

* Я. Гротъ, *Зап. Импер. Акад. Наукъ*, 1863, т. III, стр. 4. Въ этомъ же письмѣ Панинъ писалъ: „Я бы почиталъ теперь вѣрнымъ своимъ долгомъ представиться для того (выше говорилось о присылкѣ инструкцій) самъ предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, но истинно нѣтъ естественной силы на такую скоростижную переѣздку, а паче еще боюсь отбытіемъ отсель больше повредить настоящее здѣшнее положеніе, наосиное злодѣйскимъ приключеніемъ, нежели его поправить; для того буду ожидать здѣсь высочайшихъ повелѣній.“

князь М. И. Волконскій. Къ нему прежде всего обратилась она и въ этотъ день. Дѣлая всегда лично распоряженія, она вечеромъ же 28-го іюля приказываетъ военной коллегіи послать въ Москву лейбъ-кирасирскій полкъ изъ Новгорода; фельдмаршалу Румянцеву пишетъ о немедленномъ отправленіи къ князю Волконскому генералъ-поручика Суворова, а самого князя, собственноручнымъ письмомъ писаннымъ въ тотъ же вечеръ, проситъ созвать дворянъ, „кои надежны быть могутъ на своихъ людей или же вооруженныхъ имѣютъ“*, и предложить вооружить сколько можно своихъ людей „для общей отъ злодѣевъ обороны“. Замѣчательна приписка къ сему: „Я надежду имѣю на Петра Дмитріевича Еронкина, что онъ вамъ весьма хорошій и усердный помощникъ будетъ въ семъ случаѣ. Скажите ему сіе отъ меня. Я увѣрена, что дѣломъ и совѣтомъ онъ васъ не покинетъ.“ Итакъ императрица не находила необходимымъ и въ этомъ случаѣ прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ и назначенію П. Панина; она рассчитывала на возможность прежняго образа дѣйствій. Очевидно, что канцлеръ не имѣлъ ясно формулованнаго согласія государыни когда писалъ въ Москву свое письмо отъ 22-го іюля. Трудно, впрочемъ, предположить, чтобъ императрица только изъ личнаго нерасположенія къ П. Панину медлила его назначеніемъ. Она, вѣроятно, еще не вполне знала о московскихъ дѣлахъ, или, быть-можетъ, слыша о нихъ отъ Панинской партіи, не давала имъ должнаго значенія. Переписка братьевъ Паниныхъ во всякомъ случаѣ останавливаетъ на себѣ особое вниманіе и ведетъ къ разнымъ предположеніямъ.

Нельзя болѣе сомнѣваться что императрица не давала до 28-го іюля своего согласія на назначеніе П. Панина. Быть-можетъ, она колебалась еще въ этомъ и потому, что не имѣла съ его стороны никакого прямаго заявленія. Не желая сдѣлать первый шагъ къ примиренію со своимъ „персональнымъ оскорбителемъ“, быть-можетъ, государыня дала понять что не ей слѣдуетъ просить строптиваго подданнаго, а ему должно предложить свои услуги. Что-либо въ этомъ родѣ было говорено съ канцлеромъ, а онъ или счелъ возможнымъ принять это за изъявленіе согласія, или самъ Петръ

* Стало-быть въ Москвѣ и около нея дворянство уже имѣло вооруженныхъ людей, и въ Петербургѣ знали объ этомъ.

Панинъ, не иначе рѣшился выразить свое желаніе какъ въ отвѣтъ на высочайшее избраніе. Было бы крайне любопытно видѣть въ печати переписку братьевъ между собою въ это знаменательное время.

Сдѣланныя императрицей распоряженія немедленно стали извѣстными въ Петергофѣ. Канцлеръ зашедшій такъ далеко въ дѣлѣ назначенія своего брата не могъ быть доволенъ этими распоряженіями. Какъ и кто началъ дѣло не видно, но императрица послѣ отправленія курьера къ князю Волконскому приказала собрать на завтра совѣтъ. Графъ Захарій Григорьевичъ Чернышевъ предложилъ пригласить на совѣтъ графовъ Никиту Ивановича, Григорія Григорьевича (Орлова) и Мордвинова, генераль-прокурора князя Вяземскаго, одного члена изъ военнаго департамента и вице-канцлера.

Обстоятельства еще вчера вечеромъ не казавшіяся императрицѣ крайними, на утро представлялись уже ей совершенно иначе. Нѣтъ сомнѣній, что въ промежутокъ времени между отправленіемъ курьера съ письмомъ къ князю Волконскому и 29-мъ іюля на императрицу сумѣли подѣйствовать весьма серьезно. Приближающаяся опасность для Москвы была выставлена рельефно, не осталось, вѣроятно, безъ указанія, что партія недовольныхъ Москвичей давно уже предупреждала о худыхъ послѣдствіяхъ, и что теперь нельзя отвергать справедливость разглашеній дѣланныхъ болтунами, тѣмъ болѣе что болтуны эти сами готовятся встрѣтить врага и вооружаютъ уже своихъ людей. Если во всѣхъ этихъ разъясненіяхъ и были заднія мысли—выдвинуть впередъ усердіе Паниныхъ, то нельзя однако не сказать, что въ самомъ дѣлѣ, время требовало энергическихъ дѣйствій, и для пользы государства слѣдовало помириться съ московскими недовольными. Не преобладай интересы государственные надъ прочими, не рѣшилась бы такъ скоро императрица на столь крайній переломъ въ своихъ распоряженіяхъ. Если Никита Панинъ дѣйствовалъ въ видахъ возвышенія своего брата, то надо отдать полную справедливость его умѣнью вести дѣла и опытности; онъ такъ удачно выбралъ минуту, что ему не трудно было приготовить императрицу къ офиціальному сближенію съ своимъ „персональнымъ оскорбителемъ и первымъ врагомъ“. Выборъ Петра Панина былъ предрѣшенъ ходомъ событій. Его знали какъ „покорителя Бендеръ“; его видѣли душой и главою партіи московскихъ недовольныхъ;

онъ наконецъ самъ собирався идти на самозванца со своими вооруженными людьми, и нѣтъ поводовъ не вѣрить что онъ исполнилъ бы это. Призвать къ дѣламъ Петра Панина и отдать въ его руки всѣ средства къ прекращенію бунта значило заставить замолкнуть негодованіе барства и привлечь на свою сторону всѣхъ негодующихъ. Личную свою неприязнь Екатерина забыла, и для пользы Россіи рѣшилась на примиреніе съ Петромъ Панинымъ.

Собралися совѣтъ. Императрица объявила что въ настоящихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ сама приметъ начальство надъ войсками для спасенія Москвы и Имперіи.

Никита Панинъ возразилъ что такого шага дѣлать не слѣдуетъ, что волненіе черни не заслуживаетъ столь рѣшительныхъ мѣръ; что императрица и отечество имѣютъ людей готовыхъ жертвовать всѣмъ для блага общаго. Онъ указалъ далѣе что братъ его Петръ, при всей дряхлости своей, не откажется спасти отечество, велитъ нести себя на носилкахъ, если только государыня пожелаетъ вѣрить ему начальство надъ войсками, не имѣя въ виду другаго полководца способнаго его.

Императрица одобрила предложеніе канцлера, отозвавшись что „никто лучше графа Петра Ивановича Панина не можетъ спасти Россію: я съ прискорбіемъ отпустила его отъ службы и не отважилась призвать къ настоящему дѣлу потому только что онъ находился въ отставкѣ“.

Вслѣдъ за согласіемъ императрицы канцлеръ предъявилъ заготовленные уже имъ проекты инструкцій опредѣлявшихъ права новаго главнокомандующаго. Въ его полную власть отдавались губерніи: Московская, Нижегородская, Казанская и Оренбургская. Въ одномъ изъ пунктовъ говорилось, что графу Петру Панину предоставляется право брать всѣхъ подозрительныхъ людей, гдѣ бы они не были, съ тѣмъ что онъ можетъ казнить ихъ какъ, гдѣ и когда хочетъ. Ему же предполагалось послать всѣ инструкціи даннаго покойному Бибикову, подчинить слѣдственные комиссіи Казанскую и Оренбургскую.

Мы имѣемъ возможность привести черновую рескрипта П. Панину съ поправками императрицы. *

* Напечатано Я. К. Гротомъ въ *Запискахъ* Императорск. Акад. Наукъ. 1863 г. Т. III.

Божією милостію мы, Екатерина II,

Нашему генералу графу Петру Панину.

(Признавая по испытанію отличныя ваши, яко истиннаго патриота, качества усердія къ особѣ нашей, любви и вѣрности къ отечеству, равно какъ и ревности по нераздѣльной службѣ онаго и нашей, приедемъ мы за благо всемилостивѣйше вамъ поручить усмирненіе возставшихъ отъ нѣкотораго времени сматенія и бунта въ нѣдрахъ Имперіи нашей подъ предводительствомъ самозванца и злодѣя Пугачева, а совокупно съ онымъ и возстановленіе общей тишины и порядка государственнаго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оное замѣстательство настоятъ.) *

Въ слѣдствіе сего опредѣляемъ мы въ главную вашу команду всѣ тѣ войска, кои дѣйствительно уже противу Пугачева употребляемы были со всеми гарнизонами и другими разными деташементами, въ тѣхъ окрестностяхъ находящимися. Но какъ намѣреніе наше въ порученіи вамъ отъ насъ сего государственнаго дѣла не въ томъ одномъ долженствуетъ состоять чтобъ поражать, преслѣдовать и истреблять злодѣевъ, оружіе противъ насъ и верховной нашей власти воспріавшихъ; но паче въ томъ, чтобъ поелику возможно сокращая пролитіе крови заблуждающихъ, кое для матерняго и целовѣколюбиваго нашего сердца толь оскорбительно, возвращать на путь исправленія, чрезъ истребленіе мглы, духи помрачившей, возстановлять вездѣ повиновеніе, покой и безопасность внутренняго гражданскаго общесчастія, и приводить опять всѣ разстроеныя части государственнаго правленія въ прежній ихъ порядокъ; то для соединенія въ одну дѣль сего сугубаго предмета, отдаемъ мы равно въ главную вашу команду губернаторовъ Казанскаго, Оренбургскаго и Нижегородскаго со всеми ихъ провинціальными и уездными правленіями, яко такія три губерніи, въ которыхъ уже развратъ и неустройство духовъ явнымъ образомъ открылось; а сверхъ сего еще снабжаемъ васъ слѣдующимъ здѣсь за подписаніемъ собственной нашей руки отверстымъ указомъ, дабы всѣ и каждый безъ изъятія, кому принадлежитъ по должности и званію какая-либо часть власти духовнаго, воинскаго и гражданскаго правленія нашего, вездѣ неукоснительно и безъ всякаго отлагательства исполняли всѣ ваши до сего сугубаго предмета относящіяся требованія и приказанія. Находившись толь долгое время при исправленіи знатнѣйшихъ должностей воинскихъ и гражданскихъ службы государственной, не можете вы не знать всѣхъ оныхъ коренныхъ

* Это вступленіе, выхвалявшее П. Панина, не вошло въ бѣловой рескриптъ, гдѣ замѣнено первыми двумя пунктами изъ рескрипта А. И. Бибикова, до словъ *во многихъ случаяхъ* включительно.

узаконеній, и для того неизмѣнно и ожидаемъ мы отъ васъ, что вы при употребленіи ввѣренной вамъ отъ насъ сей полной власти предохраните цѣлость ихъ; въ прочемъ же употребленіи во всякомъ случаѣ къ стать и ко времени дѣйствительнѣйшихъ мѣръ передаемъ мы съ полною довѣренностью собственной вашей разборчивости и лучшимъ на мѣстѣ усмотрѣніямъ, удостовѣрясь напередъ, что патриотической вашъ духъ не упустилъ конечно собою никогда ничего такого, что только къ скорѣйшему исполненію возложеннаго на васъ важнаго государственнаго дѣла нѣкоторымъ образомъ способствовать можетъ. Мы не хотимъ, да и не можемъ опредѣлить вамъ теперь мѣста, гдѣ бы вамъ на первой часъ взять пребываніе ваше, ибо сіе долженствуетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, слѣдовательно же и отъ собственнаго вашего по онымъ усмотрѣнію (а между тѣмъ, дабы преподать вамъ всѣ отсюда возможныя пособія, повелѣли мы присовокупить къ сему форму манифеста, на жителей губерніи Московской адресованнаго. Изъ содержанія его постигнете вы намѣреніе наше; но въ то же время оставляемъ мы опредѣлить вамъ самимъ, теперь ли сей манифестъ непосредственно обнародовать, или же отложить еще публикацію онаго до усматриваемаго вами впредь удобнѣйшаго момента, не надобенъ ли еще сей же самой манифестъ и для жителей губерніи Нижегородской, какъ ближе опасности подлежащихъ, такъ же и не найдете ли вы сверхъ того за нужное сдѣлать въ немъ какую-либо перемѣну, прибавленіемъ или убавленіемъ нѣкоторыхъ израженій или мыслей. Рѣшите вы сами подробности и употребите манифестъ такъ и тогда, какъ то для пользы дѣлъ лучше быть можетъ) *.

„При толь обширной комиссіи, какова есть поручаемая нынѣ отъ насъ патриотическому вашему усердію, и соединяющая въ себѣ всѣ части политическаго, военнаго и гражданскаго управленія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ косянулась зараза Пугачевскаго злодѣйства, или же которыхъ она приближаться станетъ, конечно нужны вамъ будутъ хорошія и надежныя орудія, чего ради и позволяемъ мы вамъ брать и употреблять по усмотрѣнію вашему на мѣстѣ всѣхъ тѣхъ, какъ изъ находящихся при должностяхъ и въ дѣйствительной службѣ, такъ и изъ отставныхъ всякихъ чиновъ обоого званія военнаго и гражданскаго, коиъ вы отмѣнно способными къ чему-либо находить будете, приглашая ихъ къ добровольному себя употребленію въ толь нужномъ государственномъ случаѣ.

„Повторяя на послѣдокъ, что мы вамъ съ полною и неограниченною довѣренностью ввѣряемъ изысканіе и употребленіе всякихъ средствъ и мѣръ къ прекращенію продолжающихся безпокойствъ по лучшему вашему усмотрѣнію

* Рукѣ Екатерины на поляхъ отгѣчено: „Сей манифестъ на сей часъ остается.“

представляющихся удобностей, уполномочиваемъ мы васъ сверхъ того дѣлать отъ себя и собственнымъ вашимъ именемъ всякія письменныя и печатныя объявленія, естли вы когда въ томъ нужду признаете для пользы и поспѣшествованія порученнаго вамъ дѣла толикой важности.

„Да будетъ вамъ благодать Всевышняго спутникомъ и руководителемъ, мы же усердно о томъ Его моля, пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Петербургѣ, іюля 29-го дня 1774 г.“

Въ отверстомъ указѣ предписывалось: „По всѣмъ требованіямъ или приказаніямъ графа Панина чинить, безъ всякаго отлагательства, упущенія или отговорки, скорое и непремѣнное исполненіе, подобно какъ бы оныя собственно и непосредственно отъ насъ происходили.“

По словамъ Я. К. Грота, въ дѣлахъ сохранилась слѣдующая записка:

„1. Подлежитъ сообщить генералу графу Панину всѣ наставленія, данныя покойному генералу Бибикову и двумъ учрежденнымъ въ Казани и Оренбургѣ секретнымъ комиссіямъ, равно какъ и полученныя отъ нихъ до сихъ поръ доношенія и рапорты.“ Противъ этого пункта собственноручная отмѣтка Екатерины: *При сихъ комиссіяхъ находится особенный отъ насъ опредѣленный генералъ-майоръ Потемкинъ. Онъ, что впродъ происходитъ будетъ, сообщитъ нужныя свѣдѣнія.*

„2. Для лучшей удобности и для избѣжанія могущихъ повстрѣчаться разныхъ коллизій не повелѣно ли будетъ препоручить оныя комиссіи въ вѣдомство графа Панина?“ Резолюція императрицы: *Нѣту, для того что оная подо мною.*

Третьимъ пунктомъ той же записки испрашивалось повелѣніе о денежныхъ средствахъ для Панина. Пунктъ этотъ остался безъ отмѣтки, но особымъ высочайшимъ повелѣніемъ новому главнокомандующему отпущено 5.000 рублей на подъемъ и 5.000 руб. на чрезвычайныя канцелярскіе расходы.

Кромѣ этихъ интересныхъ документовъ, сохранилось чрезвычайно важное по содержанию письмо императрицы къ гр. Ал. Потемкину, относящееся до назначенія Петра Панина. Письмо это, бросающее яркій свѣтъ на тогдашнія обстоятельства и показывающее какую силу воли должна была имѣть императрица, рѣшаясь на назначеніе Панина, мы приводимъ цѣликомъ:

„Увидишь изъ приложенныхъ къ сему штукъ, что господинъ графъ Панинъ изъ брата своего изволитъ дѣлать

властителя съ безпредѣльною властью въ лучшей части Имперіи, то-есть Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерніяхъ, а sous entendu есть и прочія. Что если я подпишу, то не только князь Волконскій будетъ огорченъ и смѣщенъ, но я сама ни малѣйше не сбережена, но предъ всѣмъ свѣтомъ перваго врага и мнѣ персональнаго оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ Имперіи хвалю и возвышаю. Вотъ вамъ книги въ руки, изволь читать и признавай, что гордыя затѣи сихъ людей всѣхъ прочихъ выше.

„При семь прилагаю и Бибикова инструкцію для confronterie, и тотъ пунктъ не худъ, гдѣ сказано, что всѣхъ людей, гдѣ бъ они ни были, онъ можетъ какъ, гдѣ и когда хочетъ (казнить смертью).“ *

Гдѣ именно помѣщенъ былъ пунктъ о казняхъ, нельзя заключить по имѣющимся у насъ документамъ. Впрочемъ, если право производить казни не было предоставлено Панину отдѣльнымъ пунктомъ, то данныя ему полномочія разрѣшали всякаго рода распоряженія и дѣйствія. Такъ Панинъ и смотрѣлъ на свои въ этомъ отношеніи права, какъ мы это увидимъ изъ дальнѣйшаго разказа.

Если черновую рескрипта и дополнительные пункты принять за тѣ „штуки“ которыя императрица посылала къ гр. Алекс. Потемкину, то слѣдуетъ сказать, что измѣнена была только форма, а не сущность предложеній канцлера.

Князя Волконскаго императрица увѣдомила о назначеніи Панина слѣдующею запиской:

„Какъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ чрезъ брата своего мнѣ представилъ желаніе быть употребленнымъ къ утушенію бунта, то я, снисходя на его прошенье, опредѣлила его къ тому, какъ вы изъ приложенной копіи съ указа усмотрите.“
Юля 29-го 1774 г. изъ Петергофа. **

Назначеніе Панина совершенно измѣнило его положеніе въ Москвѣ. Изъ лица состоявшаго подъ надзоромъ полиціи онъ сдѣлался первымъ довѣреннымъ сановникомъ императрицы. Она справедливо боялась чтобы между имъ и княземъ Волконскимъ не произошло недоразумѣній. „Для Бога, для меня и для государства, писала она послѣднему, *** — если

* Г. Лебедевъ, стр. 116

** *Осмадцатый стѣкъ*, кв. I, стр. 114.

*** Тамъ же, стр. 115.

между вами есть несогласіа, оставьте ихъ и сдѣлайте въ семь случаѣ дружелюбно общее дѣло, дабы тѣмъ наискорѣе истребить народнаго злодѣя. Вашими распоряженіями я довольна и желаю вамъ всякаго блага. Ободрите духовъ и дайте имъ вашей и моей бодрости при сихъ печальныхъ, но отнюдь не отчаянныхъ обстоятельствахъ.“

Князь Волконскій успокаивалъ императрицу. „Всемиловѣйшее ваше мнѣ повелѣніе о бытіи съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ въ добромъ согласіи. Мнѣ столь сіа монаршая милость чувствительна, что ежели бъ и подлинно въ непримиримой злобѣ я съ нимъ былъ, то конечно бъ для пользы службы вашей и для общаго добраго успѣха, а паче всего исполняя волю вашу государскую, всѣ бы остатки въ сердцѣ недружбы выкинулъ; но по истинѣ, всемиловѣйшая государыня, я никакой злобы противъ него не имѣю, развѣ только какъ обыкновенно между равными бываетъ *jealousie de metier*; но и то все оставилъ чистосердечно, и во всемъ ему, что до меня касаться будетъ, стану искренно и усердно помогать. Помогите ему Всевышній положенное на него великое дѣло исправить, что и не сумнѣваюсь, довольно зная его способныя качества и усердіе и добрый духъ.“

Съ такою же просьбой обращалась императрица и къ графу П. Панину, прося его „всячески имѣть согласіе и сношеніе съ княземъ Михаиломъ Никитичемъ“. Графъ Панинъ, завѣривъ что онъ въ дѣла по службѣ никогда не вмѣшивалъ и не будетъ вмѣшать личныхъ чувствъ вражды или мщенія, прибавляя: „съ княземъ Михаиломъ Никитичемъ отъ самой нашей молодости не имѣли мы и не имѣемъ ничего развращающаго пріятельскій союзъ нашъ, который по высочайшей волѣ вашей сохранить я еще сугубѣе всячески тщиться буду.“*

Отношенія между двумя главнокомандующими были наилучшія, но Панинъ старался подчинить себѣ князя Волконскаго. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужили Панину полученныя имъ донесенія переяславской провинціальной канцеляріи и находившагося въ мѣстечкѣ Уромѣ капитана Година. Они доносили о появленіи въ Инсарѣ мятежнической шайки, въ коей одинъ человекъ назывался Петромъ Третьимъ, о разграбленіи чернью Красной слободы, Троицка и

* Я. К. Гротъ, *Зап. Имп. Акад. Наукъ*, 1863 г., т. III.

Темникова. Донося императрицѣ (13-го августа, № 5) что такимъ образомъ волненіе распространяется и на губерніи Московскую и Воронежскую, которыя ему не подчинены, а потому и просить о назначеніи кого-либо для приведенія ихъ къ должному повиновенію.

Отвѣтъ на это послѣдовалъ уклончивый, но показавшій Панину что возобновлять представленій не слѣдуетъ. „Нужды нѣтъ на сей случай снабдить васъ новыми повелѣніями, ибо въ инструкціи вашей сказано, что вамъ ввѣряется политическое, военное и гражданское управленіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ коснулась зараза пугачевского злодѣяства или же которыхъ она приближаться станетъ.“ *

Назначеніе Петра Панина вызвало въ Москвѣ общее удовольствіе дворянства. Самъ Панинъ любилъ потому разказывать что дѣйствія дворянъ были чрезвычайно вялы, когда предполагалось назначить начальникомъ собраннаго ими ополченія графа Петра Борисовича Шереметева, и что напротивъ не жалѣли никакихъ жертвъ, когда назначили его предводителемъ войскъ.

Указъ о своемъ назначеніи графъ Панинъ получилъ 2-го августа и выѣхалъ изъ Москвы 17-го. Его упрекаютъ въ такой медленности, но упрекъ этотъ не основателенъ. Войска назначенныя въ распоряженіе князя Волконскаго и перешедшія къ Панину только что сходились въ Москву; ѣхать безъ нихъ не было никакой нужды, да и грозило опасностью. Направленіе мятежныхъ шаекъ никто не зналъ навѣрное. Панинъ, по совѣщанію съ Волконскимъ, нашелъ необходимымъ не удаляться отъ Москвы впередъ до выясненія обстоятельства о томъ, не пойдетъ ли Пугачевъ чрезъ Шацкъ къ

* Я. К. Гротъ, *Зап. Имп. Акад. Наукъ*, 1863 г., т. III. Въ письмѣ отъ 26-го іюля, Панинъ, предлагая себя на усмиреніе Пугачевщины и говоря о своихъ увѣчныхъ припадкахъ, просилъ назначить къ нему особаго генерала могущаго заступитъ его „въ такомъ приключеніи“, дабы не случилось тѣхъ недоразумѣній какія были послѣ смерти Бибикова. Академикъ Гротъ говоритъ: „назначеніе Суворова было отвѣтомъ на просьбу, заключающуюся въ этихъ строкахъ“. Впрочемъ, Я. К. Гротъ сейчасъ же, въ примѣчаніи, оговариваетъ, что Суворовъ былъ назначенъ 28-го іюля, а первый разъ о немъ писано еще 29-го марта. Все это показываетъ что Суворовъ не былъ назначенъ къ Панину для заступленія его мѣста, и вообще надо заключить что императрица не находила нужнымъ назначать такого генерала, особенно когда по предварительнымъ ея распоряженіямъ посланъ уже былъ туда Суворовъ.

Москвѣ. Для наблюденія за положеніемъ умовъ окрестнаго населенія и за мятежниками еще прежде княземъ Волконскимъ посланъ былъ генераль-маіоръ Чорба, который и занялъ позицію между рѣками Москвой и Клязьмой. На совѣщаніяхъ главнокомандующихъ было положено, что Панинъ не удалится отъ занятой Чорбою позиціи, пока Пугачевъ не перейдетъ за Оку или пока не придутъ въ Москву новые полки, достаточные для ея обезпеченія. Императрица не вѣрила чтобы „вдругъ исчезнуда громада сія тогда, когда опаснѣе всего казалась“; она боялась чтобы мятежники не сдѣлали въ самомъ городѣ „пакость какую ни на есть“, и одобрила рѣшимость Панина остаться на нѣкоторое время въ Москвѣ.

Время промедленія однако не терялось даромъ. Условлено было оставить князю Волконскому для московскаго гарнизона два эскадрона гусаръ, два пѣхотныхъ, одинъ кирасирскій и два казачьихъ полка, а остальные войска, въ числѣ одного драгунскаго, одного казачьяго и двухъ пѣхотныхъ полковъ, двухъ эскадроновъ гусаръ и одной полевой команды воступили въ команду графа Панина * и по мѣрѣ прибытія ихъ къ Москвѣ немедленно направлялись далѣе. Главнымъ поводомъ къ ихъ отправленію послужило донесеніе Михельсона о встрѣчаемыхъ имъ затрудненіяхъ и остановкахъ пути отъ возмущенія жителей въ мѣстахъ чрезъ которыя пролились шайки самозванца. Первый отрядъ, составленный изъ трехъ эскадроновъ кавалеріи, двухъ орудій и тридцати человекъ Донскихъ казаковъ, ввѣренъ былъ полковнику Древицу и отправленъ изъ Москвы 9-го августа.

Древицу приказано было идти на Переяславль Рязанскій, Сапожокъ и Шацкъ, къ рѣкѣ Цнѣ, охраняя путь отъ Тамбова къ Москвѣ и распуская вездѣ слухъ, что сзади его идетъ главнокомандующій съ десятью тысячами войска, для которыхъ и долженъ былъ приказать заготовить по дорогамъ Тамбовской, Шацкой и Касимовской, идущей къ Саранску, достаточное продовольствіе: въ большихъ селеніяхъ на одинъ,

* Дѣло № 26.429, рапортъ Панина, 3-го августа 1774 г. № 1., изъ Москвы. Сверхъ того князь В. М. Долгоруковъ, узнавъ о безпорядкахъ, послалъ къ Волгѣ генераль-поручика графа Пушкина съ Рязанскими пѣхотнымъ и двумя карабинерными полками, десятью эскадронами гусаръ, тремя эскадронами драгунъ и 500 чел. пѣхоты. Рескриптъ императрицы Панину, отъ (?) августа 1774 г., въ томъ же дѣлѣ.

а въ городахъ на три дня. Этими разглашеніями Панинъ разчитывалъ произвести вліяніе на чернь которая всюду волновалась, и не видя войскъ, во многихъ мѣстахъ предавалась неистовствамъ. Усмиреніе черни и укрощеніе духа возмущенія въ народѣ казалось Панину болѣе всего важнымъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Онъ опасался чтобы въ случаѣ даже поимки Пугачева кто-либо не назвалъ его именемъ, и предполагалъ ввести войска въ губерніи охваченныя мятежомъ. Заключение мира съ Турками, по мнѣнію главнокомандующаго, давало возможность располагать войсками ненужными теперь на юго-западной границѣ. До прибытія же войскъ Панинъ считалъ полезнымъ, для обузданія черни, разослать по городамъ генераловъ съ небольшими конвоями, съ правомъ наказывать неповинующихся; по мнѣнію его, одно появленіе мундировъ и знатныхъ чиновниковъ должно было повести къ желаемому обузданію.

Древицу, начальнику перваго отряда высланнаго Панинымъ, дозволялось, въ случаѣ надобности, наказывать виновныхъ публичною смертію и тѣлесно, *соображаясь со своею совѣстью и милосердіемъ государыни*. Особенно ему указывалось стараться изловить злодѣя, за что онъ, сверхъ награжденія отъ монархини, получить „благодарность отъ всѣхъ сыновъ россійскихъ“, а для него, Панина, сдѣлается „не подчиненнымъ, а обязательнымъ всегда другомъ“. Наконецъ, Древицу предписывалось объявить всѣмъ подчиненнымъ, что доставивъ Пугачева живаго или мертваго, они награждены будутъ чинами, деньгами, смотря по званію каждаго. Въ отрядѣ требовалось соблюдать строгую дисциплину дабы дать тѣмъ почувствовать жителямъ разницу между поведеніемъ войскъ и мятежническихъ шаекъ.

17-го августа отправился изъ Москвы и самъ Панинъ, сопровождаемый, какъ пишетъ кн. Волконскій (19-го августа 1774 г., дѣло № 26.429), генераль-маіоромъ Чорбой съ полками: Владимірскимъ драгунскимъ, Великолуцкимъ пѣхотнымъ и Краснощекова казачьимъ. У полковника Древица (по тому же источнику) было два эскадрона гусаръ и, сверхъ полковой артиллеріи, восемь орудій, рота гренадеръ Нарвскаго пѣхотнаго полка и четыре мушкатерскія роты съ двумя пушками.

Ока была границей отдѣлявшею Московскую губернію отъ губерній отданныхъ въ управленіе Панина, а потому онъ и

не дѣлалъ никакихъ общихъ объявленій и распоряженій до перехода Оки. Переходъ этотъ состоялся 23-го августа, и въ этотъ день графъ П. Панинъ издалъ первыя свои распоряженія, въ которыхъ объявляетъ между прочимъ о страшныхъ казняхъ и наказаніяхъ за содѣйствіе мятежникамъ.

Причины по коимъ графъ Панинъ рѣшался прибѣгнуть къ казнямъ, онъ описываетъ такимъ образомъ:

„Чѣмъ далѣе вдаюсь я въ сей край, то открывается во всей чернѣ злодѣево бунтовщичье возженіе и предубѣжденіе предразсудка о немъ болѣе, по которому всякія обстоятельства подлость превращая къ его видамъ, не оставила и такое дерзновеніе произнестъ, что я, какъ братъ дядьки его императорскаго высочества, ѣду встрѣтить съ хлѣбомъ и солью.“ Посему графъ Панинъ считалъ казни необходимою и соглашался принять „съ радостью пролитіе проклятой крови такихъ государственныхъ злодѣевъ на себя и чадъ своихъ“.*

При переходѣ Оки, Панинымъ издано было два объявленія: одно обѣщавшее амнистію компрометтированнымъ лицамъ, если они оставятъ мятежъ, а другое исчисляло рядъ мѣръ которыя главнокомандующій считалъ долгомъ принять для водворенія порядка.

Говоря о лютыхъ и ужасныхъ поступкахъ богомерзкаго Емельки Пугачева и сообщниковъ, первое объявленіе разказываетъ происхождение самозванца, „адскаго человѣка, въ котораго, безъ сомнѣнія, вселился злой духъ враждующій роду человѣческому“ и который „принялъ на себя имя покойнаго императора Петра III, который тому уже двѣнадцать лѣтъ скончался и при собраніи дѣлаго города Санктпетербурга погребенъ всенародно въ Невскомъ монастырѣ. Кто не вѣритъ тому что многія тысячи нынѣ живыхъ людей видѣли своими глазами, тотъ долженъ быть подобенъ безсмысленному животному; а кто тому вѣря, утверждаетъ однако первыхъ въ слѣпотѣ ихъ разсудка, тотъ есть врагъ истины, врагъ отечества, возмутитель и достойный сопреступникъ Емельки Пугачева.“ Потомъ онъ продолжаетъ, что мечъ Помазанницы Всевышняго обнаженъ на преступниковъ, что обѣ арміи

* Репортъ графа Панина изъ села Ухолова отъ 25-го августа 1774 года. слѣдуетъ замѣтить, что всѣ бумаги графа П. Панина писаны весьма туго и не всегда грамотно. Не такъ писали современники его: князь Волконскій и А. И. Бибиковъ.

входятъ спѣшно въ отечество по заключеніи мира, и что оны въ отмщеніе невинной крови стремятся на истребленіе злочестивцевъ, мятежниковъ и богопротивниковъ, но прежде нежели приступитъ оны къ истребленію съ лица земли памяти злодѣевъ, оны увѣщаютъ ихъ раскаяться и вступить въ повиновеніе на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Кто оставитъ Пугачева — получить прощеніе.

2. Кто доставитъ Пугачева живаго, получить десять тысячъ рублей; мертваго — пять тысячъ рублей и многія преимущества.

3. Кто привезетъ живаго или мертваго кого изъ старшихъ его — получить награжденіе.

4. Кто представитъ подговорщиковъ къ возмущенію противъ помѣщиковъ — получить прощеніе и награжденъ будетъ деньгами.

5. Кто извѣститъ о силѣ и намѣреніяхъ Пугачева — получить награжденіе.

6. Кто подговоритъ многихъ отстать отъ него — получить то же.

7. Кто послушавшись господъ своихъ и держа ихъ подъ карауломъ, освободитъ ихъ — будетъ прощень.

8. Кто освободя изъ рукъ держателей господъ ихъ, представитъ таковыхъ злодѣевъ — получить награжденіе.

За симъ послушавшіеся сего объявленія — подвергнутся смертной казни.

Второе объявленіе выписываемъ дословно; оно важно, показывая программу дѣйствій Панина и дополняя вышенаведенное. *

„1774 года 23-го августа, по указу ея императорскаго величества и по данной мнѣ полной мочи за собственноручнымъ подписаніемъ, на усмиреніе производимаго нынѣ въ государствѣ бунта измѣнникомъ съ его сообщниками и самозванцемъ Пугачевымъ въ имени императора покойнаго Петра III, который, извѣстно всему государству, двѣнадцать лѣтъ тому скончался и предъ глазами всего Петербурга похороненъ въ Невскомъ монастырѣ, по усмотрѣнію на мѣстѣ удобнѣйшихъ средствъ не только къ пресѣченію сего бунта, но и къ

* Это совершенно неизвѣстное объявленіе напечатано г. Рябининымъ въ его сочиненіи *Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранныя офицерами генеральнаго штаба. Уральское казачье войско. Часть II, стр. 57 — 59.* Эти добросовѣстные труды гг. офицеровъ генеральнаго штаба, къ сожалѣнію, мало извѣстны публикѣ.

возвращенію въ прежнее вѣрноподданское повиновеніе ея императорскому величеству законно владѣющей скипетромъ всероссийскимъ императрицѣ Великой Екатерины II всѣхъ возмущившихся и заразившихся симъ бунтомъ ея величества подданныхъ, предполагаю я сихъ по государственнымъ измѣнниковъ и сообщниковъ его законамъ, поступать по нижеписанному:

„1. Во всѣхъ тѣхъ городахъ и селеніяхъ, въ которыхъ обыватели поднимали свои руки, или способствовали только помѣжъ и предствательству въ руки измѣнниковъ, на смертное убійство своихъ воеводъ, всякихъ постановленныхъ отъ ея величества начальниковъ, собственныхъ помѣщиковъ, священниковъ и всякаго званія вѣрноподданныхъ, и съ тѣхъ какъ самихъ убійцъ, такъ и съ предателей поводчиковъ, изготова напередъ по христіанскому закону, казнить смертию отрубленіемъ сперва руки и ноги, а потомъ головы, и тѣло класть на колесы у проѣзжихъ дорогъ.

„2. Всѣхъ безъ изъятія послѣдователей за таковыми бунтовщиками съвѣ жестоко при висѣлицахъ плетми.

„3. Ради таковой кары при всѣхъ тѣхъ селеніяхъ которыя бунтовали, или хотя ослушными противу законнаго начальства сказывались, поставить и впредь до указа не велѣть снимать по одной висѣлицѣ, по одному колесу и по одному маголю для вѣшанія за ребро.

„4. Естли заводчиковъ въ убійствахъ учрежденныхъ начальниковъ, собственныхъ помѣщиковъ, священниковъ и всякаго званія вѣрныхъ подданныхъ никакими настоящими обличеніями изыскивать будетъ гдѣ нельзя, то въ таковыхъ селеніяхъ гдѣ начальники, священники и всякаго званія вѣрноподданные умертвлены или преданы ихъ же поселянами, присудить къ выдачѣ заводчиковъ метаніемъ между ними жребія для повѣшанія третьяго, а ежели и симъ средствомъ они ихъ не выдадутъ, то и дѣйствительно съ того между таковыми съ жеребья повѣсить, а остальныхъ всѣхъ взрослыхъ пересѣчь жестоко плетми.

„5. Всѣхъ поселянъ возвращенныхъ сими средствами въ прежнюю подданническую вѣрность къ ея императорскому величеству нашей всемилостивѣйшей государынѣ и въ должное повиновеніе своихъ начальниковъ и помѣщиковъ утвердить въ томъ цѣлованіемъ Евангелія и креста объявить: что если кто изъ нихъ дерзнетъ впредь какимъ-нибудь образомъ приобщаться къ бунтовщикамъ, или утверждать самозванца настоящимъ Петромъ III, который 12 тому лѣтъ всему государству уже извѣстно подлинно скончался, или кто сдѣлаетъ малѣйшее послушаніе воеводамъ, канцеляріямъ, всякимъ надъ собою начальникамъ и собственнымъ помѣщикамъ, а другіе таковыхъ заводчиковъ или подсылныхъ отъ государственныхъ бунтовщиковъ не свяжутъ и въ ближайшіе канцеляріи или въ воинскую команду не представляютъ, за то въ

самой скорости присланными изъ войска команды генерала графа Панина, состоящаго теперь здѣсь внутри земли, всѣ въ таковыхъ селеніяхъ безъ изъятія возрастныя мужики будутъ казнены мучительнѣйшими смертями, жены и дѣти ихъ отданы въ рабство, а земли во владѣніе бывшимъ всегда въ вѣрности къ ея императорскому величеству подданнымъ и помѣщикамъ.

„6. Еслибъ паче чаянія, чего до сихъ поръ еще не произошло и ожидать почти не возможно, чтобъ нашлись заслужившіе по вышесказанному предложенію наказаніе смертной казни или тѣлеснаго истязанія, дворяне или имѣющіе офицерскіе и выше чины, также и духовнаго рукоположенія, таковыхъ по изобличеніи содержатъ прикованными къ стѣнамъ на хлѣбъ и водѣ, а о дѣйствительномъ ихъ показаніи представлять генералу графу Панину чрезъ нарочныхъ.

„7. Въ тѣхъ селеніяхъ въ которыхъ собственными обывателями что казеннаго или помѣщичьяго разграблено, оное принуждать обратно возвращать, съ тѣмъ угроженіемъ, если что изъ такого пограбленнаго и собственно собою не возвращеннаго впредь отыщется, то таковой непременно будетъ повѣшенъ. На подлинномъ подписано тако: графъ Петръ Панинъ 23-го августа 1774 года.

Императрица, не рѣшавшаяся давать Панину полномочія на казни, не отмѣнила теперь сдѣланнаго имъ распоряженія. Вотъ что писала она ему: „Презрительныя и глупыя о васъ заключенія черни таковой, кои прельщаются и прилѣпляются къ злодѣю ихъ самихъ разоряющему единою жадностью ея по несчастію природною къ грабежу, не достойны производить въ васъ малѣйшаго оскорбленія, ибо оно происходитъ отъ людей святости церкви и престола не почитающихъ, въ безумствѣ и необузданности своей; печатное ваше объявленіе, которое вы переѣхавъ Оку издали, весьма сходственно сочинено съ сими обстоятельствами и въ простомъ и очень понятномъ для подлаго народа слогѣ и довольно явственно доказываетъ съ какимъ хлѣбомъ и солью вы намѣрены встрѣтить общественнаго врага; конечно вездѣ тутъ гдѣ чувство осталось дѣйствовать будетъ; строгія же мѣры, кои вы намѣреваетесь употребить гдѣ правосудіемъ не предупредите, конечно удержать предпріятія сего изъ послушанія властей выступившаго вѣтреннаго народа, и хотя чувства сердца моего весьма отдалены, не токмо отъ употребленія суровыхъ казней, но и самой строгости, однако признаю съ вами, что въ теперешнемъ случаѣ казнь нужна, по несчастію, для блага Имперіи; а только единственно предписываю вамъ вездѣ

колько можно сходственно всегдашнему моему челоуѣколюбію и милосердію поступать съ самыми злодѣями и при самой казни имѣть всегда въ памяти вашей, что я и при семъ случаѣ неунако какъ мать, обливающаяся слезами при нужномъ наказаніи дѣтей своихъ непослушныхъ.“

Послѣ Панинъ поспѣшилъ увѣрить императрицу, что высказанныя имъ въ объявленіи угрозы насчетъ казни въ возставшихъ селеніяхъ всѣхъ безъ изъятія взрослыхъ мужиковъ и отдачи другимъ ихъ женъ, дѣтей и земли * онъ никогда исполнить себѣ не позволитъ.

Гораздо позже, а именно въ рескриптѣ отъ 30-го ноября 1774 года, указывалось Панину прекратить казни. „Не могу удержаться вамъ дать примѣтить, что чувствительность сердца моего заставляетъ меня сдѣлать, дабы нигдѣ суровая казнь мѣста не имѣла, а прочія нигдѣ, кромѣ крайности, употребляемы не были, наиприлежнѣйше препоручаю недреманному вашему, за подчиненными вамъ мѣстами и самими губернаторами, бдѣнію.“ **

II. Военныя дѣйствія.

Отъ перехода Пугачевымъ Волги до самаго разбитія его между Царицынымъ и Чернымъ Яромъ замѣчательныхъ въ военномъ отношеніи стычекъ войскъ съ мятежническими шайками не было; тѣмъ не менѣе, время это чрезвычайно важно для изученія. Пугачевъ, какъ неудержимая буря, шель впередъ съ невѣроятною быстротой. Преслѣдующія его войска тоже до-нельзя развили скорость своего движенія. На протяженіи 1.300 верстъ, отъ селенія Сундырь, гдѣ переправился Пугачевъ, до мѣста послѣдняго сраженія, происходила бѣшеная скачка, которой мало можно найти примѣровъ въ исторіи. Являлся куда-либо самозванецъ или его шайка, все приходило въ трепетъ; сотни жертвъ падали подъ ударами злодѣевъ. Вслѣдъ за нимъ приходили войска и силою обстоятельствъ должны были, возстановляя порядокъ, прибѣгать къ строгимъ наказаніямъ и казнямъ. Вторая половина іюля и

* Довесеніе отъ 30-го августа 1774 г., № 11, изъ Шацка.

** *Допросъ Пугачеву*, стр. 54.

августъ мѣсяцъ 1774 года разразилась тяжкою грозой надъ приволжскими губерніями.

Разбитый подъ Казанью 15-го іюля, Пугачевъ бросился вверхъ по Волгѣ. До поздней ночи бѣжалъ онъ не останавливаясь; ночью ушли отъ него всѣ бывшіе съ нимъ Башкирцы, изъ нихъ остался одинъ старшина Кладжа. Тогда у Пугачева было не болѣе 500 человекъ, но за то изъ числа самыхъ приверженныхъ и готовыхъ на все. Захвативъ плывшія по Волгѣ купеческія суда, Пугачевъ ихъ разграбилъ, и сдѣлавъ изъ судовъ досчатый мостъ,* перешелъ на правый берегъ Волги 17-го іюля около Кокшайскаго перевоза. Экономическое село Сундырь, лежавшее напротивъ перевоза, недружелюбно встрѣтило самозванца, жители не оказали мятежникамъ никакой помощи и разбѣжались по лѣсамъ. Пугачевъ приказалъ зажечь село. Быстро разнеслось по окрестностямъ что пришелъ батюшка государь Петръ Федоровичъ, дающій волю и истребляющій огнемъ и мечомъ все ему сопротивное. Легко понять какое впечатлѣніе должны были произвести эти слухи на темный людъ. Перейдя Волгу, Пугачевъ очутился въ самомъ сердцѣ крѣпостнаго права; тутъ-то собственно и началась Пугачевщина.

Вѣроятно около этого времени разрѣшился вопросъ: идти на Москву или нѣтъ. Предъ сраженіемъ подъ Казанью 15-го іюля, Пугачевъ приказалъ читать предъ своими толпами манифестъ, въ которомъ говорилось, что взявъ Казань, онъ пойдетъ въ Москву принимать царство. Разбитіе Михельсономъ и настойчивое преслѣдованіе чугуевскихъ казаковъ по лѣвому берегу Волги заставили Пугачева перейти на правый берегъ; идти на Москву съ небольшою шайкой было опасно; напротивъ, богатство лежащихъ на нижней Волгѣ городовъ давало надежду усилиться и возможность, въ случаѣ крайности, перейти опять въ завожскія степи и на Яикъ. Такъ какъ болѣшую часть толпы Пугачева составляли тогда яцкіе казаки, то весьма правдоподобно что они имѣли большое вліяніе на избраніе пути къ низовьямъ Волги.

По переходѣ чрезъ Волгу, предъ толпой самозванца и при околномъ народѣ разыграна была сцена отправленія посланца въ Петербургъ. Находившійся у Пугачева подъ

* Показаніе солдата Корелева, дѣло № 26429, статья 95.

именемъ купца Ивана Иванова, ржевскій купецъ Долгополовъ предъ толпой говорилъ Пугачеву: „Время теперь, батюшка, надежа государь, ѣхать возвратно къ твоему Павлу Петровичу и объявить ему что ваше величество перешелъ съ арміей за Волгу, и чтобы поспѣшаль съ обѣщанною силой къ тебѣ на помощь скорѣе.“

Пугачевъ самъ разказывалъ послѣ, * что хотя и зналъ что посылать къ его высочеству не есть дѣло возможное, но при всемъ народѣ высыпалъ Долгополову изъ полы своей 50 руб. денегъ и отправилъ его въ Москву, „дабы тѣмъ утвердить въ мысляхъ невѣждъ, что злодѣи не только не самозванецъ, но ожидаетъ подкрѣпленія себѣ“.

Подходя къ городу Цивильску, Пугачевъ послалъ туда казака Чумакова для взятія лошадей. Мѣстныхъ власти отказали. Тогда Чумаковъ схватилъ воеводу, коллежскаго ассесора Петра Копьева, штатной команды прапорщика Алексыя Абаринаова, секретаря Попова, съ женами, и повѣсилъ ихъ. Народъ принялъ Пугачева, который вѣхалъ въ городъ.

Не привыкшіе еще къ казнямъ, жители Цивильска жаловались самозванцу на поступокъ Чумакова, говоря: „Они-де не противились, такъ за что повѣсили нашихъ господъ?“

Пугачевъ отвѣчалъ: „Хотя-де ему приказу и не дано было, но теперь не поворотиться; такъ и быть.“

Вѣсти о появленіи Пугачева, казняхъ дворянъ и освобожденіи крестьянъ разносились быстро во всѣ стороны, и когда, въ восьмомъ часу пополудни, 20-го іюля, онъ приближался къ городу Курмышу, то чернь вышла ему на встрѣчу съ образами, хлѣбомъ и солью. Однако дворяне и горожане почти всѣ разбѣжались. Нѣсколько схваченныхъ дворянъ и канцеляристовъ немедленно были повѣшены. Казаки пригнали инвалидную команду. Увидя повѣшенныхъ, команда пришла въ трепетъ. Нижнимъ чинамъ команды и всѣмъ собравшимся къ лагерю Пугачева былъ прочитанъ манифестъ, коимъ самозванецъ, „объявляя себя всему народу якобы природный государь и что истребленъ былъ со Всероссийскаго престола дворянствомъ, а нынѣ десницею Всевышняго сохраненъ и слѣдуетъ для принятія россійскаго престола въ Москву, и за то черни обѣщаетъ казенную соль безъ денегъ давать, а податей и солдатства не брать на пять лѣтъ, и дать имъ

* Докриси ево, стр. 43.

вольность, а дворянскій родъ весь искоренить“. Потребована была присяга. Начальникъ инвалидной команды секунд-майоръ Василій Юрловъ и одинъ унтеръ-офицеръ воспротивились присягѣ и тотчасъ же были повѣщены, а всѣ прочіе солдаты и жители присягнули: государю Петру III императору, государынѣ императрицѣ Устинѣ Петровнѣ и наследнику цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу и супругѣ его благовѣрной государынѣ и великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ *. Между тѣмъ городъ, оставленный жителями, разграбленъ казаками; не были пощажены и церкви: соборная Николаевская и Троицкая.

Взявъ солдатскія ружья и аммуницію, Пугачевъ, пробывъ въ городѣ пять часовъ, переправился чрезъ Суру вплавь, и пошелъ далѣе. Въ городѣ онъ оставилъ малое число своихъ приверженцевъ и не взялъ даже инвалидовъ солдатъ, такъ, должно-быть, они показались ему плохи.

Особенному преслѣдованію мятежниковъ подверглось духовенство. До сего времени оно еще было вѣрно правительству, а между тѣмъ признаніе имъ самозванца было для него особенно важно. Устрашеніе было въ то печальное время универсальнымъ средствомъ, и къ нему-то обратился Пугачевъ. Въ Ядринскѣ и Курмышѣ предано смерти до 77 лицъ духовнаго званія, какъ-то: священниковъ, дьяконовъ, дьячковъ, пономарей, а равно и ихъ женъ. Мѣра эта, какъ увидимъ ниже, въ самомъ короткомъ времени принесла ожидаемые отъ нея Пугачевымъ плоды.

23-го іюля мятежники приближались къ Алатырю. Воевода, подполковникъ Бѣлокопытовъ, взявъ нѣсколько солдатъ, бѣжалъ, но успѣлъ захватить всѣ деньги, кромѣ мѣдной монеты. Жители города встрѣтили самозванца съ хлѣбомъ-солью и колокольнымъ звономъ. Въ Алатырѣ была первая остановка Пугачева; здѣсь онъ пробылъ два дня. Казенное вино было все выпущено; до 31.000 пудовъ соли роздано народу; неуверенныя Бѣлокопытовымъ мѣдныя деньги, всего около 27.000

* Приведенныя цитаты взяты изъ рапорта Курмышской инвалидной команды въ котору военной коллегіи, 27-го іюля 1774 г., дѣло № 26.429. Оканчивая свой рапортъ, команда писала, что за нарушеніе присяги „приноситъ христіанское покаяніе и слезно проситъ отпущенія“. Команда и ея начальники были помилованы, съ тѣмъ чтобы „слова привести ихъ къ присягѣ, покрывъ ихъ знаменемъ, какъ таковыхъ, кои поступкомъ своимъ уже лишились честнаго званія“.

рублей, разбросаны въ толпы крестьянъ, со всѣхъ сторонъ стекавшихся посмотрѣть на царя батюшку, услышать указъ объ освобожденіи изъ-подъ власти помѣщиковъ и получить приказъ хватать своихъ господъ и представлять ихъ начальству.

Вслѣдъ за появленіемъ пугачевскихъ шаекъ начинались беспорядки въ спокойномъ до того краѣ. Помѣщики нигдѣ не думали объ оборонѣ; по первому извѣстію о приближеніи бунтовщиковъ, они бросали все свое имущество и съ семействами спасались, если возможно, въ ближайшіе города, а по бѣльшей части укрывались въ лѣсахъ. Собирались огромныя толпы, грабившія имущество помѣщиковъ и разыскивавшія всюду дворянъ. Въ Курмышскомъ уѣздѣ образовалась огромная, въ 700 человекъ, шайка Чувашей; они нападали даже на воинскія команды и пытались взять городъ Ядринъ. Все чтѣ было не въ крестьянскомъ платьѣ подвергалось насилію, побоямъ, а часто и смерти.

Д. Б. Мертваго, въ своихъ запискахъ*, представляетъ потрясающую картину тогдашняго положенія дѣлъ въ Алатырскомъ уѣздѣ. Не было ни одной деревни не возставшей на призвъ Пугачева. Нѣсколько коноводовъ увлекали цѣлыя селенія не столько убѣжденіемъ, сколько силой и угрозами. Были люди которые, чтобы доказать что они не за дворянъ, публично наносили побои членамъ семействъ своихъ помѣщиковъ и тѣмъ сами спасали себя отъ разъяренной черни; затѣмъ, въ заботахъ о своей безопасности, разыскивали самихъ помѣщиковъ и предавали ихъ смерти съ цѣлюю избѣгать мести за предательство. Такимъ образомъ, между прочими, погибъ отецъ Д. Б. Мертваго.

Записки Мертваго даютъ возможность подробнѣе сказать объ участи Алатыря и перенесенныхъ имъ бѣдствіяхъ. Мы уже видѣли что воевода Бѣлокопытовъ не отважившись защищаться противъ Пугачева, бѣжалъ изъ города, но взялъ съ собою всю казну, кромѣ мѣдной монеты. Прапорщикъ инвалидной команды Сердешевъ бѣжать не успѣлъ, явился къ Пугачеву и принялъ присячу. Самозванецъ назначилъ его воеводой. Сердешевъ, проводивъ мятежниковъ, рѣшился употребить всѣ мѣры къ спасенію дворянъ. Онъ объявилъ что крестьяне должны хватать своихъ господъ,

* Русскій Архивъ 1867 г., № 8 и 9.

но казнить ихъ не имѣютъ права, и для этого должны представлять къ нему, въ Алатырь. За доставленныхъ такимъ образомъ дворянъ Сердешевъ платилъ крестьянамъ по 10 рублей за мушину и по 5 за женщину. Этимъ путемъ онъ спасъ жизнь многимъ дворянамъ, держа ихъ однако въ тюрьмѣ, чтобы не возбудить подозрѣній. Когда Бѣлокопытовъ узналъ объ уходѣ Пугачева изъ Алатыря и развѣдалъ что тамъ нѣтъ вооруженныхъ мятежниковъ, онъ явился въ городъ и началъ возстановлять порядокъ. Раздались по городу крики: „воевода идетъ, съчетъ и рубитъ“. Показались окровавленные люди — это были несчастные навлекшіе на себя подозрѣнія Бѣлокопытова. Сердешева, не хотѣвшаго уступить воеводскаго мѣста, онъ посадилъ подъ арестъ; жителямъ объявилъ прощенье императрицы подъ условіемъ чтобъ они немедленно выбрали и вооружили триста конныхъ людей, коимъ онъ назначилъ по копѣйкѣ въ день жалованья, назвавъ ихъ копѣйщиками. Импровизованные охранители порядка немедленно были собраны и начали дѣйствовать успѣшно, арестуя по окрестнымъ деревнямъ мятежниковъ и приставшихъ къ нимъ крестьянъ. Черезъ нѣсколько дней налетаетъ на городъ партія казаковъ. Къ какой они принадлежатъ сторонѣ, никто не зналъ. Начальникъ казаковъ требуетъ къ себѣ воеводу. Струсившаго Бѣлокопытова отыскали между двумя грядями гороха; Сердешева привели изъ-подъ ареста. „Кому вы служите?“ спрашиваетъ казачій начальникъ. Бѣлокопытовъ, сбитый съ толку и воображая что предъ нимъ кто-либо изъ подчиненныхъ Пугачева, объявилъ себя слугой самозванца. Казачій начальникъ, оказавшійся офицеромъ посланнымъ для преслѣдованія мятежниковъ, давалъ обоимъ воеводамъ по нѣсколько пощечинъ, приказавъ вывести ихъ на площадь и при множествѣ собравшагося народа, наказавъ плетью. Прибывшая казачья команда вновь ограбила городъ. Подобныя сцены повторялись и въ другихъ мѣстахъ, увеличивая общій страхъ и беспорядокъ и ставя всѣхъ въ недоумѣніе. Никто не зналъ какъ и что отвѣчать на вопросы командъ слѣдовавшихъ одна за другою.

Вступленіе Пугачева въ Саранскъ было для него новымъ и еще небывалымъ торжествомъ. Не только народъ и купечество, но и все духовенство, предводимое архимандритомъ Александромъ и монахами мѣстнаго монастыря, встрѣтили самозванца; прапорщикъ Михаилъ Шехмаметьевъ присоеди-

нился къ встрѣчающимъ со всею инвалидною командою. Воевода, надворный совѣтникъ Протасьевъ, бѣжалъ. Чѣмъ больше становилась толпа самозванца и чѣмъ большее число людей выходило къ нему на встрѣчу, тѣмъ, кажется, съ большимъ ожесточеніемъ бросались его приверженцы истреблять непокорныхъ. За воеводой была послана погоня. Отставной генераль-маіоръ Сипягинъ и болѣе 62 человекъ разнаго званія лицъ, не признавшихъ мятежниковъ, повѣшены, народу объявлена вольность, освобожденіе отъ подушныхъ и другихъ государственныхъ податей. Всѣмъ пристававшимъ къ шайкѣ самозванца была обѣщана вѣчная воля и по сту рублей въ мѣсяцъ жалованья. * Дворянъ, особенно немилостивыхъ, разрѣшалось вѣшать и рубить. Чернь пришла въ волненіе и разошлась повсюду для розысканія дворянъ, которыхъ ловили и вѣшали. Мы не будемъ описывать того звѣрскаго обращенія которое должны были вынести дворянскія жены и дочери. Многія изъ нихъ попали въ наложницы къ Пугачеву и прочимъ мятежникамъ. Нѣкоторые изъ злодѣевъ женились на дворянкахъ, принуждая духовенство совершать обрядъ и полагая пріобрѣсти состояніе. Въ перепискѣ графа Панина есть между прочимъ его ходатайство о возвращеніи прежняго дворянскаго имени одной изъ такихъ несчастныхъ. Она называлась Перепечиной и была, кажется, изъ Пензенской провинціи.

Въ Саранскѣ вновь производилась раздача соли и вина, а также бросаніе денегъ въ народъ. Изъ мѣстнаго казначейства заграблено 8.321 р. 27¼ к. Но главное, Саранскъ доставилъ Пугачеву случай для значительнаго усиленія его шайки: онъ захватилъ здѣсь семь пушекъ, 150 ядеръ, 2¼ пуда пороха и взялъ 91 человекъ въ свои казаки. ** Трое сутокъ провелъ Пугачевъ въ Саранскѣ, и въ 8 часовъ утра, 30-го іюля, потянулся къ Пензѣ.

Преданіе разказываетъ что въ селеніи Большая Танѣвка, въ десяти верстахъ отъ Саранска, по дорогѣ въ Пензу, Пугачевъ сажился въ церкви на престолъ и принималъ присягу и поздравленія крестьянъ; предъ каждою избой

* Довесеніе князя Голицына, изъ Казани, 4-го августа.

** Репортъ воеводы, подпоручика Иванова, 4-го августа 1774 г.; дѣло № 26.429. Графъ Меллицъ, назначившій Иванова воеводою, говоритъ что въ Саранскѣ повѣшено и изрублено Пугачевымъ 300 человекъ; то же дѣло, репортъ Меллица, 2-го августа, кн. Щербатову.

выставлены были столы съ угощеніемъ, а на станкахъ у кузницъ воздвигалась висѣлица для казни отрекавшихся принести присягу государю Петру Федоровичу.

Обѣщанія Пугачева и употребляемые имъ средства къ обольщенію черни, дѣйствительно, были такого свойства, что привлекали на его сторону массы крестьянъ и городского мѣщанства. Но не это одно было причиной невѣроятныхъ его успѣховъ въ волжскихъ губерніяхъ. Примѣръ, воеводы города Ядрина, отбившаго шайку мятежниковъ, а еще болѣе—запоздавшія, но энергическія мѣры алатырскаго воеводы Бѣлокопытова доказываютъ что можно было бы надѣяться на другой оборотъ дѣла при лучшемъ личномъ составѣ мѣстныхъ властей и войскъ. Бѣгство властей и отсутствіе войскъ которыя бы, преслѣдуя мятежниковъ, доказывали жителямъ что это бунтовщики и злодѣи, увеличивали вѣру черни въ самозванца. Къ сожалѣнію, и дворянство, врасплохъ застигнутое Пугачевымъ, разбѣжалось, не принимая никакихъ мѣръ къ защитѣ. Увѣщаній отдѣльныхъ лицъ не слушали; крестьяне вѣрили что время власти помѣщиковъ миновало и считали своимъ долгомъ арестовывать и привозить ихъ въ города, или содержать подъ карауломъ, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій отъ кого-либо изъ мятежнической толпы, потому что мѣстныя власти не внушали народу никакого къ себѣ довѣрія. Императрица Екатерина такъ о нихъ писала Панину: „напередъ раздраживъ городскихъ и уѣздныхъ жителей неправосудьемъ и мздоимствомъ, когда дошло до обороны, чувствуя народную къ нимъ недобѣрчивость, у нихъ руки упали, что способствовало бунтовщикамъ причинить толикія злодѣйства и разоренія.“

Высшія мѣстныя власти не далеко опередили своихъ подчиненныхъ. Генераль-аншефъ фонъ-Брандтъ и генераль-маіоръ П. С. Потемкинъ, бывшіе въ Казани, не дѣлали ничего для ея защиты и только отсиживались въ крѣпости. Даже и послѣ разбитія Пугачева Михельсономъ дѣятельность ихъ недостаточно пробудилась. Вслѣдствіе уменьшенія полномочій князя Щербатова, въ самую критическую минуту не было въ Казани лица которое могло бы сдѣлать необходимыя распоряженія. Князь Щербатовъ съ дороги писалъ чтобы выслать скорѣе изъ Казани погоню за Пугачевымъ, но въ самой Казани распоряжались плохо. Губернаторъ совершенно растерялся, заболѣлъ и былъ при смерти,

генераль-маіоръ П. С. Потемкинъ тоже не выказалъ большой дѣятельности и не бралъ на себя управленія дѣлами. Когда 21-го или 22-го іюля князь Щербатовъ прибылъ въ Казань, то нашелъ что городъ еще горитъ во многихъ мѣстахъ, а жители по-прежнему со страхомъ толпятся въ крѣпости. Надо было заняться выводомъ жителей въ уцѣлѣвшіе по краямъ города дома и распорядиться правильнымъ преслѣдованіемъ Пугачева.

15-го іюля, въ самый день разбитія Пугачева подъ Казанью, прибылъ туда Томскаго пѣхотнаго полка секундъ-маіоръ, графъ Меллинъ, съ отрядомъ въ 300 человекъ разнаго войска. Потемкинъ прибавилъ ему изъ отряда Михельсона 100 человекъ пѣхоты и 300 конницы и послалъ вслѣдъ за Пугачевымъ, вверхъ по лѣвому берегу Волги. Михельсонъ выступилъ изъ Казани къ Свіяжску 19-го іюля. Отрядъ его былъ не великъ, и ослабленный отдачей 400 человекъ графу Меллину, сдѣлался еще меньше. Потемкинъ прибавилъ къ нему „150 человекъ пѣхоты и прибывшихъ съ разныхъ сторонъ уланъ“.

Ближайшихъ свѣдѣній о численности и составѣ отряда Михельсона мы привести не можемъ, но изъ бумагъ Панина видно что въ отрядахъ Меллина, Михельсона и Муффеля, соединившихся въ Саратовъ, было болѣе 2.000 чел. Такъ какъ у Муффеля было 566 человекъ, то Михельсонъ изъ Казани вышелъ съ отрядомъ силою около 800 человекъ.

Такое направленіе преслѣдующихъ отрядовъ собственно по пятамъ мятежниковъ, князь Щербатовъ нашелъ недостаточнымъ; притянувъ къ себѣ генераль-маіора князя Голицына изъ Мензелинска, онъ направилъ нѣсколько отрядовъ въ перерѣзъ пути Пугачева, а именно:

1. Подполковника Муффеля съ 24-ю легкою полевой командой (431 чел. пѣхоты, 76 драгунъ, 49 артиллеристовъ и четыре орудія) отъ Черемшанской крѣпости на Симбирскъ и далѣе навстрѣчу мятежниковъ.

2. Прокурора Чемесова, шефа Пензенскаго уланскаго корпуса (штабъ-офицеръ одинъ, оберъ-офицеровъ 15, рядовыхъ 522), отъ Шуранскаго перевоза на Камѣ за Волгу, для соединенія съ Муффелемъ или графомъ Меллинымъ.

3. Генераль-маіора Мансурова, съ легкою полевой командой (566 чел. и четыре орудія), эскадрономъ карабинеръ (138 коней) и лучшими яцкиими казаками, изъ Яцкаго

городка на Оызрань, гдѣ долженъ былъ соединиться съ двумястами донскихъ казаковъ.

Такимъ образомъ въ погоню за Пугачевымъ было отправлено пять отрядовъ, въ составѣ до 3.240 человекъ. Изнуренныхъ лошадей разрѣшено было замѣнять новыми, покупая ихъ или забирая отъ жителей подъ квитанціи. Изъ всѣхъ этихъ пяти отрядовъ только два первые, Меллина и Михельсона, могли еще настичь мятежниковъ, остальные же были слишкомъ далеко и разчитывать на ихъ дѣйствія было почти невозможно.

Впереди всѣхъ, по пятамъ самозванца, шель графъ Меллинъ. Пугачевъ, забирая вездѣ подводы и лошадей, шель съ быстротой недоступною для регулярныхъ войскъ, которыя, изнемогая отъ форсированныхъ маршей, значительно отставали. Кромѣ того, имъ невозможно было ограничиться однимъ лишь движеніемъ впередъ: надлежало усмирить волнующуюся чернь, освободить заключенныхъ дворянъ и ихъ прикащиковъ и возстановить хотя тѣнь порядка прежде чѣмъ идти далѣе. Въ Саранскѣ войска встрѣтили даже сопротивление отъ инвалидной команды. Прапорщикъ Михаилъ Шехмаметьевъ, произведенный Пугачевымъ въ полковники и назначенный саранскимъ воеводой, узнавъ что идутъ войска и думая что это мятежническая шайка, вывелъ для почетной встрѣчи свою команду. Увидавъ свою ошибку, онъ выхватилъ пистолеть и бросился на начальника авангарда, ротмистра Поддьяконова, съ намѣреніемъ застрѣлить его. Негодяя остановили и представили Меллину. Какое это наказаніе Божіе, восклицаетъ графъ Меллинъ *, которое я вижу, что дворяне по дорогамъ: который повѣшенъ, у котораго голова отрублена, у котораго ноги и руки отрублены, и разными другими муками, которыя себѣ представить не можно, неисчисленно много истреблено“. На дорогѣ ему попадались значительныя толпы мужиковъ желавшихъ присоединиться

* Дѣло № 26.429. Рапортъ гр. Меллина князю Щербатову, 4-го августа 1774 г. По свидѣтельству г. Мордочева, въ документахъ того времени безпрестанно попадаются выраженія „удавленъ на пось; проколота въ горло и въ животъ копьемъ; утопленъ въ старомъ колодцѣ и засыпанъ землею; живой брошенъ въ пылающее пламя; затравленъ злодѣйскими собаками; отрублена голова и на огородину взоткнута; нагастро съченъ плетью и козскими копытами раздавленъ; прошиблена кистенемъ голова до мозгу; будучи пресѣдуемъ злодѣями, въ болотѣ захлебнулся; въ бочку головой посаженъ, гдѣ и умеръ“. *Русск. дѣл. и Пугачевъ.*

къ злодѣю. Въ такомъ положеніи дѣлъ бездѣйствовать, за неимѣніемъ распоряженій высшаго начальства, было преступно. Освободить дворянъ и снова оставить ихъ на произволъ черни было невозможно, и потому графъ Меллинъ первый приступилъ къ наказанію ослушниковъ. Такъ въ Саранскѣ всѣхъ виноватыхъ въ произведенныхъ тамъ смертоубійствахъ „подъ вѣнцомъ свѣкъ чрезвычайнымъ образомъ плетми“*. Нагнанную имъ шайку мужиковъ онъ тоже свѣкъ плетми. Освободивъ многихъ дворянъ изъ рукъ содержавшихъ ихъ крестьянъ, онъ доноситъ князю Щербатову, что главныхъ изверговъ, для примѣра, „однихъ будетъ четвертовать, а другихъ повѣсить“. Таковыя дѣйствія войскъ вразумительно вліяли на чернь и осязательно доказывали ей что шайки прошедшихъ мятежниковъ всюду преслѣдуются и истребляются войсками правительства.

Подполковникъ Михельсонъ, отдохнувъ послѣ своихъ побѣдъ и пополнивъ недостатокъ лошадей въ отрядѣ**, вышелъ 19-го изъ Казани за Пугачевымъ. Переправясь черезъ Волгу въ Свияжскѣ, онъ узналъ о движеніи самозванца на Цивильскѣ и Курмышѣ. Такое направленіе заставляло опасаться чтобы мятежники не пошли на Нижній и Москву. Прикрыть эти города сдѣлалось задачей Михельсона. Оставя графа Меллина идти слѣдомъ за шайками, онъ пошелъ проселочными дорогами на городъ Починки. Совершенныя мятежниками неистовства были невообразимы. „Ни одинъ дворянинъ не думалъ о своей оборонѣ, а всѣ, какъ овцы, разбѣжались по лѣсамъ, отчего и немалое число отъ своихъ крестьянъ погибло.“ „Обольщенный Пугачевымъ народъ съ невѣроятною преданностью примѣплялся (къ нему?), и онъ вновь усилился до 2.000 человекъ или болѣе всякаго сброду дурными людьми.“ 30-го іюля, располагаясь на ночлегъ около села Гачина (на дорогѣ между Сергачемъ и Починками). Михельсонъ узналъ что въ окрестностяхъ Починокъ появились значительныя шайки и что ожидаютъ туда самого Пугачева, для приѣма котораго оставили неразграбленнымъ домъ ротмистра Павлова. Починки были на пути отъ Саранска къ Москвѣ, и слѣдовательно занять этотъ городъ было весьма

* Дѣло № 26.429. Рапортъ гр. Меллина князю Щербатову, отъ 2-го августа.

** Въ сраженіяхъ подъ Казанью Михельсонъ потерялъ 140 лошадей: 53 убитыми и 87 ранеными.

важно, тѣмъ болѣе что въ немъ былъ казенный конскій заводъ. Михельсонъ послалъ туда корнета Селиванова, который засталъ что мятежники, призванные крестьянами, связали рейторовъ и вели ихъ вѣшать, загоняли табуны и отыскивали казну. Селивановъ разогналъ толпу и захватилъ главныхъ зачинщиковъ. Уличенныхъ въ смертоубійствахъ Михельсонъ „приказалъ, въ страхъ другимъ, повѣсить; большимъ возмутителямъ, кои не способны въ рекруты, отрѣзать по уху, иному и оба, а другихъ пересѣчь плетью“.* Въ Саранскѣ, несмотря на недавній проходъ графа Меллина, Михельсонъ принужденъ былъ остаться цѣлый день, чтобъ очистить окрестности посылкой мелкихъ командъ.

Вслѣдъ за графомъ Меллинымъ и Михельсономъ въ пройденныя ими мѣста были направлены войска собственно для водворенія порядка. Князь Голицынъ отправилъ майора Голуба съ эскадрономъ Бахмутскихъ гусаръ и сотней казаковъ къ Нижнему, а остальные войска пошли съ подполковникомъ Хорватомъ на Корсунъ.

Нижегородскій губернаторъ, генералъ - поручикъ Ступининъ, выслалъ къ Арзамасу прибывшаго къ нему изъ Москвы съ двумя стами казаковъ московскаго оберъ-полицеймейстера подполковника Архарова и другіе небольшіе отряды, болѣе для того чтобы чернь видѣла что злодѣевъ преслѣдуютъ. Отрядамъ этимъ приказано было раздѣлиться на мелкія команды и идти въ помѣщичьи имѣнія для „покоренія всѣхъ законной власти“, производя наказаніе виновныхъ крестьянъ по желанію господъ.

Задерживаемые расправой съ возставшими крестьянами, Меллинъ и Михельсонъ остались значительно позади мятежниковъ. Когда первый былъ въ Саранскѣ, а второй шелъ къ Починкамъ, Пугачевъ уже приближался къ Пензѣ. Мѣстныя власти вновь оказались неспособными къ противодействию. Еще Пугачевъ былъ въ Саранскѣ, а пензенскія власти начали уже спасаться бѣгствомъ. 28-го и 30-го юля, воевода, надворный совѣтникъ Всеволожскій, товарищъ его, коллежскій ассессоръ Гуляевъ, подпоручики: Суровцовъ и Слѣпцовъ, секретари Дудкинъ и Григорьевъ, съ нѣкоторыми канцелярскими чиновниками, скрылись изъ города. 1-го

* Дѣло № 26429. Репортъ Михельсона къ Воюющему, 4-го августа 1774 года.

августа Пугачевъ вошелъ въ Пензу. Духовенство, дворяне и разнаго рода люди встрѣтили его съ крестами и хлѣбомъ-солью. Тутъ же, при встрѣчѣ, прочтены народу два манифеста; въ первомъ—самозванецъ называлъ себя Петромъ III, лишеннымъ престола дворянами, а во второмъ — лишая помещиковъ права владѣть крестьянами, объявлялъ сихъ послѣднихъ вольными, освобождая отъ рекрутскихъ наборовъ и подушныхъ сборовъ на десять лѣтъ. Колодники были выпущены изъ острога. Пугачевъ потребовалъ къ себѣ представителей мѣстной власти, и узнавъ что они скрылись, послалъ команды поймать ихъ и казнить. Всеволожскій, Гуляевъ, Суровцовъ и Слѣпцовъ были настигнуты въ деревнѣ Скачки и сожжены живыми; Дудкинъ, Григорьевъ, съ нѣкоторыми еще дворянами, перевѣшаны и перестрѣляны въ селѣ Головинщинѣ. Приведенный въ Пензу саранскій воевода, надворный совѣтникъ Протасьевъ, съ семействомъ, сперва вышѣченъ плетью, а потомъ заколотъ. Пенза была разграблена, и 2-го августа Пугачевъ вышелъ изъ нея къ Петровску, взявъ 2.563 р. денегъ, 136 боченковъ съ пятаками, шесть пушекъ (четыре мѣдных), 16 пудовъ пороху, ядра, свинецъ и 500 человекъ жителей завербованныхъ въ казаки.

Саратовъ, лежавшій на пути Пугачева, былъ городомъ весьма значительнымъ и имѣлъ всѣ средства къ упорной оборонѣ. Къ сожалѣнью, губернаторъ, генераль-поручикъ П. Н. Кречетниковъ, ничѣмъ неугрожаемый въ губернскомъ городѣ Астрахани, не счелъ нужнымъ лично прибыть въ свой провинціальный городъ Саратовъ, а тамошнія мѣстныя власти враждовали между собой, и не сойдясь въ средствахъ къ оборонѣ города, погубили его.

Комендантомъ Саратова и тамошнимъ воеводой былъ полковникъ Иванъ Константиновичъ Бошнякъ, человекъ храбрый, но, какъ видно изъ его дѣйствій, мало толковый и невѣршительный. Будучи слѣпымъ исполнителемъ приказаній Кречетникова, даваемыхъ за 600 верстъ, Бошнякъ не хотѣлъ согласовать ихъ съ мѣстными обстоятельствами и не слушалъ никакихъ убѣжденій людей лучше его понимавшихъ положеніе дѣлъ. Антагонистами Бошняка были: управлявшій конторой опекунства иностранныхъ поселенцевъ, статскій совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ Ладыженскій, и гвардіи Преображенскаго полка поручикъ Гаврила Романовичъ Державинъ. Управляя отдѣльною частью, имѣя въ своемъ

распоряженіи артиллерійскую команду и казаковъ, а также, по прежней своей службѣ штабъ-офицеромъ въ инженерномъ корпусѣ, считая себя лицомъ компетентнымъ въ военномъ дѣлѣ, Ладыженскій признавалъ себя во всѣхъ отношеніяхъ выше Бошняка, что и было въ дѣйствительности. Державинъ, знаменитый въ послѣдствіи поэтъ, присланъ былъ въ Саратовъ генералъ-аншефомъ Бибиковымъ съ секретными порученіями наблюдать за рѣкою Иргизомъ и принимать мѣры къ развѣдыванію о Пугачевѣ. Державину было тогда тридцать лѣтъ, а чинъ его—поручика гвардіи—имѣлъ не то значеніе какое присвоено этому чину нынѣ. Тогда главнокомандующій генералъ-аншефъ Бибиковъ былъ только маіоромъ гвардіи.

Объ офиціальномъ значеніи Державина было извѣстно губернатору и Бошняку, но первый, въ самомъ началѣ, дурно принявъ Державина, всегда относился къ нему невнимательно, отчего и комендантъ смотрѣлъ на него недоброжелательно. Молодой, заносчивый, ретивый, любившій высказать смѣлое осужденіе не только на словахъ, но и письменно, онъ легко могъ вооружить противъ себя Кречетникова, заявившаго себя въ Пугачевщину совершеннымъ, даже можно сказать преступнымъ бездѣйствіемъ, и Бошняка, отличившагося упорствомъ достойнымъ лучшей участи. Можно сказать, не погрѣшая противъ истины, что главнѣйшими врагами Державина были его молодость и заносчивость, но эти недостатки служили основаніемъ хорошихъ его сторонъ. Надо отдать ему полную справедливость: во время Пугачевщины Державинъ выказалъ замѣчательныя способности и дѣйствовалъ съ большою пользою для дѣла, пріобрѣтая благотворное вліяніе на жителей окрестнаго Поволжья и Иргиза.

Возставъ противъ неспособности Бошняка, Державинъ былъ правъ, хотя, къ сожалѣнію, не сумѣлъ удержаться отъ дерзкихъ противъ коменданта выходокъ. Упрекаемый въ этомъ графомъ Панинымъ, Державинъ, кажется, правдиво обрисовалъ свою дѣятельность въ отвѣтѣ главнокомандующему: „Кто бы сталъ васъ обвинять, сказалъ онъ, что вы бывъ въ отставкѣ, на покоѣ и изъ особенной любви къ отечеству и приверженности къ высочайшей службѣ всемилостивѣйшей государыни, приняли на себя въ толь опасное время предводить войсками противъ злѣйшихъ враговъ и не щадя своей жизни? Такъ и я, когда все погибало, забывъ себя, внушалъ въ коменданта и во всѣхъ долгъ присяги къ оборонѣ города.“

Отложивъ въ сторону нѣкоторую высокопарность и ловкую похвалу временщику, нельзя не согласиться что Державинъ высказалъ правду.

Несогласія между Бошнякомъ, Ладыженскимъ и Державинымъ приняли значительные размѣры и перешли изъ словесныхъ препирательствъ въ письменную перебранку. Сохранилось много подлинныхъ документовъ показывающихъ что обѣ стороны зашли черезчуръ далеко. Но перечитывая эти документы, видимъ въ нихъ не столько картину грубыхъ нравовъ тогдашняго общества, сколько доказательство тому что и сто лѣтъ назадъ, какъ нынѣ, несогласія между начальниками различныхъ частей губернскаго управленія отравляли провинціальную жизнь и наносили существенный вредъ дѣлу.

Описывать подробно эти печальныя перебранки мы не будемъ, но постараемся представить полную и отчетливую картину всѣхъ обстоятельствъ предшествовавшихъ и сопровождавшихъ занятіе или, какъ въ современныхъ документахъ говорится, „похищеніе“ Саратова Пугачевымъ.

Саратовъ въ значительной своей части былъ истребленъ пожаромъ въ маѣ 1774 года, и въ описываемое нами время лежалъ огромнымъ пустыремъ. Еще весьма небольшое число домовъ было вновь отстроено. Между строениями спасшимися отъ огня были огромные хлѣбные магазины иностранныхъ поселенцевъ. Магазины эти состояли въ вѣдѣніи Ладыженскаго. Въ его же распоряженіи находилась сотенная команда Донскихъ казаковъ * и три артиллерійскія роты; сверхъ того въ Саратовѣ былъ расположенъ одинъ гарнизонный баталіонъ **. По словамъ Державина, въ Саратовѣ было: регулярной пѣхоты 500 человекъ, казаковъ 600 человекъ (Донскихъ, Волжскихъ и городскихъ Саратовскихъ),

* Въ послѣдній разъ, предъ Пугачевщиной, въ Саратовѣ командированъ былъ есаулъ Омкинъ, въ 1770 г., съ командой въ 191 чел. Посылалась она „какъ для предосторожности отъ воровскихъ набѣговъ, такъ и въ особенности для развозки и препровожденія писемъ, денежной казны, лошадей и рогатаго скота по нѣмецкимъ колоніямъ“. М. Сямоткиль, *Воскнелъ дѣйствіа Донузовъ, Современникъ*, томъ XLVI.

** Въ Саратовѣ, по росписанію 1771 г., стоялъ одинъ гарнизонный баталіонъ, въ которомъ по штатамъ числилось 722 чел. (Полн. Собр. Зак. томъ XLIII, № 13.649.) Въ Саратовской артиллерійской командѣ было до 400 чел., ибо по окончательномъ разбитіи Пугачева изъ сей команды за перебѣгъ къ самозванцу отдано подъ судъ 308 чел. Дѣло № 26.429.

четыре полевыхъ орудія и 10 городскихъ пушекъ. Съ такими средствами можно было защищаться.

Ладыженскій и Державинъ требовали принятія мѣръ къ оборонѣ, а Бошнякъ не соглашался, разчитывая что Пугачевъ до Саратова не дойдетъ, а будетъ истребленъ слѣдующими за нимъ войсками. Это онъ основывалъ на предписаніи князя Щербатова изъ Казани, гдѣ говорилось что Пугачевъ пошелъ на Курмышъ и Ядринъ, имѣя по пятамъ своимъ графа Меллина, а потому Саратову опасности быть не можетъ *. Наконецъ убѣдили Бошняка приступить къ приготовительнымъ работамъ по оборонѣ, но согласіе это повело еще къ большимъ недоразумѣніямъ. Ладыженскій и Державинъ, съ которыми соглашались и многіе офицеры, предлагали обнести валомъ провіантскіе магазины, поставить туда небольшой отрядъ подъ начальствомъ Бошняка, а съ остальными войсками идти навстрѣчу Пугачеву, еслибъ онъ обратился въ эту сторону. Бошнякъ на собраніи, въ конторѣ опекунства, согласился на этотъ планъ, но на дѣлѣ отказался его исполнить. Онъ говорилъ что, какъ комендантъ, онъ обязанъ защищать не часть города, а всю свою крѣпость. Въ этомъ смыслѣ писалъ Бошняку и губернаторъ Кречетниковъ, совѣтуя защищать весь городъ и для сего возобновить прежній городской валъ съ глубокимъ рвомъ, обнести его палисадомъ, рогатками и построивъ батареи. Напрасно говорили коменданту что Саратовъ не крѣпость, а сгорѣвшій городъ, что защищать все городское поселеніе невозможно, ибо на это потребовалось бы строить огромные валы и вооружить большое число людей, а надѣяться на жителей было невозможно. Бошнякъ стоялъ на своемъ **. Не сойдясь съ нимъ въ устройствѣ укрѣпленія около магазиновъ, Державинъ и Ладыженскій рѣшились, наконецъ, принять предложеніе Бошняка—укрѣпить часть пожараща. Нарисовали планы, послали къ коменданту межевыхъ офицеровъ умѣвшихъ строить укрѣпленія, но тотъ уже перемѣнилъ свое намѣреніе

* Дѣло № 26.429, рапортъ Бошняка гр. Панину отъ 11-го октября 1774 г.

** Ладыженскій, разъясняя Бошняку что такое крѣпость, писалъ ему что въ Россіи два рода комендантовъ: одни хозяева крѣпостей, а другіе опредѣляются въ неукрѣпленные города съ командой для сыску воровъ и разбойниковъ. Что въ Саратовѣ вѣтъ ограды, а потому и комендантъ не хозяинъ города, но только „повелитель баталіона“. Дѣло № 26.429.

и положительно объявилъ что жители несогласны ломать начатыхъ отстройкой послѣ пожара новыхъ домовъ и не позволять убрать приготовленные бревна. Безъ расчистки же мѣста подѣ укрѣпленіе нельзя было приступать къ работамъ, хотя въ распоряженіи Бошняка было до двухъ тысячъ человѣкъ рабочихъ. Державинъ явился въ городской магистратъ, на шумѣлъ тамъ, угрожалъ что всѣхъ сомнительной вѣрности людей велитъ арестовать и отправить въ распоряженіе секретной комиссіи; приказалъ отобрать отъ жителей подписку, что если кто-либо изъ нихъ будетъ признавать Пугачева за бывшего императора Петра III, колебаться въ мысляхъ, ему способствовать и поступать во вредъ законной власти—тотъ подвергнется смертной казни.

Граждане немедленно собрались на работы и стали насыпать валы около провіантскихъ магазиновъ по проекту Ладыженскаго, но на другой день явился къ рабочимъ полицей-мейстеръ и именованъ коменданта объявилъ что они могутъ продолжать работы если пожелаютъ, однако никто ихъ къ тому не принуждаетъ. Рабочіе, собранные угрозами Державина, разошлись. Бошнякъ же утверждалъ что Пугачевъ не пойдетъ на Саратовъ и собирался въ случаѣ нужды поставить свои пушки за старымъ негоднымъ валомъ, а одну или двѣ у моста, и тѣмъ вполне разчитывалъ удержать наступленіе мятежниковъ.

Общее настроеніе умовъ въ городѣ было дурное; распри властей и непрерывно получавшіяся свѣдѣнія объ усиленіи самозванца не могли дѣйствовать успокоительно. Вотъ что Державинъ писалъ къ казанскому губернатору Брандту: „Хотя ничего не можно сказать о какомъ-либо явномъ замѣшательствѣ, однако по тайному слуху всѣ ждуть чаемаго ими Петра Феодоровича. Въдрившаяся въ сердца язва, начавшая утоляться, кажется, оживляется и будто ждетъ только случая открытъ себя. Ни разумъ, ни истинная проповѣдь о милосердіи всемилостивѣйшей нашей государыни, ничто не можетъ извлечь укоренившася грубаго и невѣжественнаго мнѣнія. Кажется бы нужно нѣсколько преступниковъ въ сей край прислать для казни, авось небо незримое здѣсь и страшное то позорище дастъ нѣсколько иныя мысли.“*

Послѣ смутныхъ слуховъ о самозванцѣ, дошли вѣрныя

* Академикъ Гротъ, *Матеріалы для біографіи Державина*, стр. 54.

свѣдѣнія о разграбленіи Пензы и появленіи мятежниковъ около Петровска, изъ котораго воевода бѣжалъ, бросивъ въ городъ орудія, порохъ и деньги. Бошнякъ послалъ туда нарочнаго собрать свѣдѣнія, но Ладыженскій и Державинъ считали необходимымъ болѣе точнымъ образомъ узнать мѣстные обстоятельства и спасти оттуда казну, порохъ и пушки. Державинъ вызвался самъ поѣхать въ Петровскъ; къ нему присоединился проживавшій въ нѣмецкихъ колоніяхъ польской службы подполковникъ Гогель. * Въ команду Державина Ладыженскій далъ есаула Омина съ шестьюдесятью донскими казаками. Команду Державинъ отправилъ впередъ съ вечера 3-го августа и на каждой стаціи приказалъ приготовить для себя почтовыхъ лошадей, а рано утромъ на другой день выѣхалъ самъ, взявъ съ собою Гогеля.

Верстахъ въ пятнадцать отъ Петровска повстрѣчался имъ возвращавшійся оттуда курьеръ Бошняка. Онъ сказалъ что Пугачевъ еще въ тридцати верстахъ отъ Петровска, куда, однако; ожидается на ночь. Проѣхавъ еще пять верстъ, повстрѣчали мужика, и пригрозивъ ему пистолетомъ, допытались отъ него что Пугачевъ всего въ пяти верстахъ отъ города. Державинъ хотѣлъ было возвратиться назадъ, но Гогель упросилъ его отпустить его впередъ, чтобъ узнать въ какихъ силахъ идетъ самозванецъ.

Взявъ четырехъ казаковъ и приказавъ имъ ѣхать впереди, Гогель отправился къ Петровску. Выскакавшіе впередъ казаки, скрылись изъ виду, и только двое изъ нихъ возвратились вѣстниками что Пугачевъ занимаетъ уже Петровскъ. **

„Гдѣ вы были?“ спрашивали ихъ Гогель и Оминъ. — „У Пугачева.“ — „Что дѣлали?“ — „Такъ.“

Отвѣты были неудовлетворительны. Прочіе казаки начали волноваться. „Намъ все равно кому ни служить, и мы туда поѣдемъ“, говорили они Омину, не слушая его увѣщаній и грозя заколотъ. Гогель отъѣхалъ къ Державину. Оминъ, видя опасность, показалъ видъ что соглашается съ казаками. „Ну, ребята, когда не слушаетесь вы меня, то и я съ вами согласенъ; только дайте мнѣ офицеровъ попридержать,

* Въ послѣдствіи Бошнякъ офиціально доноситъ, что сотня казаковъ послана въ Петровскъ по его распоряженію. Дѣло № 26429.

** Въ сентенціи о Пугачевѣ читается (§ 8), что „инвалидной командѣ прапорщикъ Иванъ Юнатовъ, за глупую по чину офицерскому работу при разореніи города Петровска лишень, за старостью лѣтъ, чинилъ.

или я ихъ заколю.“ Они его отпустили, а онъ, прискакавъ къ офицерамъ, сказалъ чтобы спасались. Десять верстъ гнались за Державинымъ, но догнать не могли. Такой печальный исходъ имѣла экспедиція Державина. Разказъ о его бѣгствѣ мы привели съ его словъ, изъ которыхъ видно что Державинъ о главнѣйшемъ обстоятельстве, волненіи казаковъ, разказываетъ по показаніямъ очевидцевъ: Гогеля и, главное, Омина.

Въ подтвержденіе этого разказа Державина можно указать еще на свидѣтельство царцынскаго коменданта полковника Цыплетева, который въ донесеніи императрицѣ говоритъ, что „волжскаго войска есаулъ Савва Тораринъ изъ Саратова, будучи гвардіи отъ поручика Державина подѣ Петровскъ отправленнымъ на сикурсъ, при измѣнѣ казаковъ, заколовъ дву человекъ, избавился.“ Напротивъ, имѣются другія данныя, изъ которыхъ можно заключить что сдача казаковъ подѣ Петровскомъ произошла нѣсколько иначе и была скорѣе слѣдствіемъ недоразумѣній и паники нежели измѣны.

Всѣ шестьдесятъ казаковъ, отправленные съ Державинымъ, въ самомъ скоромъ времени ушли отъ Пугачева, и нѣкоторые изъ нихъ, уже 18-го августа 1774 года, стало-быть еще прежде подступа Пугачева къ Царицыну и за недѣлю до его разбитія, давали свои показанія въ войсковой канцеляріи въ Новочеркасскѣ.

Показанія есаула Мелехова, бывшаго сотникомъ у Омина, и хорунжаго Малахова, занимавшаго должность квартирмейстера, столь любопытны, что мы приводимъ ихъ здѣсь для разъясненія обстоятельствъ сдачи конвоя Державина. Кромѣ того, показанія эти обрисовываютъ тогдашнее состояніе толпы Пугачева и его обращеніе съ покоряющимися ему войсками.

По словамъ Малахова и Мелехова, они, подѣйдя къ самому Петровску подѣ вечеръ 4-го августа, увидѣли что Пугачевъ входитъ въ городъ, встрѣчаемый жителями и духовенствомъ съ хлѣбомъ-солью и колокольнымъ звономъ. Оминъ, Гогель и приставшій къ нимъ дорогой прапорщикъ Шкуратовъ, взявъ съ собою казаковъ до десяти человекъ, подѣехали ближе къ городу, а четыре казака посланы въ самый Петровскъ. Казаки эти были немедленно схвачены и представлены Пугачеву, который разспросивъ откуда они и съ кѣмъ,

двухъ задержалъ, а двухъ остальныхъ послалъ къ Омину требуя его къ себѣ съ покорностью. Вскорѣ Оминъ съ Гогелемъ и Шкуратовымъ проскакалъ мимо всѣхъ казаковъ, крича имъ: „чего вы стоите? непріятель тутъ въ Петровскѣ, убирайтесь!“ Малаховъ проговорилъ: „для чего онъ ихъ оставляетъ, у иныхъ казаковъ есть лошади худыя; лучше намъ здѣсь за ея императорское величество умереть на службѣ.“ Оминъ объяснилъ что поскачетъ за Гогелемъ чтобы взять у него свою лошадь и вернется назадъ, но уже не бывалъ.

„И въ самой сей минутѣ, какъ они отъ нихъ скрылись, увидѣли они бѣгущихъ къ нимъ верхи на лошадяхъ съ девятью знаменами, съ разными на нихъ изображеніями святыхъ, — однакожь безъ полей и звѣзд золотыхъ и серебряныхъ, только у нѣкоторыхъ есть вышитыя малыя звѣздочки, тожь у нѣкоторыхъ по краямъ позументъ, а другія безъ всякихъ изображеній, — до полутороста человекъ толпы, и всѣхъ ихъ окружили, хотя и были они всѣ съ заряженными ружьями на лошадяхъ, и остановясь около ихъ сажень на полтараста, прислали къ нимъ яцкаго казака, — какъ звать не знаю, — который въ саженьяхъ двадцати пересказывалъ имъ, — какъ Малаховъ же слышалъ: „не противьтесь оружіемъ, самъ здѣсь государь Петръ Федоровичъ; на то бы всѣ слѣзли съ лошадей“, съ чѣмъ тотъ разбойникъ и побѣжалъ къ злодѣю; потомъ другой яцкій казакъ пріѣхалъ къ нимъ отъ злодѣевъ, чтобы оставили лошадей: „сади-де самъ государь ѣдетъ, и какъ скоро къ нимъ подѣдетъ, положите оружіе, и павъ на колѣни, поклонитесь“. И сей казакъ отъ нихъ не отѣзжалъ, и самъ злодѣй съ знаменами пріѣхалъ, и по такой крайности принуждены были они, павъ на колѣни, поклониться и назвать: „ваше императорское величество“ какъ имъ яцкій казакъ приказалъ; а онъ, сидя на конѣ, спросилъ у нихъ: „какіе вы?“ и услыша что донскіе казаки и были въ Саратовѣ, и называя ихъ „дѣтушки“, приговорилъ: „Богъ и государь васъ во всѣхъ винахъ прощаютъ! Ступайте ко мнѣ въ лагерь.“ При семъ спросилъ у нихъ кто отъ нихъ побѣгъ, и извѣстясь что есаулъ и два офицера, самъ злодѣй, перемѣня лошадь, на буромъ конѣ, со взятымъ у казака дропикомъ, самъ-пять вслѣдъ за ними погналъ, а ихъ всѣхъ, съ бывшимъ при нихъ изображеніемъ Знаменія Богородицы, бунчукомъ, — который по бытности ихъ сего года весною, за Волгою къ Яику, на рѣчкѣ Большихъ Узеньяхъ, при разбитіи

сего же злодѣя толпы яцкихъ казаковъ, десяти человекъ, бывшихъ при предводителѣ изъ нихъ, Иванѣ Безстрашномъ, ими у нихъ отбитъ,—оставшіеся его злодѣи привезли уже при захожденіи солнца въ лагерь свой, бывшій у самаго города Петровска, между талами, въ углу, гдѣ были двѣ у самаго злодѣя палатки, вокругъ коихъ находились яцкіе казаки отряда, называющагося секретаремъ злодѣя, яцкаго казака Алексѣя Иванова. И поставя ихъ среди самой сволочи, опредѣлили ихъ къ полку яцкаго казака Аенасія Петрова; а передъ самымъ сумеркомъ и самъ злодѣй въ лагерь пріѣхалъ, причемъ они отъ яцкихъ казаковъ слышали, что есаула и одного офицера нагнать не могли, а другаго офицера, Шкуратова, одинъ яцкій казакъ скололъ въ смерть. Потомъ обоихъ ихъ, Мелехова и Малахова, да хорунжихъ станицъ Усть-Хоперской, Василя Попова, и Усть-Медвѣдицкой, Степана Колобродова, злодѣй позвалъ къ себѣ въ палатку,—въ которой изготовлень былъ имъ ужинъ,—и приказавъ имъ сѣсть, велѣлъ поднести по двѣ чарки вина, сказывая: „пейте-де, дѣтушки, при мнѣ,“ и напоминая что-бы они служили вѣрно, спрашивалъ: „какое вы получаете отъ государыни жалованье?“ а они ему сказывали, что „мы отъ всемилостивѣйшей нашей государыни жалованьемъ довольны“; а онъ сказывалъ: „нѣтъ, хотя вы и довольны, да мало этого на сѣдло, не только на лошадь; послужите вы у меня, вы не такъ будете довольны и будете въ золотѣ ходить! А у васъ господа сѣдajúтъ жалованье.“ Послѣ ихъ привели къ присягѣ „по образу Божію, изображенному въ мѣдныхъ складняхъ“, и назначили жалованье казакамъ по 12, а старшимъ по 20 рублей, которое сейчасъ же и отпустили мѣдною монетою. 9-го августа Мелеховъ, Малаховъ и девять казаковъ бѣжали на Донъ, а послѣ ушли туда же и остальные казаки. За вѣрность къ службѣ императрицъ, Малахову и Мелехову объявлена была благодарность отъ имени генераль-аншефа Потемкина.*

* По требованію Фомина, всѣ казаки возвращены были съ Дона въ Саратовъ. Всѣ они на допросахъ показали, „что они изъ Саратова обще съ есауломъ Фоминнымъ посланы были въ числѣ 60-ти человекъ къ городу Петровску для разспрашиванія о злодѣѣ Пугачевѣ, при коемъ, за уходомъ есаула, самимъ злодѣемъ въ толпу его всѣ захвачены“. М. Семюкинъ, стр. 85. Показаніе Малахова и Мелехова находится въ военномъ архивѣ, дѣло № 41.470, оно же напечатано г. Щебальскимъ въ его *Пугачевщинѣ*, стр. 105—111.

Очевидно, что Державинъ былъ не правъ оставаясь въ повозкѣ и выславъ впередъ команду подъ начальствомъ Омина. Въ критическую минуту Оминъ растерялся и, быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ вообразилъ себѣ исторію которую потомъ разказывалъ о волненіи казаковъ. Случай этотъ весьма характеристично показываетъ какая паника овладѣвала нераспорядительными начальниками при встрѣчѣ съ мятежниками, и какъ легко сдавались самованцу войска нисколько не думавшія объ измѣнѣ.

По прибытіи въ Саратовъ, Державинъ нашелъ что прежняя неурядица продолжается. Ладыженскій уговаривалъ коменданта выйти съ войсками атаковать Пугачева передъ городомъ; тотъ было согласился, но потомъ передумалъ и рѣшилъ защищать городъ. Всѣ воинскія команды перешли подъ его начальство. Являшіеся въ комендантскую канцелярію горожане вооружались алебардами и копьями. Въ третьемъ часу пополудни, 5-го августа, Бошнякъ повелъ свои войска на позицію, выбранную поперекъ Петровской дороги у Московскихъ воротъ. Баталіонныя и фузелерныя роты и казаки (Волжскіе и Саратовскіе) стали шеренгами вдоль длиннаго вала, не имѣвшаго ни фланговъ, ни редантовъ. Съ правой стороны были Соколова гора и вѣкъ не занятый мостъ; спереди рвы; слѣва—открытое поле, а сзади—строепія. Орудія на худыхъ лафетахъ, безъ зарядныхъ ящичковъ, „протянуты въ одну сторону въ амбразуры узко прорытаго вала“. Никому не было указано гдѣ находится и что дѣлать. Къ довершенію всего, оказалось что въ городскія пушки были забиты ядра, и вынуть ихъ было нельзя. Комендантъ объяснилъ что это не бѣда, пушкари-де играли и забили ядра.

„Нарядный былъ безпорядокъ“, восклицаетъ Державинъ. Въ виду общей опасности онъ хотѣлъ дѣйствовать съ войсками, взялъ въ свою команду одну артиллерійскую роту и уже принялъ было пароль, но получивъ отъ своего агента секретное донесеніе что вооруженныя имъ около Малыковки крестьяне, въ числѣ 1.500 чел., волнуются, поспѣшилъ къ нимъ чтобы не допустить ихъ передачу Пугачеву. Ладыженскій, еще разъ объяснивъ Бошняку что невозможно защищаться въ избранной имъ позиціи и вида непреклонность упрямаго Бошняка, снарядилъ два судна: на одномъ помѣстилъ казну и поѣхалъ самъ къ Царицыну, а на другое положены были канцелярскія дѣла.

Вечеромъ того же 5-го августа подошелъ Пугачевъ къ Саратову. Позднее время дня было неудобно для дѣйствій, и обѣ стороны провели ночь на своихъ позиціяхъ.

Утромъ 6-го августа толпы Пугачева появились на Соколовой горѣ. Высланные изъ Саратова Волжскіе и Саратовскіе казаки не вступали въ дѣло съ мятежниками, а въ глазахъ своего начальника переговаривались съ бунтовщиками. Горожане начали перебѣгать. Между ними явилось много сторонниковъ самозванца; они выбрали и послали къ Пугачеву двухъ депутатовъ, казака Уфимцева и купца Федора Кобякова съ предложеніемъ покорности. Узнавъ объ этомъ, Бошнякъ вышелъ изъ себя; онъ укорялъ окружавшихъ его гражданъ, и въ доказательство того что войска не думаютъ сдаваться, приказалъ выстрѣлить по пугачевской толпѣ изъ пушки картечью. Выстрѣлъ этотъ привелъ горожанъ въ смущеніе; они думали что теперь Пугачевъ повѣситъ ихъ посланцевъ. Купцы, и впереди ихъ городской голова Протопоповъ, съ дерзкимъ видомъ бросились къ Бошняку, крича „что онъ тѣмъ выстрѣломъ потерялъ у нихъ первостатейнаго“. Еще дѣло не началось, а положеніе Бошняка было отчаянное. Вскорѣ однако возвратился Кобяковъ и „привезъ мерзкій запечатанный указъ, который я, пишетъ Бошнякъ, * взявъ отъ него, всенародно изорвалъ и ногами топталъ, а его тотчасъ приказалъ арестовать.“ Кобяковъ вскорѣ былъ освобожденъ слабымъ комендантомъ. ** Видя что Саратовъ не сдается, Пугачевъ отрядилъ на приступъ города атамана Овчинникова, одного изъ извѣстныхъ своихъ сподвижниковъ. Овчинниковъ, спустивъ часть толпы своей съ горъ за Глѣбучевъ оврагъ, началъ громить городъ изъ

* Репортъ Бошняка графу Паниву отъ 11-го октября 1774 г.; дѣло № 26429. Замѣчательно, что Пугачевъ въ своихъ показаніяхъ говоритъ что указа въ Саратовъ не посылали. Между тѣмъ фактъ пріѣзда Кобякова съ бумагой засвидѣтельствованъ и Ладыженскимъ, врагомъ Бошняка. Или указъ былъ посланъ безъ вѣдома Пугачева, или онъ забылъ о немъ. Но такихъ несогласій между показаніями Пугачева и дѣйствительностью мало.

** Въ контекстѣ о Пугачевѣ читаемъ: „Отставнаго гвардіи фурыера Михаила Голева, саратовскаго купца Федора Кобякова и раскольника Пaxonія, первыхъ за прилѣпаніе къ заводу и происходимые соблазны отъ ихъ разглашеній, а послѣдняго за ложныя показанія, вмѣстѣ купцовъ, Голева и Пaxonія въ Москвѣ, а Кобякова въ Саратовѣ; да саратовскаго жъ купца Протопопова, за несохраненіе въ нужномъ случаѣ должной вѣрности, вмѣстѣ плетши.“

орудій, стрѣляя, какъ говорить преданіе, мѣдными пятаками, за недостаткомъ ядеръ. *

Послѣ первыхъ десяти выстрѣловъ, жители и казаки передались Пугачеву. Оставшіеся баталіонные солдаты и артиллерійская команда, въ числѣ 470 человекъ, окунулись рогатками. Злодѣи, ворвавшись въ городъ, начали пальбу по оградившимся и продолжали ее около часу. Тогда артиллерійская команда, съ капитаномъ княземъ Баратаевымъ, выскоча изъ ретраншамета, побросала ружья и передалась мятежникамъ. При Бошнякѣ остались: маіоръ Семанжъ, капитанъ Елчинъ и саратовскій баталіонъ, но и этотъ вскорѣ послѣдовалъ за артиллеристами, увлекаемый примѣромъ своего командира, маіора Салманова. Самая незначительная горсть людей осталась вѣрною. Бошнякъ при такой крайности, увѣщевая оставшихся рядовыхъ, бросился за измѣнниками и успѣлъ отнять два знамени. Злодѣи окружили его и безпрестанно кричали „сдавайтесь“.

Съ 26 офицерами и 34 нижними чинами, всего съ 60 человекъ и двумя зарядными ящиками, Бошнякъ пробился черезъ толпы мятежниковъ, занятыхъ грабежомъ, къ церкви Ильи Пророка, въ Дресвянскіе тальниковые кусты, и послѣ шестичасовой погони, вышелъ къ деревнѣ Несмѣтаевкѣ въ 35 верстахъ отъ города. Найдя здѣсь рыбацью лодку, онъ въ ней пустился по Волгѣ, гдѣ нагналъ Ладыженскаго, принявшаго на свое судно злополучнаго Бошняка. У Камышенки Бошнякъ оставилъ Ладыженскаго: вмѣстѣ съ нимъ онъ, вѣроятно, не хотѣлъ явиться въ Царицынъ, но однако оба они прибыли туда 11-го августа.

Винить теперь Бошняка за неумѣнье распорядиться въ Саратовѣ было бы такъ же не основательно, какъ утверждать что городъ былъ бы спасенъ еслибы привели въ исполненіе планъ Ладыженскаго и Державина. Главная вина неуспѣха, по справедливости, должна быть отнесена къ тому лицу которое могло и должно было руководить Бошнякомъ и его дѣйствіями, о чемъ мы подробнѣе скажемъ ниже.

Лагерь Пугачева тянулся на большое пространство по Соколовой горѣ. Тамъ онъ творилъ милость и казни. Самозванецъ помѣщался въ особой палаткѣ.

* Мы уже видѣли что въ Пензѣ Пугачевъ имѣлъ 136 боченковъ мѣдной монеты, а потому легко можетъ быть что онъ стрѣлялъ пятаками. Артиллерійскихъ снарядовъ у него было очень мало.

„Палатка была бѣлая, шелковая, съ разными золотыми украшеніями. Внутри ея было устроено небольшое возвышеніе, обитое алымъ бархатомъ и золотомъ бахромой. Украшенія были довольно привлекательны. На этомъ возвышеніи сидѣлъ самозванецъ. На немъ былъ фракъ (?) и кортикъ. На головѣ казацкая шапка съ золотымъ крестомъ. Черезъ плечо перекинута голубая лента, а на правомъ плечѣ звѣзда. Въ рукахъ самозванецъ держалъ зрительную трубу, въ которую по временамъ смотрѣлъ на городъ и его окрестности. Свита его была также украшена крестами и медалями, на подобіе генераловъ.“

Въ разныхъ мѣстахъ поставлены были висѣлицы. На нихъ вѣшали дворянъ, чиновниковъ, прикащиковъ и всѣхъ непокорныхъ. Умершихъ вынимали изъ петли, обнажали, сбрасывали съ горы; и принимались за новыя жертвы. Число жителей переходившихъ на сторону самозванца увеличивалось. Они толпились около его палатки.

— Что это за люди и зачѣмъ пришли? спросилъ Пугачевъ.

— Обыватели города Саратова пришли къ вашему величеству съ покорностью, отвѣчали ему.

— Приведите ихъ къ присягѣ.

За палаткой находилось множество священниковъ, которые однакожь, прибавляетъ самовидецъ, были въ нетрезвомъ видѣ. Послѣ присяги, Пугачевъ обратился къ Саратовцамъ со слѣдующею рѣчью:

„Я вамъ законный императоръ. Жена моя увлеклась на сторону дворянъ, и я поклялся предъ Богомъ, истребить ихъ всѣхъ до единого. Они склонили ее чтобы всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство; но я этому воспротивился, и они всѣ вознегодовали на меня, подослали убійцъ, но Богъ спасъ меня. Я скрылся въ воронежскихъ лѣсахъ, вышелъ оттуда для освобожденія отечества отъ враговъ и на защиту вольности, драгоценной для всякаго Русскаго. Ступайте, живите и наслаждайтесь ею. Помните что у васъ есть императоръ, которому въ вѣрности вы дали клятву.“

Всѣ поклонились до земли и разбрелись въ разные стороны. *

* Эти подробности взяты изъ *Пугачевщины* г. Мордовцова (*Вѣстникъ Европы* т. I.), а имъ почерпнуты изъ рукописи Никитина, составленной со словъ очевидца Калмыкова. Въ запискахъ этихъ о дѣйствіяхъ Бошняка разказывается совершенно иначе нежели приведено выше, а

Передавшійся гарнизонъ Саратова значительно усилилъ шайку самозванца. Маіоръ Салмановъ и капитанъ Боратаевъ сперва были задержаны. Спросили о нихъ у солдатъ. Тѣ одобрили Салманова. Пугачевъ послалъ Перфильева спросить у маіора будетъ ли онъ вѣрно служить государю. Салмановъ присягнулъ и получилъ въ командованіе регулярныя войска. Боратаевъ тоже присягнулъ (допросы Пугачеву, стр. 48).

Саратовъ, по обыкновенію, преданъ былъ грабежу мятежниковъ и освобожденныхъ ими арестантовъ. Кто не успѣлъ припрятать цѣнныхъ вещей, долженъ былъ уступить ихъ грабителямъ; сопротивлявшихся убивали. Очевидецъ Каалмыковъ говоритъ что его особенно поразила одна толпа. Ею предводительствовалъ огромнаго роста мужикъ, одѣтый въ золотую поповскую ризу, а на головѣ, вмѣсто, шапки, бабій волосникъ. Воеводой города назначенъ казакъ Уфимцевъ; какъ и прежде въ другихъ мѣстахъ, въ Саратовѣ не позволяли убирать тѣла убитыхъ, и они лежали на улицахъ съ 6-го по 15-е августа. Тогда только назначенный графомъ Меллинымъ воевода Савельевъ приказалъ тѣла убитыхъ мятежниками похоронить, тѣла же бунтовщиковъ вывезти за городъ и бросить въ овраги.

Однако возстановленіе порядка въ Саратовѣ не кончилось очисткой города; вслѣдъ за мятежниками пришли войска Меллина и Муфеля (10-го августа), а потомъ Михельсона.

именно говорится что Бошнякъ вышелъ изъ Саратова навстрѣчу Пугачеву и засылъ въ лѣсу чтобы печально упасть на него, а между тѣмъ самъ былъ отрѣзанъ отъ города и едва спасся. Нашъ разказъ основанъ на показаніяхъ Державина, Ладыженскаго, самого Бошняка и капитана Ивана Сапожникова, а потому совершенно достоверенъ. Подробности эти легко могли быть искажены Каалмыковымъ или Никитинымъ и ввели автора *Пугачевщины* въ заблужденіе. Не гѣритъ что-то чтобы на Пугачевъ былъ фракъ и кортики. Или Каалмыковъ говорилъ со словъ другихъ, или глядя на Пугачева былъ въ страхѣ, отъ котораго ему могли почудиться и не фракъ да кортики. Г. Мордочевъ, какъ видно, имѣлъ доступъ къ саратовскимъ и царичинскимъ архивамъ, но, къ сожалѣнію, не напечаталъ никакихъ документовъ, а ихъ, вѣроятно, въ тѣхъ архивахъ было много, и лишилъ свои разказы о Пугачевщинѣ фактической достоверности. Сверхъ того онъ, кромѣ этихъ архивовъ, Пушкина и допросовъ Пугачева, не знаетъ никакихъ другихъ документовъ относящихся до исторіи пугачевского бунта и давно уже опубликованныхъ, а оттого разказы его по большей части не имѣютъ никакого достоинства и заключаютъ множество ошибокъ.

Всѣхъ и каждаго стали спрашивать кого признають они: Петра или Екатерину. Отвѣчавшіе невпопадъ подвергались казнямъ. Многіе отвѣчали: „мы за того, за кого и вы“.

Представивъ по возможности полную картину саратовской неурядицы, бывшей ближайшею причиною гибели города, можно теперь дать болѣе или менѣе вѣрное заключеніе о томъ кто былъ истиннымъ виновникомъ этого прискорбнаго событія. Не будь несогласій между Ботнякомъ, Державинимъ и Ладыженскимъ, они могли бы употребить противъ мятежниковъ только тѣ средства которыми располагали въ самомъ Саратовѣ, привлечь же къ нему помощь извнѣ они были не въ состояніи. Обстоятельства дѣла показываютъ что Саратовъ былъ предоставленъ собственнымъ своимъ средствамъ, и это слѣдуетъ отнести къ числу тѣхъ которые могли помочь Саратову. Князь Щербатовъ направилъ изъ Яицка генераль-маіора Мансурова на Сызрань и далѣе, но такая помощь не могла быть своевременна, и отъ войскъ дѣйствовавшихъ за Волгою Саратову нельзя было ожидать подмоги. Оставалась надежда на ближайшаго своего начальника—астраханскаго губернатора генераль-поручика П. Н. Кречетникова. Губернаторъ тѣмъ болѣе долженъ былъ подумать о помощи Саратову, что по смерти Бибикова всѣмъ губернаторамъ предоставлено было самимъ распоряжаться въ своихъ губерніяхъ. Кречетниковъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій къ оборонѣ Саратова; онъ не только не просилъ помощи съ Дона и отъ арміи князя Долгорукова, стоявшаго въ Полтавѣ, но даже, зная несогласія между главными лицами въ Саратовѣ, не переѣхалъ туда самъ. Пушкинъ передалъ о Кречетниковѣ весьма характеристичное указаніе; собираясь ѣхать въ Саратовъ, Кречетниковъ послалъ приказаніе заготовить для себя на каждой станціи по пятидесяти лошадей. И это въ то время когда Суворовъ прискакалъ изъ Молдавіи на перекладной, а Михельсонъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду гналъ за мятежниками!

Пошли ли бы дѣла лучше еслибы Кречетниковъ пріѣхалъ въ Саратовъ, разумѣется, сказать нельзя, но очевидно что въ минуту опасности ему слѣдовало находиться не въ Астрахани, а въ Саратовѣ.

Для полной характеристики тогдашнихъ событій и дѣятелей не можемъ не привести письма Ладыженскаго къ Державину (23-го октября, Саратовъ, № 102), въ коемъ Кречетниковъ выставляется въ печальномъ свѣтѣ.

„Кречетниковъ васъ и меня ругаетъ немилосердо и лжетъ во всё правительствѣ, въ которыя хотя малѣйшую имѣетъ причину увѣдомлять о разореніи Саратова, а о себѣ ничего не упоминаетъ, что онъ первый разоренія нашего причиною, ибо именнымъ указомъ предписано ему было въ Саратовѣ быть для охраненія своей губерніи; слѣдовательно, получа извѣстіе что злодѣй приближается къ Саратову, не только не мѣшкая самъ былъ долженъ скакать, да и войска оттуда выслать, ибо имѣлъ онъ двѣ легкія полевыя команды и болѣе 1.500 казаковъ, кромѣ гарнизоновъ, о чемъ ему отъ Никиты Аванасьевича Бекетова письменное дано было предложеніе, но онъ, упустивъ время, ни самъ не поѣхалъ, и Бекетова не допустилъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ самъ хотѣлъ ѣхать противу злодѣя. Впрочемъ, доношу о немъ, что онъ поступаетъ какъ сумасшедшій, никѣмъ въ Астрахани не любимъ, и только старается о набогащеніи себя, обираетъ всѣхъ кругомъ всякою всячиной, и только говорить что рубли класть въ сундукъ ничто не мѣшаетъ; отъ частаго повторенія сей рѣчи, сдѣлалась она уже пословицей.“ *

Говоря о Бошнякѣ, Ладыженскій упоминаетъ о его слабости въ Саратовѣ и прибавляетъ: „а все изъ лакомства.“ Замѣчательно, что многіе изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ Пугачевщину, Бибииковъ, Голицынъ, Павелъ Потемкинъ, Панинъ, да наконецъ и сама императрица, въ распространенномъ взяточничествѣ видѣли главнѣйшую причину возбужденія народа противъ мѣстныхъ властей. Какъ увидимъ ниже, графъ Петръ Панинъ обратилъ особое вниманіе на искорененіе взятокъ.

Приведенный отзывъ Ладыженскаго о Кречетниковѣ трудно повѣрить теперь во всѣхъ его подробностяхъ, но изъ подлинныхъ бумагъ видно, что неудачу подъ Саратовомъ Кречетниковъ приписывалъ Ладыженскому и Державину, не согласовавшимся въ дѣйствіяхъ съ Бошнякомъ. Кречетниковъ

* Я. Гротъ *Материалы для біографіи Державина*, стр. 77. Указаніе Ладыженскаго о дѣломъ Кречетникову повелѣніи быть въ Саратовѣ подтверждается слѣдующими словами самого Кречетникова въ рапортъ его государственной военной коллегіи 14-го декабря 1773 г. „По именинному ея императорскаго величества высочайшему повелѣнію отъ 22-го октября 1773 г. велѣно поспѣшить мнѣ прежде Астрахани въ Саратовъ, и доколѣ открывшееся возмущеніе въ Оренбургской губерніи бѣглыми Донскими казаками Пугачевымъ истреблено будетъ, остаться мнѣ въ Саратовѣ, стараться о искорененіи его какъ въ границахъ вѣрноподданной губерніи, такъ и сосѣдственныхъ мѣстахъ.“ Дѣло о Пугачевѣ, находящееся въ архивѣ бывшаго инспекторскаго департамента военнаго министерства, кн. 2, ст. 407.

писалъ Панину, въ сенатъ и графу Орлову, ближайшему начальнику Ладыженскаго.

Въ рапортѣ Панину, Кречетниковъ, отъ 28-го августа, изъ Астрахани, пишетъ, что причиною несогласій въ Саратовѣ былъ Ладыженскій „съ вѣтраннымъ человѣкомъ, гвардіи поручикомъ Державинымъ“, и что оба они, когда пришелъ злодѣй, „то въ тотъ самый день коменданту команду сдали, а самъ Ладыженскій въ Царицынъ, а Державинъ на Яикъ поѣхали“. Стараясь сложить съ себя отвѣтственность, Кречетниковъ продолжаетъ: „Заключу тѣмъ, какъ передъ Богомъ стать, что я живу, дѣйствительно, не имѣя себѣ помощника ни въ какихъ дѣлахъ, ни въ военныхъ, ни въ гражданскихъ; ибо товарищи мои оба обязаны рыбными промыслами, такъ у нихъ торги въ головѣ, а оберъ-комендантъ мой, кой кромѣ Астрахани ничего не знаетъ и нигдѣ не служивалъ, такъ и понятія ему взять негдѣ.“

Для лучшаго объясненія дѣла Кречетниковъ послалъ въ Петербургъ капитана Сапожникова, который выхвалялъ дѣяствія Бошняка. Противно истинѣ, Бошнякъ былъ выставленъ какъ защитникъ Царицына, что и было отмѣчено Пушкинымъ въ его *Историю Пугачевского бунта*, а затѣмъ повторяется всѣми писавшими о Пугачевщинѣ. Въ своемъ мѣстѣ мы докажемъ что это неосновательно, и для Царицына Бошнякъ ничего не сдѣлалъ, да и не могъ ничего сдѣлать.

Неистовства совершенныя Пугачевымъ въ Саратовѣ были тѣмъ печальнѣе что преслѣдовавшія его войска могли бы имъ воспрепятствовать. 4-го августа прибылъ въ Пензу графъ Меллинъ, и хотя весь слѣдующій день не могъ выйти оттуда, ибо разсралъ по окрестностямъ мелкія команды для возстановленія порядка, а также занять былъ въ самой Пензѣ, гдѣ назначилъ воеводой секретаря Андреева, но 6-го августа онъ вышелъ къ Саратову, 7-го соединился, въ Петровскѣ, съ отрядомъ подполковника Муфеля, пришедшаго отъ Симбирска, и поступилъ подъ его команду. 97 верстъ раздѣляли войска отъ мятежниковъ. Этого разстоянія, по тогдашнему образу дѣйствій, было только на два перехода, но Муфелю не достало рѣшимости смѣло идти впередъ, а Михальсонъ, къ сожалѣнію, шелъ сзади въ разстояніи пяти дней, и ожидать его было невозможно. По словамъ Муфеля, тѣ мѣста были „такъ заражены и въ такомъ жалкомъ состояніи, что

мужики ловятъ для истребленія дворянъ и ведутъ къ злодѣю Пугачеву, который разными варварствами истребляетъ“. Не доходя до Саратова пятидесяти верстъ и узнавъ отъ лазутчиковъ что Пугачевъ еще на прежнемъ мѣстѣ, въ трехъ верстахъ отъ Саратова, и собирается угощать свою толпу, Муфель выслалъ впередъ ротмистра Поддьяконова съ казаками, который атаковалъ толпу и захватилъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, объявившихъ что въ городѣ сборище мятежниковъ. Тогда пошелъ впередъ графъ Мелланъ, разбилъ это сборище, убивъ болѣе ста человекъ, и взявъ 60 человекъ плѣнныхъ. Въ числѣ убитыхъ былъ яцкій казакъ Митрасовъ, изъ ближайшихъ совѣтниковъ Пугачева. Казалось бы, успѣхъ этотъ долженъ былъ ободрить Муфеля и заставить его быть рѣшительнѣе, но онъ вступилъ въ Саратовъ только 10-го августа, на другой день по выходѣ оттуда Пугачева. Нѣтъ никакихъ указаній, но не подлежитъ сомнѣнью, что приближеніе Муфеля и Меллина заставило Пугачева оставить Саратовъ, гдѣ его толпѣ досталась богатая добыча.

Панинъ еще до выѣзда изъ Москвы получилъ вѣсть о взятіи Саратова. Въ ордеръ Михельсону (15-го августа) главнокомандующій дѣлаетъ замѣчаніе Меллину и Муфелю за то что они не подоспѣли къ Саратову для его спасенія, и находясь по близости, не атаквали его соединенными силами. Выхваляя мужество и распорядительность Михельсона, Панинъ говоритъ: „Видно, что десница Вышняя, снабдившая васъ превосходными передъ ними (Меллинымъ и Муфелемъ) дарованіями и мужествомъ, приготовляетъ вашей же прославившейся рукѣ сдѣлать послѣднее пораженіе сему злѣйшему врагу Россіи, и я ласкаю себя, что между симъ уже вы оное къ умноженію безсмертной вашей славы и произвестъ изволили.“

Предугадавъ приближавшееся тогда событіе, Панинъ полагалъ что Пугачевъ можетъ укрѣпиться въ Саратовѣ и поручалъ Михельсону блокировать тамъ самозванца въ ожиданіи помощи отъ Мансурова, Голицына, Древица и Чорбы, а къ тому же, прибавлялъ онъ, подоспѣть могъ капитанъ Галаховъ, собственно отъ императрицы „отправленный съ нѣкоторымъ средствомъ общающимъ удобность получить самого злодѣя въ руки“. Впрочемъ, Панинъ надѣялся, „что нашъ герой Михельсонъ“ ничего изъ виду не упуститъ.

Занявъ Саратовъ, Муфель не пошелъ далѣе, а дождался тамъ полковника Михельсона, съ которымъ и соединился 13-го августа; всѣхъ войскъ въ трехъ отрядахъ, поступившихъ подъ команду энергическаго Михельсона, было болѣе 2.000 человекъ.*

ДМИТРІЙ АНУЧИНЪ.

(До слѣд. №.)

* Донесеніе кн. Волковскаго императрицѣ 19-го августа. Дѣло № 26.429.

ГЕНЕРАЛЬ УЛИССЪ СИМПСОНЪ ГРАНТЪ *

Не далѣе какъ девять лѣтъ тому назадъ человекъ въ крайней нуждѣ бродилъ по улицамъ Сень-Луиса, не имѣя ни друга, ни надежды. Онъ покинулъ почетную службу вслѣдствіе неприяностей, и испыталъ свои силы на поприщѣ фермерства, что стоило ему много хлопотъ и доставило мало выгоды, напрасно сталъ искать другихъ занятій. Онъ торговалъ шерстью, былъ агентомъ по сбору долговъ, занимался по аукціонамъ, но во всѣхъ этихъ занятіяхъ не могъ успѣшно соперничать съ людьми болѣе привыкшими къ дѣлу; послѣднюю надежду свою онъ возложилъ на получение незначительной мѣстной должности, но ему было наотрѣвъ отказано, съ намекомъ что у него нѣтъ хорошихъ рекомендацій. „Къ чему, могъ напентывать злой гений этому бывшему капитану, не имѣвшему ни состоянія, ни имени, ни надежды, къ чему бороться долѣе противъ судьбы? На свѣтѣ нѣтъ мѣста для тебя и тебѣ подобныхъ. Успѣхъ ускользнулъ отъ тебя. Твой день надежды миновалъ. Брось напрасныя усилія поправить свои дѣла и разбей свой чеданъ.“ Съ другой стороны, его ангелъ хранитель могъ убѣждать его не терять бодрости, напоминая ему что на отдаленныхъ равнинахъ Мексики онъ отличился безупречною храбростію и поведеніемъ; что пріобрѣтенное имъ тогда имя еще не совсѣмъ утрачено; что въ мирной

* Заимствовано изъ *Edinburgh Review*, January 1869.

повидимому, и заботящейся о деньгахъ странѣ, гдѣ ему суждено жить, таятся элементы смертельной борьбы которая можетъ скоро вспыхнуть, и что тогда его воинскія качества явятся въ полномъ блескѣ и поставятъ его славу и положеніе настолько же выше обыкновенныхъ людей, насколько нынѣ онъ кажется безнадежно позади ихъ. Кто можетъ сказать навѣрное, толпились ли подобныя мысли въ его головѣ и какъ одержали верхъ лучшія намѣренія? Но достоверно что бывшій капитанъ Улиссъ Грантъ оставилъ Сень-Луисъ и его искушенія, вернулся въ Галену, въ Иллинойсѣ, гдѣ жилъ его отецъ, и нашелъ тамъ занятіе. Такимъ образомъ случай заставилъ будущаго главнокомандующаго и президента провести слѣдующіе два года своей жизни за скромнымъ занятіемъ помощника кожевеннаго торговца. Время проходило для него спокойно, но не подавало надежды возвратитъ утраченное положеніе, до тѣхъ поръ пока великія событія апрѣля 1861 года не вызвали Южанъ на рѣшительный ударъ въ фортъ Самтеръ и не воодушевили Сѣверянъ при неожиданномъ призывѣ Линкольномъ 75.000 волонтеровъ.

Вмѣстѣ со всѣми образованными людьми Соединенныхъ Штатовъ, Грантъ съ напряженнымъ интересомъ слѣдилъ за приближеніемъ разрыва. Уроженецъ Запада и гражданинъ великаго свободнаго штата, къ числу сыновъ коего принадлежалъ тогда и самъ президентъ республики, Грантъ изъ патриотизма и по инстинкту съ жаромъ сталъ на сторону Союза. Не менѣе побуждалъ его къ этому и личный интересъ, ибо здѣсь онъ могъ имѣть въ виду давно желанный случай сразу подняться на тотъ уровень съ коего онъ упалъ. Подобно многимъ другимъ бывшимъ офицерамъ арміи, ставшимъ на сторону Сѣвера, онъ тотчасъ же написалъ въ Вашингтонъ, прося назначенія. Но не военное вѣдомство открыло ему первый путь къ славѣ. Его просьба, подобно просьбѣ Гукера и нѣкоторыхъ другихъ менѣе извѣстныхъ офицеровъ, была оставлена безъ вниманія. Къ счастью, однакоже, онъ не на одно это разчитывалъ. Еще до того онъ началъ набирать и обучать роту въ городѣ Галенѣ, и въ теченіе восьми дней послѣ прокламаціи привелъ свой небольшой отрядъ въ такой порядокъ что могъ представить его губернатору Йетсу (Yates) въ Спрингфильдѣ, столицѣ штата. Военные люди, сколько-нибудь свѣдущіе, были чрезвычайно

рѣдки на Западѣ, между тѣмъ какъ военный и патриотическій энтузіазмъ былъ необычайный. Губернаторъ поговоривъ немного съ Грантомъ, охотно взялъ его къ себѣ на службу для содѣйствія въ организаціи волонтеровъ штата. Его спеціальныя знанія (такъ какъ онъ служилъ квартирмейстеромъ), его энергія, его вниманіе къ подробностямъ, дѣлали его въ высшей степени полезнымъ помощникомъ, и когда пять недѣль спустя 21-й полкъ Иллинойса просилъ губернатора дать ему полковника, то г. Йетсъ указалъ на скромно одѣтаго человѣка писавшаго въ уголку его комнаты, и сказалъ депутатамъ: „Джентльмены, я не могу дать вамъ лучшаго начальника какъ капитана Гранта.“ Грантъ, однакоже, не тотчасъ воспользовался этимъ назначеніемъ; прежде чѣмъ принять его онъ дважды ѣздилъ въ Сивисиннати, гдѣ въ то время Макъ-Клелланъ набиралъ войска съ коими онъ вскорѣ потомъ отличился въ западной Виргиніи. Онъ еще прежде хорошо зналъ Макъ-Клеллана и надѣялся найти мѣсто въ его штабѣ, но оба раза не заставъ генерала въ городѣ, возвратился окончательно въ Иллинойсъ и принялъ начальство надъ своимъ полкомъ. Назначеніе это, подобно всѣмъ другимъ такимъ назначеніямъ, было одѣлано всего на три мѣсяца, и потому-то, безъ сомнѣнія, Грантъ желалъ найти какое-либо болѣе постоянное, хотя бы номинально и болѣе скромное мѣсто. Для военныхъ біографовъ могутъ быть интересны предположенія, какова была бы карьера Гранта еслибъ онъ связалъ ее съ карьерой Макъ-Клеллана, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію что онъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, утратилъ бы случай къ личному отличію, и что, поѣтому, его неудача встрѣтить стараго товарища оказалась для него замѣчательнымъ счастіемъ.

Принявъ въ началѣ іюня 1861 года начальство надъ 21-мъ полкомъ иллинойскихъ волонтеровъ, Грантъ получилъ немедленно приказаніе перейти чрезъ границу въ Миссури, гдѣ въ это время въ каждомъ округѣ шла борьба. Первый регулярный начальникъ его былъ генералъ Поупъ, предписавшій ему стать въ городѣ Мексико. Здѣсь онъ встрѣтилъ нѣсколько другихъ полковъ волонтеровъ, и полковники обратились съ просьбой къ нему, какъ къ единственному свидѣющему изъ нихъ офицеру, чтобъ онъ распорядился за бригаднаго начальника, въ ожиданіи пока явится какой-нибудь генералъ, но уже недѣлю спустя было обнародовано назначеніе его, вмѣстѣ съ двад-

цатью тремя другими офицерами, бригаднымъ командиромъ волонтеровъ. Г. Вашбернъ, известный членъ палаты представителей и житель Галены, не замѣчавшій своего скромнаго сосѣда въ мирные дни предшествовавшіе паденію форта Самтера, обратилъ вниманіе на ревностныя старанія Гранта дать военный строй волонтерамъ сначала города, а потомъ всего штата. Поддерживаемый другими представителями Иллинойса, онъ ходатайствовалъ предъ Линкольномъ за новаго полковника, какъ за человѣка способнаго занять высшую должность, и по его просьбѣ Грантъ былъ включенъ въ разрядъ перваго значительнаго производства генераловъ которое было необходимо при возрастающихъ размѣрахъ войны. Для самого Гранта повышение это было совершенно неожиданно, и онъ узналъ о немъ въ Мексикѣ прежде всего изъ газетъ, вовсе не зная кто ему этимъ удружилъ.

Такъ-называемымъ западнымъ департаментомъ, только что образованнымъ изъ Иллинойса и штатовъ къ западу отъ Миссиссипи, въ это время командовалъ генералъ-маіоръ Фримонтъ. Его главная квартира помѣщалась въ Сентъ-Луисѣ, гдѣ онъ уже принималъ на себя тотъ безразсудный диктаторскій тонъ который вскорѣ сдѣлался причиной его смѣны. Онъ имѣлъ серьезное опасеніе за южную часть Миссури, которая была переполнена партизанами изъ Арканзаса, и коей грозили значительныя силы собиравшіяся, какъ было извѣстно, конфедератистами въ Тенесси. Ключомъ къ защитѣ штата былъ городъ Каиро, пунктъ соединенія Огайо и Миссиссипи, и сюда-то генералъ Грантъ (выбранный Фримонтомъ скорѣе за свою извѣстную заботливость и аккуратность чѣмъ за предполагаемая въ немъ высшія качества) былъ посланъ въ началѣ сентября съ двумя бригадами для начальства надъ „округомъ юго-восточнаго Миссури“, включавшимъ и значительныя части прилежащихъ штатовъ. Фримонтъ въ это время, повидимому, намѣренъ былъ держаться преимущественно оборонительнаго положенія; но его лейтенантъ думалъ иначе, и сразу сталъ искать случая къ дѣйствию, который ему весьма скоро представили дѣйствія конфедератистовъ въ сосѣдней мѣстности. До сихъ поръ они, находясь на восточной сторонѣ Миссиссипи, были отдѣлены отъ федеральныхъ войскъ близъ Каиро полосой штата Кентукки, объявившаго себя нейтральнымъ. Несмотря на это, Полькъ, извѣстный южный епископъ-генералъ,

вступилъ въ этотъ штатъ съ цѣлью захватить и укрѣпить Колумбъ, важный пунктъ на великой рѣкѣ. Одинъ офицеръ его штаба достигъ Падукаха, небольшого городка стоящаго при впадении рѣки Тенесси въ Огайо. Казалось вѣроятнымъ что конфедератисты, разъ утвердившись здѣсь, запретятъ Огайо столь же успѣшно какъ они уже запретили Миссиссипи, между тѣмъ какъ ихъ батареи охраняли бы доступъ вверхъ по Тенесси во внутренность центральныхъ штатовъ новой конфедераціи. Грантъ рѣшился не допустить этого. Теперь ему уже нечего было уважать предполагаемый нейтралитетъ Кентукки, и онъ смѣло могъ двинуться на угрожаемый пунктъ. Прибывъ 2-го сентября въ Каиро, 5-го онъ услышалъ о приближеніи Полька, и отправивъ къ Фримонту телеграмму съ извѣщеніемъ что онъ приступитъ къ исполненію своего плана, „если не получить запрещенія“, двинулся вверхъ по Огайо и рано на слѣдующее утро былъ предъ Падукахомъ. Собранные тамъ рекруты конфедератистовъ бѣжали изъ города, и Грантъ, занявъ его сильнымъ гарнизономъ, вернулся въ Каиро прежде чѣмъ получилъ разрѣшеніе Фримонта двинуться, „если онъ находитъ свои силы достаточными“. Вскорѣ онъ навлекъ на себя выговоръ своего начальника за то что вошелъ въ прямыя сношенія съ законодательнымъ собраніемъ Кентукки; но послѣднее, до сихъ поръ подчинявшееся вліянію враждебнаго Сѣверу губернатора, теперь утвердило резолюціи въ пользу Союза, и о нейтралитетѣ штата не было болѣе рѣчи. Какъ ни незначительны подробности этихъ событій, но энергія обнаруженная при этомъ Грантомъ, успѣшность съ какою онъ употребилъ въ дѣло довѣренныя ему неопытныя сухопутныя и морскія силы, рѣшительность съ какою двинулся на нейтральную до того почву, предваряя опоздалое разрѣшеніе, наконецъ, ясный стратегическій взглядъ приведшій его въ Падукахъ, мѣсто ставшее въ высшей степени важнымъ, — все свидѣтельствуетъ что онъ уже въ то время обладалъ тѣми самыми качествами полководца которыя потомъ были признаны за нимъ цѣлымъ свѣтомъ. Въ адресѣ изданномъ имъ при вступленіи въ горбѣ не менѣе ясно обнаруживаются и другія качества, а именно: умѣренность, тактъ и здравый смыслъ политика, и такъ какъ это былъ первый важный документъ его общественной жизни, то не мѣшаетъ привести его слова:

„Падукахъ, Кентукки, 6-го сентября 1861 г.

„Граждане Падукаха! Я пришелъ къ вамъ не какъ непріятель, а какъ вашъ согражданинъ; не для того чтобы мучить или беспокоить васъ, но чтобы уважать и отстаивать права всѣхъ вѣрныхъ гражданъ. Врагъ возмущившійся противъ нашего общаго правительства занялъ Кентукки, поставилъ свои пушки на его почвѣ и стрѣлялъ въ васъ. Колумбъ и Хикманъ въ его рукахъ. Онъ направляется на вашъ городъ. Я здѣсь чтобы защищать васъ противъ этого врага, чтобы помогать власти и господству вашего правительства. Мнѣ вѣтъ дѣла до мнѣній, и я буду сражаться только съ открытымъ мятежомъ и людьми ему содѣйствующими. Вы можете безъ опасенія продолжать ваши обычные занятія. Сильная рука правительства будетъ охранять его друзей и карать его враговъ. Когда окажется что вы будете въ состояніи сами защищать себя, поддерживать власть правительства и охранять права гражданъ, я уведу войска находящіяся подѣ моимъ начальствомъ.“

Обезпечивъ такимъ образомъ Огайо до его устья и имѣя въ Падукахъ ключъ для будущихъ операцій вверхъ по Теннесси, Грантъ направилъ затѣмъ свое вниманіе внизъ на Миссиссипи, гдѣ Полькъ обращалъ Колумбъ въ важный пунктъ господствующій надъ рѣкой. „Еслибъ отъ меня зависѣло, писалъ онъ къ Фримонту 10-го сентября, то съ небольшимъ подкрѣпленіемъ къ моимъ настоящимъ силамъ я взялъ бы Колумбъ.“ Но его начальникъ, смотрѣвшій на гарнизонъ Каиро какъ на второстепенный отрядъ лишь для содѣйствія своимъ собственнымъ дѣйствіямъ во внутренности Миссури, не далъ никакого отвѣта. До ноября мѣсяца Гранту не разрѣшалось ничего кромѣ организаціи его баталіоновъ волонтеровъ и укрѣпленія его позиціи; но 3-го ноября къ нему пришло предписаніе отдѣлить отрядъ на западъ для содѣйствія движеніямъ Фримонта на границахъ Арканзаса. Предписаніе это привезъ полковникъ Огльсби, а 5-го ноября Фримонтъ телеграфировалъ въ Каиро чтобы Грантъ сдѣлалъ демонстрацію къ Колумбу съ цѣлю не допустить Польку отдѣлить отряды чрезъ Миссиссипи на помощь конфедератистамъ въ Арканзасъ. На слѣдующій день, по этому, Грантъ двинулся внизъ по теченію на прежде заготовленныхъ имъ транспортахъ, взявъ всѣ годныя въ дѣло войска, въ числѣ 3.000 человекъ, изъ коихъ значительная

часть была вооружена только *за пять дней* до того. Съ такимъ неопытнымъ матеріаломъ вступилъ онъ въ дѣло.

Въ 2 часа утра 7-го ноября Грантъ узналъ что за день предъ тѣмъ Полькъ переправилъ значительный отрядъ въ Бельмонтъ, пунктъ лежащій насупротивъ и подъ пушками Колумба, съ цѣлю отрѣзать Огльсби отъ Каиро. Онъ тотчасъ же рѣшилъ измѣнить предписанную демонстрацію въ дѣйствительную атаку и неожиданнымъ захватомъ лагеря конфедератистовъ помѣшать предположенной ими операціи. Высадивъ людей на западномъ берегу въ недалекомъ разстояніи отъ Колумба, онъ оставилъ одинъ баталіонъ въ резервѣ для прикрытія судовъ, и съ остальною частью двинулся на лагерь бывшій въ трехъ миляхъ оттуда, разсыпая людей въ цѣпь по мѣрѣ приближенія. Вскорѣ они встрѣтились съ конфедератистами, и долгое время было много шума и мало успѣха, какъ и естественно было ожидать отъ такихъ непривычныхъ солдатъ, но храбрость Гранта и генерала Макъ-Клернанда, бригаднаго начальника волонтеровъ бывшаго подъ его начальствомъ (у обоихъ изъ нихъ были убиты лошади во время атаки), заставила ихъ искусныя войска идти впередъ и взять лагерь непріятеля, причемъ послѣдній, въ числѣ 2.500 человекъ подъ начальствомъ генерала Пиллоу, былъ отброшенъ къ берегу. Здѣсь преслѣдованіе и успѣхъ кончились, ибо, говоря словами одного сѣвернаго разкащика, „солдаты вели себя какъ школьники, между тѣмъ какъ ихъ полковники произносили краткія рѣчи о необходимости поддержать Союзъ“. Только когда собственный штабъ Гранта зажегъ лагерь и привлекъ на него выстрѣлы артиллеріи изъ Колумба, былъ восстановленъ нѣкоторый порядокъ въ войскахъ федералистовъ. Удержать взятую мѣстность имъ не было возможности, такъ какъ верки непріятеля совершенно господствовали надъ лагеремъ. Самымъ лучшимъ войскамъ ничего бы не оставалось какъ отступить въ порядкѣ къ судамъ, но этотъ подвигъ былъ не по силамъ федералистамъ. Полькъ въ это время не оставался въ бездѣйствіи и переправилъ на судахъ пять полковъ чтобы взять нападающихъ во флангъ. Три полка уже успѣли высадиться, и ихъ цѣпи размѣщались въ мѣсту между федералистами и ихъ транспортами. „Мы окружены“, сказалъ одинъ изъ офицеровъ, подкакавъ къ Гранту съ горячностью человека бывшаго въ первый разъ въ дѣлѣ. „Хорошо,

отвѣчалъ Грантъ спокойно, если такъ, то мы должны пробиться назадъ какъ пробудись впередъ.“ Нѣкоторые солдаты, при первомъ видѣ засады, хотѣли тотчасъ же положить оружіе, но ободрившись спокойствіемъ своего вожда, устремились впередъ и безъ большого затрудненія продолжили себѣ дорогу. Грантъ, дѣйствительно, открылъ тайну, къ коей въ послѣдствіи онъ такъ часто прибѣгалъ съ успѣхомъ, а именно, что когда обѣ стороны одинаково недисциплинованы и разстроены, то успѣхъ принадлежитъ тому кто держится смѣлѣе и быстрѣе двинется въ атаку. Посадить войска на суда было не легко, такъ какъ онъ желалъ увезти какъ можно болѣе раненыхъ. Его солдаты были слишкомъ разстроены чтобы слушать приказанія; никто изъ штаба не имѣлъ ни малѣйшей опытности, а резервный баталіонъ безъ всякаго распоряженія самъ сѣлъ на транспорты. Грантъ оставался послѣднимъ на берегу, и застрѣльщики конфедератистовъ подошли къ нему такъ близко что онъ былъ бы убитъ, еслибъ они не были заняты стрѣльбой въ экипажъ судовъ и не допустили его ускользнуть изъ ихъ рукъ, не узнавъ его чина подъ его простымъ сюртукомъ.

Битва при Бельмонтѣ, какъ веверѣчиво прозвано было это сраженіе, стала предметомъ спора превозшедшаго самое ея значеніе. Полькъ, прогнавъ нападавшихъ, видя что они сѣли на суда въ безпорядкѣ и взявъ въ плѣнъ многихъ изъ ихъ раненыхъ, громко приписалъ себѣ побѣду. Грантъ, съ своей стороны, достигшій своей прямой цѣли, заслужившій довѣріе солдатъ и нанесшій непріятелю гораздо большій уронъ (включая захваченныхъ имъ 200 плѣнныхъ) чѣмъ какой понесъ самъ, считалъ битву хорошимъ успѣхомъ, а поднявшійся духъ его войскъ вполне оправдывалъ его похвалу. Но на Сѣверѣ уже добивались во чтѣ бы ни стало вторженія въ непріятельскую страну, и зная только фактъ что войска отступили съ занятаго ими пункта, долго говорили объ этомъ какъ о пораженіи, которое было извиняемо только поздневѣшными успѣхами. Нѣтъ сомнѣнія, что по этой причинѣ Грантъ нѣсколько лѣтъ спустя, когда онъ уже достигъ высочайшихъ военныхъ почестей, взявъ назадъ первоначально посланное имъ краткое донесеніе о дѣлѣ и замѣнилъ его подробнымъ разказомъ о томъ какая была цѣль экспедиціи и на сколько она была достигнута. Достойно замѣчанія что это поздневѣшнее донесеніе совершенно согласно, исключая болѣе точнаго

обозначенія потери, съ описаніемъ дѣла сдѣланнымъ имъ въ письмѣ къ отцу написанномъ на другой день послѣ битвы. Взглядъ разгоряченной журналистики на дѣло при Бельмонтѣ не раздѣлялся опытными воинами выступавшими теперь для руководства войной. Немного дней спустя, одинъ изъ нихъ, генералъ Галлекъ, прибылъ въ Сень-Луисъ на смѣну Фримонта. Онъ не только оставилъ Гранта на мѣстѣ, но въ декабрѣ еще расширилъ его команду, причисливъ къ его округу почти весь Кентукки и такимъ образомъ возложивъ на него главную роль въ стратегіи слѣдующей кампаніи. Объ этомъ самомъ Кентукки, центральномъ штатѣ военныхъ дѣйствій, Шерманъ тогда уже, къ негодованію довѣрчивыхъ политиковъ, предсказывалъ что понадобится 200.000 человекъ для удержанія его въ Союзѣ.

1862 годъ открылъ новую фазу войны. Она прошла чрезъ періодъ мѣстныхъ раздоровъ, конституціонныхъ мѣръ и отдѣльныхъ дѣйствій штатовъ и стала серіозною борьбой громадныхъ размѣровъ между двумя великими отдѣлами распавшейся націи, словомъ, такою междуусобною войной, какой еще не видывалъ свѣтъ и отъ исхода коей зависѣло не только единство націи, но направленіе всей судьбы цѣлаго материка. Мечъ Сѣвера, медленно заносимый, но страшный въ своей силѣ, былъ теперь совершенно обнаженъ, хотя еще не наступило время для Линкольна прокламаціей противъ невольничества отбросить въ сторону ножны и заручить Союзъ будущаго времени принудительнымъ освобожденіемъ, привлекиши такимъ образомъ на свою сторону сочувствіе цѣлага свѣта.

Чтобы понять стратегическія дѣйствія послѣдовавшей весенней кампаніи, необходимо сдѣлать общее обзорѣніе линіи конфедератистовъ которую предстояло атаковать. Она началась на востокъ въ Кентукки, гдѣ стоялъ Сидней Джонстонъ съ 25.000 человекъ, преувеличенными по слухамъ до 100.000, шла черезъ Кентукки въ Миссиссипи на Колумбъ и оттуда въ Арканзасъ, гдѣ собирались неизвѣстныя въ точности, но, по слухамъ, весьма значительныя силы для отраженія всякаго вторженія изъ Миссури. Центромъ этой линіи можно считать полосу Кентукки, простирающуюся отъ Миссиссипи на шестьдесятъ миль на востокъ черезъ Тенесси къ Кумберланду, большому ручью впадающему въ Огайо. Слабость этой части ихъ линіи не была неизвѣстна конфедера-

тистамъ, потому что Тенесси и Кумберландъ во время весны бываютъ открыты для пароходовъ далеко вверхъ по теченію, и федералисты, владѣя устьями обѣихъ рѣкъ со времени захвата Грантомъ Падукаха, какъ было извѣстно, постоянно увеличивали свои транспорты въ этомъ пунктѣ и въ Каиро, имѣя въ виду или пробиться въ Миссиссипи, или проникнуть чрезъ Кентукки въ Тенесси по меньшимъ рѣкамъ. Предполагалось, однакоже, что эти рѣки могли быть заперты укрѣпленіями, подобно тому какъ заперта была Миссиссипи, и съ этою цѣлью на самомъ узкомъ мѣстѣ между обѣими рѣками, гдѣ онѣ находятся всего въ разстояніи пятнадцати миль, были возведены фортъ Генри на правомъ или внутреннемъ берегу Тенесси и фортъ Дональдсонъ на лѣвомъ берегу Кумберланда. Заслуга послѣдовавшихъ дѣйствій была вообще приписана Галлеку, но справедливость требуетъ замѣтить что Грантъ и бывший при немъ начальникъ флота, храбрый Футъ, еще въ началѣ года просили позволенія захватить фортъ Генри чтобы, по крайней мѣрѣ, имѣть рѣку Тенесси открытою и парализовать силы конфедератовъ на Кумберландѣ и при Колумбѣ, разорвавъ сообщеніе между ними и поочередно имъ угрожая.* Съ другой стороны, предписанія Галлека и заботливость съ какою онъ сосредоточивалъ средства въ рукахъ Гранта достаточно указываютъ что онъ самъ еще прежде рѣшился на тотъ самый планъ который хотѣлъ исполнить его помощникъ, и такъ какъ онъ одинъ могъ руководить дѣйствіями на всемъ заднемъ театрѣ войны, то совершенно справедливо что заслуга первоначальнаго плана должна остаться за нимъ. Такимъ образомъ Грантъ и Футъ 2-го февраля выступили въ дѣло съ 17.000 и семью канонирскими лодками, и началась весенняя кампанія 1862 года, которую энергіи Гранта суждено было привести къ несравненно большимъ результатамъ чѣмъ предполагалъ задумавшій ее начальникъ.

Планъ Гранта и Фута былъ тотъ чтобъ атаковать фортъ Генри одновременно съ суши и съ воды, съ цѣлью отрѣзать гарнизонъ и взять его вмѣстѣ съ укрѣпленіями. Планъ этотъ, однакоже, не пришлось осуществить, потому что начальствовавшій фортомъ Тильгманъ, во избѣжаніе

* Письма Фута, отъ 28-го января, и Гранта, отъ 29-го, къ Галлеку указываютъ на возможность и выгоды взятія форта Генри.

подобной случайности, отослалъ пѣхоту, и видя что его артиллеристы не могутъ оставаться на мѣстахъ подъ выстрѣлами канонирскихъ лодокъ, сдался Футу безусловно. Слѣдующія предписанія Галлека указывали скорѣе на сильное занятіе взятаго такимъ образомъ пункта неприятельской линіи чѣмъ на дальнѣйшія подобныя дѣйствія на Кумберландѣ, но его болѣе смѣлый лейтенантъ, становясь по мѣрѣ успѣха на высоту своего положенія, тотчасъ же телеграфировалъ о своемъ намѣреніи идти черезъ узкую полосу земли между обѣими рѣками на фортъ Дональдсонъ и отдалъ соответствующій приказъ войскамъ. Его намѣреніе было остановлено на время неожиданнымъ возвышеніемъ воды въ Тенесси, которая затопила дороги на востокъ и, какъ доносилъ Грантъ, совершенно блокировала армію. Услышавъ о томъ, Галлекъ снова говорилъ въ своихъ предписаніяхъ объ однихъ оборонительныхъ мѣрахъ. Рѣшеніе Гранта было, однакоже, твердо принято, съ тою рѣшительностью характера которая характеризуетъ всю его военную карьеру. Онъ написалъ въ Каиро, прося сколько возможно подкрѣпленій, и къ Футу, который въ то время изслѣдовалъ Тенесси, предлагая ему обогнуть съ своею флотиліей къ Кумберланду для содѣйствія ему. „Я увѣренъ что не должно медлить въ настоящемъ случаѣ“, говорилъ онъ 10-го февраля, и увидя 12-го возможность двинуться, тотчасъ же двинулся на фортъ Дональдсонъ. Разстояніе было около двѣнадцати миль, и такъ какъ непріятель оставался въ оборонительномъ положеніи, хотя въ это время и не уступалъ въ численности войска нападающимъ, то Грантъ послѣ полудня уже стоялъ въ виду укрѣпленій, размѣстивъ пикеты, и приготовился окружить крѣпость съ такимъ хладнокровіемъ какъ будто бы его силы втрое превосходили гарнизонъ. Послѣдовавшіе немногіе дни были, вѣроятно, самыми тревожными въ его жизни. У него не хватало пушечныхъ зарядовъ. Его солдаты, пришедшіе безъ палатокъ, кочевали отъ холодныхъ дождей и изморози. Панцирные канонирскія лодки потерпѣли 14-го февраля поражение, пытаясь пробиться мимо защищавшихъ рѣку укрѣпленій, и самъ Футъ былъ раненъ. Только въ эту самую ночь полученныя подкрѣпленія довели войско до числа превосходявшаго силу непріятели. Когда на слѣдующій день непріятель сдѣлалъ вылазку съ цѣлью прорвать линіи нападавшихъ, Грантъ былъ въ отсутствіи,

отправившись посѣтить раненаго Фута; поспѣшно возвратясь, онъ нашелъ свои войска деморализованными вслѣдствіе потерь, хотя они и видѣли что врагъ отступаетъ. Его настойчивость и военная быстрота соображенія изменили сомнительное дѣло въ блестящій успѣхъ. „Полны ли ихъ ранды?“ спросилъ онъ, видя нѣсколько пльнныхъ. Въ нихъ было найдено продовольствія на три дня. „Ну, такъ они хотѣли пробыться, а не драться“, сказалъ онъ, и обращаясь къ своимъ разстроеннымъ солдатамъ, прибавилъ: „Теперь одержить верхъ кто первый нападетъ“. Затѣмъ, круто повернувъ на лѣвый флангъ который не былъ атакованъ во время вылазки, онъ приказалъ немедленный приступъ на укрѣпленія. Этимъ флангомъ командовалъ генералъ Смитъ, отличный офицеръ регулярной арміи, но уже довольно пожилой. При первой ихъ встрѣчѣ Смитъ былъ начальникомъ коллегіи въ Вестъ-Пойнтѣ, а его настоящій начальникъ однимъ изъ кадетовъ. „Теперь я подчиненный, и я знаю обязанность солдата“, сказалъ онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ Гранту, видя его естественную нерѣшительность, когда приходилось давать приказанія: „повтому, я надѣюсь, вы не будете чувствовать неловкости въ нашихъ новыхъ отношеніяхъ“. Какъ уже въ предшествовавшихъ движеніяхъ онъ обнаружилъ точную исполнительность, такъ и теперь онъ повелъ своихъ солдатъ съ горячностью молодого воина. Чтò рѣдко повторялось во время войны, укрѣпленія сразу были взяты приступомъ. Фальшивыя атаки, которыя повелъ Грантъ своимъ правымъ флангомъ и центромъ на другія части крѣпости, отвлекали вниманіе конфедератистовъ и мѣшали имъ сосредоточить силы дабы вытѣснить Смита, такъ что къ ночи его дивизія все еще имѣла въ своихъ рукахъ ключъ форта. Остальная часть исторіи хорошо извѣстна въ ея странныхъ подробностяхъ. Постыдный страхъ побудившій Флойда и Пиллоу послѣдовательно оставить войска бывшія подъ ихъ начальствомъ; славный бѣгъ съ кавалеріей полковника Форреста (въ послѣдствіи отличнаго генерала конфедератистовъ); напрасныя попытки Бекнера, третьяго начальника гарнизона, выговорить капитуляцію; рѣшительное требованіе Гранта, видѣвшаго положеніе дѣлъ, безусловной сдачи, съ извѣстною угрозой: „Я намѣренъ немедленно идти на ваши укрѣпленія“, и послѣдовавшій триумфъ,—все это въ подробности было сообщено въ официальныхъ разказахъ обѣихъ

сторонѣ. Между тѣмъ какъ она справедливо постигла двухъ бѣжавшихъ вождей Южанъ, крикъ восторга пробѣжалъ по Сѣверу при этомъ неожиданномъ успѣхѣ. 14.000 плѣнныхъ отправленныхъ въ Каиро представляли надежный залогъ будущихъ успѣховъ на Западѣ, и этого было достаточно дабы уравнивать позоръ битвы при Буллъ-Ронѣ и даже склонить выгоду на сильнѣйшую сторону. Стантонъ тотчасъ же предложилъ наградить Гранта чиномъ генераль-маіора волонтеровъ, и въ тотъ же день его имя перешло отъ военнаго секретаря къ президенту и отъ президента въ сенатъ. Одинъ Галлекъ, казалось, былъ недоволенъ этимъ производствомъ. Вѣроятно, не столько зависть къ значительному успѣху своего лейтенанта, сколько старыя предубѣжденія заставили его предложить производство Смита, какъ истиннаго виновника побѣды, помимо Гранта. Но на его рекомендацію, поздно полученную, не обратили вниманія въ Вашингтонѣ, гдѣ ясно видѣли что успѣхъ былъ одержанъ Грантомъ принявшимъ на себя большую отвѣтственность. Стантонъ объявилъ что историческое посланіе Гранта къ генералу Бекнеру должно быть истиннымъ девизомъ для всѣхъ генераловъ, и съ этого времени онъ до конца войны неизмѣнно поддерживалъ побѣдителя. Что касается до самаго добраго старика Смита, коего Галлекъ хотѣлъ было повысить помимо его начальника, то онъ самъ говорилъ о своемъ нападѣніи на Бекнера: „Дѣло было исполнено хорошо, принимая во вниманіе наши силы; но я не заслуживаю никакихъ поздравленій: я только исполнялъ приказанія.“ Признательность и награда полученныя Грантомъ, по справедливости, были должнымъ воздаяніемъ за тактичeskій успѣхъ его подвиговъ. Онъ смѣло двинулся на укрѣпленный лагерь занятый равными непріятельскими силами; держалъ въ блокадѣ ихъ укрѣпленія, пока самъ получилъ подкрѣпленія; разбилъ непріятеля въ открытомъ полѣ, когда онъ слишкомъ поздно вступилъ въ битву; наконецъ взялъ приступомъ господствующій пунктъ укрѣпленій и принудилъ врага положить оружіе на мѣствѣ. Все это было совершено съ потерей 2.500 федералистовъ убитыми и ранеными, менѣе одной десятой части бывшихъ въ дѣлѣ! Едва ли есть чему удивляться что впечатлѣніе этой побѣды сильно отразилось на характерѣ Гранта. Мы увидимъ что оно замѣтно повліяло на его тактику въ послѣдовавшихъ вскорѣ битвахъ, и

притомъ къ выгодѣ арміи и къ его славѣ. Но, съ другой стороны, для всякаго критически изучающаго эту войну не менѣе очевидно и то, что эта побѣда научила союзнаго генерала слишкомъ преувеличивать дѣйствіе упрямой рѣшимости и грубой силы, и заставила его, вслѣдствіе этого, испытать нѣсколько страшныхъ уроковъ, когда онъ, слѣдуя своей любимой идеѣ, перешелъ границы благоразумія противъ испытаннаго и рѣшительнаго воина.

Какъ ни велико было немедленное дѣйствіе побѣды на довѣріе къ Гранту его солдатъ и Сѣвера, но въ сущности ея результаты были еще гораздо значительнѣе чѣмъ могли ожидать самыя пылкіе изъ людей не понимавшихъ ея стратегическаго значенія. Линія защиты конфедератистовъ была такимъ образомъ прорвана въ центрѣ, концы ея были отрѣзаны и подались назадъ, вся линія уступила общему напору федералистовъ. Боулингъ-Гринъ на Востокъ и Колумбъ на Западъ были послѣдно оставлены. Кентукки и бѣольшая часть Тенесси мгновенно перешли въ руки Сѣвера. Съ этими успѣхами и намѣренія Галлека расширились противъ его первоначальныхъ плановъ, и хотя онъ на другой день послѣ битвы писалъ Гранту „не слишкомъ торопиться“, а два дня спустя предписывалъ „ограничить дѣйствія канонерскихъ лодокъ на открытыхъ, такимъ образомъ, рѣкахъ“, но чрезъ два дня послѣ того онъ получилъ болѣе ясное понятіе о положеніи дѣлъ и телеграфировалъ Макъ-Клеману прося начальства надъ всѣми войсками Запада, такъ какъ „отъ промедленія и отсрочки, присовокупляя онъ, мы теряемъ драгоцѣнный случай“.

Одна изъ этихъ западныхъ армій была армія генерала Буэля, въ Кентукки, стоявшая противъ арміи Альберта Джонстона и теперь слѣдовавшая за конфедератистами отступавшими отъ Боулингъ-Грина. Путь ея лежалъ чрезъ Нашвилъ, столицу Тенесси, но такъ какъ этотъ городъ находится на Кумберландѣ, то онъ былъ не менѣе открытъ для Гранта чѣмъ и для Буэля. Грантъ зналъ, однакоже, что всякое дальнѣйшее рѣшительное дѣйствіе должно зависѣть отъ стратегической линіи, которую выберетъ Галлекъ. Поэтому онъ отправилъ только свой авангардъ на пятьдесятъ миль въ направленіи къ Нашвилю, и письменно предложилъ мысль о наступательномъ движеніи къ этому городу который, впрочемъ, былъ безъ сопротивленія занятъ

передовою дивизіей изъ Кентукки преждечѣмъ пришелъ отвѣтъ Галлека, и Грантъ, услышавъ о томъ, отправился на встрѣчу съ Буаллемъ чтобъ уговориться съ нимъ о расположеніи войскъ, такъ какъ обѣ арміи были совершенно независимы одна отъ другой. Неприятно разказывать о томъ что за этимъ послѣдовало, ибо казалось что начальникъ Гранта или возымѣлъ неожиданное недовѣріе къ своему лейтенанту, или же имѣлъ какіе-то болѣе ничтожные поводы искать съ нимъ ссоры. 28-го февраля Грантъ возвратился къ своей арміи и получилъ инструкцію доставлять болѣе правильные отчеты о находящихся у него силахъ. На слѣдующій день, 1-го марта, Галлекъ написалъ ему чтобъ онъ перешелъ обратно отъ Кумберланда къ Темесси, въ видахъ воспользоваться линіей этой рѣки для дѣйствій противъ Коринта, важнаго пункта соединенія желѣзныхъ дорогъ въ штатѣ Миссиссипи. 3-го марта, безъ всякаго предварительнаго извѣщенія Гранта, Галлекъ отправилъ по телеграфу въ Вашингтонъ двѣ слѣдующія жалобы противъ него: „...Онъ оставилъ свою команду безъ моего разрѣшенія и поѣхалъ въ Нашвилъ.... Я не могу добиться отъ него ни отчетовъ, ни доносеній, ни вообще какихъ-либо свѣдѣній. Довольный своею побѣдой, онъ сидитъ сложа руки и наслаждается ею.“ На слѣдующій день, получивъ отвѣтъ, содержаніе коего не сообщается историками, онъ предписалъ Гранту передать Смиту начальство надъ выступавшими войсками, а самому остаться въ фортѣ Генри, замѣтивъ ему притомъ слѣдующее: „Почему не исполняете вы моихъ предписаній и не доносите мнѣ о вашихъ силахъ и позиціи?“ Отвѣтивъ на слѣдующій же день что онъ почти ежедневно доносилъ о положеніи своихъ войскъ и сообщалъ о каждой занимаемой позиціи, Грантъ получилъ строгое возраженіе, начинавшееся словами: „Генераль Макъ-Клелланъ приказываетъ чтобы вы доносили мнѣ *ежедневно*“, и напоминавшее Гранту его повѣдку въ Нашвилъ безъ разрѣшенія. На это Грантъ отвѣчалъ 6-го февраля:

„Я писалъ вамъ болѣе чѣмъ по разу въ день для извѣщенія васъ о моей позиціи, и не моя вина если вы не получали моихъ писемъ. Отправляясь въ Нашвилъ, я единственно имѣлъ въ виду пользу службы, а не удовлетвореніе моего собственнаго желанія. Будучи искренно убѣжденъ что между мной и вами, должно-быть, есть враги старающіеся ослабить мнѣніе о моей полезности, я почтительнѣйше прошу освободить меня отъ обязанностей въ вашемъ департаментѣ.“

Получивъ другой выговоръ въ такомъ же тонѣ какъ и прежде, Грантъ возобновилъ свою просьбу 9-го и 11-го числа въ еще болѣе сильныхъ выраженіяхъ. Но Галлекъ, вѣроятно, успѣлъ измѣнить свой взглядъ относительно благоразумія своего образа дѣйствій, или же онъ удовольствовался тѣмъ что показалъ свою власть, ибо 13-го февраля онъ отвѣчалъ въ дружескомъ и почти извинительномъ тонѣ, говоря въ заключеніе: „Вмѣсто того чтобъ уволить васъ, я желаю чтобы вы, какъ только вашъ новый отрядъ выступитъ въ поле, приняли немедленно начальство и повели его къ новымъ побѣдамъ.“ Желаніе это Грантъ принялъ весьма радушно и взялъ назадъ свою отставку. Галлекъ же написалъ въ Вашингтонъ, въ отвѣтъ на запросы вызванныя его же собственными жалобами, что Грантъ далъ удовлетворительныя объясненія и что ему поручено снова принять начальство. Такъ кончился этотъ странный эпизодъ первой союзной побѣды, по поводу коего всего интереснѣе замѣтить что онъ нисколько не помѣшалъ дружескимъ отношеніямъ Гранта къ Галлеку, когда два года спустя ихъ положенія перемѣнились, вслѣдствіе возвышенія перваго на должность главнокомандующаго всѣми арміями Союза.

Прибывъ къ войскамъ которыя двинулись вверхъ по Тенесси подъ начальствомъ Смита *, Грантъ, по предписанію Галлека, собралъ свои дивизіи, всего числомъ до 38.000 человекъ, и оставался въ оборонительномъ положеніи, ожидая прибытія Буэлла изъ Нашвилля съ такими же силами, такъ какъ этотъ генералъ былъ теперь подчиненъ Галлеку. Генералъ Смитъ уже перевелъ армію на западный или враждебный берегъ Тенесси, смотря на эту позицію какъ на базисъ для дальнѣйшихъ дѣйствій въ Миссиссипи, и Грантъ не сдѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ расположеніи войскъ, только стянулъ ихъ болѣе. Но, очевидно, была нѣкоторая опасность въ этомъ планѣ, такъ какъ было извѣстно что непріятель при помощи своихъ желѣзныхъ дорогъ быстро сосредоточивалъ значительныя силы въ Коринтъ, въ двадцати миляхъ разстоянія, и лагерь Гранта былъ открытъ для ихъ нападенія, тѣмъ болѣе что союзные солдаты еще не начали приходить

* Этотъ генералъ, о которомъ и Грантъ, и Шерманъ говорили съ большимъ сочувствіемъ, умеръ около этого времени отъ простуды въ фортъ Дональдсонъ.

такимъ опытомъ къ убѣжденію въ пользѣ полевыхъ укрѣпленій. Силы конфедератистовъ, по довольно смутнымъ слухамъ, считались во 100.000 человекъ, хотя въ дѣйствительности ихъ было столько же какъ у Гранта, и союзный генералъ, какъ его письма ясно доказываютъ, начиналъ все болѣе и болѣе беспокоиться по мѣрѣ того какъ время шло и не приходилъ его товарищъ, человекъ ослительный и слишкомъ пристрастный къ осторожнымъ движеніямъ и старательней постройкѣ мостовъ. Изъ Колумбіи, находящейся въ разстояніи 90 миль, куда Буэаль прибылъ 19-го марта, онъ употребилъ 17 дней чтобы достигнуть Саванны, лежащей на другой сторонѣ Тенессеи и въ семи миляхъ ниже лагеря Гранта при Питсбургѣ. Грантъ приказалъ передовой дивизіи Нельсона, только что извѣтившей о своемъ прибытіи 5-го апрѣля, направиться вверхъ по рѣкѣ и быть въ готовности подкрѣпить его армию, такъ какъ въ лѣсахъ вдоль всего фронта лагеря происходили стычки и видны были значительныя силы непріятельской кавалеріи. На слѣдующее утро, въ 8 часовъ, армія Альберта Джонстона вышла изъ-за прикрытія и напала на федералистовъ, въ намѣреніи опрокинуть и отбросить ихъ въ рѣку. Весьма ошибоченъ былъ общій говоръ будто Грантъ былъ застигнутъ при Питсбургѣ врасплохъ. При первомъ выстрѣлѣ онъ отправилъ Буэалю извѣстіе доказывающее противное. „Я ожидалъ этого, говорилъ онъ, но не думалъ что непріятель сдѣлаетъ нападеніе ранѣе поведѣльника или вторника.“ Кромѣ того, генералъ Прентисъ, занимавшій часть лагеря расположенную въ направленіи къ Коринту, былъ предупрежденъ объ опасности; онъ удвоилъ свои караулы и отодвинулъ пикеты на милю впередъ противъ дня наканунѣ атаки. Грантъ до вечера не получилъ никакого подкрѣпленія ни отъ Нельсона, ни отъ Л. Валласа который съ одною изъ своихъ дивизій стоялъ еще далѣе внизъ по теченію рѣки. Послѣдній даже въ теченіе пяти часовъ вовсе не двигался, пока не получилъ предписанія, и затѣмъ ошибочно взялъ путь, прибывъ вслѣдствіе того только въ 7 часовъ вечера, между тѣмъ какъ, по донесенію Гранта военному департаменту, дивизія эта могла бы быть на мѣстѣ въ часъ пополудни *. Такимъ образомъ

* Это тотъ самый офицеръ, который потерпѣлъ полное пораженіе отъ конфедератиста Ираи въ Мериландѣ въ 1864 году и тѣмъ

Гранту пришлось держаться противъ превосходныхъ силъ, и хотя съ обѣихъ сторонъ не было обнаружено большаго тактическаго искусства, но федералисты постепенно стали отступать, оставивъ генерала Прентиса съ частью его дивизию въ рукахъ непріятеля. Битва происходила въ самой простой формѣ двухъ параллельныхъ линій которыя вели горячую перестрѣлку на небольшомъ разстояніи, пока къ 4 часамъ пополудни войска Гранта не были оттѣснены къ пристани гдѣ и удержались до ночи.

„Кругомъ пристани (говоритъ федеральный историкъ Бадо*, описывая минуту прибытія Буэлля) тѣснились бѣглецы столпившіеся сюда изъ передовой линіи, какъ это бываетъ почти въ каждомъ сраженіи. Это не были, однакоже, отсталые или бродяги, а пораженная паническимъ страхомъ толпа, бѣжавшая отъ опасности на которую столь многіе, казалось, были осуждены. Когда два генерала вступили въ разговоръ у пристани, Грантъ объяснилъ положеніе дѣлъ казавшееся тогда крайне дурнымъ, и Буэбль спросилъ: „Какія приготовленія сдѣлали вы для отступленія, генераль?“ Едва онъ успѣлъ высказать свое замѣчаніе, какъ Грантъ тотчасъ же прервалъ его, воскликнувъ: „Я еще не потерялъ надежды отразить ихъ.“

Онъ видѣлъ что усилія нападающихъ ослабѣвали. Истощенные продолжительнымъ сраженіемъ въ теченіе дня, тысячи солдатъ Джонстона оставляли ряды для грабежа покинутаго лагеря федералистовъ. Самъ ихъ предводитель былъ убитъ, и ихъ потеря была не меньше потери Гранта которая доходила до 10.000 человекъ выбывшихъ изъ строя, считая въ томъ числѣ трехъ генераловъ: убитаго В. Валласа, взятаго въ плѣнъ Прентиса и раненаго Шермана. Конфедератисты были не въ состояніи устремиться впередъ для окончательнаго усилія которое отбросило бы федералистовъ на ихъ суда. Видя это, Грантъ рѣшился, съ подкрѣпленіемъ или безъ онаго, возобновить наступательныя дѣйствія на слѣдующій день, такъ какъ въ этотъ вечеръ уже невозможно было вести

самымъ навелъ панической страхъ на оставшіяся неприкрытымъ Вашингтонъ. Вскорѣ послѣ того онъ въ отместку публично оскорбилъ конфедератистскихъ генераловъ явившихся въ Вашингтонъ свидѣтелями при процессѣ Виртца, когда онъ былъ въ числѣ членовъ суда.

* *Military History of U. S. Grant.* By Colonel Badeau. New York. 1868 г.

къ наступленію его изнуренныхъ солдатъ. Такъ какъ оборотъ битвы, какъ въ Америкѣ, такъ и за границей, былъ весьма естественно приписанъ прибытію Буэлля, то не мѣшаетъ разъяснить дѣло разказомъ генерала Шермана, написаннымъ въ 1865 году. Онъ совершенно подтверждаетъ увѣреніе Бадо что Грантъ, со времени взятія форта Дональдсона, пришелъ къ убѣжденію что во всякомъ жаркомъ сраженіи наступаетъ минута когда обѣ арміи бывають почти истощены, и что тогда, при кажущейся для обѣихъ сторонъ невозможности что-либо предпринять, одержить верхъ та которая первая возобновить битву. Шерманъ пишетъ въ такомъ удивительномъ тонѣ простодушія и добросовѣстности, что его слова слѣдуетъ привести вполнѣ:

„Я никогда не былъ намѣренъ, и не желаю и теперь, оспаривать что-либо сдѣланное генераломъ Буэлемъ и его арміей. Я знаю, что подходя сзади къ нашему полю сраженія, онъ встрѣтилъ наводящую умнѣе толпу бродягъ и бѣглецовъ, возбудившихъ отвращеніе въ немъ и въ его арміи, которая не отдала должной справедливости людямъ бывшимъ во фронтѣ, храбро сражавшимся до 4 часовъ пополудни, удержавшимъ непріятеля и готовившимся на слѣдующій день перейти въ наступленіе. Я хорошо припоминаю этотъ фактъ, потому что генералъ Грантъ тогда въ первый разъ разказалъ мнѣ о своей битвѣ при Дональдсонѣ гдѣ онъ въ извѣстный моментъ сраженія видѣлъ, что каждая сторона готова уступить, если другая выкажетъ смѣлость, и на это самое, то-есть двинуться на непріятеля, онъ и рѣшился. Въ 4 часа пополудни 6-го апрѣля онъ замѣтилъ что обстоятельства были совершенно такого же рода, и разсудилъ что со свѣжею дивизіей Л. Валласа и тѣми изъ нашихъ разсѣянныхъ войскъ въ коихъ былъ возстановленъ порядокъ онъ имѣлъ основаніе прекратить оборону и перейти на слѣдующее утро въ наступленіе. Повторяю что такого рода предписаніе я получилъ прежде чѣмъ зналъ что войска генерала Буэлля стояли у рѣки. Сознаюсь, что я былъ радъ приходу Буэлля, такъ какъ мнѣ было извѣстно что его солдаты были старше нашихъ, лучше организованы и обучены, и еще потому что его прибытіе дѣлало вѣрнымъ то что прежде казалось только возможнымъ.“

Армія Гранта провела ночь подъ ружьемъ и подъ проливнымъ дождемъ; но транспорты дѣятельно работали во мракѣ ночи, и къ утру 20.000 войскъ Буэлля были готовы къ дѣйствию вмѣстѣ съ остатками дивизій сражавшихся наканунѣ. Это увеличеніе силъ сразу оказало дѣйствіе, когда, согласно

съ намѣреніемъ Гранта, федералисты рано утромъ перешли въ наступленіе. Земля сдѣлалась сильно вязкою отъ дождя, и вслѣдствіе того движенія войскъ были даже еще медленнѣе чѣмъ обыкновенные неповоротливые маневры перваго времени войны. Борегаръ, замѣнившій Джонстона, съ самаго начала увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить, и началъ медленное отступленіе, около полудня совсѣмъ оставилъ поле битвы и возвратился къ Коринту безъ преслѣдованія, ибо солдаты Буэлла, по заявленію ихъ офицеровъ, были также изнурены форсированнымъ маршемъ какъ солдаты самого Гранта только что кончившимся продолжительнымъ сраженіемъ. Эта битва была не только самая ожесточенная изъ всѣхъ бывшихъ доселѣ, но едва ли такое ожесточеніе повторялось и въ послѣдствіи. Шерманъ говорилъ что онъ никогда потомъ не видывалъ такого ужаснаго побоища, можетъ-быть потому что панической страхъ объявшій неопытныя войска его дивизіи заставлялъ, по необходимости, его самого выдаваться совершенно исключительнымъ образомъ, и оттого дѣйствія и другія казались ему геройскими. Грантъ сравнивалъ это сраженіе съ битвой при Вайльдернессѣ, не совсѣмъ справедливо, какъ кажется, такъ какъ при Питсбургѣ потери обѣихъ сторонъ (исключая войска Буэлла потерпѣвшія только на второй день) были почти равныя *, подобно силамъ обѣихъ армій, между тѣмъ какъ при Вайльдернессѣ, какъ будетъ видно далѣе, несоразмѣрность и въ силахъ, и въ потеряхъ сторонъ была чрезвычайная. Побѣду обѣ стороны считали своею: конфедератисты, потому что они взяли лагерь непріятеля со множествомъ плѣнныхъ и въ одно время чуть-чуть не уничтожили непріятельской арміи; федералисты же, потому что наконецъ успѣшно отразили нападеніе. Въ подобныхъ случаяхъ вѣрнѣе всего взглянуть какая была истинная цѣль битвы и на сколько она была достигнута; а такъ какъ цѣлью Джонстона и Борегара несомнѣнно было поразить Гранта прежде чѣмъ подоспѣтъ къ нему помощь, а цѣлью Гранта — держаться пока присоединится Буэлла, то въ дѣйствительности успѣхъ безспорно принадлежитъ союзному генералу. Нравственное вліяніе этого успѣха было, однакоже, ослаблено дѣйствіями Галлека который, принявъ по прибытіи

* Потеря Гранта, не считая армію Буэлла, была 10.040 человекъ, а у Борегара 10.699, судя по ихъ официальнымъ отчетамъ.

Буэлла начальство надъ соединенными арміями, удержалъ ихъ отъ прямого преслѣдованія непріятеля и наступалъ къ Коринту медленно, подвигаясь только подъ прикрытіемъ укрѣпленій и такимъ образомъ производя на солдатъ и на страну такое впечатлѣніе, какъ будто бы онъ, вслѣдствіе послѣднихъ событій, опасался выступить въ открытое поле.

Еще въ другомъ отношеніи эта битва сильно разочаровала Гранта. Онъ, какъ и большая часть другихъ Сѣверянъ и въ противоположность взглядамъ навлекшимъ непопулярность на Шермана, былъ того мнѣнія что одинъ или два удара, въ родѣ взятія форта Дональдсона, положить конецъ войнѣ. Энергія и рѣшимость съ какою А. Джонстонъ перешелъ въ наступленіе вскорѣ послѣ этой важной потери, ясно показали что подобныя ожиданія были ошибочны. Тогда Грантъ пришелъ къ убѣжденію, на основаніи коего онъ съ тѣхъ поръ постоянно и дѣйствовалъ, что война никогда не кончится пока южныя арміи не будутъ поражены на-голову и уничтожены, и что на нихъ, а не на форты, города или территорію, должна быть направлена цѣль стратегии управлявшей болѣе значительными средствами Сѣвера. Съ этого также времени онъ и его сподвижники отказались отъ мысли щадить собственность Юга. Они соглашались что конфедератистамъ удалось сдѣлать войну народною, а потому народъ и долженъ былъ страдать пока не уступить. До сихъ поръ Грантъ, вмѣстѣ съ большею частью союзныхъ генераловъ, охранялъ невольничество какъ учрежденіе. Теперь же и оно должно было погибнуть, вмѣстѣ съ правами штатовъ, независимыми конституціями и всѣмъ что стояло преградой одной великой цѣли, единству націи. Убѣжденіе ея главныхъ генераловъ, людей консервативныхъ по природѣ, но ясно появившихъ свойство и результатъ борьбы, должно было скоро стать политикою Сѣвера. Кампанія Макъ-Клеллана тогда только что началась, съ ея медленнымъ наступленіемъ, утомительными остановками и окончательною неудачей. За тѣмъ послѣдовалъ успѣшный ударъ нанесенный конфедератистами въ Виргиніи, превосходный фланговый походъ Джаксона, вторая битва при Буль-Ронѣ, безпорядочное отступленіе Попа на Вашингтонъ, призваніе устрешеннымъ кабинетомъ снова Макъ-Клеллана для главнаго начальства, первое вторженіе въ Мериландъ (въ сентябрѣ 1862 года) и его остановка при Антіетамѣ. Тогда Линкольнъ, ясно увидѣвъ что давать сраженія при такихъ

обстоятельствахъ было въ сущности побѣдой для обороняющихся, обнародовалъ прокламацію объ освобожденіи которая до того времени держалась подъ сукномъ, и сдѣлалъ примиреніе невозможнымъ иначе какъ съ условіемъ подчиненія Юга соціальной революціи. Обязавшись освободить невольниковъ возмущившихся штатовъ, Сѣверъ не могъ уже дать этимъ штатамъ другихъ условій которыя они могли бы принять. Съ этой минуты стало ясно что борьба должна продолжаться до послѣдней крайности, то-есть до разоренія слабѣйшей части Союза.

При этомъ кстати замѣтить одно обстоятельство которое, хотя на него и не было обращено вниманія ни однимъ историкомъ, находится въ тѣсной связи съ исторіей войны. Обыкновенно полагаютъ что такъ какъ Джефферсонъ Девисъ желалъ перенести войну въ сѣверные штаты и генералъ Ли одобрялъ его намѣреніе, то благоразуміе этого плана не подлежало сомнѣнію. Пора, однакоже, сознаться въ этомъ заблужденіи. И тогда выражались мнѣнія которыя должны бы были имѣть большое значеніе, мнѣнія людей военныхъ, энергически высказывавшихся противъ этихъ попытокъ вторженія. На ихъ взглядъ, вторженіемъ терялось великое политическое преимущество и оборонительная борьба за права низводилась на уровень обыкновенной междуусобной войны за господство. Сотни тысячъ гражданъ на Сѣверѣ, смотрѣвшихъ сначала холодно на завоевательную войну предпринятую якобы противъ правъ родственныхъ имъ штатовъ, готовы были броситься къ оружію лишь только ихъ собственная почва была затронута вооруженными мятежниками. Военныя выгоды плана были также въ высшей степени сомнительны, ибо завоеваніемъ нельзя было сколько-нибудь значительно пополнить численность людей, запасъ военныхъ матеріаловъ, въ чемъ Югъ уступалъ Сѣверу; между тѣмъ какъ политическій вредъ былъ такъ великъ что, по всей вѣроятности предвѣщалъ разореніе. Для слабѣйшей стороны оборона была единственнымъ надежнымъ средствомъ. Таковы были аргументы противъ вторженія, но болѣе смѣлые и опрометчивые совѣты одержали верхъ въ Ричмондѣ, и Ли былъ принужденъ двинуться въ Мерилендъ, а Браггъ въ Кентукки, причемъ каждый изъ нихъ, въ свою очередь, былъ остановленъ превосходными силами и вынужденъ отступить изъ занятой территоріи.

Но возвратимся къ Гранту. Мы оставили его предъ Коринтомъ въ апрѣлѣ 1862 года, когда прибыли Галлекъ продолжавшій самъ кампанію до отступленія Борегара отъ этого пункта въ концѣ мая. Затѣмъ послѣдовало полное разстѣпаніе большой арміи собравшейся на Тенесси. Войска Буэлла были снова отдѣлены отъ Гранта и посланы на востокъ. Вскорѣ послѣ того у Гранта были отняты еще четыре дивизіи, и ему пришлось держаться оборонительнаго положенія въ центрѣ враждебнаго штата Миссиссипи, имѣя въ одно время подъ руками менѣе 20.000 человекъ, между тѣмъ какъ почти равнѣсилная армія непріятеля занимала страну къ югу отъ него, имѣя въ рукахъ Ваксбургъ, ключъ позиціи на рѣкѣ, а Прайсъ и Ванъ-Дорнъ съ небольшими силами угрожали его сообщеніямъ съ восточнаго фланга. Полагая его слишкомъ выдавшееся положеніе опаснымъ для него, конфедератисты дважды заходили ему въ тылъ, но потерпѣвъ серіозную неудачу при Юкѣ 19-го сентября и окончательное пораженіе 2-го октября при нападеніи на хорошо укрѣпленный Грантомъ Коринтъ, они снова отступили въ Алабаму. Главная заслуга этого дѣйствія досталась Розенкранцу, который былъ оставленъ Грантомъ въ Коринтъ и былъ вознагражденъ начальствомъ надъ арміей Буэлла, по смѣнѣ этого генерала; а Грантъ избавился такимъ образомъ отъ помощника который не разъ мѣшалъ своему начальнику и, по его мнѣнію, допустилъ непріятеля отступить съ меньшимъ ущербомъ чѣмъ слѣдовало. Общій ходъ всѣхъ лѣтнихъ дѣйствій 1862 года, поскольку они касаются Гранта, лучше всего можетъ-быть описанъ словами Бадо, разказъ коего имѣетъ большую цѣну по-свѣту который онъ проливаетъ на эту часть войны:

„Дѣло въ томъ, говорить онъ, что чрезвычайная простота Гранта въ обращеніи и его прямодушіе въ выраженіяхъ вводили въ заблужденіе многихъ офицеровъ стоявшихъ какъ выше, такъ и ниже его. Они считали его хорошимъ простымъ человекомъ, коему выпали на долю одна или двѣ удачи и который, поэтому, не могъ быть немедленно смѣненъ. Но они не помогали нужнымъ обращать вниманіе на его мнѣніе или разчитывать на его способности. Его начальники постоянно составляли планы, не совѣтуясь съ нимъ, а его подчиненные иногда рѣшались приводить въ исполненіе свои собственные замыслы вопреки его приказаніямъ, не сомнѣваясь что, благодаря своему вышему соображенію, они могутъ задумать и одержать успѣхи которые извинять или

даже оправдаютъ ихъ дѣйствія. Исторію перваго времени войны не возможно понять, не принявъ въ соображеніе того что ни правительство, ни начальники не вѣрили въ умственные способности или военный геній Гранта.

Теперь наступала пора когда это мнѣніе должно было значительно измѣниться, когда люди, не видѣвшіе въ немъ особенныхъ талантовъ, должны были подивиться его непреклонной настойчивости и постоянству въ надеждѣ въ виду неудачъ; когда, рѣшительно преслѣдуя одну великую цѣль, онъ наконецъ достигаетъ ее, обнаруживая соображенія какими могъ бы позавидовать самый блестящій или ученый изъ новѣйшихъ генераловъ. Городъ Вуксбургъ, мало извѣстный до войны, занималъ теперь на Миссиссипи такое же значеніе какъ прежде Колумбъ, когда этотъ фортъ не былъ еще обойденъ вслѣдствіе утраты конфедератистами форта Дональсона и затѣмъ Мемфиса. Вуксбургъ заграждалъ рѣку федералистамъ; противъ его высоко поставленныхъ батарей были безсильны искусство и мужество флотилій Фаррагута и Портера; онъ отдѣлялъ армию Банка при Новомъ Орлеанѣ отъ остальныхъ силъ Сѣвера, и былъ пунктомъ опоры, при помощи коего конфедератисты на западной сторонѣ Миссиссипи могли свободно поддерживать связь дѣйствій съ своими главными силами на восточной сторонѣ рѣки. Они могли притомъ, стянувъ въ Тексасъ свой лѣвый флангъ который былъ бесполезно разсыянъ по Арканзасу, присоединить болѣе 50.000 человекъ къ центру своей линіи защиты и дать, можетъ-быть, другой оборотъ войнѣ. Мы оставили Гранта въ 150 миляхъ къ сѣверу отъ этого пункта. Промежуточная мѣстность была малоизвѣстна и пересѣкалась тремя большими рѣками кончающимися близъ Миссиссипи въ лабиринтъ болотъ и рукавовъ. Но онъ уже твердо устремилъ взоры на этотъ важный пунктъ: когда 25-го октября его силы, послѣ успѣшной защиты Коринта, были неожиданно увеличены и обѣщано было еще большее подкрѣпленіе, онъ на слѣдующій же день написалъ къ Галлеку, предлагая новый и смѣлый планъ дѣйствій и говоря въ заключеніе: „Я думаю что я могъ бы спуститься внизъ по центральной желѣзной дорогѣ Миссиссипи и заставить непріятеля очистить Вуксбургъ.“ Это былъ его первый намекъ на историческое имя. Съ этой минуты и до тѣхъ поръ пока онъ вступилъ

побѣдителемъ въ укрѣпленія Викабурга 4-го іюля слѣдующаго года, его жизнь, также какъ жизнь его друга Шермана, была посвящена дѣйствіямъ противъ этой великой твердыни запада. Первая попытка прямымъ сухопутнымъ движеніемъ на нее не удалась по причинѣ блестящаго захвата Ванъ-Дорномъ Холли Спрингса, самаго важнаго поста на длинномъ пути сообщеній Гранта съ его базисомъ дѣйствій близъ Коринта. Союзный генералъ тогда еще не открылъ тайны (которою въ послѣдствіи такъ свободно воспользовался Шерманъ) вести армію въ этихъ богатыхъ, но слабо населенныхъ Южныхъ Штатахъ вовсе безъ всякаго базиса, живя на счетъ непріятеля. Поэтому онъ отошелъ назадъ и былъ на время задержанъ. Въ другой разъ, между тѣмъ какъ онъ снова дѣйствовалъ съ сухаго пути грозя вторичнымъ наступленіемъ, Шерманъ съ отдѣльнымъ отрядомъ спустился по рѣкѣ и попытался (это было около Рождества 1862 года) захватить укрѣпленія врасплохъ, но и этотъ планъ также кончился неудачей съ большимъ урономъ. Сѣверъ, однакоже, довольно уже вкусилъ сладости успѣха, чтобы напрячь еще болѣе свои силы. 130.000 солдатъ даны были въ распоряженіе Гранта въ январѣ 1863 года, и изъ нихъ 50.000 были заняты въ болотахъ напротивъ Викабурга попытками отвести теченіе Миссиссипи. Англійскихъ писателей тогда обвиняли въ сообщеніи преувеличенныхъ разказовъ о бѣдствіяхъ союзной арміи, но самъ Бадо разказываетъ слѣдующее:

„Солдаты были разставлены лагеремъ вдоль западнаго берега Миссиссипи, на низкой болотистой почвѣ залитой въ этотъ годъ до небывалыхъ размѣровъ. Этотъ продолжительный разливъ и необыкновенно сильныя дожди значительно увеличивали затрудненія Гранта, а также бѣдствія его арміи. Лагерь былъ часто затопляемъ, и въ войскахъ отъ того распространились болѣзни: дизентерія и горячки производили страшное опустошеніе, и даже появилась была оспа, но ея распространеніе скоро остановили. Насыпь была единственнымъ сухимъ мѣстомъ пригоднымъ для гробовъ, и на нѣсколько миль вдоль берега рѣки выдавалась надъ водою только одна эта узкая полоса на всемъ протяженіи изрытая могилами. Такимъ образомъ воиска были окупаны кладбищами своихъ товарищей... Преувеличенные разказы о болѣзняхъ, и даже о заразѣ разпускались непріятелемъ и на самомъ Сѣверѣ, чѣмъ только усиливались безпокойство страны и затрудненія начальника.“

Въ мартѣ 1863 года была сдѣлана новая попытка. Теперь Грантъ попробовалъ обойти укрѣпленія Викасбурга съ северной стороны, переведя часть канонирскихъ лодокъ и войскъ въ рѣку Язу, впадающую въ Миссиссипи выше Викасбурга, чрезъ лежація между обѣими рѣками болота, но это также не удалось по причинѣ чрезвычайной трудности предпріятія. Такимъ образомъ Грантъ напрасно дѣлалъ попытки уже съ трехъ сторонъ и навлекъ на себя такъ много нареканій что при слѣдующей неудачѣ навѣрное былъ бы смѣненъ. Однакоже въ маѣ онъ высадился на западномъ берегу Миссиссипи, въ тридцати миляхъ къ югу отъ города, съ цѣлью новаго предпріятія, въ планъ коего входило вторженіе во враждебную страну посреди неизвѣстныхъ численностью армій, прибытіе въ тылъ крѣпости, разрывъ связи съ базисомъ на лѣвомъ флангѣ отъ коего онъ двинулся и открытіе новаго базиса въ связи съ растаянутымъ правымъ флангомъ, причемъ *этотъ новый базисъ самъ по себѣ завистель отъ успѣха движенія* въ обходъ неприступныхъ укрѣпленій на рѣкѣ Язу и отъ прохода флотиліи Портера. Смѣлый планъ былъ исполненъ съ замѣчательною энергіей и тѣмъ тактическимъ употребленіемъ напряженія въ критическую минуту битвы которое казалось инстинктивнымъ въ союзномъ генералѣ и коему онъ былъ обязанъ своими прежними успѣхами. Ошибки Пембертона, позднее прибытіе генерала Джонстона, только что выздоровѣвшего отъ ранъ полученныхъ имъ въ Виргиніи, довершили остальное, и 4-го іюля 1863 года Грантъ, несмотря на одержанную наканунѣ Мидомъ побѣду при Геттисбургѣ, сталъ первымъ человѣкомъ въ войскахъ Союза. Простой генералъ волонтеровъ получилъ теперь достойно заслуженный имъ переводъ въ регулярную армію и былъ причисленъ къ самымъ почетнымъ членамъ профессіи съ которою онъ еще не такъ давно въ отчаяніи разстался.

Слава этого счастливаго генерала, заслуги коего еще болѣе выдавались вслѣдствіе ошибокъ другихъ, не на долго удовлетворилась завоеваніемъ Викасбурга. Пораженіе на голову Розенкранца Брагомъ и Лонгстритомъ, въ то время какъ онъ старался пробиться изъ Тенесси въ Георгію, потребовало Гранта на эту сцену, куда онъ былъ вызванъ осенью по телеграфу для поправленія неудачи своего бывшего подчиненнаго.

Томасъ, замѣнившій теперь при Чаттанугѣ опальнаго генерала, былъ, повидимому, запертъ побѣдоносною арміею, но его линія сообщеній не была еще совершенно прервана. Грантъ, начальствующій теперь всѣми арміями къ западу отъ Аллеганскихъ горъ, успѣшилъ доставить ему сильное подкрѣпленіе, подъ командой Шермана; Галлекъ отрядилъ Гукера въ обходъ съ двумя корпусами изъ Виргиніи, и каждый день потерянный конфедератистами послѣ побѣды уменьшалъ ихъ выгоды. Многіе авторитеты высказывались что въ исторіи междуусобной войны не было большей ошибки какъ это такъ-называемое занятіе Чаттануги (которая вовсе и не была занята) слабою арміею и притомъ разставленною въ позиціи которая по необходимости раздѣляла ее на двое. Слишкомъ увѣренный въ себѣ чтобъ отступить и слишкомъ слабый для нападенія, Брагъ оставался въ бездѣйствіи на холмахъ предъ лагеремъ до тѣхъ поръ пока непріятель успѣлъ собрать неотразимую силу. Тогда Грантъ, напавъ на него въ его собственной позиціи, прогналъ его съ такимъ урономъ обратно въ Георгію и обнажилъ центръ конфедераціи, тогда какъ западная часть ея была уже отдѣлена вслѣдствіе потери Миссиссипи. Въ мартѣ 1864 года Грантъ, въ новомъ чинѣ генералъ-лейтенанта нарочно для него созданномъ, принялъ, какъ бы по назначенію націи, главное начальство надъ всѣми союзными арміями, получивъ безграничный контроль надъ милліонами людей; между тѣмъ какъ Галлекъ, опереженный своимъ бывшимъ помощникомъ, остался при административныхъ обязанностяхъ въ военномъ министерствѣ, которыя онъ, должно отдать ему справедливость, исполнялъ успѣшно и съ неустанною энергіей. Хорошая дисциплина союзныхъ армій въ послѣдовавшую кампанію въ сильной степени зависѣла отъ строгихъ мѣръ принятыхъ имъ весной этого года, особенно въ отношеніи къ низшимъ разрядамъ полковыхъ офицеровъ. Съ другой стороны, дисциплина конфедератистовъ, всегда бывшая слабою и небрежною, еще болѣе разстроилась вслѣдствіе упадка ихъ духа.*

* Въ числѣ другихъ военныхъ ошибокъ конфедератистовъ былъ допущенный съ самаго начала обычай дозволить во время похода кому угодно покидать ряды для отысканія воды. Подъ этимъ предлогомъ бродяжничество развилось, наконецъ, до такихъ размѣровъ что ни одинъ офицеръ не могъ разчитывать на число солдатъ которое онъ приведетъ къ концу дня.

Получивъ новую должность, Грантъ разстался со своими товарищами, при содѣйствіи коихъ онъ ея добился, и рѣшил^о испытать счастье на иномъ полѣ. Прежде начала весенней кампаніи 1864 года, ему было необходимо избрать себѣ поле дѣйствія и размѣстить своихъ подчиненныхъ. Такъ какъ теперь течение Миссиссипи было безспорно обезпечено за Сѣверомъ, то оставались только двѣ значительныя линіи гдѣ главнокомандующій могъ съ пользою вести военныя дѣйствія 1864 года: линія открытая послѣднимъ успѣхомъ Гранта который онъ одержалъ надъ Браггомъ, или же другая которая вела прямо къ столицѣ конфедерации. Многія причины могли искушать его въ пользу первой линіи. Здѣсь онъ повелѣвалъ бы испытанными войсками имѣвшими къ нему безграничное довѣріе вслѣдствіе великихъ подвиговъ уже совершенныхъ подъ его предводительствомъ. Здѣсь онъ имѣлъ бы помощниковъ рѣдкихъ качествъ, ибо трудно было сказать полагался ли онъ болѣе на спокойное мужество и неистощимую изобрѣтательность Шермана, или на тонкій геній и духъ отваги Мак-Ферсона. * Здѣсь, притомъ, онъ осматрѣлся съ театромъ дѣйствій и зналъ что рядъ даже умѣренныхъ успѣховъ перенесетъ его армію чрезъ главную линію сообщеній еще остававшуюся у врага, отдѣливъ рѣшительно атлантическіе южные штаты отъ штатовъ лежащихъ близъ Миссиссипи, и ограничивъ конфедерацию такими размѣрами при коихъ она по необходимости должна будетъ погибнуть. Но всѣ подобныя соображенія пересиливало одно, имѣвшее болѣе вѣса чѣмъ всѣ другія: воля его страны, ибо народъ Сѣвера ожидалъ что генералъ имъ избранный обнаружитъ свой талантъ на томъ самомъ полѣ гдѣ народная честь была запятана позорными поражениями. Между тѣмъ какъ побѣда за побѣдой и успѣхъ за успѣхомъ сопровождали оружіе Сѣвера на Западѣ, потомакская армія въ Виргиніи была почти такъ же далеко отъ Ричмонда, какъ и въ то время когда она только что въ первый разъ была набрана, и хотя она стояла за себя въ оборонительномъ положеніи и даже съ особеннымъ успѣхомъ, съ тѣхъ поръ какъ ею начальствовалъ Мидъ, но она ни разу не подвигалась впередъ безъ послѣдующаго отступленія съ

* Убитого въ послѣдствіи при Атлантѣ, тридцати трехъ лѣтъ отъ роду.

урономъ, или, по крайней мѣрѣ, съ полною неудачей, предъ непобѣдимымъ полководцемъ который съ слабѣйшими силами умѣлъ ее сдерживать. Поэтому, честь призывала Гранта въ Виргинію, а политика также ясно указывала что поражение Ли и занятіе Ричмонда хотя бы и не уничтожили внутреннихъ средствъ конфедераціи, но за то нанесли бы невознаградимый ущербъ ея надеждамъ. Вслѣдствіе этого, въ апрѣлѣ было возвыщено что Грантъ приметъ личное начальство надъ войсками въ Виргинію въ слѣдующую кампанію.

Ограничимся краткимъ очеркомъ этой кампаніи, приведшей къ осадѣ Ричмонда. Въ настоящее время извѣстно что силы конфедератистовъ были значительно меньше чѣмъ полагали въ то время. Въ главной арміи Ли въ дѣйствительности было только 52.000 человекъ противъ 141.000 человекъ собранныхъ Грантомъ; вспомогательныя войска конфедератистовъ были менѣе 25.000 противъ 48.000 выведенныхъ въ поле Бутлеромъ и Сигелемъ и 47.000 резерва стоявшаго близъ Вашингтона. Генераль Грантъ, въ своемъ официальномъ донесеніи, говоритъ что при первомъ движеніи въ мѣстность называемую Вайльдернесъ онъ имѣлъ намѣреніе стать между Ли и Ричмондомъ, заставивъ такимъ образомъ неприятельскую армію, на которую онъ смотрѣлъ какъ на главный предметъ своихъ дѣйствій, напасть на его собственную при невыгодныхъ условіяхъ. Поэтому первоначально онъ не имѣлъ намѣренія идти на Спотсильванію, какъ можно было предположить судя по его движеніямъ. Разница, впрочемъ, заключалась только въ намѣреніи, потому что его неутомимый противникъ, хотя ему и не удалось разбить союзную армію фланговымъ движеніемъ приведшимъ къ битвѣ при Вайльдернесѣ, тѣмъ не менѣе остановилъ этимъ ея восточное движеніе. Когда же генераль-лейтенантъ, остановленный такимъ образомъ съ самаго начала въ исполненіи своего плана, сдѣлалъ попытку скрыть движеніе лѣвымъ флангомъ на Спотсильванію и обойти новую линію неприятеля, то его проницательный соперникъ усмотрѣлъ и предупредилъ и этотъ маневръ, быстрѣе достигнувъ названнаго пункта и ставъ между Грантомъ и Ричмондомъ въ той самой оборонительной позиціи, которую предполагалъ занять союзный генераль.

Страшныя потери понесенныя Грантомъ 5-го и 6-го мая, въ сраженіи при Вайльдернесѣ, должны были ясно показать ему что войска столь поспѣшно набранныя, какъ тѣ кото-

рыя онъ имѣлъ подъ рукой (въ иныхъ бригадахъ четыре пятыхъ всѣхъ людей состояли изъ только-что вооруженныхъ рекрутъ), не могли равняться въ разсыпномъ строю среди густыхъ лѣсовъ съ ветеранами Ли, изъ коихъ каждый былъ закаленъ въ боевомъ дѣлѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Свинтонъ, авторъ заслуживающій вниманія: *

„Результатъ битвы сильно разочаровалъ Гранта, ибо онъ раздѣлялъ распространенное на Западѣ мнѣніе о томъ что потомакская армія никогда не была ведена къ битвѣ какъ слѣдуетъ. Убѣжденіе это, можетъ-быть, было весьма естественно, но тѣмъ не менѣе оно было ложно. Раздѣляя его, Грантъ надѣялся однимъ ударомъ покончить съ безпокойнымъ и, повидимому, неуязвимымъ противникомъ, и для достиженія этой цѣли онъ не давалъ цѣны искусству достигающему результатовъ посредствомъ направленія и комбинаціи силъ: въ это время онъ явно не хотѣлъ пользоваться маневрами. Онъ исключительно разчитывалъ на грубую массу, на быстрые и безопадные удары.“

Заявленіе это высказано не безъ основанія и основано на свидѣтельствѣ авторитета.

„Не задолго предъ началомъ рапиданской кампаніи, генераль Мидъ, въ разговорѣ съ генераль-лейтенантомъ, сообщилъ ему свои планы маневровъ, причемъ генераль Грантъ остановилъ его на словѣ „маневры“ и сказалъ: „О! я никогда не маневрирую“. Это характеристическое замѣчаніе, которое деликатность біографовъ охотно проходитъ молчаніемъ, не должно быть опущено, ибо оно указываетъ на соображенія имѣвшія существенное вліяніе на ходъ кампаніи. Битву при Вайльдернесѣ едва ли можно иначе понять какъ дѣло начальника который „никогда не маневрировалъ.“

Приводя этотъ отзывъ о Грантѣ, справедливость требуетъ присовокупить что если онъ употребилъ подобное выраженіе и дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, повидимому, неосмотрительно, то это явно зависѣло отъ ошибочнаго взгляда его на бывшую въ его рукахъ армію, ибо въ предыдущихъ кампаніяхъ противъ Вилксбурга и при Чаттанугѣ онъ въ высокой степени обнаружилъ искусство маневрировать.

Затѣмъ послѣдовала въ теченіе двѣнадцати дней кровопролитная борьба при Спотсильваніи. 12-го мая, войскамъ

* Swinton's *Army of the Potomac*. New York 1865.

Гранта удалось ворваться на неприятельскіе брустверы; но хотя взятіе одного выдающагося угла со многими пушками и пѣвыми и вознаградило смѣлый приступъ, позиція неприятеля вслѣдствіе того только слегка подалась назадъ, существенно же не измѣнилась. Въ этотъ день потомакская армія потеряла 8.000 человекъ, удерживая занятую позицію, и поле сраженія, по словамъ очевидца, было буквально завалено кучами убитыхъ. За два дня предъ тѣмъ, въ менѣе удачномъ нападеніи, потеря федералистовъ была отъ пяти до шести тысячъ. Наконецъ, такъ какъ взять позицію не было надежды, Грантъ, прекративъ двѣнадцатидневныя усилія, рѣшился выманить изъ нея Ли движеніемъ въ обходъ его. За недостатокъ предусмотрительности онъ повалился потерей еще до 20.000 человекъ выбывшихъ изъ строя, между тѣмъ какъ конфедератисты, включая даже захваченную врасплохъ Ганкокомъ цѣлую дивизію, потеряли только третью часть этой цифры. Истощенная армія Гранта, говоритъ союзный историкъ, начала было падать духомъ и потому съ радостью отошла отъ линій Спотсильваніи.

Получивъ значительныя подкрѣпленія изъ Вашингтона, Грантъ двинулся 20-го мая на западъ, обойдя неприятеля справа и затѣмъ направясь на югъ, но встрѣтилъ конфедератистовъ уже стоящихъ впереди его фронта на рѣкѣ Сѣверной Аннѣ, въ позиціи столь превосходно выбранной что даже при всей своей смѣлости онъ видѣлъ ея неприступность. Другое фланговое движеніе, четвертое уже въ теченіе мѣсяца, привело Гранта къ Памунки, и наконецъ, въ концѣ мая, его армія достигла того поля которое за два года предъ тѣмъ занималъ Макъ-Клелланъ. Предъ самымъ фронтомъ его арміи былъ ручей Чикагомини съ тѣми самыми переходами коими соединялись фланги арміи Макъ-Клеллана при ея движеніи вдоль ручья въ 1862 году; но, между Грантомъ и этими переходами, въ на-скоро возведенныхъ укрѣпленіяхъ прикрытыхъ болотами и зарослями, стоялъ вѣчно бдительный Ли въ томъ строго-оборонительномъ положеніи коего онъ не покидалъ въ эту кампанію послѣ своего неудачнаго нападенія при Вайльдернесѣ. Теперь наступило время когда карьера Гранта, какъ главнокомандующаго, была омрачена темнымъ пятномъ. Когда онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ отступалъ предъ позиціей Ли на Сѣверной Аннѣ, онъ, казалось,

убѣдился уже горькимъ опытомъ что постоянные удары въ которые онъ не такъ давно еще вѣровалъ могли разбить самый инструментъ въ его рукахъ, прежде чѣмъ кончена будетъ работа. Даже обширныя средства коими онъ могъ пользоваться для пополненія своихъ силъ не могли бы долгое время доставлять по 20.000 человекъ въ недѣлю для продолженія опыта. Поэтому послѣдовавшія жертвы требуютъ вѣ котораго оправданія. Можетъ-быть, обычное невозмутимое хладнокровіе Гранта было раздражено постоянною готовностью съ какою встрѣчался съ нимъ его противникъ; можетъ-быть, онъ полагалъ что конфедератисты на столько ослабѣли отъ своихъ потерь что не въ состояніи прикрыть свои укрѣпленія, или же находилъ что его новая команда не была еще достаточно испытана суровыми трудами истекшаго мѣсяца; можетъ-быть, наконецъ, его побуждали къ дѣйствию всѣ эти причины вмѣстѣ. Возможно также что болѣе всего на него имѣло вліяніе неприятное сознаніе что онъ вызвалъ на свои дѣйствія критику всего свѣта телеграммой изъ Спотсильваніи: „я предполагаю сражаться на этой линіи, хотя бы то пришлось въ теченіе всего лѣта,“ ибо эта избранная имъ линія была уже оставлена безъ всякаго достигнутаго результата. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился еще разъ на попытку выбить Ли съ своего пути прямою атакой, и призвавъ на помощь 16.000 бывшихъ у Бутлера на Джемсъ, онъ предписалъ произвести общій приступъ въ половинѣ пятаго часа утромъ 3-го іюня. „Солдаты ринулись, говоритъ Гоуландъ *, послѣдовала отчаянная борьба, быстрая убійственная пальба съ обѣихъ сторонъ, и армія пришла къ сознанію что предстоящая задача превосходить возможность.“ Свидѣтельство Свинтона, самого очевидца битвы, болѣе полно: „Не болѣе десяти минутъ рѣшили битву. Напоръ по всей линіи, видъ неприступныхъ укрѣпленій, кровопролитный уронъ, внезапное отступленіе, и дѣло было рѣшено.“ Затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ подробностей, онъ заключаетъ:

„Дѣло было рѣшено, какъ я сказалъ, въ невѣроятно краткое время утренняго приступа. Какъ ни быстръ былъ результатъ, но онъ былъ рѣшительнъ. Войска дошли впередъ до предѣла до коего могъ довести ихъ примѣръ офицеровъ,

* *Grant as a Soldier and Statesman.* By E. Howland. London. 1868.

и невозможно было заставить ихъ перейти его, ибо они знали что тамъ ихъ ожидаетъ смерть, даже безъ надежды на побѣду. До какой степени это сознание раздѣлялось всею арміей поразительно доказываетъ обстоятельство случившееся до полудня. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ перваго неудачнаго приступа генераль Мидъ послалъ инструкціи ко всемъ корпуснымъ командирамъ возобновить нападеніе. Приказъ былъ сообщенъ ими подчиненнымъ начальникамъ и переданъ далѣе всей арміи обычнымъ путемъ, но ни одинъ человекъ не двинулся, и неподвижныя линіи произнесли безмолвный, но торжественный приговоръ противъ продолженія боины. Потеря федералистовъ въ этомъ кровавомъ дѣлѣ превышала 13.000; между тѣмъ какъ сомнительно чтобы со стороны конфедератистовъ она достигала и 1.300.“

Въ подробномъ критическомъ разборѣ подобнаго дѣла нѣтъ надобности. Способъ атаки Гранта произведенной „вдоль всей линіи“ и безъ всякаго резерва противорѣчитъ всемъ тактическимъ правиламъ теоріи и практики. Исключеніе, правда, допускается въ одномъ важномъ случаѣ когда непріятель обезсиленъ предшествовавшимъ дѣломъ. Такъ Веллингтонъ приказалъ общую атаку при Ватерлоо, когда ударъ Пруссаконъ поколебалъ и обнаружилъ правый флангъ Французовъ, и сдѣлалъ для Наполеона сраженіе безнадежною борьбой. Такъ точно Радецкій, движимый такимъ же гениальнымъ вдохновеніемъ, неожиданно устремилъ всю линію своего фронта на утомленныхъ Италіянцевъ при Новаррѣ, прежде чѣмъ Гессъ, его методическій начальникъ штаба, могъ собрать резервы для окончательной атаки. Грантъ не имѣлъ подобныхъ побудительныхъ причинъ для сраженія. Войско которое онъ атаковалъ состояло изъ ветерановъ закаленныхъ въ войнѣ, привыкшихъ къ страданіямъ и опасности, увѣренныхъ въ своемъ генералѣ, сознающихъ свою непобѣдимость въ оборонѣ и замѣнявшихъ недостатокъ численности и дисциплины замѣчательными индивидуальными качествами. Замѣтимъ, впрочемъ, что ошибка союзнаго генерала не была нова, ибо Наполеонъ, коего способъ давать сраженія обыкновенно любятъ воображать безупречнымъ, положилъ почти такое же число людей въ 1807 году въ напрасномъ нападеніи на русскій укрѣпленный лагерь при Аллерѣ, въ нападеніи сдѣланномъ, повидимому, безъ всякаго основанія, такъ какъ эти укрѣпленія были въ послѣдствіи обойдены безъ затрудненія простымъ фланговымъ движеніемъ. Эта

жертва принесенная нетерпѣнію при Гейльсбергѣ была даже еще менѣе извинительна, ибо отъ французскаго императора не требовала раздраженная нація чтобъ онъ дѣйствовалъ во что бы ни стало.

Не сознавая, можетъ-быть, что онъ въ этомъ случаѣ подражалъ Наполеону, тактика коего въ его позднѣйшій періодъ * имѣла сходство съ тактикой великаго союзнаго генерала, Грантъ теперь снова свернулъ въ сторону отъ укрѣпленій которыя онъ не могъ взять, и широкимъ уклономъ влѣво, пятымъ и послѣднимъ поворотомъ въ теченіе года, отошелъ отъ окровавленныхъ пажитей Чикагомина, пересѣкъ рѣку Джемсъ въ тридцати миляхъ ниже Ричмонда, и поставивъ свою армию къ югу отъ Питерсбурга (который не былъ взятъ при этомъ движеніи только вслѣдствіе оплошности), провелъ остальную часть года, укрѣпившись предъ этимъ городомъ. Планъ этотъ не былъ вызванъ предшествовавшими неудачами. Напротивъ, въ своихъ письмахъ въ Вашингтонъ писанныхъ имъ еще до его послѣдняго производства, онъ сильно настаивалъ на томъ что будущая кампанія противъ Ричмонда должна быть ведена не прямымъ движеніемъ, а скорѣе именно подобными операціями направленными къ югу отъ Джемса и имѣющими базисъ у берега моря. Дѣйствія эти направлялись бы къ тому чтобъ окончательно отдѣлить Ричмондъ (смотря на него въ такомъ случаѣ какъ на крѣпость выдавшуюся на сѣверъ) отъ остальной части конфедерации, и стѣснивъ его защитниковъ, запереть ихъ въ немъ подобно тому какъ Пембертонъ былъ запертъ въ Виксбургѣ, или же принудить ихъ его очистить. Дѣйствительно, должны были быть очень сильныя политическія и личныя побудительныя причины принудившія Гранта, когда онъ номинально получилъ безконтрольную власть, устроить этотъ планъ и принять линію дѣйствія на которой Макъ-Довель и Попъ, Борнсайдъ и Гукеръ терпѣли послѣдовательно пораженія, и которая, когда онъ вынужденъ былъ оставить ее, привела его на мѣсто неудачи Макъ-Клеллана. Теперь обнаружилась провизитательность его первоначальнаго выбора, и онъ находился наконецъ въ выгодной позиціи, хотя достигъ ея только послѣ потери 60.000 человекъ, между тѣмъ какъ рядъ

* Marmont, *Esprit des institutions militaires.*

Ли уменьшились всего на 15,000 человекъ. Нравственная энергія Сѣвера поддерживала генераль-лейтенанта, но успешное движеніе Шермана въ Георгію, можно полагать, имѣло въ это время особенно сильное вліяніе. Еслибы кампанія Шермана была неудачна, то, по мнѣнію союзнаго историка, было бы трудно набрать новыя силы для пополненія по́томакской арміи.

Съ этого времени Грантъ, не пренебрегая уроками неудачъ, отказался отъ дорого стоившей тактики такъ мало ему послужившей. Его кампанія приняла видъ осады, или скорѣе блокады, и была возобновлена въ значительныхъ размѣрахъ та затруднительная форма военныхъ дѣйствій которой не приходилось видѣть съ тѣхъ поръ какъ Тюренъ и Монтекукули сдерживали другъ друга въ Палативатѣ. Были воздвигнуты циркумвалационныя линіи вокругъ непріятеля съ фронта и контравалационныя линіи противъ непріятеля съ тыла. Лагерь федералистовъ охраняли верки вооруженные самыми тяжелыми орудіями, и вдоль его линій припасы развозились по желѣзной дорогѣ. Бомбардировка и веденіе минъ въ неслыханныхъ размѣрахъ не были въ силахъ поколебать защиты Ли съ фронта, и борьба постепенно ограничивалась постоянными усиліями Гранта обогнуть противника успешными дѣйствіями на западномъ флангѣ. Грантъ пытался завладѣть тремя линіями желѣзныхъ дорогъ соединявшихъ Ричмондъ съ конфедераціей. Въ августѣ Грантъ овладѣлъ ближайшею Вельдовскою линіей желѣзной дороги; но годъ истекъ, и весна 1865 года далеко подвинулась, а дорога изъ Саутсайда въ Питерсбургъ не была взята, и третья линія изъ Данвилля прямо въ Ричмондъ была еще весьма далеко отъ рукъ федералистовъ. Грантъ тѣмъ не менѣе, несмотря на многія неудачи, упорно удерживалъ свое угрожающее положеніе, хорошо подкрѣпляемый великими и невѣроятными средствами Союза, въ которомъ блестящіе успѣхи Шермана возбудили энергическую дѣятельность, и получая отъ дезертировъ и шпионовъ подробныя извѣщенія о слабѣющей силѣ геройской арміи такъ долго обращавшей въ ничто усилія Сѣвера. Здѣсь не мѣсто доказывать въ подробности какъ пагубно было для Южанъ политическое рѣшеніе заставившее Ли, противъ его собственнаго мнѣнія и вопреки всѣмъ военнымъ правиламъ, держаться въ Ричмондѣ

цѣной гибели его защитниковъ. Армія Ли терпѣла страшно отъ двухъ вліяній: недостатка людей и недостатка припасовъ. Конфедерация еще не совершенно растратила мужественное населеніе, какъ то воображалъ Грантъ, но конскрипція, дурно веденная съ самаго начала, вовсе не достигала цѣли по мѣрѣ того какъ средства конфедеративнаго правительства уменьшались, и эта неудача, въ связи съ умышленнымъ отказомъ Сѣвера на предложеніе о разсѣнѣ плѣнныхъ, препятствовала совершенно набору войскъ въ столицѣ. Точно также замѣчательно и, вѣроятно, еще болѣе рѣшительно по результатамъ было полное разстройство комиссариатской системы конфедеративистовъ. Ли открылъ это слишкомъ поздно. Побѣги поослабили его ряды въ теченіе зимы и съ весною 1865 года стали такъ быстро умножаться что въ мартѣ ему пришлось охранять сорокъ миль укрѣпленій арміей въ которой было всего лишь 40.000 человекъ. Силы непріятеля тѣмъ временемъ постоянно увеличивались, такъ что стало абсолютно необходимымъ сдѣлать усиліе дабы высвободить южную армію изъ положенія которое нельзя было долѣе удерживать. Отступить отъ Ричмонда, впрочемъ, уже было не легко и не безопасно. Для этого необходимо требовалось движеніе длинными колоннами мимо лѣваго фланга Гранта который былъ постоянно насторожѣ, и Ли рѣшился поэтому заставить непріятеля стянуть этотъ флангъ, сдѣлавъ неожиданное нападеніе на восточный или правый флангъ его линій предъ Питерсбургомъ. На основаніи этого плана и была произведена вылазка утромъ 25-го марта. Она была поручена Гордону, младшему и самому смѣлому изъ корпусныхъ начальниковъ Ли, который во время осенней кампаніи своею храбростію и своими дѣйствіями заслужилъ повышение изъ ряда простыхъ бригадировъ на настоящую должность. Его атака въ началѣ обѣщала быть успѣшною, такъ какъ одинъ изъ сильныхъ редутовъ защищавшихъ союзный лагерь былъ взятъ приступомъ, и три сосѣднія съ нимъ батареи были оставлены прикрытіемъ. Но успѣхъ не могъ быть продолжителемъ, ибо подкрѣпленія которыя должны были поддержать Гордона, дабы онъ могъ утвердиться за верками для дальнѣйшаго движенія, не подоспѣли, и тогда федералисты, успѣвъ оправиться отъ неожиданности нападенія, прогнали обратно атакующихъ, взявъ у нихъ много

пѣвныхъ и причинивъ имъ, кромѣ того, тяжкій уронъ убитыми и ранеными, такъ какъ отступление происходило подъ сильнымъ огнемъ артиллеріи.

Грантъ въ этомъ возобновленіи непріателемъ наступательныхъ дѣйствій усмотрѣлъ его возраставшее ослабленіе и поспѣшилъ отвѣтить ударомъ который покончилъ бы продолжительную кампанію. Для исполненія его желанія явилось надежное орудіе въ лицѣ Шеридана, самаго пылкаго и дѣятельнаго изъ новаго разряда генераловъ, молодыхъ лѣтами, но уже ветерановъ въ военномъ дѣлѣ, отличившихся въ теченіе цѣлаго ряда кампаній. Грантъ впервые обратилъ на него вниманіе въ 1863 году, при Чаттанугѣ, гдѣ онъ велъ свою пѣхотную дивизію противъ линій Брагга со всею пыкостью юности и съ искусствомъ опытнаго воина. Пораженный его мужествомъ и тактическимъ талантомъ, Грантъ снова перевелъ его въ кавалерію (въ которой Шериданъ впервые отличился), назначивъ его сначала начальникомъ всей конницы своей арміи и затѣмъ поручивъ ему независимыя дѣйствія въ долинѣ Шенандоа, гдѣ осенью ему пришлось имѣть дѣло съ генераломъ Ирли. Шериданъ окончательно разбилъ и разсѣялъ армію этого генерала, и по исполненіи этого отдѣльнаго предпріятія возвратился къ своему начальнику дабы принять участіе въ окончательной борьбѣ. Онъ прибылъ въ союзную главную квартиру 27-го марта, два дня спустя по отраженіи Гордона, и его прибытіе послужило сигналомъ для начала весенней кампаніи 1865 года.

Первый планъ Гранта, какъ онъ былъ изложенъ въ его собственныхъ приказахъ, былъ довольно простъ и могъ считаться продолженіемъ его усилій на лѣвомъ флангѣ въ прошедшую осень. Шериданъ съ кавалеріей долженъ былъ сдѣлать смѣлый набѣгъ вовнутрь страны и уничтожить Саутсайдскую и Данвильскую желѣзныя дороги. Пѣхотные корпуса, взявъ для легкости только часть своихъ орудій, должны были двинуться влѣво съ двойною цѣлю: обойти позицію непріятеля и обезпечить успѣхъ Шеридана. Одинъ только 9-й корпусъ долженъ былъ остаться и охранять линіи предъ Питерсбургомъ. Такимъ образомъ эти послѣднія удерживались бы 20.000 человекъ, между тѣмъ какъ 10.000 кавалеріи и 80.000 пѣхоты направлялись осади ихъ и отрѣзывали Ричмондъ отъ остальной части Юга. Войска, хорошо продо-

вольствуемыя, хорошо вооруженныя и увѣренныя въ успѣхѣ, взяли съ собой провизіи на четыре дня, а легкіе поѣзды везли по рельсамъ еще на восемь дней припасовъ. Этого считалось достаточнымъ для окончанія предпріятія, и расчеты не оказались ошибочными. Величайшая междуособная война, или же, иными словами, величайшій мятежъ близился къ концу. Энергія и рѣшимость съ которыми генералъ Грантъ стремился къ своей цѣли, не утомляясь отсрочками, не смущаясь неудачами, должны были наконецъ доставить ему полное вознагражденіе.

Движеніе началось рано утромъ 29-го марта. Вечеромъ 5-й и 2-й пѣхотные корпуса, подъ начальствомъ Варрена и Гомфриза, вышли уже изъ-за линій и нашли что конфедератисты расширили легкія укрѣпленія до находившихся назади лѣсовъ. Здѣсь они выстроили цѣпь осторожно развѣдывая мѣстность. Шериданъ въ эту ночь находился въ Дивидди, въ шести миляхъ далѣе на западъ, или влѣво, готовясь отправиться на слѣдующій день въ свою отдаленную экспедицію. Неожиданно Гранта ослѣвило вдохновеніе которое при подобныхъ великихъ событіяхъ предшествуетъ успѣху и предвѣщаетъ его: измѣнивъ первоначальный планъ, онъ рѣшился загнуть свой лѣвый флангъ и поразить непріятели на томъ мѣстѣ гдѣ онъ стоялъ. „Я теперь думаю, писалъ онъ въ этотъ вечеръ къ Шеридану, какъ бы покончить дѣло, если это возможно, прежде чѣмъ идти назадъ. Поэтому мнѣ не нужно чтобы вы теперь отдѣлились и шли на непріятельскія дороги. Утромъ устремитесь въ обходъ непріятели и постарайтесь зайти къ нему въ тылъ справа. Мы же будемъ здѣсь дѣйствовать всею арміею пока будетъ видно что можно сдѣлать.“ Ли однако не былъ застигнутъ врасплохъ и не оставался въ бездѣйствіи. Съ своею обычною проицательностію онъ предусмотрѣлъ маневръ федералистовъ, и отдѣливъ 15.000 человекъ изъ слабаго гарнизона Питерсбурга, перевелъ ихъ на свой правый флангъ, чтобъ еще разъ испытать свой прежній способъ войны и ударить на выдавшійся флангъ непріятели пока еще онъ не былъ развернутъ. 30-го марта его войска, несмотря на проливной дождь въ теченіе цѣлаго дня задерживавшій движеніе федералистовъ, собрались у Пяти Угловъ (Five Forks), важнаго пункта пересѣченія дорогъ, близъ самой Саутсайдской желѣзной дороги

и въ десяти миляхъ позади линій Питерсбурга. Укрѣпившись здѣсь, они стали почти на перепутьи между Шериданомъ и ближайшимъ союзнымъ пѣхотнымъ корпусомъ Варрена. На слѣдующее утро обрушился на нихъ ударъ Ли. Первый испыталь его Варренъ, но измѣнивъ обычную тактику федералитовъ, онъ разставилъ свои войска глубокими эшелонами, такъ чтобъ они при взаимной поддержкѣ могли выдержать фланговую атаку, и будучи подкрѣпленъ частью корпуса Гомфриза, онъ подъ конецъ снова занялъ свою позицію. Отступивъ отъ него, конфедератисты обратились на Шеридана достигшаго своимъ авангардомъ до Пяти Угловъ и прогнали его обратно къ Динвидди. Вообще, слѣдовательно, сраженіе 31-го марта осталось нерѣшительнымъ, хотя приказы Гранта, отданные имъ въ эту ночь, указываютъ что онъ сильно беспокоился за Шеридана, и Варрену было предписано идти прямо къ его квартирѣ и подкрѣпить его.

Утро 1-го апрѣля рѣшило кампанію. Шериданъ увидѣлъ что непріятель отступилъ къ Пяти Угламъ и послѣдовалъ за нимъ со своею кавалеріей, поставивъ корпусъ Варрена позади, скрытымъ отъ наблюденія. Достигнувъ укрѣпленій непріятеля,—простою линію брустверовъ безъ фланговыхъ прикрытій, занятой дивизіями Пиккета и Бушродъ-Джонсона,—онъ частью своихъ спѣшенныхъ солдатъ обратилъ на себя вниманіе и показалъ видъ будто другою дивизіей онъ хотѣлъ обойти укрѣпленія справа, между тѣмъ какъ весь корпусъ Варрена втайнѣ строился для движенія на лѣвый флангъ. Тактика эта удалась вполнѣ. Варренъ ринулся съ неотразимою силою на изумленныхъ конфедератистовъ занятыхъ атаками Шеридана на фронтъ и правый флангъ ихъ. Паническій страхъ объялъ конфедератистовъ, ряды ихъ смѣшались, и 5.000 защитниковъ Пяти Угловъ достались въ руки побѣдителя. На слѣдующій день Грантъ энергически продолжалъ дѣло выигранное его лейтенантомъ и атаковалъ весь фронтъ линій Питерсбурга. Внѣшніе верки защищаемые слишкомъ слабыми силами для серьезнаго сопротивленія пали при первомъ приступѣ, и хотя Лонгстритъ прибылъ во-время съ другой стороны рѣки Джемса чтобъ удержать внутреннюю линію укрѣпленій, тѣмъ не менѣе Ли видѣлъ необходимость приказать отступление во что бы ни стало въ эту же ночь. Но федералиты были теперь столь же близко отъ Данвильской

желѣзной дороги, какъ и ихъ непріатели, которые по ней одной могли надѣяться продовольствовать армію въ опустошенной мѣстности, на пути въ Сѣверную Каролину. Предусмотрительность Гранта уже припасла средства необходимыя для продолжительнаго преслѣдованія, между тѣмъ какъ генераль конфедератистовъ не имѣлъ запасовъ ближе Данвилля, да и про эти послѣдніе не зналъ придутъ ли они въ время для пополненія его недостатка на пути отступленія. Неизвѣстность стала смѣняться отчаяніемъ, когда на разсвѣтъ 4-го апрѣля, послѣ тяжелаго перехода, онъ достигъ желѣзной дороги у станціи Амеліи и нашель что его вагоны по ошибкѣ отправлены въ Ричмондъ. Между тѣмъ его противникъ продолжалъ теперь преслѣдованіе съ неослабною энергіей и не замедлил воспользоваться превосходствомъ средствъ. Пока голодныя колонны конфедератистовъ ожидали фуражировъ отправленныхъ достать продовольствіе, Грантъ самъ повелъ свою пѣхоту параллельно линіи движенія Ли, а Шериданъ, двинувшись стремительно мимо нея, занялъ желѣзную дорогу къ югу отъ Амеліи, гдѣ къ нему вскорѣ присоединился 5-й корпусъ, и расположилъ свои войска такимъ образомъ чтобы совершенно заградить путь.

Но и тогда полководецъ конфедератистовъ не уступилъ предъ судьбой. Дважды широкимъ обходомъ устремлялся онъ на западъ, пытаясь сначала обойти непріателя и достигнуть Данвильской линіи позади него, и затѣмъ,—когда эта надежда не удалась,—занять боковую вѣтвь идущую къ Линчборгу и горамъ. Все было напрасно противъ предусмотрительности Гранта, пыла Шеридана и роковаго превосходства силъ. Голодныя войска Ли не могли выносить долѣе тяжести бѣдствій. „Сотни, говоритъ очевидецъ, падали отъ истощенія, и у тысячъ валялись ружья изъ рукъ отъ невозможности нести ихъ долѣе.“ 9-го апрѣля жалкіе остатки Виргинской арміи нашли, наконецъ, успокоеніе близъ станціи Аппоматоксъ и были сданы ихъ начальникомъ на условія столь либеральныхъ и столь деликатно предложенныхъ, что трудно сказать кто въ этомъ дѣлѣ болѣе заслуживаетъ почета, побѣдитель или побѣжденный. „Со слезами, текущими по щекамъ,—описываетъ одинъ свидѣтель этой сцены,—генераль Ли, наконецъ, принудилъ себя выговорить: „Солдаты, мы вмѣстѣ сражались во время войны. Я сдѣлалъ для васъ что только могъ.“

И никто безъ слезъ не могъ смотрѣть на эту сцену. Когда президентъ Джонсонъ, не долго спустя, въ первомъ мстительномъ порывѣ торжества, хотѣлъ было предать стараго героя и его любимыхъ офицеровъ суду и мести, генераль Грантъ отстоялъ нерушимость капитуляціи съ тою же рѣшимостію съ какою во время кампаніи заключилъ ее.

Война была признана оконченною со дня когда Ли положилъ свой мечъ, и дѣло Союза не нуждалось болѣе въ мечѣ Гранта. Нынѣ нація, благодарная за его заслуги и ожидающая отъ него еще болѣшихъ, призвала своего любимаго генерала къ обязанностямъ еще болѣе важнымъ чѣмъ военныя или административныя. Какъ въ критическую минуту войны голосъ Сѣвера призвалъ Гранта къ главному начальству, такъ и теперь тотъ же голосъ націи объявилъ его человѣкомъ который лучше всѣхъ можетъ разрѣшить затрудненія завѣщанныя войной. Пророчить о результатахъ нѣтъ надобности. Великій, хотя не безупречный, какъ генераль, дѣятельный и искусный въ административныхъ дѣлахъ, Грантъ по его качествамъ государственнаго человѣка представляетъ загадку которую должно разрѣшить время. Извѣстно что онъ сумѣлъ такимъ образомъ избѣгнуть подводныхъ камней партій, что республиканцы считали его въ душѣ демократомъ, а демократы нападали на него за его крайнія республиканскія склонности. Извѣстно также что ни безусловная и чрезмѣрная похвала, ни личныя и ядовитыя нападки не могли поколебать его сдержанность или заставить его безвозвратно заручиться въ руки какого-либо кружка. Но подлежащая ему теперь задача требуетъ болѣе чѣмъ благоразумія и осторожности. Она требуетъ высокой мудрости и великаго государственнаго искусства. Залѣчить раны оставленныя войной, возвратить къ согласію все еще обуреваемый раздоромъ Союзъ, обезпечить истинную свободу южнымъ неграмъ и полную справедливость бѣлымъ Южанамъ, таковы, въ дѣйствительности, задачи которыя могли бы затруднить самого Вашингтона или даже болѣе великаго человѣка чѣмъ Вашингтонъ, если возможно найти такового. Другъ и совѣтникъ Гранта, Шерманъ, какъ будто предвидѣлъ грядущія событія, когда, пять лѣтъ тому назадъ, при назначеніи Гранта въ должность генераль-лейтенанта, написалъ ему пророческое предостереженіе которое особенно кстати привести теперь: „Вы теперь законный

преемникъ Вашингтона и занимаете положеніе почти опасное по высотѣ его; но если вы будете по-прежнему тѣмъ чѣмъ были до сихъ поръ, человѣкомъ простымъ, честнымъ и безъ претензій, то вы въ теченіе всей жизни будете пользоваться любовью и уваженіемъ друзей и почетомъ миллионовъ человѣческихъ существъ, что доставитъ вамъ широкую долю участія въ обезпеченіи имъ и ихъ потомкамъ прочнаго и твердаго правительства.“

Можно надѣяться что этотъ достойный совѣтъ друга найдетъ полное приложеніе въ дѣйствіяхъ новаго президента.

ВОСПОМИНАНІЯ О КАВКАЗѢ И ГРУЗИИ*

VI.

Во Владикавказѣ я засталъ уже въ сборѣ всѣхъ офицеровъ составлявшихъ въ то время весьма немногочисленную свиту барона Розена, его личныхъ адъютантовъ: барона Александра Евстаѣевича Врангеля, Александра Ивановича Попова, ординарца графа Цукато и двухъ братьевъ Поляковъ, князей П*, которые оба, къ сожалѣнію, не оказались подходящими къ духу и понятіямъ господствовавшимъ въ нашемъ кругу и, къ общей радости, скоро послѣ экспедиціи исчезли безъ слѣда. Должность отряднаго дежурнаго штабъ-офицера занималъ ротмистръ Дмитрій Алексѣевичъ Всеволожскій, всѣми любимый и почитаемый за его уживчивый характеръ, за доброту и за храбрость, которую онъ, отъ избытка скромности, какъ бы стыдился выказывать. Кромѣ того, находились при штабѣ еще нѣсколько очень хорошихъ, но менѣе замѣтныхъ офицеровъ, о которыхъ не могу припомнить въ настоящую минуту. Генеральнаго штаба штабъ-капитанъ Норденстамъ, заболѣвшій въ Тифлисѣ, и адъютанты корпуснаго командира Милицкій и Языковъ, сколько помнится, пріѣхали во Владикавказъ не прежде начала августа.

Недолго пользовался я во Владикавказѣ свободною жизнію и бездѣіемъ, позволявшими отлучаться въ лагерь къ Мирза-Джану и къ князю Бебутову, у которыхъ мнѣ очень понравилось проводить время посреди совершенно для меня новаго азіятскаго разгула. На третій день пріѣхалъ начальникъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1 и 2.

штаба, и меня потребовали къ нему прямо съ веселаго обѣда въ татарскомъ лагерѣ. Освѣживъ голову холодною водою, я пошелъ къ докладу, сколько помню, ничего не спуталъ, и вернулся на свою квартиру съ туго набитымъ портфелемъ. Съ-той поры отъ ранняго утра до поздней ночи мнѣ пришлось сидѣть за бумагами, прислушиваясь къ скрипу писарскихъ перьевъ, вмѣсто голосистыхъ пѣсень такъ сладостно ласкавшихъ мой непривычный слухъ. Окончательныя приготовления къ экспедиціи, которою баронъ Розенъ намѣревался лично командовать, требовали ускореннаго исполненія, и Вольховскій не имѣлъ привычки давать въ подобномъ случаѣ отдыхъ себѣ или другимъ. Вечеромъ 9-го іюля корпусный командиръ прибылъ во Владикавказъ, нашелъ все въ желаемомъ порядкѣ, и одиннадцатаго, рано поутру, въ сопровожденіи всего штаба и сотни линейскихъ казаковъ Моздокскаго полка, поѣхалъ обратно по Военно-Грузинской дорогѣ.

Въ ясное лѣтнее утро, когда на небѣ нѣтъ ни облака, предъ жителями Владикавказской крѣпости раскрывается одно изъ тѣхъ живописныхъ зрѣлищъ для которыхъ туристы въ жаднѣ новыхъ впечатлѣній переплываютъ моря, чтобы разъ взглянуть и помѣтить въ путевыхъ запискахъ что они собственными глазами убѣдились въ неподражаемой красотѣ поразительно величаваго вида, исключительно принадлежащаго такой-то точкѣ земнаго шара.

И дѣйствительно, не легко вообразить картину болѣе величественныхъ и громадныхъ размѣровъ какъ видъ Кавказскихъ горъ изъ Владикавказа.

Почти отвѣсная стѣна неизмѣримой вышины рисуется свѣтло-синими отбѣнками на прозрачномъ полотнѣ недалежнаго горизонта, подпирая небо фантастически вырѣзанными зубцами; это гранитный хребетъ Гай. Отъ подножія его лѣсистыя горы темно-зелеными волнами спускаются къ берегамъ Терека и ко Владикавказу. Надъ зубчатымъ вѣнцомъ воздымаются, блистая дѣвственною бѣлизной вѣчныхъ снѣговъ, великаны главной цѣпи, отдѣленной отъ параллельнаго съ нею Гайскаго хребта глубокими ущельями, образующими ложе верховыхъ притоковъ Ассы и Фартанги. Въ этихъ ущельяхъ и на высотѣ крутыхъ отроговъ снѣговаго хребта обитали Галгаевцы, небольшое общество кистинскаго племени, приставшіе къ Кази-Муллѣ когда онъ весной появился въ

окрестностяхъ Владикавказа. Въ довершеніе своей измѣны, они убили пристава поставленнаго надъ ними отъ нашего правительства и двухъ русскихъ священниковъ-миссіонеровъ, и стали спускаться для грабежа на Военно-Грузинскую дорогу. Такого рода непріязненные поступки требовали примѣрнаго наказанія. По причинѣ малочисленности и крайней бѣдности, Галгаевцевъ нельзя было считать опасными противниками, и приведеніе ихъ въ покорность должно было обойтись безъ большаго кровопролитія; но мѣста которыя они занимали въ самыхъ высокихъ и крутыхъ горахъ считались у горцевъ совершенно недоступными для русскихъ войскъ. Упираясь на это убѣжденіе, Галгаевцы дерзко отвергали всѣ предложенія покориться добровольно и выдать головой разбойниковъ убившихъ пристава и священниковъ. Необходимость уничтожить вѣру горцевъ въ силу ихъ притонновъ и доказать имъ примѣромъ что для русскаго войска нѣтъ неприступныхъ мѣстъ и непроходимыхъ дорогъ была очевидна; поэтому корпусный командиръ рѣшился съ небольшимъ отрядомъ, въ три тысячи пятьсотъ человекъ, лично идти для наказанія Галгаевцевъ, хотя, по всѣмъ показаніямъ, въ землѣ ихъ существовали однѣ тропинки, не всегда удобопроходимыя даже для пѣшаго человека.

За Балтой, верстѣ пятнадцать вверхъ по Тереку, насъ ожидали назначенные въ составъ отряда два баталіона Эриванскаго карабинернаго полка, баталіонъ Тифлискаго пѣхотнаго и баталіонъ 41 егерскаго полковъ, двѣсти ливейскихъ казаковъ Моздокскаго полка, пятьсотъ человекъ осетинскихъ конныхъ и пѣшихъ милиціонеровъ, и четыре горныя орудія. По русскому обычаю отслуживъ сперва молебенъ, корпусный командиръ проѣхалъ по рядамъ, поздоровался съ солдатами, поздравилъ ихъ съ походомъ и приказалъ, не упуская утренней прохлады, начать движеніе. Барабанъ ударилъ переправу, и войска стали переходить съ лѣваго на правый берегъ Терека, по мосту устроенному на козлахъ. Прекрасная погода и новизна всего что происходило предъ нами, кавказскими новичками, поддерживали наше общество въ самомъ веселомъ расположеніи; для старыхъ Кавказцевъ подобнаго рода экспедиція была знакомое дѣло, хотя и имъ не за-частую приходилось идти на такія высокія горы. Солдатики, подобравъ шинельныя полы, по кавказскому обыкновенію въ фуражкахъ, безъ ранцевъ—вмѣсто

нихъ черезъ плечо сухарные мѣшки — шли весело на привычную имъ работу. Отрядъ поднялся налегкѣ, безъ палатокъ, безъ повозокъ, которымъ въ Галгаѣ не было ходу, имѣя въ мѣшкахъ сухарей на шесть сутокъ и на десять во вьючномъ транспортѣ. Штабныя палатки, которыя предполагали возможнымъ провезти на вьюкахъ, принуждены были оставить на второмъ ночлегѣ, подъ прикрытіемъ тифлискаго баталіона и половины Осетинъ; затѣмъ оставлены при отрядѣ только три палатки: для корпуснаго командира, для начальника штаба и для канцеляріи.

Не далеко мы ушли колонной, недолго провезли на колесахъ наши легонькіе трехфунтовые единороги; уже на четвертой верстѣ оказались опасныя косогоры, дорога сузилась, и войска были принуждены растянуться въ нитку; орудія пришлось поднять на вьюки. Несмотря на свою малочисленность, отрядъ занялъ весьма большое протяженіе: отъ головы до хвоста колонны можно было насчитать до пяти верстѣ. Первый день обошелся самымъ мирнымъ образомъ. Мы прошли мимо одного пустаго аула, и сдѣлавъ нѣсколько болѣе десяти верстѣ, остановились возлѣ втораго, также покинутаго селенія. Галгаевцы побросали свои жилища и бѣжали съ семействами и стадами въ малопрístupныя разсѣлины снѣговаго хребта, откуда, по мѣрѣ нашего приближенія, уходили все выше. Для наказанія ихъ намъ оставалось только разорять аулы и косить ихъ скудныя посѣвы, обращавшіеся на прокормъ нашихъ лошадей. Уничтожить аулъ было не легко: сакли, сложенныя изъ плитъ и крытыя шифромъ, представляли мало пищи для огня; поэтому приходилось ихъ раскидывать, работая ломомъ и киркой. Кромѣ того, почти въ каждомъ большомъ селеніи встрѣчались высокія башни такъ прочно сложенныя изъ тесанаго камня что наша горная артиллерія оказалась противъ нихъ вовсе неэффективною. Эти башни можно было уничтожать лишь взрывомъ, но закладка мины стоила неимовернаго труда, по причинѣ каменистаго грунта на которомъ они стояли. По способу каменной кладки и по кресту высѣченному на каждой башнѣ, постройка ихъ принадлежала къ тому времени когда грузинскіе цари господствовали въ горахъ, съ одиннадцатаго по конецъ тринадцатаго столѣтія, и когда знаменитая царица Тамара, обращая въ христіанство Осетинъ и сосѣднихъ съ ними Кистинцевъ, принуждена была въ нагорныхъ

аулахъ возводить подобныя башни для грузинскихъ гарнизоновъ имѣвшихъ задачей удерживать новообращенныхъ христіанъ въ повиновеніи и въ страхѣ Господнемъ. Въ 1832 году, кромѣ этихъ каменныхъ остатковъ, между горами центральнаго Кавказа не сохранилось другаго слѣда христіанской вѣры. Магометанство къ нимъ не проникло, и поэтому они находились въ состояніи совершеннаго безвѣрія. Бѣдно и дико жили они въ своихъ заоблачныхъ аулахъ, лѣпившихся по скаламъ подобно орлинымъ гнѣздамъ; рѣдкій изъ нихъ доживалъ до старости—грабежъ, разбой, тайныя убійства и канла укладывали одного за другимъ въ раннюю кровавую могилу.

На второмъ переходѣ мы еще кое-какъ провезли артиллерию на вьюкахъ, и полковникъ Засѣ, командиръ Моздокскаго казачьяго полка, имѣвшій начальство надъ авангардомъ отряда, перетащилъ даже своихъ трехъ верблюдовъ навьюченныхъ кибиткой и прочею кладью; но продолжать движеніе съ тяжестими оказалось столь затруднительнымъ что въ селеніи Шуани принуждены были покинуть не только вьюки, но и заводныхъ верховыхъ лошадей. Тифлискаго полка майору Борейшѣ поручили начальство надъ устроеннымъ здѣсь вагенбургомъ. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ хуже становилась дорога. Тропинки, взвисясь на крутые гребни или пролегая карнизомъ вдоль отвѣсныхъ скалъ надъ пропастями страшной глубины, едва имѣли ширину потребную для людской ноги и для конскаго копыта. Въ мѣстахъ размывтыхъ дождевыми потоками, часто случалось, тропинка совершенно прерывалась, и тогда приходилось терять не мало времени отыскивая обходъ по скаламъ или по грудамъ скользкихъ камней. Тѣла орудій, колеса и лафетныя станины попривязали къ длиннымъ шестамъ и роздали нести солдатамъ. Пѣшіе Осетины шли въ головѣ отряда, указывая дорогу. Ихъ легкое вооруженіе, одежда и обувь, совершенно приуроченныя къ горной жизни, позволяли имъ шутя пробираться черезъ самыя опасныя мѣста и не хуже дикихъ козъ прыгать по скаламъ на которыхъ они родились. Но можно ли оставить безъ вниманія ту спокойную увѣренность съ которою русскій, на плоскости взращенный солдатъ, съ тяжелымъ ружьемъ на плечѣ, провіантомъ за спиной, въ длиннополой шинели и въ неуклюжихъ сапогахъ, прошедъ по галгаевскимъ тропинкамъ и вскараб-

кался на скалы до тѣхъ поръ считавшіяся доступными для однихъ туровъ да кавказскихъ горцевъ? Вспомнивъ объ осетинской обуви, не могу не указать на преимущество ея предъ тяжелыми ботинками съ толстою, гвоздями усаженною подошвой, употребляемыми для горной ходьбы въ Швейцаріи, Штиріи, Тиролѣ и прочихъ гористыхъ европейскихъ земляхъ. Осетины и вообще всѣ Кавказцы живущіе въ высокихъ горахъ носятъ самые легкіе чевяки изъ телячьей кожи подбитые вмѣсто подошвы переплетенными сыромятными ремнями. Гибкая ременная подошва поддается всѣмъ движеніямъ ступни и не скользитъ по камнямъ, цѣпляясь за самую незамѣтную шероховатость. Съ этою легкою и цѣпкою обувью можно лазить въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ сапогахъ подкованныхъ гвоздями неминуемо оборветься. Въ кавказскихъ горахъ я самъ носилъ осетинскую обувь и по опыту знаю какъ она легка и удобна; послѣ нея каждый сапогъ покажется гирей привѣшенною къ ногѣ.

На пятые сутки мы дневали на верховьяхъ Ассы, близъ селенія Зоти. Войска стояли бивакомъ на широкомъ луговомъ скатѣ; ниже насъ лежалъ обширный аулъ, въ которомъ саперы трудились надъ закладкою минъ подъ двѣ огромныя башни; за селеніемъ вѣковой лѣсъ примыкалъ къ подножію скалистаго контръ-форса снѣговаго хребта; вправо и влѣво висѣли надъ нами, забравшись подъ облака, купы тѣсно сплоченныхъ галгаевскихъ жилищъ, ускользавшихъ отъ разоренія благодаря своей малочисленности и высотѣ на которую не стоило посылать солдатъ для такого неважнаго дѣла. Въ этотъ день раздались первые непріятельскіе выстрѣлы. Галгаевцы завязали перестрѣлку съ Осетинами, расположившими свой лагерь слишкомъ близко къ лѣсной опушкѣ, и ранили у нихъ двухъ человѣкъ. Зассу было приказано съ двумя ротами поддержать Осетинъ и выгнать непріятеля изъ лѣсу. Прикомандированный къ Зассу графъ Цукато и я, болѣе изъ любопытства чѣмъ по обязанности, сочли долгомъ не отстать отъ авангарднаго командира. Галгаевцы, подпустивъ къ опушкѣ, дали по нашимъ людямъ нѣсколько выстрѣловъ и послѣ того обратились въ бѣгство. Часа три гнались мы за ними, сперва по лѣсу, потомъ по скаламъ и наконецъ по снѣгу, гдѣ насъ накрыло такимъ густымъ туманомъ что въ десяти шагахъ нельзя было разглядѣть человѣка. Понявъ безполезность погони въ снѣгу и въ облакахъ

за нашимъ легконогимъ непріателемъ, мы пошли обратно, отхвативъ у него только двухъ усталыхъ, въ сѣвѣннѣ брошенныхъ ословъ.

На обратномъ пути я сдѣлалъ неосторожность которая мнѣ легко могла стоить жизни, но къ моему счастью, обошлась однимъ испугомъ. Узкая тропинка по которой намъ слѣдовало возвращаться огибала крутобокое ущелье. По каменистому дну его прорывался быстрый потокъ, въ тысячѣ шаговъ отъ своего начала ниспадавшій въ пропасть усѣянную обломками скалъ. Водопада не было, струя прерывалась, въ глубину летѣла одна серебристая водяная пыль. Предоставивъ солдатамъ идти по обходной дорогѣ, Осетины перерѣзали ущелье въ самомъ устьѣ, переправились чрезъ потокъ немного выше паденія его и, безъ дороги, стали взбираться на высокій, щебенистый, унизанный скалами гребень, отдѣлявшій насъ отъ лагеря. Полковникъ Зассъ, хромавшій отъ старой сабельной раны повредившей ему мускулъ правой ноги, несмотря на это пошелъ вслѣдъ за Осетинами, опираясь на двухъ безотлучно при немъ находившихся казачковъ, братьевъ близнецовъ, Егора и Ивана Атарщиковыхъ. Мѣстами они были принуждены, отыскавъ опору для своихъ ногъ, ложиться на спину, и подавая Зассу ружье, ежели не доставала рука, втаскивать его такимъ способомъ на крутую и скользкую покатошь горы. Въ числѣ офицеровъ пошедшихъ съ Зассомъ находился и я. Нетерпѣливо взбираясь на гору, я скоро опередилъ не только своихъ русскихъ товарищей, но и самихъ Осетинъ, безпрестанно кричавшихъ мнѣ на ломаномъ русскомъ языкѣ идти осторожнѣе. Подъемъ вдоль крутой и острой ребровины, засыпанной шифровымъ щебнемъ на которомъ нога скользила, былъ труденъ и опасенъ. Нерѣдко приходилось цѣпляться руками за встрѣчныя скалы, или прыгать съ камня на камень. Въ то время незнакомый съ головокруженіемъ и надвѣясь на свои силы, я не обращалъ вниманія на предостереженія Осетинъ и продолжалъ идти скорымъ шагомъ. Верхъ горы былъ уже близокъ. Мелкіе камни вдругъ покатались изъ-подъ моихъ ногъ, я поскользнулся, падая ухватился за край большаго камня и на рукахъ повисъ надъ пропастью. По какому-то непонятному влеченію, взглядъ мой опустился въ глубину, въ глазахъ потемнѣло, дыханіе сперлось, руки задрожали, пальцы стали скользить. Еще нѣсколько секундъ, и мнѣ

грозило страшное, безнадежное паденіе. Смерть казалась неизбежною, а умирать не хотѣлось. Въ это мгновеніе любовь къ жизни взяла верхъ надъ страхомъ смерти. Съ быстротою мысли и силой отчаянія понанружились всѣ мускулы, я уперся руками и колѣнами, и понять не могу какимъ чудомъ стоямя очутился на камнѣ за который ухватился въ минуту паденія. Почувствовавъ подъ собою твердую опору, я глубоко вздохнулъ и медленно оглянулся во всѣ стороны, стараясь повѣрить, дѣйствительно ли опасность миновала. Полковникъ Зассъ и Осетины, слѣдившіе за мной глазами когда я такъ опрометчиво взбирался на гору, тотчасъ увидали и поняли всю опасность моего положенія. Помощь была невозможна; гибель и спасеніе зависѣли для меня отъ одного мгновенія. Всѣ стали какъ вкопанные. Зассъ готовъ былъ вскрикнуть. Стоявшій возлѣ него Осетинъ закрылъ ему ротъ, шепнувъ: „одно громкое слово и офицеръ пропалъ, выждемъ какъ рѣшитъ Аллахъ“. Громкій крикъ удивленія привѣтствовалъ мое спасеніе, когда увидали что я стою на камнѣ твердою ногой. Осетинскій старшина Магометъ-Кази догналъ меня въ нѣсколько минутъ. „Теперь пойдемъ потише, сказалъ Магометъ, подавая мнѣ руку,—не дамъ тебѣ идти одному, ты слишкомъ нетерпѣливъ, а въ нашихъ горахъ надо ходить осторожно, какъ разъ оставишь свои кости на сѣдненіе волкамъ да воронамъ.“ Съ этого времени онъ очень со мной подружился, и я теперь еще берегу черкесскую шубку подаренную мнѣ Магометомъ, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ память тѣхъ дней когда мы вмѣстѣ исходили галгавскія горы и чеченскіе лѣса.

Между снѣговымъ хребтомъ и горою Гай открывался глубокій бассейнъ перерѣзанный отраслями обоихъ хребтовъ, посреди которыхъ изливались верхніе притоки Ассы и Фартанги, двухъ рѣкъ прорывающихся сквозь горы въ сѣверномъ направленіи, на соединеніе съ Терекомъ принимающимъ ихъ съ правой стороны въ свое широкое ложе. На обширныхъ луговыхъ скатахъ опускавшихся отъ подножія каменистыхъ горъ къ ложу потоковъ дающихъ начало Ассѣ и Фартангѣ встрѣчались весьма удобныя лагерныя мѣста, и отрядъ могъ двигаться походною колонной, пока крутой оврагъ или поперечный гребень снова не понуждали, чело-вѣкъ за чело-вѣкомъ, лошады за лошадыю, тянуться по тѣсной, головоломной дорогѣ. Въ открытыхъ долинахъ кавалерія

опережала отрядъ версты на двѣ и болѣе, для наблюденія за непріятелемъ, причеиъ мнѣ приказано было постоянно слѣдовать съ коннымъ авангардомъ, наблюдать за топографомъ снимавшимъ маршрутъ и выбирать мѣсто ночлега подъ войска главной колонны. Восемь дней прошло отъ начала движенія, а непріятеля мы еще не видали и даже навѣрно не знали куда онъ дѣвался. Нельзя же было считать встрѣчами, когда у Осетинъ изъ лѣсу рапили двухъ человѣкъ и мы напрасно забѣжали въ облака, и когда, другой разъ, три Галгаевца забавлялись пуская въ насъ камни съ ужасной вышины, причеиъ дѣло обошлось безъ самаго невиннаго ушиба. Скучно становилось безъ драки лазить по горамъ, ночевать подъ открытымъ небомъ на сырой землѣ, мерзнуть ночью когда приходилось стоять на высотѣ, днемъ жариться на солнцѣ и къ тому еще кормиться самымъ плохимъ образомъ. Вещей и припасовъ мы не взяли съ собой изъ вагенбурга болѣе чѣмъ могло помѣститься въ саквахъ привѣшенныхъ къ сѣдлу у драбанта,—такъ называли на линіи прикомандированнаго къ офицеру казака,—или сколько были въ силахъ нести пѣшіе деньщики, поэтому не богато были снабжены даже самыми необходимыми предметами походной жизни. Чай, сахаръ, табакъ быстро исчезали, а подвоза нельзя было ожидать ни съ какой стороны. Для адъютантовъ корпуснаго командира лишениа существовали только на половину, они пользовались столомъ у своего начальника, да и намъ съ графомъ Цукато было не совсѣмъ плохо. Засеъ, при которомъ мы постоянно находились, былъ кавказскій старожиль, поэтому предугадливъ, и сверхъ того, какъ казачій полковой командиръ, располагалъ способами позволявшими ему кормить насъ довольно порядочно. Полагаю, мы нѣкоторое время ѣли не хуже его высокопревосходительства господина корпуснаго командира, у котораго метръ-дотель—не хочу отнимать его достоинства—имѣлъ замѣчательный талантъ устраивать столъ въ плоскихъ, обитаемыхъ странахъ, гдѣ водятся города да деревушки, а не навыкъ еще находить что нужно и тамъ гдѣ, кажется, ничего нѣтъ. Знаю что у барона Григорія Владиміровича подъ конецъ не стало хлѣба, и онъ у солдатъ покупалъ сухари за дорогую цѣну, а у насъ водились еще кое-какія, хотя черствыя корки; видѣлъ я какъ у него, въ безлѣсныхъ мѣстахъ, предъ палаткой едва теплились нѣсколько хворостинокъ, а у Засса,—

вокругъ одинъ камень,—выросталъ палашъ изъ хвороста и бурокъ, въ которомъ хотя и тѣсновато было, но лежалось сухо и тепло, а предъ входомъ его весело пылалъ видный костеръ. Линеецъ чутьемъ дознаетъ что его ожидаетъ впереди, и по дорогѣ не пропуститъ ничего что можетъ сдѣлаться пригоднымъ на мѣстѣ. Непріятель зароетъ зерно: казакъ его отыщетъ; въ лѣсу загнѣздятся брошенные, полудикія куры: казакъ за версту услышитъ ихъ клохтанье, и глядишь, бѣдняжки уже висятъ у него въ торокахъ. Плохо въ полномъ смыслѣ приходилось полковымъ офицерамъ да солдатамъ, которые уже третью сутки не видали мясной пищи и питались сухарями и водкой. Небольшое число воловъ слѣдовавшихъ за колонной были съѣдены въ первые пять дней, а неприяТЕЛЬСКИХЪ стадъ, на которыя разчитывали для продовольствія отряда, мы въ глаза не видали. Это было не совсѣмъ пріятно, но мы довольствовались и тѣмъ что погода намъ не измѣняла. Яркимъ свѣтомъ обливало іюльское солнце волнистыя луговыя горы, по которымъ мы съ сотней казаковъ и сотней конныхъ Осетинъ, далеко впереди главной колонны, открывали дорогу къ селенію Цори, лежавшему предъ нами за крутымъ отрогомъ горы Гай. Корпусный командиръ намѣревался примѣрно наказать Цоринцевъ за ихъ грабежи на Военно-Грузинской дорогѣ, то-есть выкосить поля и не оставить въ аулѣ камня на камнѣ. На половинѣ дороги насъ догнало два Осетина и какой-то очень оборванный горецъ съ запиской отъ начальника штаба на имя полковника Засса слѣдующаго содержанія: „Галгаевцы, какъ доносятъ лазутчики, спасли свои семейства и скотину на высоту горы Гай, гдѣ намѣрены защищаться. По приказанію господина корпуснаго командира, прошу ваше высокоблагородіе, пользуясь оплошностію неприяТЕЛЯ, занять съ авангардомъ означенную гору. При семъ препровождается къ вамъ для указанія дороги Кистинецъ знающій мѣстность.“

Въ этой запискѣ все было ясно и положительно, кромѣ одного пункта—оплошности неприяТЕЛЯ. Въ чемъ заключалась эта оплошность? Лазутчики могли видѣть неприяТЕЛЯ за ночь, когда мы находились отъ него довольно далеко, и ему нечего было насъ бояться. Развѣ вчерашняя безпечность не могла сегодня, съ приближеніемъ отряда, перейти въ зоркую бдительность?

Наши глаза обратились на Гай-гору.

Волнистый, изрытый оврагами, усѣянный скалами всѣхъ формъ и размѣровъ травянистый скатъ, коронованный отвѣсною гранитною стѣной не менѣе тысячи футовъ вышины, открылся нашему взгляду. Крутизна ската возрастала по мѣрѣ его возвышенія. Гранитный валъ, на который намъ слѣдовало лѣзть, до половины былъ задернутъ облакомъ. Что скрывалось за непроницаемымъ туманомъ волновавшимся надъ вершиной Гай-горы, зналъ одинъ Господь.

Засѣвъ поморщился, погладилъ длинные рыжеватые усы; но вдругъ приосанился на сѣдлѣ,—онъ былъ молодецъ на лошади и отлично зналъ кавказскіе порядки,—и спросилъ своимъ обычнымъ, полухитрымъ, полуироническимъ тономъ у присланнаго Кистинца:

— Гдѣ дорога на гору?

Кистинецъ разразился потокомъ гортанныхъ звуковъ. Переводчикъ Осетинъ сталъ перелagать на русскій языкъ.

— Начало дороги ведущей по травянистому скату къ верхнимъ скаламъ осталась далеко за нами, отсюда часа два ѣзды, а мѣсто гдѣ она сходится съ тропинкой пробитою вдоль отвѣснаго восхода на вершину горы лежитъ предъ нашими глазами.

— Можно ли добраться до скалъ безъ дороги, напрямикъ?

— Верхомъ невозможно, а пѣшіи человѣкъ, полагаю, дойдетъ.

— А когда доберемся до верхней дороги, можно ли по ней ѣхать верхомъ и сколько человѣкъ могутъ идти рядомъ?

— Верхомъ никакъ! Кабы не стали стрѣлять, то лошадей можно бѣ оглядкой провести въ поводу, а такъ и пѣшему будетъ нелегко взойти; дорога тѣсная, и на ней лежатъ большіе камни.

— Есть ли другіе пути на гору?

— Есть, гораздо правѣе, еще два подъема, но они много хуже; по нимъ опасаются гонять даже козъ.

— Много ли на горѣ Галгаевцевъ? Лайдаки, говорятъ, спятъ.

— Много ли, сказать не могу. Въ Галгаѣ наберется ружей шестьсотъ, но не всѣ на горѣ; а спать имъ, когда Русскіе такъ близко, кажись, не время. Мы ихъ не видимъ, а они видятъ все что мы дѣлаемъ. Ружье бы не бѣда, прибавилъ Кистинецъ,—а вотъ что худо,—и указалъ на камни. — Станутъ въ насъ кидать.

Дѣйствительно, камень, пущенный съ высоты какал

находилась предъ нами могъ надѣлать порядочной бѣды и стоить любого ядра.

Кончивъ разпросъ, Зассъ подумаль съ минутой, потомъ громко скомандоваль: „Садись! маршъ!“ и круто поворотилъ свою лошадь къ горѣ лежавшей влѣво отъ нашей прежней дороги.

Находясь возлѣ него, я не удержался спросить по-нѣмецки смѣемъ ли мы ожидать успѣха отъ нашего замысла, имѣя для занятія такой сильной позиціи, закрытой отъ насъ туманомъ и обороняемой хотя бы сотнею горцевъ, не болѣе ста двадцати человекъ вмѣстѣ съ Осетинами, когда люди спѣшатся и при лошадяхъ будетъ оставлено необходимое число коноводовъ.

— Про это ничего не знаю. Мыѣ приказано занять гору „пользуясь оплошностію непріятели“, прибавилъ Зассъ,—иду ее занимать. А вы что намѣрены дѣлать? Вы не состоите у меня подѣ начальствомъ.

— Идти съ авангардомъ какъ шелъ до сей поры и принимать отъ васъ приказанія какъ отъ старшаго.

На этомъ прекратился нашъ разговоръ.

Около версты мы проѣхали верхомъ, сначала прямо, а потомъ давая по покатоности углы вправо и влѣво. Позже мы повели лошадей въ поводу, и высмотрѣвъ на полугорѣ широкую скалу, помѣстили ихъ за нею, а сами пошли, раздѣлившись на двѣ партіи, Осетины налѣво, казаки направо, предполагая соединиться у подошвы верхнихъ скалъ и оттуда наступать уже соединенными силами. Было приказано хранить глубокое молчаніе, и на случай встрѣчи съ непріятелемъ, не терять времени на перестрѣлку, а очищать себѣ дорогу шашкой. Съ каждымъ шагомъ гора становилась круче, пришлось ползти на четверенькахъ, цѣпляясь руками за кочки и за камни. Въ это время облака, какъ бы на зло намъ, колыхаясь, стали опускаться и сперва скрыли Осетинъ отъ нашихъ глазъ, а потомъ накрыли насъ самихъ густымъ, мокрымъ туманомъ. Десять минутъ спустя зацѣлкали влѣво отъ насъ выстрѣлы, раздался крикъ, и потомъ все умолкло: Осетины наткнулись на непріятельской караулъ; наше движеніе было открыто. На мгновение мы приостановились, прислушиваясь и глядяваясь въ туманъ, въ которомъ едва могли видѣть своихъ собственныхъ разсыпанныхъ по косогору казаковъ; нетерпѣливо хотѣлось узнать что будетъ дальше.

Недолго продолжалось наше невѣдѣніе. Надъ нами послышался рѣзкій свистъ, и мимо пролетѣлъ камень, прыгая по крутому скату горы; вслѣдъ за нимъ летѣли другіе камни.

„Въ гору, казаки! живо впередъ, молодцы!“ закричал Засѣъ, и ковыляя раненою ногой, цѣпляясь ногтями, сталъ карабкаться на крутизну; Цукато и я едва успѣвали за нашимъ хромоногимъ командиромъ. Въ это мгновеніе гора дрогнула, громовой ударъ разразился надъ нашими головами, камни посыпались градомъ; обломки скалъ, рикочетируя по скату, бороздили землю, дробились и сыпали во всѣ стороны свои смертоносные осколки. Въ туманѣ раздались крики и стоны. Недалеко отъ насъ камень огромной величины налетѣлъ прямо на казака, далъ рикочетъ, и на томъ мѣстѣ гдѣ прежде былъ живой человѣкъ осталась въ землю врытая масса крови и мяса. Десять шаговъ дальше не было видно кто раненъ, кто убитъ. Громъ усиливался, камни ложились около насъ все гуще да гуще, Засѣъ не переставалъ кричать: „впередъ!“ Люди лѣзли на гору. Графа Цукато ударило осколкомъ въ плечо, онъ упалъ, сшибъ меня съ ногъ, и мы стремглавъ покатались подъ гору, напрасно стараясь уцѣпиться за гладкую почву. Я ободралъ себѣ всѣ ногти. Къ счастью, ниже находившіеся казаки, перерѣзавъ дорогу, остановили наше паденіе. Засѣъ, увидавшій какъ мы оба разомъ упали, счелъ насъ убитыми и такъ былъ пораженъ этою мыслью что у него, какъ онъ признавался позже, совершенно невольно вырвалось приказаніе: „казаки, стой! за скалу!“ Вправо отъ насъ шпилемъ торчалъ высокій камень имѣвшій шаговъ двадцать въ основаніи. Во мгновеніе ока сплотилась за нимъ человѣческая масса унизанная на поверхности лохматыми шапками и ружьями, торчавшими во всѣ стороны подобно ежевой щетинѣ. Подъ камнемъ былъ мертвый уголъ укрывавшій отъ ударовъ посылаемыхъ сверху шаговъ на восемь. На этомъ пространствѣ прижалось насъ человѣкъ шестьдесятъ. Пятерыхъ, сколько помню, не досчитались. Нѣсколько казаковъ, несмотря на опасность, поползли отыскивать подшибенныхъ. Положеніе наше и за скалой было не совсѣмъ пріятно. Въ густомъ туманѣ, между небомъ и землей, вдали отъ всякой помощи, мы тянули время въ томительномъ ожиданіи неотразимаго непріятельскаго нападенія. Противъ нашей полусотни непріятель могъ выставить нѣсколько сотъ ружей; всѣ выгоды были на

его сторонѣ, онъ зналъ мѣстность и владѣлъ неприступною высотой. Куда дѣвались Осетины намъ было неизвѣстно. Тѣмъ временемъ камни продолжали валиться съ горы, свистъ и грохотъ оглушали насъ; случалось, огромный гранитный обломокъ ударялъ въ вершину нашей спасительной скалы и она, вздрогнувъ, начинала покачиваться: того и гляди накроетъ на вѣчныя времена. У всѣхъ лица повытягивались; даже Зассъ пересталъ шутить и трунить, кажется, онъ шепталъ про себя молитву; казаки, тѣ молились громко, и каждый призывалъ на помощь святаго къ которому въ чувствѣ душевнаго смиренія онъ привыкъ обращать свое упованіе.

Опытъ доказалъ совершенную невозможность продолжать наступленіе: не много бы насъ дошло до верху, да и тѣхъ непріятель могъ встрѣтить на узкой тропинкѣ и одного за другимъ сбросить съ высоты; оставаться за скалою было опасно и ни къ чему не вело; отступить безъ приказанія Зассъ не хотѣлъ. Я предложилъ избрать средній терминъ написать къ начальнику штаба записку съ просьбой о подкрѣпленіи или разрѣшеніи отступить сегодня съ тѣмъ чтобы завтра возобновить атаку. Зассъ согласился на мое предложеніе, и чрезъ десять минутъ два казака побѣжали подъ гору съ категорическимъ объясненіемъ нашего положенія.

Пока мы ждали отвѣта, камни не переставали валиться съ горы, то поодионокѣ, то засыпомъ, напоминавшимъ первые моменты нашей атаки. При каждомъ новомъ каменномъ ураганѣ, заставлявшимъ колебаться скалу за которою мы скрывались, проводникъ Кистинецъ морщился, издавая какіе-то непонятные звуки.

— Чтѣ бормочешь? спрашивали чрезъ переводчика.

— Чтѣ бормочешь! Станешь бормотать когда смерть близка. Много я воевалъ въ горахъ, а такой страшной бѣды не видалъ. Не одобровать намъ! Пожалуй въ туманѣ и не доглядишь какъ набѣгутъ Галгаевцы да стануть стрѣлять со всѣхъ сторонъ; а они бьютъ мѣтко и очень злы: никого не пощадятъ. Зачѣмъ было идти такъ мало? Позади много солдатъ и ничего не дѣлаютъ.

Касательно бѣды я былъ готовъ согласиться съ Кистинцемъ. За годъ предъ тѣмъ два дня сряду гулъ варшавскихъ батарей и свистъ польскихъ ядеръ раздавался въ моихъ ушахъ; но громъ стоорудійныхъ батарей разсылавшихъ

подъ Варшавой гибель въ наши и въ непріятельскіе ряды можно было признать довольно сносною музыкой сравнительно съ отвратительнымъ, душу потрясающимъ грохотаніемъ гранита летѣвшаго на насъ съ высоты Гай-горы.

Тѣмъ временемъ, не далѣе двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, Осетины также сидѣли на полу-горѣ, за скалами. Мѣстность выдалась такимъ образомъ что всѣ камни бросаемые съ вышины, минувъ ихъ, летѣли къ намъ. Кромѣ того, туманъ, прояснившись со стороны, открылъ имъ вершину горы. Они видѣли что на ней происходило и о каждомъ посылаемомъ къ намъ гостинцѣ предупреждали насъ крикомъ: „дурь-дурь“— берегись.

Осетинское „дурь-дурь“ такъ глубоко врѣзалось въ память имѣвшихъ удовольствіе 19-го іюля просидѣть на Гай-горѣ, что долгое время спустя, услыша „дурь-дурь“, нерѣдко пущенное на воздухъ съ цѣлью надъ ними позабавиться, они невольно вздрагивали и бросались въ сторону, полагая что камни снова летятъ къ нимъ на голову.

Часа полтора мы уже прождали, и отвѣта еще не было. Изрѣдка пролеталъ мимо насъ камень, какъ бы пущенный только въ ознаменованіе того что на горѣ не дремлютъ. Неожиданно нарушилось это бездѣйствіе. Гора заходила ходнемъ, загудѣли камни, засвистали осколки. Наклонивъ головы, прижавшись къ скалѣ, просидѣли мы около двадцати минутъ, не слыша собственнаго голоса отъ страшнаго шума и не понимая почему непріятель такъ расходился, когда мы сами и не думали трогаться съ мѣста. Послѣ того Гай-гора совершенно замолкла; это былъ послѣдній актъ представленія въ которомъ судьба заставила насъ разыграть довольно незавидную роль. Ротмистръ Всеволожскій прибывшій къ намъ скоро послѣ того съ приказаніемъ отступить, разъяснилъ причину послѣдней грозы разразившейся надъ нами съ такою неожиданною силой. Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій лично двинулся подкрѣпить насъ однимъ егерскимъ баталіономъ, но былъ встрѣченъ такимъ густымъ градомъ камней что немедленно остановилъ движеніе, убѣдившись въ невозможности занять гору при настоящихъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе чего и поручилъ ему отыскать и привести обратно въ лагерь нашу слабую команду. Пока успѣли наступить сумерки. Пользуясь темнотою и взявъ предосторожность идти одинъ за другимъ не ближе пяти шаговъ, на

случай еслибы непріятель вздумалъ преслѣдовать насъ каменьями, мы отступили безъ всякой потери на обратномъ пути. Въ лагерѣ всѣ безъ исключенія радовались счастію позволившему намъ отдѣлаться такъ дешево. Кромѣ потери о которой я уже сказалъ, у Осетинъ оказались еще двое раненыхъ и нѣсколько подбитыхъ казачьихъ лошадей. Рана графа Цукато была неопасна. Камень ударилъ вскользь, вырвалъ мясо, но не повредилъ кости. Это утомило на нѣсколько дней его воинственные порывы, потому что онъ имѣлъ привычку кидаться повсюду гдѣ только раздавался выстрѣлъ.

Послѣ этого утомительнаго дня мнѣ не удалось даже отдохнуть какъ слѣдуетъ. На другое утро барабанъ разбудилъ насъ далеко до разсвѣта. Отдано было приказаніе съ восходомъ солнца атаковать гору разомъ тремя колоннами: пѣхотѣ по нашей вчерашней дорогѣ, Осетинамъ и двумъ сотнямъ спѣшенныхъ казаковъ правѣй, по подъемамъ на которые указывалъ нашъ проводникъ. Утро было прекрасное. Зубчатая вершина Гай-горы, чистая отъ облаковъ, ярко освѣщалась лучами восходящаго солнца. На верху чернѣлись люди. По сигнальному пушечному выстрѣлу, войска полѣзли на гору. Озадаченный непріятель пустилъ въ нихъ безъ вреда нѣсколько огромныхъ камней и потомъ исчезъ; онъ истощилъ наканунѣ весь запасъ камней заранее приготовленныхъ имъ на гребнѣ горы и теперь, не надѣясь на одну ружейную оборону, бросился спасать свои семейства.

На высотѣ перевала ожидало насъ непривычное зрѣлище. надъ нами чистое голубое небо и ясный день, подъ ногами взволнованное облачное море, изъ котораго возвышались одни остроконечныя вершины окрестныхъ горъ. Владикавказъ, Терекъ и Линія видныя отсюда въ хорошую погоду, были задержаны непроницаемымъ туманомъ. Вершина Гай-горы представляла обширную площадь наклоненную къ сѣверу, отъ которой весьма некрутая дорога спускалась въ глубокое лѣсистое ущеліе рѣки Фартанги. Богатый ключъ студеной воды разливавшійся обильнымъ ручьемъ и густая, жирная трава покрывавшая слегка покатыя ровныя луга выполняли всѣ условія требуемыя отъ хорошаго лагернаго мѣста. На половинѣ спуска чернѣлся сквозь туманъ покинутый жителями аулъ Гай. Пока я, съ помощію моего топографа, разставлялъ войска, нѣсколько казаковъ и Осетинъ отправились

пошарить въ аулѣ, и при этомъ случаѣ открыли свѣжій слѣдъ многочисленнаго стада которое Галгаевцы, уходя отъ насъ, погнали внизъ по Фартангѣ. По первому извѣстію объ этомъ важномъ открытіи, полковникъ Засъ, всегда рѣшительный въ подобныхъ обстоятельствахъ, не дожидаясь приказанія отъ высшаго начальства, схватилъ двѣ ближайшія роты егерей и побѣжалъ съ ними подъ гору, приказавъ въ то же время сотнѣ линейцевъ его догонять. Говядина была очень нужна для солдатъ кормившихся уже нѣсколько дней, какъ мною было сказано, одними черствыми сухарями. Въ виду совершенно для меня новаго поиска за барантой, я совсѣмъ забылъ о существованіи походной канцеляріи и присоединился къ казакамъ никого не предупредивъ. Судя по слѣду, скотина не могла уйти далеко. Надѣясь догнать ее въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря, солдаты сбросили съ себя сухарные мѣшки, казаки облегчили лошадей отъ саквъ, и въ поспѣшности мы забыли взять съ собой проводника. Нашъ путь пролегалъ по ущелію Фартанги, скалистуому въ началѣ, а далѣе покрытому густымъ вѣковымъ лѣсомъ, сквозь который прорывался крутоберегій потокъ. Въ ущеліи мы не могли ошибиться и безъ проводника, но ошиблись въ дорогѣ и на первыхъ порахъ попали въ такое тѣсное мѣсто по которому нельзя было провести лошадей даже въ поводу. Дорога, пролегая по скату горы, привела насъ къ навѣсной скалѣ составившей родъ жолоба, вдоль котораго мы на разстояніи ста сажень принуждены были ползти на колѣняхъ. Спѣшивъ половину казаковъ и покинувъ нашихъ лошадей которыхъ приказано было отвести въ лагерь, мы не пошли, а можно сказать побѣжали вслѣдъ за стадомъ. Далѣе представилась намъ новая преграда. Дорога уперлась въ обрывистый берегъ рѣчки, глубоко подъ нами кипѣвшей въ своемъ тѣсномъ ложѣ; на другой сторонѣ было видно продолженіе тропинки. Моста не было. Сто шаговъ ниже огромная сосна, подмытая дождевымъ протокомъ, торча во всѣ стороны обнаженными корнями и поломанными сучьями, перевалилась черезъ ручей. Засъ приказалъ переходить по соснѣ, и наши солдатики ловко перебрались на другую сторону по этому головоломному мосту, кто твердымъ шагомъ, кто ползкомъ, и никто изъ нихъ не сдѣлалъ опаснаго прыжка въ рѣчку. Нужда и неохота поломать косточки изловчила ихъ и безъ предвари-

тельной науки. За соской опять ускорили шагъ. Брошенный осель, потерянная кадушки и мѣшки съ просомъ, наконецъ неспѣвшій за стадомъ, свѣжеубитый, къ дереву привѣшенный тленокъ служили явными признаками близости непріятели и успѣшности съ которою онъ отъ насъ спасался, Усталые, голодные, поддерживаемые одною надеждою добыть поживу, мы гнались такимъ образомъ болѣе двадцати верстъ. Подъ конецъ ущелье расширилось, лѣсъ прекратился, и предъ нами явилась волнистая мѣстность усѣянная небольшими селеніями, изъ которыхъ слышался лай собакъ. Мы забѣжали къ Галашевцамъ, обществу гораздо сильнѣе и воинственнѣе Галгаю; а насъ было всего не болѣе трехсотъ пятидесяти человекъ. Не оставалось тутъ времени задумываться. Въ двухъ ружейныхъ выстрѣлахъ предъ нами пестрѣла на высокомъ холмѣ рогатая добыча, ради которой мы такъ сильно себя измучили. „Скотина!“ крикнули казаки и солдаты, и откуда взялись прыть и сила. Обгоняя одинъ другаго, люди мигомъ обогнули холмъ для того чѣтобъ отрѣзать у стада дорогу въ лѣсъ, затрепали ружья, пули зажужжали въ воздухъ и вся наша ватага безъ удержа рванулась на высоту. Неприсятель бѣжалъ въ лѣсъ, пуская въ насъ на уходѣ безвредные выстрѣлы и побросавъ на лугу кадки и ведра со свѣженадоеннымъ молокомъ, съ медомъ, мѣшки съ просомъ, и другіе пожитки. Голодные солдаты горстями глотали муку, руками и фуражками черпали молоко, которымъ и мы съ Зассомъ не порезгали послѣ двадцативерстной гоньбы. Около трехсотъ коровъ, нѣсколько десятковъ козъ и десять стаковъ, достояніе большей половины Галгаевского населенія, попались въ наши руки. Они были разорены въ конецъ. Таковъ законъ войны: сила была на нашей сторонѣ, поэтому имъ слѣдовало голодать, а намъ принадлежало право набивать себѣ желудокъ ихъ добромъ.

Однако не позволительно было долго мѣшкать на мѣстѣ, имѣя за собой длинное, тѣсное и лѣсистое ущелье, а предъ собой Галашевцевъ въ соединеніи съ Галгаевцами, которые, опомнившись отъ перваго испуга, легко могли пересчитать нашу силу, и вслѣдствіе этого перечета чрезъ мѣру ободриться. По ауламъ уже стали раздаваться сигнальные выстрѣлы. Давъ людямъ отдохнуть полчаса и утолить первый голодъ молокомъ да чѣмъ попало, Зассъ приказалъ идти обратно. Одна рота пошла впереди, за нею погнали скотину,

въ арріергардѣ остались другая рота и пятьдесятъ Линеицевъ. Уморившись до нельзя и износивъ въ этотъ день подошву у моихъ единственныхъ сапоговъ, я отправился въ обратный путь на отбитомъ ешакѣ, безъ сѣдла и безъ узды, пользуясь для управленія его длинными ушами. Трудно было справиться: уши скользили въ моихъ рукахъ и онъ, наклонивъ голову, упорною мелкою рысцою бѣжалъ обратно въ свою конюшню. Напрасно солдаты, которыхъ мы опережали, старались его остановить, хватая за уши и за хвостъ: онъ урывался отъ нихъ съ neodолимымъ упрямствомъ. Едва успѣли мы войти въ лѣсъ, какъ скотина, почуя духъ роднаго стойла, смяла передовую роту, меня сбила съ ешака, къ счастью еще не подъ свои ноги, и густою фалангой пустилась пробивать себѣ дорогу къ Гай-горѣ. Страшная сдѣлалась суматоха: люди кувыркались подъ гору,— правда, не высоко, мы находились въ началѣ ущелія,—кричали, обороняясь отъ роговъ и отъ копытъ домолюбивыхъ животныхъ, и многіе были порядочно помяты; но это насъ не смущало: скотина не могла потеряться, она бѣжала прямо въ отрядъ. Вся забота Засса была обращена на арріергардъ, откуда намъ грозила болѣе дѣйствительная опасность. Скоро наступила ночь, и въ глубокомъ лѣсу насъ застала такая темнота что мы принуждены были остановиться, попытавшись сперва пройти нѣкоторое время придерживаясь одинъ за шинель другаго чтобы не растеряться. Собраться было не возможно, солдаты легли на землю сбившись въ отдѣльныя кучи. Ночевали безъ огней, опасаясь неожиданнаго непріятельскаго нападенія, и отъ этого не разъ поднималась тревога. Караулы выставленные отъ кучъ, не вида предъ собой ни зги и стрѣляя по кавказскому обыкновенію на порохъ, безпрестанно открывали огонь другъ противъ друга, и только переключившись, позже узнавали что имѣютъ дѣло не съ пріателемъ, а съ своими. Благодаря ихъ лежачему положенію, пули, перелетая черезъ голову, не надѣлали бѣды. Завернувшись въ бурку, я легъ на голыши высохшаго ручья и заснулъ такъ крѣпко что поутру меня долгое время качали и обливали водою пока заставили раскрыть глаза. Въмѣсто привычнаго чаю, мнѣ поднесли еще сонному ко рту кусокъ горячей жареной телятины и стаканъ ключевой воды; съ нами не было ни хлѣба, ни вина, ни водки.

Лагерь мы застали въ густомъ туманѣ. Скотина была вся

захвачена и частью уже роздана войскамъ на порцію; благодарность ихъ заставила насъ помириться съ темною стороною нашей экспедиціи. Лично я не имѣлъ повода ея похвалиться. Я усталъ до изнеможенія, износилъ сапоги, которые пришлось замѣнить осетинскими чевяками; а начальникъ штаба принялъ меня крайне непривѣтливо, даже промолвилъ слово объ арестѣ. „Дѣло ли офицера генеральнаго штаба гоняться за скотиной и помогать отбивать баранту? Это хорошо для казачьяго командира,“ говорилъ онъ, указывая на кипу бумагъ привезенную нарочнымъ изъ горцевъ во время моей безспросной отлучки. „Теперь извольте поправить свою необдуманность.“ И я поправилъ ее, работая весь день до позднаго вечера. Не знаю, случалось ли кому, изъ тѣхъ у кого станетъ терпѣнія пробѣжать эту часть моихъ воспоминаній, вести переписку въ облакахъ, а я скажу имъ на всякій случай что подобное дѣло очень не комфортно. По спитъ пробѣгаетъ морозъ, рубашка, пропитанная сыростію, липнетъ къ тѣлу, чернила расплываются по бумагѣ, желудокъ ноетъ, въ головѣ туманъ не яснѣе чѣмъ въ атмосферѣ; а мысли должны неукоснительно слѣдить за труднымъ смысломъ самыхъ разнородныхъ донесеній и сообщеній на которыя слѣдуетъ отвѣчать; форма должна быть соблюдена, запятая имѣютъ находиться на своихъ мѣстахъ. Благо еще что не Иванъ Ивановичъ контролировалъ слоги и знаки препинанія; Вольховскій все-таки имѣлъ болѣе грамматической правилотерпимости. Памятна осталась мнѣ эта стоялка въ облакахъ. Къ величайшей радости, на другой день, когда мы перевалились чрезъ Гай-гору обратно и пошли къ Цори, лѣтнее солнце, прорвавъ сырую завѣсу тумана, снова прогрѣло наши окоченѣвшіе члены.

Въ этотъ день мы набрали опять на одну изъ тѣхъ тропинокъ съ которыхъ нельзя своротить ни вправо, ни влево, и обогнать впереди идущаго человѣка положительно невозможно. Отрядъ тянулся безконечною нитью, лошади за лошадью, солдаты за солдатами. Въ головѣ шли саперы и два баталіона Эриванцевъ, въ хвостѣ кавалерія, прикрытая сзади егерскимъ баталіономъ Резануилова. Въ центрѣ колонны солдаты несли артиллерію на рукахъ, и ѣхалъ корпусный командиръ со штабомъ. Ничего не можетъ быть скучнѣе и утомительнѣе подобнаго шествія, особенно для коннаго. Пѣшій бережетъ одного себя, конный принужденъ беречь себя

и лошадь, безпрестанно остерегаясь наѣхать на товарища и оглядываясь чтобы на него самого не наѣхали сзади, не испортили лошади, или не сбросили его съ горы. Одинъ чело-вѣкъ остановится, и всѣ за нимъ идущіе должны стоять. Часа три уже мы томились такимъ образомъ, думая только объ одномъ, какъ бы не оступилась лошадь. По разчету времени, голова колонны должна была подходить къ Цори, откуда, по показанію проводниковъ, дорога спускалась въ долину удобную для расположенія лагеря. Неожиданно люди стали останавливаться, примыкая одинъ къ другому.

— Не останавливайся тамъ впереди! подавайся! кричали изъ штаба.

— Нельзя идти! впереди стали! отняли дорогу! раздавались солдатскіе голоса изъ среды колонны.

— Спросить почему остановились, повторили изъ штаба. Вдоль дороги пронесся вопросъ: „зачѣмъ впереди, стоять?“ Долго ждали мы пока тѣмъ же путемъ вернулся отвѣтъ: „не-приятель не пукаетъ“.

Баронъ Розенъ, выбравъ удобное мѣстечко, слѣзъ съ лошади; мы всѣ послѣдовали его примѣру. Онъ было попробо-валъ пробраться мимо солдатъ столпившихся на тѣсной до-рожкѣ, но на первыхъ же порахъ отказался отъ своего пред-пріятія. Григорій Владиміровичъ, весьма хладнокровный подъ огнемъ, боялся однако крути; у него кружилась голова. Въ каждомъ сомнительномъ мѣстѣ онъ слѣзалъ съ лошади, пе-реводчикъ Гойтовъ бралъ его подъ руку, а линейецъ держалъ сзади за концы шарфа; такимъ образомъ его спускали подъ гору и переправляли чрезъ всѣ опасныя овражки и водомои-ны. Солдаты, видя его безпрестанно въ шарфѣ, котораго простые офицеры не носили во время экспедиціи, прозвали его за эту форменность своимъ безсмѣннымъ дежурнымъ. Подмѣтивъ же какъ его помощію шарфа спускаютъ подъ гору, какой-то солдатикъ остракъ шепнулъ товарищу: „вишь, землякъ, это у него шарфѣ не то что изъ-за безсмѣннаго дежурства: это у него намѣсто оттужнаго каната.“

Чтобы разяснить дѣло, начальникъ штаба пошелъ, взявъ съ собою Всеволожскаго и меня, пробираться мимо солдатъ не знавшихъ какъ посторониться чтобы насъ не столкнуть и самимъ не упасть съ обрыва. Не безъ труда добрались мы на ружейный выстрѣлъ отъ головы колонны, но тутъ при-вуждены были остановиться; дорожка сузилась до того что

на ней одинокій человѣкъ едва могъ удержаться, и вся была занята непрерывною нитью солдатъ. Въ двухъ выстрѣлахъ впереди видѣлась надъ самою дорогою высокая четырехугольная башня, знакомой намъ постройки, потому что мы уже нѣсколько ихъ взорвали на воздухъ. Съ пункта до котораго мы дошли можно было гораздо легче переговариваться съ капитаномъ Богдановичемъ шедшимъ въ авангардѣ съ своими саперами. Вольховскій обратился къ нему чрезъ посредство офицера стоявшаго на дорогѣ шаговъ сто передъ нами.

— Что дѣлается у васъ? почему люди стоятъ?

— Непріятель засѣлъ въ башню мимо которой дорога проходитъ не далѣе двадцати шаговъ и стрѣляетъ очень мѣтко; передовой солдатъ убитъ, двое послѣдующихъ получили опасныя раны. Если отрядъ станетъ дефилировать подъ выстрѣлами, то у насъ безъ всякаго проку перебьютъ невѣсть сколько людей.

— Что можно сдѣлать: обойти башню, взять штурмомъ, канонировать?

— Ничего подобнаго дѣлать нельзя; слѣдуетъ отойти на первый разъ, потомъ оцѣпить башню для того чтобы не упустить непріятели и приняться за него не торопясь, если хотя нѣсколько жалѣютъ людей.

Богдановича знали офицеромъ опытнымъ, храбрымъ и отлично понимающимъ свое дѣло. Ему можно было повѣрить на слово; поэтому весь отрядъ, кромѣ головнаго эриванскаго баталіона, повернули налѣво кругомъ и расположили бивакомъ въ ближайшей долиноѣ. Послѣ того начальникъ штаба повѣхалъ осмотрѣть башню и посоветоваться съ Богдановичемъ. Она оказалась весьма крѣпкой постройки, стояла на отдѣльной гранитной скалѣ и совершенно командовала дорогою при началѣ спуска въ долину. Двери въ башню, сплоченныя изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ и заваленныя внутри камнемъ, находились сажени три выше почвы. Лѣстницы къ дверямъ не имѣлось. Узкія бойницы пробитыя по всѣмъ направленіямъ позволяли стрѣлять во всѣ стороны; въ башнѣ царствовало молчаніе прерываемое лишь рѣдкимъ огнемъ, по которому, однако, нельзя было заключить сколько человѣкъ въ ней заперлось. Осетины, послѣ долгаго исканія, нашли способъ перебраться черезъ гору въ аулъ, лежавшій за башней, по крутизнамъ позволявшей пройти человѣку освобо-

жденному отъ ноши. Отрядъ не могъ слѣдовать этимъ путемъ съ лошадьми и вьюками; къ тому же вопросъ заключался теперь не въ томъ какъ миновать башню, а какимъ способомъ ее можно взять и наказать горцевъ имѣвшихъ дерзкую мысль загородить намъ дорогу.

Прежде всего окружили башню, переправивъ черезъ гору двѣ роты Эриванцевъ путемъ найденнымъ Осетинами. Стрѣлковую цѣпь уложили за камнями и въ ближайшихъ скаляхъ, продвѣлавъ бойницы къ сторонѣ непріятеля. Изъ башни, не взирая на дальнее разстояніе, стрѣляли такъ мѣтко что солдатъ не смѣлъ показать ни головы, ни руки, ни клочка своей шинели, безъ страху тотчасъ быть пронизаннымъ пулей. Потомъ сдѣлали попытку разбить двери артиллеріей, но скоро пришли къ убѣжденію, что противъ нихъ наши трехфунтовые гранаты совершенно безсильны. Остался послѣдній и самый вѣрный способъ—взорвать башню на воздухъ, но и тутъ встрѣтилось сильное затрудненіе. Скала, на которой стояла башня, не позволяла ни провести минной галереи, ни заложить колодца; пробивать гранитъ у насъ недоставало инструмента и времени. Чтобы не терять людей безъ проку, представлялось одно средство: провести бландированный ходъ къ основанію башни, пробить стѣну и заложить мину въ погребѣ. Лѣсъ потребный для крытаго хода отыскали въ аулѣ, на веревкахъ перетаскали черезъ гору и принялись за работу. На третью сутки пять пудовъ пороху, заколоченнаго въ крѣпкій, желѣзомъ окованный ящикъ, лежали въ погребѣ, несмотря на всѣ усилія непріятеля остановить работу. Онъ пробилъ даже сводъ погреба и стрѣлялъ въ саперъ работавшихъ въ немъ надъ закладкой мины. Нѣсколько разъ предлагали осажденнымъ сдаться, но каждый разъ они отвергали наше предложеніе. Когда все было приготовлено ко взрыву, добрый, человѣколюбивый баронъ Григорій Владиміровичъ еще разъ послалъ сказать Галгаевцамъ чтобы пожалѣли себя, и въ случаѣ сдачи обѣщаль имъ жизнь и даже разгнѣнъ. Они согласились наконецъ выйти изъ башни, испросивъ два часа сроку на очистку двери отъ камней которыми былъ заваленъ выходъ. Въ назначенное время весь штабъ съѣхался къ башнѣ, одна рота стала въ ружье для приѣма плѣнныхъ, двери распахнулись, сперва вылетѣли съ полдюжины ружей, потомъ спустились по веревкѣ два оборванные,

грязные Гагаевца, которые, окрестивъ руки на груди и глядя на насъ изъ-подлобья, ждали своей участи.

— Гдѣ же остальные, отчего они не выходятъ? спросили у нихъ чрезъ переводчика.

— Насъ только и было!

Чрезъ десять минутъ, въ нашемъ виду, изъ-подъ башни поднялся высокій столбъ дыма, раздался глухой гулъ, масса камней съ трескомъ рухнула на землю, и когда вѣтеръ разнесъ густую пыль, на мѣстѣ ея оставалась одна груда сѣрыхъ развалинъ. Для утвержденія истины христіане строили въ горахъ крѣпкія башни; для возобновленія порядка такіе же христіане принуждены были ихъ уничтожать. Обыкновенное противорѣчіе въ потребностяхъ прошедшихъ вѣковъ и настоящаго времени.

Въ эту знаменитую осаду мы потеряли: убитыми трехъ, ранеными одиннадцать человекъ. Подобные случаи не разъ бывали на Кавказѣ и въ прежнія времена. Осетины, во время возстанія, заключались въ башняхъ человекъ по сорока и больше и нерѣдко защищались въ нихъ до послѣдней крайности, предпочитая сдачу вѣрную смерть отъ взрыва. Но подобную оборону можно было встрѣтить у однихъ Гагаевцевъ, въ первый разъ видѣвшихъ въ своей землѣ русскія войска и незнакомыхъ еще со всеми способами разрушенія которыми обладаетъ европейское военное искусство.

На другой день, разоривъ Цори до основанія, мы выступили въ Шуани, гдѣ насъ ожидали наши палатки, платье, чистое бѣлье и съѣстные припасы въ которыхъ мы крайне нуждались. Невыносимо дурная погода сопровождала нашъ походъ. Мелкій, холодный дождикъ моросилъ съ раннаго утра; горы были застланы густымъ сѣрымъ туманомъ, сквозь который вяло тянулись уморенные солдаты, осторожно шагавшіе по скользкой дорогѣ. Намѣреваясь въ Шуани увѣхать изъ отряда, корпусный командиръ остановился на небольшой площадкѣ и сталъ пропускать мимо себя войска, благодаря ихъ за службу и прощаясь съ ними на короткое время. Посреди карабинеръ шли два плѣнные защитника цоринской башни одѣтые въ лохмотья и покрытые дырчатыми, поношенными бурками. Ихъ вели солдаты на длинныхъ веревкахъ, съ туго за спину связанными руками. Поровнявшись съ Григоріемъ Владиміровичемъ, въ которомъ они еще наканунѣ имѣли случай узнать главнаго начальника, Гагаевцы принялись

знаками и голосомъ о чемъ-то молить. Жалобныя лица ихъ растрогали барона.

— О чемъ просятъ бѣдняки? спросилъ онъ у возлѣ стоявшаго Гойтова.

— Жалуются на холодъ. Руки связаны такъ крѣпко что они не въ состояніи придержать бурки. Просятъ чтобы веревку ослабили.

— Распутить веревки! приказалъ баронъ.

— Опасно, пожалуй убѣгутъ, замѣтилъ кто-то изъ числа штабныхъ офицеровъ.

Баронъ оглянулся, какъ бы отыскивая глазами нечеловѣколюбиваго критика своихъ распоряженій.

— Бѣгутъ изъ середины баталіона? Какъ? Куда? чистые пусти! и повторилъ приказаніе.

Плѣннымъ ослабили веревки до такой степени, что имъ можно было, скрестя руки на груди, закутаться въ свои бурки. По окончаніи операціи баталіонъ пошелъ своею дорогою.

Чась спустя у Эривандевъ поднялась сильная суматоха. Офицеры засуетились, горны протрубили „налѣво“ и „прямо впередъ“; солдаты оцупью стали спускаться подъ гору, ничего не видя предъ собой кромѣ густаго тумана, въ которомъ глухо звучали клики: „нѣтъ, не сюда, иди правѣй, иди лѣвѣй, тутъ кручь, гляди, оборвешься!“ Долго мы не могли добраться толку для чего это дѣлается, наконецъ загадка объяснилась: Галгаевецъ пропалъ и вмѣстѣ съ нимъ исчезъ карабинеръ. Проходя надъ крутымъ обрывомъ, онъ неожиданно бросился съ горы и увлекъ за собой унтеръ-офицера, неосторожно обвязавшаго конецъ веревки, которою были спутаны его руки, вокругъ своего пояса, что и послужило къ его гибели. Дѣло произошло въ виду ближайшихъ солдатъ такъ быстро, что они не успѣли помочь своему товарищу. Долго отыскивали безъ всякаго прока несчастнаго карабинера, и сколько ни жалѣли о немъ, и какъ ни рвались вернуть плѣннаго, а все-таки были принуждены уйти, покинувъ ихъ на произволъ судьбы. Въ послѣдствіи мы узнали отъ лазутчиковъ что Галгаевецъ, хорошо зная мѣстность, выбралъ для бѣгства удобный пунктъ, съѣхалъ безъ вреда до извѣстнаго ему уступа горы, тамъ окончательно освободился отъ ослабленной веревки, а солдата, ошеломленнаго паденіемъ, столкнулъ въ пропасть.

Въ Шуани мы нашли вежи и маркитанта со свѣжимъ

хлѣбомъ и прочими припасами, и наконецъ получили возможность не только наполнить, какъ слѣдуетъ, отошальные желудки, но и обратиться въ опрятныхъ, порядочныхъ людей, освободившись отъ бѣлья сомнительной чистоты, отъ грязнаго платья и отъ прорванныхъ сапоговъ.

Оставивъ войска слѣдовать обыкновенными переходами, корпусный командиръ со всѣмъ штабомъ поѣхалъ изъ Шуани, подъ прикрытіемъ коннаго конвоя, прямо во Владикавказъ, показавшійся намъ послѣ нашей горной экспедиціи идеаломъ человѣческаго комфорта. На терекской переправѣ стоялъ подполковникъ Челяевъ, съ грузинскою пѣшею милиціей. Предъ палаткой его покоился на козлахъ огромный бурдюкъ, изъ котораго Грузинъ цѣдилъ въ серебрянную азарпешъ душистую, живительную влагу благодатной Кахетіи, привѣтствуя каждаго изъ насъ всегда приятнымъ, но въ этотъ разъ особенно сладко звучащимъ „Алла-верды“. Горы плова и ряды ружейныхъ шомполовъ, на которыхъ шашлыкъ шипѣлъ надъ яркимъ жаромъ, довершали встрѣчу приготовленную Челяевымъ для возвращавшихся изъ голодной экспедиціи.

Слѣдуетъ добавить что пока мы, по вершинамъ горъ, стяжали довольно неплодную славу неутомимыхъ ходоковъ, осетинскіе милиціонеры оставленные въ Шуани, побуждались болѣе практическимъ взглядомъ на вещи, отыскали, и не потерявъ ни человѣка, отбили до трехъ тысячъ галгаевскихъ барановъ, которые и были отданы имъ въ безспорное владѣніе. Такимъ образомъ кончилась 28-го іюля Галгаевская экспедиція, теперь совершенно забытая, а въ свое время надѣлавшая на Кавказѣ не мало шуму.

Въ Владикавказѣ собрались тѣмъ временемъ всѣ остальные войска назначенныя для чеченской экспедиціи, долженствовавшей составить второй періодъ военныхъ дѣйствій 1832 года. Пока мы были въ Галгаѣ, командовавшій войсками на Кавказской Линіи генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ ходилъ съ небольшимъ отрядомъ обращать въ покорность отложившихся Галгаевцевъ, въ чемъ и успѣлъ безъ большаго труда и кровопролитія.

VII.

На лѣвомъ флангѣ Кавказской Линіи самые злые противники наши были Чеченцы, занимавшіе глубину лѣсовъ покрывающихъ пространство лежащее между сѣвнымъ

хребтомъ, Сунжею и Акташъ-су. Враждебныя столкновенія съ ними начались со времени перваго поселенія казаковъ на берегу Терека, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. Съ тѣхъ поръ вражда Чеченцевъ къ Русскимъ возрастала съ каждымъ годомъ, принимая все болѣе и болѣе характеръ непримиримой, истребительной войны. Когда между Лезгинами разпространилось ученіе изъ котораго возникъ мюридизмъ, и дагестанскія нагорныя общества признали надъ собой духовную власть Кази Мегмета, тогда и Чеченцы не замедлили присоединиться къ имаму проповѣдывавшему „казавать“, священную войну противъ Русскихъ, ихъ коренныхъ враговъ. И какъ было не идти за такимъ учителемъ который по пути грабежа и безпощаднаго истребленія велъ къ вратамъ рая каждого правовѣрнаго посвятившаго себя на истребленіе гауровъ. Въ 1831 году они участвовали съ Кази-Мегметомъ въ разграбленіи Кизляра и во всѣхъ его вторженіяхъ въ наши предѣлы, и до того умножили свои воровскіе набѣги на Линію что по лѣвую сторону Терека ни многочисленныя станицы, ни далекая, пустая степь не были безопасны отъ разбоя. По ночамъ, бывало, на станичныхъ улицахъ убивали казаковъ, уводили со двора лошадей и скотину, и не разъ случалось, партіи ихъ степью проходили къ устью Волги. Два года мы оставались въ оборонительномъ положеніи, изрѣдка отыскивая непріятеля въ его собственныхъ предѣлахъ для отплаты за слухкомъ уже дерзкое нарушеніе безопасности на Линіи. Не всѣ наши карательныя экспедиціи были успѣшны въ теченіи этого періода. Въ 1831 году начальникъ Кавказской Линіи, генераль Эмануель, потерялъ въ Аухѣ до тысячи человекъ и принужденъ былъ вернуться, давъ только новую пищу дерзости Чеченцевъ. Эмануэля замѣнили на Линіи генераль-лейтенантомъ Вельяминовымъ.

Назначеніе этого генерала, друга и сослуживца Алексѣя Петровича Ермолова, при которомъ онъ въ Тифлисѣ много лѣтъ занималъ должность начальника штаба, повлекло за собой разительную перемену въ системѣ дѣйствій и повело въ послѣдствіи къ постепенному, нашимъ политическимъ выгодамъ не противорѣчающему умиротворенію края, ежели бы въ Петербургѣ менѣе оспаривали его мысли, и жизнь его не прекратилась такъ скоро. Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ безспорно принадлежалъ къ числу нашихъ самыхъ

замѣчательныхъ генераловъ. Умомъ, многостороннимъ образованіемъ и непоколебимою твердостью характера онъ сталъ выше всѣхъ личностей управлявшихъ въ то время судьбами Кавказа. Никогда онъ не кривилъ душой, никому не льстилъ, правду высказывалъ безъ обиняковъ, дѣйствовалъ не иначе какъ по твердому убѣжденію и съ полнымъ самозабвеніемъ, не жалѣя себя и другихъ, имѣя въ виду лишь прямую государственную пользу, которую, при своемъ обширномъ умѣ, понималъ вѣрно и отчетливо. Никогда клевета не дерзала прикоснуться къ его чистой, ничѣмъ не помраченной репутаціи. Строгаго, съ виду холоднаго, малорѣчиваго Вельяминова можно было не любить, но въ уваженіи не смѣлъ ему отказать ни одинъ человекъ, какъ бы высоко онъ ни былъ поставленъ судьбой. Я не встрѣчалъ другаго начальника пользовавшагося такимъ сильнымъ нравственнымъ значеніемъ въ глазахъ своихъ подчиненныхъ. Слово Вельяминова было свято, каждое распоряженіе его безошибочно; даже въ кругу самонадѣянной и болтливой военной молодежи, пріѣзжавшей къ намъ изъ Петербурга за отличіемъ, признавалось дѣломъ смѣшнымъ и глупымъ разбирать его дѣйствія. Горцы, знакомые съ нимъ изстари, боялись его гнѣва какъ огня, но вѣрили слову и безотчетно полагались на его справедливость.

Не увлекаясь теоріями которыя наши государственные люди того времени вырабатывали относительно покоренія Кавказа, Вельяминовъ совершенно отвергалъ оборонительную систему; усиленные наступательныя операціи и набѣги, безъ дѣли и безъ способа удержать за собой пройденное пространство, признавалъ злою необходимостію для усмиренія горцевъ на короткое время, а для полнаго покоренія Кавказа считалъ полезнымъ, медленно подвигаясь впередъ, утверждаться не одною силою оружія, но основательными административными мѣрами. Во избѣжаніе истощительной для государства траты людей и денегъ, онъ совѣтовалъ болѣе оставлять дѣйствию времени, сохраняя притомъ для русскаго войска хорошую практическую военную школу. Безпристрастный историкъ позже раскроетъ на сколько Вельяминовъ былъ правъ въ своихъ предположеніяхъ.

Баронъ Розенъ, ничего не предпринимавшій въ этомъ году безъ совѣта и согласія Вельяминова, сознавая его превосходную опытность въ кавказской войнѣ, окончательно

рѣшился передать ему непосредственное начальство надъ войсками чеченскаго отряда, сохранивъ для себя положеніе зрителя и принимая участіе въ дѣлѣ лишь чрезъ распоряженія требовавшія согласія главноуправляющаго краемъ. Отдохнувъ недѣлю во Владикавказѣ и покончивъ закавказскія дѣла присланныя изъ Тифлиса на разрѣшеніе, корпусный командиръ 5-го августа выступилъ въ Назрань, гдѣ его ожидалъ Вельяминовъ съ войсками собранными имъ на Линіи.

Въ составъ соединеннаго чеченскаго отряда вошли:

Эриванскаго карабинернаго полка (командиръ полковникъ князь Дадіанъ) 2 баталіона.

41-го Егерскаго полка (командиръ маіоръ Резануиловъ) 1 баталіонъ.

40-го Егерскаго полка (полковникъ Шумскій) 2 баталіона.

Московскаго пѣхотнаго полка (полковникъ Щеголевъ) 2 баталіона.

Бутырскаго пѣхотнаго полка (полковникъ Пирятинскій) 2 баталіона.

Кавказскаго сапернаго баталіона одна рота (командиръ капитанъ Богдановичъ).

Полкъ пѣшей грузинской милиціи (командиръ полковникъ Челяевъ), 5 сотенъ.

Линейскихъ казаковъ (командиръ полковникъ Зассъ), 5 сотенъ.

Грузинскій конный полкъ (командиръ князь Ясси Андрониковъ), 5 сотенъ.

1-й мусульманскій конный полкъ (командиръ князь Бебутовъ), 5 сотенъ.

2-й мусульманскій конный полкъ (командиръ Мирза-Джавъ Мадатовъ), 5 сотенъ.

Кабардинская милиція (командиръ князь Асланъ-бекъ Бѣковичъ-Черкасскій), 2 сотни.

Легкихъ орудій 24, горныхъ 4.

Всего, считая приблизительно, 9.000 человекъ.

Баталіонъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка ходившій въ Гагай, сколько помню, отдѣлился отъ насъ во Владикавказѣ, а осетинская милиція была распущена по домамъ, кромѣ нѣкоторыхъ старшинъ,—между ними мой пріятель Магометъ-Кази,—слѣдовавшихъ за нами волонтерами. При этомъ я долженъ замѣтить что и наше малое число баталіоновъ, по характеру мѣстности и по роду войны, ни въ одномъ случаѣ

не могло быть сосредоточено для общаго удара, какъ бываетъ въ европейской войнѣ; большею частію они были принуждены дѣйствовать порознь.

Вся чеченская земля покрыта вѣковыми лѣсами и прорѣзана множествомъ рѣкъ и потоковъ текущихъ съ юга на сѣверъ; самые значительные между ними Фартанга, Асса, Аргунъ и Аксай. Сунжа, принимающая въ себя съ правой стороны всѣ чеченскія воды, обтекаетъ Чечню съ запада и сѣвера, отдѣляя ее отъ земли Ингушей и отъ Малой Кабарды. Сѣверная полоса Чечни представляетъ ровную мѣстность, по которой проходятъ армянскія дороги годныя для обоза и для артиллеріи; южная часть ея весьма гориста и поэтому неудобна для движенія войскъ. Посреди лѣсовъ открывались просторныя поляны, занятыя населеніемъ сплотившимся во многолюдныя аулы; затѣмъ большинство Чеченцевъ обитало въ отдѣльныхъ хуторахъ разсѣянныхъ по непроницаемымъ трупобамъ, составлявшимъ самую надежную оборону ихъ жилищъ. Всѣ, даже большія селенія непремѣнно прислонялись однимъ бокомъ къ густому лѣсу, служившему вѣрнымъ убѣжищемъ для чеченскихъ семействъ, когда имъ угрожала опасность отъ русскихъ войскъ. Дома, или сакли, какъ ихъ называли Кавказцы, были построены изъ плетня покрытаго густымъ слоемъ глины, имѣли плоскія крыши и вмѣщали двѣ или три весьма опрятныя, чисто выбѣленные комнаты. Въ зажиточныхъ селеніяхъ сакли были окружены садами, въ которыхъ Чеченцы разводили разныя овощи и фрукты. На полянахъ и въ лѣсныхъ прогалинахъ встрѣчались немалые посѣвы кукурузы, проса, пшеницы, ржи и ячменю. Лѣса были наполнены орѣховыми деревьями, яблонями, грушами, сливой и кизилемъ. Въ то время нашими войсками не были еще сдѣланы просѣки въ лѣсахъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ Ермоловъ разчистилъ на ружейный выстрѣлъ по обѣ стороны одну дорогу проходившую чрезъ знаменитый Гойтинскій лѣсъ; къ тридцать второму году и эта просѣка успѣла покрыться непроходимо густою порослію; поэтому мы были осуждены вести въ Чечнѣ самую трудную лѣсную войну. Какъ противники, Чеченцы заслуживали полное уваженіе, и никакому войску не было позволено пренебрегать ими посреди ихъ лѣсовъ и горъ. Хорошіе стрѣлки, злобно храбрые, смѣтливые въ военномъ дѣлѣ, подобно другимъ кавказскимъ горцамъ, они ловко

умѣли пользоваться для своей обороны мѣстными выгодами, подмѣчать каждую ошибку нашу и съ неумовѣрною скоростью давать ей гибельный для насъ оборотъ.

Составленный Вельяминовымъ планъ чеченскаго похода былъ очень простъ. Отнюдь не сомнѣваясь въ удачѣ острожно направляемой экспедици, но и не ожидая отъ нея другаго результата кромѣ временнаго усмиренія Чеченцевъ которое позволило бы русскому линейскому населенію отдохнуть отъ тревожной жизни послѣднихъ годовъ, онъ предполагалъ пройти по чеченской плоскости, разоряя селенія, уничтожая жатву, отбивая стада и атакуя непріятеля вездѣ гдѣ бы онъ имѣлъ дерзость собраться въ большихъ силахъ. Обстоятельства должны были указать дальнѣйшій ходъ дѣйствій.

На другой день мы выступили съ разсвѣтомъ изъ Назрана и переправились черезъ Сунжу по мосту поставленному на козлахъ, потому что броды чрезъ эту рѣку существуютъ только въ ея верховьяхъ. За Сунжей мы ступили на непріятельскую землю, и съ слѣдующаго перехода началась для насъ ежедневная, неумолкаемая драка. Въ войнѣ съ Чеченцами одинъ день походилъ на другой. Изрѣдка неожиданный эпизодъ, встрѣча съ значительнымъ сборищемъ, штурмъ укрѣпленнаго аула или набѣгъ въ сторону измѣняли утомительно-однообразный ходъ дѣйствій. Переходы соразмѣрялись съ разстояніемъ полянъ лежавшихъ на берегу рѣчекъ и достаточно просторныхъ для размѣщенія на нихъ лагеря не ближе ружейнаго выстрѣла отъ ближайшаго лѣса. Дороги пролегли преимущественно чрезъ густой и высокій лѣсъ изрѣдка перерѣзанный лужайками, ручьями и оврагами. Въ продолженіе всего перехода дрались, ружейные выстрѣлы гремѣли, пули жужжали, люди падали, а непріятеля не было видно. Одни дымки вспыхивавшіе въ лѣсной чащѣ обозначали его присутствіе; не имѣя предъ собой другой цѣли, наши солдаты были принуждены стрѣлять на дымокъ.

Послѣ перехода войска располагались лагеремъ на одинъ день, или долѣе, глядя по числу окрестныхъ ауловъ которые предполагалось разорить. Съ мѣста стоянки посылались во всѣ стороны небольшія колонны для истребленія непріятельскихъ полей и домовъ. Аулы горятъ, хлѣбъ косятъ, и опять загорается перестрѣлка, раздается пушечная пальба; опять несутъ убитыхъ и раненыхъ. Татары везутъ въ торокахъ

отрѣзанныя непріятельскія головы, плѣнныхъ нѣтъ: мужчины не сдаются, а женщины и дѣти заранѣе спрятаны въ такія тущобы куда не пойдутъ ихъ отыскивать. Вотъ показалась голова колонны возвращающейся съ ночнаго набѣга; хвоста еще не видать, онъ дерется въ лѣсу. Чѣмъ ближе къ выходу на чистое мѣсто тѣмъ чаще гремятъ выстрѣлы, слышенъ гулъ. Непріятель провожаетъ арріергардъ, тѣснить его со всѣхъ сторонъ, кидается въ шашки, ожидая только минуты когда онъ выйдетъ на открытое мѣсто чтобы засыпать его градомъ пуль. Приходится поднять изъ лагеря свѣжіи баталіоны и нѣсколько орудій для поддержанія отступающаго арріергарда. Картечь и бѣглый огонь останавливаютъ непріятельскій натискъ и даютъ нашей колоннѣ возможность выйти изъ лѣсу безъ лишней потери.

Посылаютъ косить траву, и тотчасъ начинается драка; дрова для варки пищи и для бивачныхъ огней берутъ не иначе какъ съ боя. За рѣчкой растетъ кустарникъ или выдалась едва примѣтная лощина; это заставляетъ прикрыть водою полубаталіономъ съ артиллеріей, иначе перестрѣляютъ лошадей или отгоняютъ ихъ. Одинъ день какъ другой, что было вчера—повторится завтра; вездѣ горы, вездѣ лѣсъ, а Чеченцы злы и неутомимы въ дракѣ.

Порядокъ движенія и лагерное расположеніе были какъ нельзя лучше приспособлены къ характеру войны и никогда не мѣнялись. Походная колонна строилась слѣдующимъ образомъ: въ авангардѣ и въ арріергардѣ по пѣхотному баталіону при нѣсколькихъ легкихъ орудіяхъ, гдѣ существовали дороги удобопроходимыя для полевой артиллеріи, замѣнявшейся въ противномъ случаѣ горными единорогами. Кавалерія, резервная артиллерія и обозъ помѣщались въ серединѣ колонны и прикрывались пѣхотой слѣдовавшею рядами по обѣ стороны. Предъ авангардомъ, позади арріергарда, и направо и налево, по протяженію всей колонны, шли стрѣлки, имѣя за собой резервы съ горными орудіями. На ровныхъ и открытыхъ поляхъ боковыя прикрытія удалялись отъ колонны на хорошей ружейный выстрѣлъ; вступивъ въ лѣсъ, они шли какъ позволяла мѣстность, по возможности стараясь уберечь ее отъ непріятельскаго огня, слишкомъ губительнаго когда ему подвергалась сомкнутая масса войскъ. Солдаты называли это водить колонну въ ящикѣ. На походѣ все дѣло происходило въ цѣпи: въ авангардѣ, когда шли

впередъ, въ арріергардѣ, когда отступали, и почти непрерывно въ боковыхъ прикрытіяхъ, выполнявшихъ самую трудную и самую опасную задачу. Въ лѣсу стрѣлковымъ парамъ нерѣдко приходилось идти не видя другъ друга, при этомъ разрываться, и Чеченцы, будто выростая изъ земли, наскакивали на нихъ и рубили отдѣлившихся солдатъ прежде чѣмъ товарищи успѣвали имъ помочь. Движеніе стрѣлковъ, закрытыхъ лѣсомъ и горами, рѣдко было видно съ дороги по которой слѣдовала колонна. Съ ними переговаривались посредствомъ сигналовъ на рожкѣ. Для того чтобы въ лѣсу и въ горахъ всегда имѣть возможность узнавать гдѣ находятся части войскъ отдѣленныя отъ главной колонны, авангардъ, арріергардъ и боковыя прикрытія обозначались предъ выступленіемъ сигнальными нумерами которыми по уставу называются роты въ баталіонѣ. Эти сигналы мѣнялись весьма часто, дабы горцы, подмѣтивъ ихъ, заранѣе не угадывали кому отдають приказаніе. Желая дознаться гдѣ какая-нибудь часть пробирается по лѣсу, подавали условленный вопросительный сигналъ, горнисты всѣхъ частей откликались своими нумерами, и суда по звуку, приказывали потомъ, назвавъ кого слѣдовало, ускорить шагъ, стоять или приблизиться къ колоннѣ. Непріятельскія пули, случалось, ложились въ средину войска, но очень рѣдко удавалось горцамъ, разорвавъ цѣпь, нападать на колонну. Въ экспедицію 1832 года не могу припомнить болѣе четырехъ такихъ прорывовъ.

Лагерь постоянно размѣщался кареемъ: по фасамъ пѣхота и артиллерія, посрединѣ кавалерія и обозъ. Для небольшого числа войскъ строился вагенбургъ изъ повозокъ. Вокругъ всего лагеря располагалась дѣмъ негустая цѣпь, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ палатокъ. На ночь число застрѣльчиковъ умножалось, придвигали резервы и впереди укладывали еще секреты въ болѣе опасныхъ мѣстахъ. Людей разводили на эти посты послѣ наступленія темноты, для того чтобы не подсмотрѣлъ непріятель. Они были обязаны наблюдать глубокую тишину, подходящихъ не окликать, а освистывать, и стрѣлять на каждый подозрительный шорохъ, хотя бы не могли точно разглядѣть отъ чего онъ происходитъ. На каждомъ фасѣ лагернаго каре держали наготовѣ дежурныя части для подкрѣпленія передовой цѣпи въ случаѣ дѣйствительнаго нападенія. Солдаты отъ этихъ частей лежали предъ палатками, имѣя при себѣ ружья и патронныя

сумки. Остальные солдаты и офицеры спали раздѣтые и не имѣли привычки тревожиться отъ выстрѣловъ которые намъ почти каждую ночь посылали Чеченцы, подползавшіе къ лагерю несмотря на всѣ наши предосторожности. Нерѣдко мнѣ самому случалось просыпаться ночью отъ бѣлаго огня лагерной цѣпи и слышать надъ палаткой свистъ чеченскихъ пуль. Тогда полусоннымъ голосомъ кто-нибудь провозглашалъ:

— Опять подползли, спать не даютъ. Откуда это они стрѣляютъ?

— Справа (или слѣва), ваше благородіе, отвѣчалъ какой-нибудь солдатъ или казакъ.

И принявъ къ свѣдѣнію такого рода извѣщеніе, бывало, закроешь голову подушкой съ той стороны откуда летятъ пули, и черезъ нѣсколько минутъ снова засыпаешь крѣпкимъ сномъ, съ надеждой что въ лагерь Чеченцевъ не пустятъ, а отъ пули Богъ убережетъ.

Одиннадцать дней, съ 6-го по 17-е августа, мы проходили по Малой Чечнѣ, перестрѣливаясь и разоряя аулы, потомъ подошли къ крѣпости Грозной, сдали больныхъ и раненыхъ, забрали провіанту и снарядовъ, и двинулись въ сердце Большой Чечни. Въ это время мое служебное положеніе нѣсколько измѣнилось. Во Владикавказъ пріѣхалъ изъ Тифлиса генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Норденстамъ, по праву старшинства вступилъ въ управленіе походною канцеляріей, и имѣя особенную склонность къ письменнымъ дѣламъ, принялъ въ свое распоряженіе и переписку по второму, мнѣ принадлежавшему, отдѣленію. Вольховскій, видя что я, какъ говорится, отбиваюсь отъ рукъ, нашелъ для меня дѣло при войскахъ болѣе сродное моему характеру, приказалъ чередоваться въ авангардѣ и въ арріергардѣ съ офицерами генеральнаго штаба состоявшими при войскахъ на Линіи и посылалъ нерѣдко съ отрядами ходившими въ сторону уничтожать чеченскіе аулы. Это послѣднее дѣло послужило поводомъ къ сближенію съ Вельяминовымъ моею незначительной персоны. Вольховскій представилъ ему въ Назранѣ всѣхъ офицеровъ принадлежавшихъ къ штабу корпуснаго командира, въ томъ числѣ и меня, но весьма естественно что оңъ обратилъ мало вниманія на молодого, невиднаго егерскаго подпоручика, затертаго среди блестящихъ адъютантскихъ мундировъ, и даже забылъ въ послѣдствіи мое лицо и имя.

Недѣлю спустя Вольховскій прикомандировалъ меня къ небольшому отряду посланному разорить не помню какую-то деревушку, лежавшую верстѣ десять въ сторонѣ отъ лагеря. Мы выступили до разсвѣта, заняли аулъ, сожгли его, накопили на поляхъ сколько нужно было фуражу, остальное вытоптали, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла; но при выступленіи попали довольно неожиданно подъ огонь непріятеля выжидавшаго этотъ моментъ въ примыкавшемъ къ селенію лѣсу. Пришлось уходить съ боемъ, стоившимъ намъ человекѣкъ семь нижнихъ чиновъ выбывшихъ изъ строя. На обратномъ пути, не доходя до лагеря версты двѣ, я опередилъ отрядъ, какъ мнѣ было приказано начальникомъ штаба, для предварительнаго сообщенія ему подробностей дѣла происходившаго на моихъ глазахъ. Корпусный командиръ завтракалъ у Вельяминова съ нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ. Я вошелъ въ большую кибитку, гдѣ былъ накрытъ столъ, и отыскивая глазами Вольховскаго, остановился у входа, не замѣтивъ при этомъ что въ сторонѣ стоялъ казачій офицеръ успѣвшій прежде меня пріѣхать съ донесеніемъ отъ командира нашего отряда.

Вельяминовъ первый меня замѣтилъ, и принявъ по мундиру за строеваго офицера, спросилъ зачѣмъ я пришелъ.

— Съ донесеніемъ къ Дмитрію Владиміровичу.

Вольховскій, предупредивъ его что я принадлежу къ корпусному штабу, обратился ко мнѣ съ разными вопросами объ отрядѣ изъ котораго я прибылъ. Отвѣчать было не трудно, я передавалъ дѣло какъ видѣлъ его.

Вельяминовъ, прислушиваясь къ моимъ отвѣтамъ, попросилъ позволеніе въ свою очередь сдѣлать мнѣ вопросъ.

— Много ли вы имѣли противъ себя Чеченцевъ?

— Трудно сказать, непріятель прятался, и намъ были видны одни дымки отъ его выстрѣловъ.

— А судя по огню, какъ вы заключаете о числѣ его?

— Могла быть сотня, много полторы.

— Вотъ кто говоритъ правду, возразилъ Вельяминовъ обратившись къ своимъ гостямъ,—а господинъ сотникъ пріѣхалъ разказывать басни. По мѣсту и по времени, не могло собраться болѣе Чеченцевъ, я и прежде былъ въ этомъ убѣжденъ.

Тутъ Вельяминовъ спросилъ у Вольховскаго мою фамилію и потомъ вполголоса поговорилъ съ корпуснымъ командиромъ.

— Алексѣй Александровичъ проситъ меня уступить васъ въ его распоряженіе, обратился ко мнѣ баронъ.—Согласно ли это съ вашимъ желаніемъ?

— За честь сочту служить при немъ, какъ служилъ и при вашемъ высокопревосходительствѣ.

— Совсѣмъ не разстаюсь съ вами, а на время похода вы имѣете находиться при командующемъ войсками на Линіи.

— Очень радъ, прибавилъ Вельяминовъ,—и начнемъ знакомство съ теперешняго завтрака. Садитесь и берите приборъ.

Такимъ случаемъ я попалъ къ Вельяминову подъ начальство, что не помѣшало однако и Вольховскому распоряжаться мною по старой привычкѣ. вмѣсто одного, я нажилъ двухъ начальниковъ, дѣло довольно неудобное, но за то меня совершенно освободили отъ канцеляріи.

Вступая въ большую Чечню со стороны крѣпости Грозной, намъ слѣдовало пройти чрезъ Гойтинскій лѣсъ, прорубленный, какъ я прежде упомянулъ, при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ и успѣвшій однако зарости, хотя и мелкимъ, но неизмѣрно густымъ кустарникомъ. Въ этомъ лѣсу, имѣвшемъ около семи верстъ протяженія и посреди котораго въ болотистыхъ берегахъ протекала рѣчка Гойта, Чеченцы искони дрались противъ Русскихъ съ несказаннымъ упорствомъ. Гойтинскій лѣсъ и рѣчка Валерикъ были памятны всѣмъ старымъ Кавказцамъ; подходя къ нимъ, отрядные начальники удваивали осторожность, а русскій солдатъ готовился на нешуточный бой.

Предъ лѣсомъ Вельяминовъ приказалъ поставить вправо и влево отъ дороги по шести орудій и открыть сперва картечный огонь по опушкѣ, а потомъ стрѣлять въ средину чащи ядрами и гранатами, хотя не было видно ни одного Чеченца, и ни одинъ выстрѣлъ не встрѣтилъ насъ съ неприятельской стороны. Послѣ того застрѣльщики отъ дѣлаго баталіона, подкрѣпленные во второй линіи ротными колоннами, безъ выстрѣла, съ громкимъ ура! бросились бѣгомъ къ опушкѣ, и занявъ ее, тотчасъ легли на землю. Нѣсколько мгновеній спустя ружья затрещали съ обѣихъ сторонъ; оказалось что лѣсъ не такъ безлюденъ какъ можно было думать съ перваго раза. Такимъ образомъ занимали на Кавказѣ каждую опушку, каждый пролѣсокъ, каждую нѣсколько закрытую переправу и каждое селеніе. Вся разница состояла въ томъ что, соображаясь съ мѣстностію и съ числомъ

предполагаемаго непріятели, увеличивалось или уменьшалось количество артиллеріи и войскъ назначаемыхъ для первой атаки. Тишина господствующая въ лѣсу или въ селеніи ничего не доказывала: непріятель былъ вездѣ и вездѣ, рѣдко удерживалъ позицію, но дрался всюду гдѣ находил мѣстное прикрытіе и гдѣ имѣлъ свободное отступленіе. Только по занятіи опушки главная колонна входила въ лѣсъ, имѣя впереди себя авангардныхъ застрѣльщиковъ. Стрѣлки же, лежавшіе предъ лѣсомъ по обѣ стороны дороги, вытягивались въ чащу и составляли правое и лѣвое прикрытіе походной колонны; тогда начиналась драка прекращавшаяся не прежде выхода войскъ на открытое мѣсто. По временамъ огонь усиливался, и эхо выстрѣловъ сливалось съ чеченскимъ гикомъ и съ русскимъ *ура!* Въ глубинѣ лѣса работали штыкъ да шашка.

Въ Гойтинскомъ лѣсу ожидала насъ одна изъ непріятныхъ случайностей кавказской войны. Колонна прошла уже половину пути. По срединѣ лѣса, на берегу рѣчки, столпились обозъ и артиллерія въ ожиданіи очередной переправы по весьма малонадежному мостику. Чеченцы, пользуясь этою задержкой, налегли на правое прикрытіе, и отбѣснивъ его, стали посылать пули въ средину обоза. По сигнальнымъ отвѣтамъ, казалось, наши не понимали, или не могли исполнить приказаніе идти впередъ; Вельяминовъ приказалъ мнѣ съѣздить въ лѣсъ и отвести стрѣлковую цѣпь подальше отъ колонны. Съ трудомъ продираясь на лошади чрезъ мелкую поросль, я сталъ отыскивать командира цѣпи; кое-гдѣ мелькали предо мной солдатскія шинели, но офицера между ними не было. Въ это время недалеко отъ меня промчались Чеченцы, пули посыпались какъ горохъ, и солдаты, за ними нѣсколько офицеровъ, вынырнули изъ-за деревьевъ и кустовъ поспѣвая къ мѣсту откуда раздавался крикъ. Имѣя съ собой одного казака, я ради собственной безопасности увязался за ними и выѣхалъ на небольшую прогалину въ то самое мгновеніе какъ подоспѣвшіе застрѣльщики принялись штыками отбивать Чеченцевъ рубившихъ разрозненныя пары. На землѣ лежалъ раненый юнкеръ, князь Иванъ Урусовъ; въ-время подскочившій офицеръ защитилъ его отъ шашки сверкавшей въ рукѣ противника имѣвшаго видимое желаніе его покончить. Схватка продолжалась не болѣе двухъ минутъ. Резервъ подбѣжалъ, и непріятель скрылся изъ виду; только

пули его продолжали жужжать мимо нашихъ ушей. Урусова понесли на перевязку, и подняли убитыхъ, тѣла которыхъ кавказскіе солдаты ни въ какомъ случаѣ не оставляли на поруганіе непріятеля.

Этотъ случай заставилъ меня узнать какъ хороша память у русскаго солдата и какъ онъ примѣчаетъ за всѣмъ что дѣлаютъ офицеры. Въ цѣпь я попалъ такъ же случайно какъ и на схватку съ непріятелемъ, оставался при ней послѣ происшествія отнюдь не долѣе чѣмъ требовало приказаніе данное мнѣ Вельяминовымъ, и потомъ вернулся прямо къ нему. Двѣнадцать лѣтъ спустя я снова проходилъ чрезъ Гойтинскій лѣсъ съ Робертомъ Карловичемъ Фрейтагомъ, у котораго исправляя должность отряднаго оберъ-квартирмейстера. Дѣло мы имѣли жаркое; мнѣ приходилось скакать во всѣ концы колонны. Проезжая мимо Куринцевъ, я былъ остановленъ солдатомъ который, пристально вглядываясь въ мое лицо, вдругъ заговорилъ:

— Ваше высокоблагородіе, а ваше высокоблагородіе, какъ жись, я васъ признаю; вы были съ нами въ здѣшнемъ лѣсу, помните ли, когда Чеченцы зарубили застрѣльщикова и ранили нашего юнкера, князя Урусова.

Солдатъ меня узналъ, несмотря на долгое время и на перемѣну мундира; въ тридцать второмъ году я былъ одѣтъ въ егерскую форму, а въ сорокъ четвертомъ носилъ мундиръ генеральнаго штаба.

— Который разъ, ваше высокоблагородіе, изволите проходить чрезъ этотъ лѣсъ? спросилъ послѣ того мой старый знакомый.

— Седьмой.

— А я двадцатый. Когда же лѣсъ останется за нами?

— Ну, любезный, спроси про это у Господа Бога, а я вѣдать не вѣдаю, отвѣчалъ я и направилъ лошадь къ Роберту Карловичу, моему давнишнему другу и защитнику, съ которымъ въ томъ году отбылъ не одно горячее дѣло.

И Чеченцы заплатились недешево. За лѣсомъ начиналось открытое мѣсто. Наши конные Грузины и Татары, посланные впередъ отряда, изрубили десятка два пѣшихъ молодцовъ не успѣвшихъ уйти съ поляны въ лѣсъ. При этомъ случаѣ одинъ изъ нихъ, видя что ему нѣтъ спасенія, ухватился за поясъ наскакавшаго на него Татарина и ударилъ

его кинжаломъ въ бокъ съ силой прогнавшею сквозь тѣло широкое лезвее; въ то же мгновеніе сабля Татарина опустилась Чеченцу на голову, и оба покатались мертвые на траву.

Предъ вечеромъ отрядъ вышелъ на открытое лагерное мѣсто; стали разбивать палатки; для Вельяминова поставили барабанъ и развели огонь, у котораго онъ молча принялся грѣть руки. Это была его постоянная привычка. Вокругъ него болтали офицеры. Казалось, онъ былъ ко всему равнодушнѣе, однако мало словъ ускользали отъ его слуха. Онъ позволялъ молодежи, на походѣ ли, за столомъ, или у себя въ кабинетѣ, говорить свободно обо всемъ, прислушивался къ разговору и заключалъ по немъ объ умѣ и характерѣ каждаго изъ разсуждающихъ. Когда, бывало, иной слишкомъ разбоявляется, онъ, безъ строгости, безъ гнѣва, скажетъ только: „ну, дражайшій, перестань, перестань, чрезъ мѣру заговорился!“

Въ этотъ вечеръ находился въ кругу офицеровъ собранныхъ около Вельяминова и капитанъ уберегшій Урусова отъ чеченской шашки. Онъ разказывалъ съ жаромъ подробности своего подвига. Долго Алексѣй Александровичъ слушалъ, не говоря ни слова; наконецъ, онъ обратился къ разказчику:

— А, дражайшій, какимъ образомъ ты попалъ въ цѣпь когда ранили Урусова?

— Я командовалъ застрѣльщиками; Урусовъ служить въ моей ротѣ.

— И ты изрубилъ Чеченца напавшаго на раненаго юнкера; гдѣ же были твои застрѣльщики?

— Цѣпь разорвалась, никого тутъ не случилось; я самъ еле, еле подоспѣлъ.

— А! ты командовалъ застрѣльщиками; цѣпь не шла въ порядкѣ, и ты былъ принужденъ рубить Чеченцевъ собственною рукой. Нечего сказать, ты храбрый офицеръ. Отдай, однако, дежурному штабъ-офицеру твою собственную шашку и отправляйся подъ арестъ; дѣло начальника наблюдать за солдатами, а не рубиться съ неприятелемъ.

И бѣдный ротный командиръ, вмѣсто ожидаемой похвалы, понутивъ голову, пошелъ исполнять приказаніе Вельяминова.

На другое утро командующій войсками приказалъ отдать капитану оружіе и поблагодарить за спасеніе юнкера. Такъ онъ понималъ офицерскую обязанность. Ермоловъ дѣйствовалъ еще строже въ подобныхъ случаяхъ. Онъ не

терпѣлъ выскочки и сажалъ подѣ арестъ каждого офицера безъ надобности и безъ приказанія бросаемаго въ огонь, и никогда не давалъ награды за подобнаго рода бесполезную храбрость.

При переправѣ черезъ Аргунь и движеніи къ селенію Шали мы имѣли 22-го августа вторую сильную перестрѣлку, мало отличавшуюся отъ другихъ вседневныхъ встрѣчъ съ неприятелемъ; за то борьба съ рѣкой выходила изъ предѣловъ обыкновеннаго порядка.

Переправы чрезъ горныя кавказскія рѣки вообще принадлежали къ категоріи довольно щекотливыхъ операцій и часто стоили добраго дѣла. Рѣка, проходимаая въ бродѣ по колѣно еще вечеромъ, за ночь наливалась по грудь, отъ дождя въ горахъ, или отъ подсиѣжнаго потока промывшаго себѣ дорогу къ ея покатиному руслу. И Аргунь, на подобіе Сулака, Сагуаши, Ингура, Бзыба, принадлежалъ къ числу чрезвычайно быстрыхъ и неуловимо своенравныхъ рѣкъ. Когда мы къ нему подошли, онъ находился въ состояніи неожиданнаго налива: стрѣлою неслась вода, унося въ Сунжу огромныя карчи и ворочая камни заграждавшіе ей дорогу. Ни мостъ на козлахъ, ни на арбахъ, для одной пѣхоты, не удержался бы противъ силы воды и карчей, да и время не позволяло испытывать степень ихъ стойкости; намъ надо было спѣшить къ Герменчугу, куда Кази-Мегметъ собиралъ Горцевъ на защиту аула, пока число ихъ не увеличится до размѣровъ силы непреодолимой для нашего отряда. На Кавказѣ не имѣли привычки задумываться надъ быстротой и глубиной рѣки, когда существовала искра надежды преодолѣть эти препятствія. Мостъ не устоитъ противъ карчи, а живые люди всегда могутъ отъ нея посторониться: отвести ее, или обождать пока она проплыветъ; поэтому было рѣшено не мѣшкая переходить въ бродѣ. Въ виду этой небезопасной операціи самъ Вельяминовъ сѣлъ возлѣ переправы для личнаго наблюденія за точнымъ исполненіемъ своихъ распоряженій, и съ собственнымъ ему терпѣніемъ, не сошелъ съ мѣста пока послѣдній человекъ не перешелъ на другую сторону.

Сперва обстрѣляли противоположный берегъ картечью, какъ слѣдуетъ, потомъ Грузины, Татары и часть линейцевъ, по сѣдло въ водѣ, перешли на другую сторону и смѣлою атакой разогнали Чеченцевъ пытавшихся оспаривать переправу.

Кавказскія лошади привычны къ водѣ: на быстрыхъ рѣкахъ онѣ упираются туловищемъ противъ теченія, и зная что на днѣ водятся большіе, скользкіе камни, не торопясь и щупая копытомъ грунтъ переставляютъ крѣпкія ноги. Потерявъ дно, онѣ плывутъ безъ устали. Дурно только когда лошадь въ упряжи: не имѣя воли пользоваться своею силою, она перевертывается быстриною вверхъ ногами, тонетъ, да и повозку невѣдко уноситъ невѣсть куда.

По переходѣ конницы, устроили переправу для пѣхоты, артиллеріи и обоза. Подъ острымъ угломъ поставили, къ теченію спиной, плотный рядъ линейскихъ казаковъ на самыхъ сильныхъ лошадяхъ; двадцать сажень ниже помѣстили къ нимъ лицомъ двѣ конныя цѣпи. Выше поставленные казаки составляли оплотъ противъ напора воды, размѣщенные ниже должны были ловить пѣхотинцевъ уносимыхъ быстриною. По этой улицѣ пошла пѣхота, по отдѣленіямъ, разутая до пояса, сапоги, ружья и сумки на плечахъ, солдаты каждой шеренги крѣпко ухватившись подъ руку, а фланговый человекъ придерживаясь свободною рукою за стремя казака вѣхавшаго со стороны теченія. Въ такомъ порядкѣ переправилась вся пѣхота, и за нею повозки и артиллерія. Подъ напоромъ волны шеренги колыхались, люди не разъ теряли дно, слабосильныхъ срывало и несло по водѣ, ниже стояшіе казаки хватили ихъ и вывозили на берегъ; но дѣло не обошлось и безъ утонувшихъ. Два зарядные ящичка и нѣсколько повозокъ опрокинуло на срединѣ рѣки, лошади потонули, а ящички были спасены. Подобнаго рода переправы мнѣ удалось видѣть на лѣвомъ флангѣ и на береговой Линіи.

Герменчугъ, самый большой чеченскій аулъ, имѣвшій три мечети, изъ коихъ лучшая была построена на деньги пожалованнаго Ермоловымъ, находился въ семи верстахъ отъ Шалы, гдѣ мы ночевали переправившись черезъ Аргунь. Алексѣй Петровичъ, дознавъ на опытъ какъ трудно было вѣдаться съ Чеченцами живущими разсыянно по лѣсамъ, принесъ эту жертву, надѣясь около прочно и красиво построенной мечети сгруппировать болѣе значительное число жителей, и не ошибся въ своемъ разчетѣ; герменчугское населеніе увеличивалось съ каждымъ годомъ, и долгое время его жители, дорожа своею свѣдостью, не принимали прямого участія въ грабежахъ и разбояхъ своихъ одноплеменниковъ. Въ 1831 году они были увлечены въ общее возстаніе, и Вельяминовъ съелъ

полезнымъ показать на нихъ примѣръ всему краю. Въ его правилахъ было во всѣхъ взысканіяхъ за равную вину начинать съ большихъ, а не съ малыхъ. Чужа приближеніе злой грозы, Герменчугцы долго колебались, просить ли пощады, или защищать селеніе; Казимегметъ убѣдилъ ихъ испытать счастье оружія, укрѣпить селеніе и ждать въ немъ прихода Русскихъ. Три тысячи Чеченцевъ засѣли въ Герменчугъ; имамъ лично привелъ къ нимъ на помощь восемьсотъ конныхъ Лезгинъ и, кромѣ того, каждый день подходили къ аулу поборники очищенной вѣры изъ самыхъ отдаленныхъ горъ.

Оставивъ возлѣ Шади весь обозъ подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ и двухъ орудій, мы съ остальными войсками двинулись къ Герменчугу. На разсвѣтѣ отрядъ переправился чрезъ неглубокую рѣчку протекавшую предъ ауломъ и къ полудню сталъ на позицію въ виду ожидавшаго насъ непріятеля. На лѣвомъ флангѣ мы имѣли рѣчку, на правомъ — густой лѣсъ въ которомъ скрывались пѣшіе Чеченцы и лезгинская конница; предъ нами лежало пространное селеніе съ трехъ сторонъ опоясанное крѣпкимъ окопомъ, усиленнымъ еще фланговою обороною, и заслоненное съ тылу высокимъ лѣсомъ. Линейскіе казаки, грузинскій и татарскіе конные полки, подъ командой полковника Засса, первые заняли мѣста предъ ауломъ и съ утра завязали джигитовку съ непріятельскою конницею завлекавшею ихъ къ лѣсу, откуда огонь пѣшихъ Чеченцевъ снова принуждалъ нашихъ отходить на чистое поле. Когда весь отрядъ перешелъ чрезъ рѣчку и построился въ колонны, Вельяминовъ приказалъ варить кашу для солдатъ, а своему повару готовить обѣдь. Люди не сходявшіеся нравомъ съ Вельяминовымъ, не зная чѣмъ его попрекнуть, находили поводъ обвинять его въ излишнемъ пристрастіи къ гастрономическимъ наслажденіямъ. Вельяминовъ дѣйствительно охотно занимался столомъ, наравнѣ съ естественною исторіей, архитектурой, гомеопатіей, изъ любви къ наукѣ и къ искусству, и гораздо болѣе въ пользу другихъ чѣмъ для самого себя. Страдая расположеніемъ къ грудной водяной болѣзни, отъ которой онъ и скончался въ 1838 году, Вельяминовъ постоянно находился на самой строгой діетѣ; но въ то же время ставилъ себѣ въ удовольствіе вкусно кормить офицеровъ обѣдавшихъ за его столомъ. На походѣ, до десятка верблюдовъ носили за нимъ калмыцкую кибитку, кухню и

сѣстные припасы. Въ числѣ другихъ и Вольховскій часто укорялъ его въ этой слабости. Эти два человѣка, въ одинаковой мѣрѣ преданные принципу долга и чести, близко сходяшіеся въ умственномъ воззрѣніи на житейскія дѣла, къ сожалѣнію, расходились діаметрально въ примѣненіи своихъ понятій; Вольховскій былъ строгой доктринеръ, Вельяминовъ неумолимый практикъ. Кромѣ того, Вольховскій, страдавшій нервною раздражительностію, былъ вспыльчивъ и нерѣдко увлекался первымъ впечатлѣніемъ; Вельяминовъ, обладавшій ледянымъ хладнокровіемъ, подчинялъ всѣ свои дѣйствія одному разсудку и силой характера бралъ верхъ надъ Вольховскимъ. Поверхностно понимая вещи, многіе потому считали Вельяминова человѣкомъ бездушнымъ, и крѣпко ошибались. Я испыталъ на себѣ самомъ сколько его сердце было доступно самому заботливому участію; онъ умѣлъ только владѣть своими чувствами и скрывалъ ихъ въ глубинѣ души, для того чтобы никакому плутоватому уму не удалось воспользоваться ими ко вреду справедливости и общаго порядка.

Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить характеръ Вельяминова и его взглядъ на обязанности государственнаго человѣка слѣдуетъ отрыть въ ставропольскомъ штабномъ архивѣ и изучить его переписку съ военнымъ министромъ, княземъ Чернышевымъ, касательно военныхъ дѣйствій на берегу Чернаго моря. Три раза сряду онъ имѣлъ смѣлость самымъ положительнымъ образомъ, подтверждая фактами свои заключенія, опровергать пользу проекта присланнаго къ нему изъ Петербурга при именномъ повелѣніи безотговорочно привести его въ исполненіе. Свою послѣднюю записку онъ заключаетъ слѣдующими словами:

„Ежели государь императоръ и на этотъ разъ не удостоитъ, на основаніи изложенныхъ мною доказательствъ и фактовъ, осчастливить меня отиѣною сказаннаго проекта, то прошу какъ милость назначить на мое мѣсто другаго, болѣе способнаго и свѣдущаго генерала; я готовъ служить подъ его начальствомъ простымъ солдатомъ, но по долгу присяги и по совѣсти не могу принять на себя выполнение мѣръ которыя, по моему убѣжденію, должны принести только одинъ вредъ для края отданнаго мнѣ въ управленіе. Присягая государю я обѣщаль не только повиноваться, но и хранить славу и соблюдать интересъ его величества и Русскаго государства по моему крайнему разумѣнію.“

Покойный императоръ Николай Павловичъ оцѣнилъ въ этомъ случаѣ твердость Вельяминова, согласился съ его мнѣніемъ, отозвалъ свое первое повелѣніе и осыпалъ его милостями, когда онъ осенью того же года пріѣхалъ въ Петербургъ. Таковъ былъ Вельяминовъ, и такъ государь внималъ правдивому слову когда оно исходило отъ человѣка преданнаго ему и Россіи свыше всякаго личнаго разчета.

Подъ Герменчугомъ Вельяминовъ подвергъ сильной пытки терпѣніе Вольховскаго, не во всѣхъ случаяхъ умѣвшаго владѣть своею нервозно-раздражительною натурой; даже болѣе флегматическій и пожилой баронъ Григорій Владиміровичъ не на шутку сталъ тревожиться отчего онъ столько медлитъ атаковать аулъ. А Вельяминовъ былъ правъ; его медленность имѣла основаніемъ самый вѣрный расчетъ. Войска, сваривъ похлебку, да еще съ удвоенною мясною порціей, спокойно наполняли себѣ желудокъ. На правомъ флангѣ батареи въ двадцать два орудія, поставленной въ разстояніи хорошаго ядернаго выстрѣла отъ непріятельскихъ окоповъ, для Вельяминова накрыли столъ, какъ бы дома; вокругъ него разставили барабаны, и мы сѣли обѣдать. Въ нѣкоторомъ разстояніи позади насъ, менѣе затѣйливо помѣстившись на коврахъ, закусывалъ корпусный командиръ съ своими офицерами. Непріятельскій брустверь и всѣ плоскія крыши герменчугскихъ домовъ были буквально унизаны Чеченцами, которые, съ ружьями наголо, ожидали атаки и, полагаю, также не понимали чего мы ждемъ. Нѣсколько зрительныхъ трубъ были направлены изъ Герменчуга на нашъ обѣденный столъ.

Въ часъ пополудни корпусный командиръ прислалъ своего адъютанта спросить не пора ли атаковать.

— Нельзя, солнце слишкомъ жарко печетъ; къ тому же и люди не кончили ѣды.

Черезъ полчаса новый посланецъ къ Вельяминову.

— Не выпили еще порцію которую приказано раздать.

По прошествіи нѣкотораго времени Вольховскій прислалъ за мной. Нетерпѣливо сталъ онъ меня спрашивать отчего мѣшкаютъ,—будто отъ меня зависѣло дѣло,—и потомъ поручилъ передать Алексѣю Александровичу что это противно видамъ корпуснаго командира. Не знаю почему именно меня выбрали для такого порученія; можетъ, только на тотъ случай,

если Вельяминовъ разсердится: чтобъ его сарказмы обрушились на меня, а не на другаго.

Когда я вернулся и доложилъ Вельяминову слова Вольховскаго, онъ поморщился, подумалъ съ минутою и сказалъ:

— Ступай, дражайшій, назадъ и скажи пославшему тебя что, по моему мнѣнію, надо еще подождать; впрочемъ, какъ угодно, только въ такомъ случаѣ не беру на себя отвѣта. Надо же, прибавилъ онъ, улыбувшись, — время докончить обѣдъ и убрать столъ.

Передавъ отвѣтъ, разумѣется безъ послѣдняго прибавленія, я возвратился на свое мѣсто. Когда дѣйствительно убрали столъ, и я стоялъ позади его, онъ повернулся ко мнѣ:

— Хочу, дражайшій, чтобы ты понялъ отчего я медлялъ, можешь потомъ объяснить и другимъ; взгляди съ какимъ напряженіемъ Чеченцы ждутъ атаки, они томятся, каждый часъ ожиданія отнимаетъ у нихъ силы и духъ, а наши солдаты тѣмъ временемъ отдыхаютъ, и сила ихъ растетъ. Однако пора начинать.

Онъ сѣлъ на лошадь и приказалъ артиллеріи открыть огонь, по двадцати выстрѣловъ изъ орудія. Въ то же время Зассъ съ казаками и Грузинами былъ посланъ направо къ лѣсу, въ которомъ находилась непріятельская конница, для прикрытія съ этой стороны нашихъ штурмующихъ колоннъ, а два мусульманскіе полка направлены влѣво, къ рѣчкѣ.

Съ послѣднимъ пушечнымъ выстрѣломъ барабаны забили атаку, и два Бутырскіе баталіона справа, два егерскіе слѣва отъ батареи бѣглымъ шагомъ помчались къ непріятельскому укрѣпленію. Чеченцы, выдержавшіе пушечный огонь лежа за брустверами, вскочили, дали залпъ, и не успѣли снова зарядить винтовки, какъ наши баталіоны, перескочивъ черезъ неширокій ровъ, очутились на кровѣ и штыками погнали ихъ черезъ селеніе. Бутырцы ворвались первые въ деревню. Атака была поведена на центръ укрѣпленія. Лѣвый флангъ его, примкнутый къ лѣсу, оставался еще во власти Чеченцевъ, съ праваго они бѣжали не обороняясь. Тѣмъ временемъ наши казаки, погнавъ непріятельскую конницу, попали подъ сильный ружейный огонь изъ опушки лѣса. Вельяминовъ, заботившійся, по Ермоловской методѣ, всего болѣе о сохраненіи войскъ отъ ненужной потери, послалъ меня немедленно вернуть ихъ къ пѣхотѣ оставшейся при батарее. Я пустил свою лошадь во весь опоръ; Цукато, мой палаточный

товарищъ, никогда не отстававшій отъ меня когда представлялась опасность, поскакалъ за мною. Между тѣмъ Зассъ, зная какъ Вельяминовъ понимаетъ вещи, самъ, на полныхъ рысяхъ, сталъ удаляться отъ губительной лѣсной опушки. Путь его пролегалъ мимо лѣваго фланга Герменчугскаго окопа. Встрѣченный съ него мѣткимъ огнемъ, онъ не задумываясь поскакалъ къ нему со своею конницей. Въ это мгновеніе мы попали въ средину казаковъ, были увлечены вихремъ атаки, и не имѣя времени опомниться, со всею толпою очутились предъ заваломъ, спрыгнули съ лошадей, перепрыгнули черезъ ровъ, и какъ другіе, остановились на бермъ, закрывшись непріятельскимъ брустверомъ. Озадаченные Чеченцы въ первое мгновеніе отшатнулись, потомъ опомнились, остановились въ двадцати шагахъ и выжидали насъ выставивъ зараженныя винтовки. Они берегли заряды на ту минуту когда мы вскочимъ на крону; но казаки люди не только храбрые, но и смысленные въ высшей степени, они понимали что опрометчивость имъ дорого обойдется, и не покидая мѣста также цѣлили въ непріятеля. Мгновеніе длилась эта выдержка; Чеченцы не вытерпѣли, дали залпъ, и дымъ еще не провесся, какъ казаки и Грузины съ обнаженными шапками и саблями уже сидѣли у нихъ на плечахъ. Наша конница взяла заваль обороняемый пѣхотой. Хотя Зассъ предупредилъ приказаніе командующаго войсками и по дорогѣ взялъ еще непріятельское укрѣпленіе, однако мнѣ все-таки слѣдовало его отыскать для того чтобы не вернуться безъ отвѣта. Казаки не знали куда онъ дѣвался и стали за него безпокоиться. Мы сѣли на лошадей и поѣхали въ поле его отыскивать, гдѣ и нашли лежащаго на землѣ съ прострѣленною ногою; около него суетились докторъ и близнецы Атарциковы. Въ недалекомъ разстояніи лежалъ князь Андрониковъ; пуля пробила ему грудь немного выше сердца и вышла въ спину; казалось, его ожидала близкая кончина, однако онъ жилъ еще долго послѣ того: пуля обогнула ребра, не прошивъ внутренности. Кромѣ нихъ подобрали еще двухъ раненыхъ офицеровъ да десятка полтора простыхъ всадниковъ.

Когда я вернулся съ донесеніемъ, мнѣ не дали даже вздохнуть и отправили съ новымъ порученіемъ узнать что происходитъ въ деревнѣ, въ которой пальба не прекращалась. На этотъ разъ Вельяминовъ послалъ со мною нѣсколько лицейцевъ. Въ тѣсной улицѣ, огороженной плетнями съ обѣихъ

сторонѣ, я наѣхалъ нечаянно на весьма неблаговидную сцену. Егеря сѣдѣли съ бѣгущими Чеченцами и кололи ихъ штыками; пули жужжали по разнымъ направленіямъ; Чеченцы метались во всѣ стороны, прыгали чрезъ плетни и вездѣ натыкались на солдатъ. На землѣ валялся какой-то военный докторъ; я счелъ его раненымъ; но оказалось что онъ отъ испуга потерялъ рассудокъ. Руками отмахивая летавшія пули: „кышъ! кышъ!“ докторъ кричалъ жалобнымъ голосомъ чтобъ его не кололи, потому что наѣлки закаялся лѣзть въ драку. Бѣднякъ вообразилъ себя Чеченцемъ; казаки насильно его подняли, перевалили какъ куля черезъ сѣдло, и повезли на перевязочный пунктъ. Отъ полковника Пирятинскаго я узналъ что непріятель обратился въ полное бѣгство, но что около сотни Чеченцевъ, отрѣзанные отъ лѣса, засѣли въ три смежные дома стоящіе посреди большого сада и не хотятъ сдаваться. Съ этимъ извѣстіемъ вернулся я къ командиру войсками. Въ то же время подвезли помѣшаннаго лѣкаря. Корпусный штабъ-докторъ Ильяшенко слѣзъ съ лошади, пощупалъ пульсъ и скомаандовалъ фельдшеру: „ланцетъ!“ Едва пациентъ увидалъ этотъ инструментъ, какъ сталъ вырываться изъ рукъ у казаковъ и раздирающимъ голосомъ взывать: „ради Бога, не рѣжьте голову, я мирной! мирной! никогда не буду драться“. Ланцетъ показался ему огромнымъ кинжаломъ. Несмотря на протестъ, два сильные казака растянули его на травѣ, открыли ему вену, и выцѣдивъ порядочную толику крови, отправили въ лазаретъ.

По вторичному донесенію отъ Пирятинскаго что Чеченцы которые заперлись въ трехъ домахъ, отвергая пощаду, сильно отстрѣливаются и успѣли уже убить одного подполковника и переранить многихъ солдатъ, Вольховскій пошелъ вмѣстѣ съ начальникомъ артиллеріи, полковникомъ Бриммеромъ, со Всеволожскимъ и съ Богдановичемъ лично распорядиться развязкой этого дѣла. Меня послали провести ихъ по дорогѣ съ которою я успѣлъ познакомиться, когда въ первый разъ проѣзжалъ по селенію. Сабли были оцѣплены тройною цѣпью застрѣльщиковъ, лежавшихъ на землѣ, за плетнями и за деревьями. Никто не смѣлъ показаться на виду у непріятеля: вѣрнымъ глазомъ направленная пуля наказывала неосторожнаго; поэтому и мы прилегли за заборомъ, находясь бесполезнымъ сѣдлаться мишенью для Чеченцевъ. Подвезли

легкое орудіе. Ядро провизало три сакли во всю ихъ длину; послѣ втораго выстрѣла прибѣжали однако сказать что на противоположной сторонѣ наши ядра бьютъ собственныхъ людей. Очистить хотя бы одну сторону отъ застрѣльщиковъ съ ихъ резервами, значило открыть непріятелю дорогу къ бѣгству, а этого не хотѣли допустить; поэтому прекратили пальбу. Приказали зажечь сакли хотя бы съ одной стороны. Легко было приказать, но исполнить довольно трудно; въ первыхъ, футовой саой глины оберегала отъ огня внутреннюю плетневую стѣну, вовторыхъ, вся она была пробита отверстиями изъ которыхъ выглядывали дула мѣткихъ винтовокъ. Нашлись однако два сапера которые рѣшились взяться за дѣло: подвигая предъ собой дубовую дверь вмѣсто щита и неся пучки соломы и хворосту они подползали къ узкому фасу крайняго дома, съ неимовернымъ трудомъ сбили глину у фундамента и подожгли плетень, начавшій медленно тлѣть подъ своею несгораемою оболочкой. Чеченцы продолжали стрѣлять и съ этого боку, пока жаръ не отогналъ ихъ отъ горящей стѣны. Къ саперамъ зажигателямъ присоединились по охотѣ еще два артиллериста. Они влѣзли по зажженной стѣнѣ на плоскую крышу, саперы подавали имъ гранаты которыя они, сообщивъ трубкѣ огонь, чрезъ широкую дымовую трубу стали бросать во внутренность сакли, тѣсно набитой оборонявшимися Чеченцами. Слышно было какъ лопнули первыя двѣ гранаты; послѣдующія перестало рвать. Позже мы узнали что Чеченцы, садясь на нихъ, тушили огонь въ трубкахъ прежде чѣмъ онъ сообщался пороху.

Мало-по-малу огонь охватилъ и прочія двѣ сакли; непріятелю оставалось только сдаться или горѣть. Вольховскій пожалѣлъ храбрыхъ людей и приказалъ находившемуся при насъ переводчикомъ старому моздокскому казаку Атарщикову предложить имъ положить оружіе, обѣщая въ такомъ случаѣ отъ имени главнаго русскаго начальника не только жизнь, но и право размѣна на русскіхъ плѣнныхъ, открывающаго для нихъ надежду когда-нибудь вернуться къ своимъ семействамъ. Огонь замолкъ, когда Атарщиковъ выступилъ впередъ и по-чеченски крикнулъ что хочетъ говорить. Сидѣвшіе въ домахъ выслушали предложеніе, посоветовались нѣсколько минутъ, потомъ вышелъ полуобнаженный, отъ дыму почернѣвшій Чеченецъ, проговорилъ короткую рѣчь,—и

выстрѣлы засверкали изъ всѣхъ бойницъ. Отвѣтъ заключае-ся въ слѣдующихъ словахъ:

— Пощады не хотимъ; одной милости просимъ у Русскихъ, пусть дадутъ знать нашимъ семействамъ что мы умерли, какъ жили, не покоряясь чужой власти.

Тогда было приказано зажигать дома со всѣхъ концовъ. Солнце закатилось, и одно красное пламя пожара освѣщало эту картину гибели и разоренія. Чеченцы, твердо рѣшив-шіеся умереть, заплѣли предсмертную пѣснь, сперва громко, потомъ все тише и тише, по мѣрѣ того какъ число пою-щихъ убывало отъ огня и дыма.

Гибнуть въ огнѣ, однако, страшно мучительно, и не каждый въ силахъ перенести эту пытку,

Неожиданно растворились двери догоравшаго дома. На по-рогѣ явилась человѣческая фигура — огонь блеснулъ, пуля свистнула мимо нашихъ ушей, и сверкая лезвеемъ шашки, Чеченецъ бросился прямо къ намъ. Широкоплечій Атарца-ковъ, одѣтый въ панцырь, подпустилъ бѣшенаго Чеченца на десять шаговъ, тихо навелъ ружье, и всадилъ ему пулю пра-мо въ обнаженную грудь.

Чеченецъ сдѣлалъ огромный прыжокъ—повалился, подня-ся опять на ноги, вытянулся въ струну, и медленно склона-ясь, упалъ мертвый на родную землю.

Черезъ пять минутъ повторилась та же сцена, выскочилъ еще Чеченецъ, выстрѣлилъ изъ ружья, и махая шашкой, про-рвался чрезъ двѣ цѣпи застрѣльчиковъ; на третьей цѣпи его закололи.

Горяція сакли стали разваливаться, осыпая искрами по-топтаный садъ;—изъ-подъ дымящихся развалинъ выползли шесть раненыхъ, чудомъ уцѣлѣвшихъ Лезгинъ; солдаты под-няли ихъ и отнесли на перевязку; ни одинъ Чеченецъ не дался живьемъ; семьдесятъ два человѣка кончили жизнь въ огнѣ.

Разыгрался послѣдній актъ кровавой драмы; ночь покры-ла сцену. Каждый по совѣсти исполнялъ свое дѣло; главные актеры отошли въ вѣчность; прочія дѣйствующія лица, и за ними зрители, съ камнемъ на сердцѣ, стали расходиться по палаткамъ; и можетъ статья, не одинъ въ глубинѣ души за-давалъ себѣ вопросъ:— для чего все это? развѣ для всѣхъ, безъ разбора языка и вѣры, нѣтъ мѣста на землѣ?

На обратномъ пути въ лагерь мы должны были проходить

мимо лазаретныхъ палатокъ; въ нихъ охали и стонали раненые; поодаль стоялъ большой наметъ, изъ-подъ котораго мерцалъ слабый огонекъ и слышалось мѣрное чтеніе псалтыря: тамъ лежали тѣла нашихъ убитыхъ, въ ожиданіи могилы. На каждомъ шагѣ встрѣчались намъ невеселыя впечатлѣнія, однако мы не имѣли времени подчиняться имъ надолго: въ лагерѣ ожидали насъ живые интересы, ожидали начальники и товарищи; одни озабоченные отвѣтственностію лежавшею на нихъ не легкимъ бременемъ; другіе — съ горячимъ участіемъ свойственнымъ молодости; третьи — съ затѣннымъ чувствомъ эгоизма, побуждавшимъ взирать на все что дѣлалось какъ на бенефисное представленіе въ пользу ихъ честолюбивыхъ расчетовъ. Эти люди не могли миновать блестящей будущаости. Къ корпусному штабу присоединилось въ послѣднее время много новыхъ лицъ, военныхъ и гражданскихъ. Пріѣхали: правитель гражданской канцеляріи — забылъ его имя, казначей Крыловъ, секретарь Николай Павловичъ Титовъ, добрый, умный, исполненный странностей и неимовѣрно разсѣянный, писатель и поэтъ, страстный поклонникъ и подражатель Бальзака, дававшій намъ въ Тифлисѣ послѣ экспедиціи весьма вкусные литературные ужины. Въ отрядѣ явился и до сумашествія храбрый, благородный, вѣчно восторженный Албрандъ, пріѣхавшій на Кавказъ отъ несчастной любви искать славы или смерти. Онъ выпросился немедленно къ Зассу и во время кавалерійской атаки Герменчугскаго завала случайнымъ образомъ я столкнулся съ нимъ на бермѣ. „За мной, ребята!“ крикнулъ онъ казакамъ, и тотчасъ полѣзъ на брустверь. Цукато и я за фалды черкески стянули его внизъ. „Погодите, не такъ скоро, напрасно подведете людей подъ вѣрныя пули.“ Въ это время молодой казакъ, пораженный прямо въ сердце, упалъ возлѣ насъ; мгновенная смерть не успѣла стереть улыбки съ его лица. „Какой завидный конецъ! воскликнулъ Албрандъ:—зачѣмъ злая судьба поразила его, а не меня!“ На это нечего было отвѣчать, у каждого своя охота. Между адъютантами корпуснаго командира замѣтнѣе другихъ былъ все-таки А. Е. Врангель, и я очень его любилъ за его всегдашнюю пріятливость, проистекавшую отъ непритворно доброжелательной души. Часто сходился я также съ Давыдомъ Дадіаномъ, сыномъ мингрельскаго владѣтеля, молодымъ, довольно извѣстнымъ мальчикомъ, не переносившимъ виду крови, а съ

моимъ стариннымъ пріятелемъ Пикаловымъ видѣлся, не проходило дня, въ палаткѣ, на походѣ, или на батареѣ, подъ неприятельскимъ огнемъ.

Кази-Мегметъ уберется отъ насъ. Чеченцы хотѣли его удержать въ аулѣ, когда подошли русскія войска, но онъ, сомнѣваясь въ успѣхѣхъ, увернулся отъ нихъ хитростію: ему вдругъ явилось внушеніе свыше что Аллахъ не даруетъ побѣды своимъ многогрѣшнымъ поклонникамъ, ежели онъ, его имамъ, не станетъ во время бою молиться за нихъ надъ текучею водою, а рѣчка находилась за ауломъ. Не дерзая ослушаться боговдохновеннаго человѣка, они выпустили его къ водѣ. Тогда онъ приказалъ имъ непремѣнно отразить Русскихъ, обѣщая въ такомъ случаѣ довершить ихъ со своими Лезгинами и ни одного человѣка не выпустить живымъ изъ чеченской земли. Когда, по взятіи нами Герменчуга, Чеченцы принялись обвинять его во лжи, онъ отвѣтилъ имъ что вина принадлежитъ имъ, ибо сражались безъ вѣры и упованія, они впустили Русскихъ въ селеніе и тѣмъ отняли у него возможность исполнить волю Аллаха. Однако въ скоромъ времени онъ заплатилъ намъ за герменчугскую удачу и снова поднялся на прежнюю высоту богоугодности въ глазахъ легковѣрныхъ горцевъ.

Шесть дней простояли мы возлѣ Герменчуга, разоряя селеніе и поджидая возвращенія колонны отправленной съ ранеными въ крѣпость Грозную, откуда она должна была привезти почту, провіантъ и снаряды. Засѣхъ увѣхалъ въ Науръ, главную станицу Моздокскаго казачьяго полка, дѣлать свою рану. Время проходило не весело, въ сравнительномъ бездѣйствіи, и одинъ только эпизодъ подалъ нѣсколько новую пищу для разговора. Дѣлать потерявшій разсудокъ во время штурма бѣжалъ къ Чеченцамъ которые, какъ всѣ мусульмане, идиота считаютъ существомъ неприкосновеннымъ. Забравшись къ нимъ, онъ счелъ обиднымъ что его не потчуютъ пуншемъ, и за это сталъ ихъ ругать и даже бить. Чеченцы, желавшіе избавиться отъ такого безпокойнаго гостя, прислали въ лагерь переговорщика съ предложеніемъ размѣнять доктора на нѣкоторыхъ Лезгинъ захваченныхъ въ Герменчугѣ.

— Какъ, размѣнять этого доктора? сказалъ Вельяминовъ, призвавъ Чеченца: —напротивъ того, я пошлю къ вамъ въ

лѣсъ еще нѣсколько такихъ субъектовъ, у меня имѣется въ запасѣ не одинъ идіотъ.

Чеченцы до того испугались этого обѣщанія, что на другой день привели доктора въ лагерь безъ всякаго условія.

Перваго сентября мы двинулись отъ Герменчуга къ селенію Автури и опять въ лѣсу имѣли сильную перестрѣлку; тутъ наши казаки отбили сотни двѣ рогатой скотины которую непріятель не успѣлъ загнать въ лѣсъ. При этомъ случаѣ моздокскій казакъ показалъ примѣръ необыкновенной ловкости и силы. Трехлѣтній быкъ, впереди стада, стрѣлой несся въ лѣсъ, казаки и Татары напрасно старались его догнать. Тогда Линеецъ, на доброй лошади, опередилъ прочихъ, настигъ быка и на всемъ скаку нанесъ ему пашкой два удара, одинъ по заднимъ ногамъ, отъ котораго онъ присѣлъ, другой по шеѣ, отъ котораго голова покатила на землю. Дѣло случилось на моихъ глазахъ. Однимъ ударомъ срубленную голову животного отнесли къ корпусному командиру, который приказалъ подарить казаку три червонца за его молодецкую силу. Черкесы вообще умѣли хорошо владѣть конемъ и оружіемъ, но и наши линеискіе казаки не уступали имъ въ этомъ дѣлѣ. Спустя два года я имѣлъ случай видѣть на Кубани другой примѣръ казацкой удали на конѣ, о которомъ стоить упомянуть. Вдоль праваго берега Кубани тянется рядъ кургановъ на которыхъ во время дня помѣщались сторожевые парные пикеты. Саженой сто позади кургановъ проходила почтовая дорога. Существовалъ порядокъ по которому, когда начальникъ ѣдетъ по дорогѣ, одинъ казакъ долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ, а другой скакать манерерѣзъ начальническаго экипажа и рапортовать о томъ что замѣчено. Однажды я проѣзжалъ вмѣстѣ съ Зассомъ по кубанскому кордону которымъ онъ командовалъ въ то время. Коляска неслась во всю прыть отличныхъ почтовыхъ лошадей. Казакъ съ ближайшаго кургана поскакалъ къ намъ навстрѣчу, вдругъ, не останавливая коня, сдѣлалъ вольтъ, выхватилъ изъ чехла винтовку, далъ выстрѣлъ, и на второмъ вольтѣ поднявъ съ земли какой-то предметъ, продолжалъ скачку. Когда онъ поровнялся съ коляской, мы разглядѣли у него въ рукѣ застрѣленнаго зайца; теплая еще кровь доказывала что штука была не подготовлена заранее, а онъ дѣйствительно убилъ лежачаго зайца на котораго случайно наѣхалъ.

Въ Автури дошло до насъ весьма неприятное извѣстiе о сильномъ пораженiи которое Казу-Мулла нанесъ Гребенскимъ казакамъ въ недалекомъ разстоянiи отъ Терека. Дней шесть спустя послѣ гершенчугскаго дѣла онъ показался съ значительною партией по правую сторону Терека, въ виду станицы Червленной. Командиръ полка переправился за рѣчку съ тремя сотнями казаковъ и двумя конными орудiями и пошелъ навстрѣчу неприятелю. Чеченцы стали отступать и завлекли полковника Волжинскаго въ лѣсъ, находившiйся отъ нашей границы далѣе двадцати верстъ, окружили тамъ заранѣе спрятанною пѣхотой и разбили на голову его отрядецъ. Не болѣе половины казаковъ уцѣлѣли отъ побоища; Волжинскiй палъ жертвой своей неосторожности, и оба орудiя были потеряны. Неприятель не мѣшкавъ увезъ ихъ въ селенiе Беной, лежащее въ нагорной Чечнѣ, извѣстной на Кавказѣ подъ именемъ Ичкеры. Всѣ, безъ исключенiя, приняли къ сердцу эту неожиданную неудачу. Вельяминовъ хмурился, молчалъ, думалъ, и сидя на барабанѣ предъ палаткой, только ладонью смахивалъ пылъ со своихъ рыжеватыхъ бакенбардъ, заслужившихъ ему у Черкесовъ названiе генерала-пиджера (краснаго генерала), и обчищалъ рукава и полы у своего сюртука. Онъ былъ очень опрятенъ и не терпѣлъ на себѣ ни пылинки; въ то же время любилъ онъ собакъ до крайности. Въ минуту досады только собака могла его развеселить своими ласками. Ей позволялось прыгнуть на него съ грязными лапами, замарать платье, лизнуть куда попало; онъ начиналъ ее гладить, называть по имени, и пасмурное лицо его прояснялось. Между собаками, бѣжавшими за отрядомъ, фаворитомъ его былъ большой черный „Приблудъ“, принадлежавшiй батареѣ кавказской гренадерской бригады. И дѣйствительно, Приблудъ былъ умная и вѣрная собака, не избѣжавшая своимъ кормильцамъ артиллеристамъ и понимавшая вмѣстѣ съ тѣмъ значенiе своего покровителя, къ которому она никогда не пропускала явиться, виляя хвостомъ, только онъ займетъ свое мѣсто предъ огнемъ. Но тутъ всѣ ласки, всѣ прыжки Приблуда, котораго съ намѣренiемъ подгоняли къ Вельяминову, теряли свою успокоительную силу; онъ продолжалъ хмуриться и думать не говоря ни слова. Результатъ его размышленiй и частыхъ совѣщанiй съ корпуснымъ командиромъ обнаружился, наконецъ, и для насъ, хотя не прежде самой минуты выступленiя. Алексѣй

НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ О РЫЛѢВѢ

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ ГРЕЧА.

Въ минувшемъ году была напечатана въ іюньской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* статья: *Изъ Записокъ Николая Ивановича Греча*.

Изъ множества біографическихъ очерковъ приведенныхъ Гречемъ въ его *Запискахъ*, мы встрѣтили одинъ въ высшей степени не вѣрный, какъ въ подробностяхъ, такъ и въ общихъ чертахъ. Мы говоримъ о К. Ѡ. Рылѣвѣ, одномъ изъ главнѣйшихъ участниковъ печальнаго событія 14-го декабря 1825 года. Безъ всякаго также основанія брошена Гречемъ тѣнь на учебное заведеніе, знаменитое въ исторіи нашего просвѣщенія, гдѣ воспитывался Рылѣвъ, и на всѣхъ воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса, къ числу которыхъ принадлежу и я.

Обладая малоизвѣстными свѣдѣніями отъ лицъ близко знавшихъ Рылѣва, также свѣдѣніями добытыми мною изъ разныхъ архивовъ и, наконецъ, личными воспоминаніями, я счелъ долгомъ сдѣлать ихъ теперь общеизвѣстными. Съ появленіемъ въ свѣтъ *Записокъ* Греча, полагаю, что представляемая мною свѣдѣнія будутъ не бесполезны для исправленія ошибокъ означеннаго писателя. Свѣдѣнія мои о Рылѣвѣ относятся преимущественно къ его частной жизни и имѣютъ нѣкоторую связь съ его литературною дѣятельностью.

Нѣсколько поколѣній нашего семейства находились въ близкихъ сношеніяхъ съ фамиліей Рылѣвыхъ. Бабка моя

по матери, Прасковья Васильевна Устинова, съ матерью Рылѣва, Настасьей Матвѣвной, находилась въ самой тѣсной дружбѣ съ первыхъ годовъ своего замужества, а бабушка моя вышла замужъ на пятнадцатомъ году отъ рожденія. Обѣ онѣ были весьма несчастливы своими мужьями, и это общее горе, какъ кажется, послужило основаніемъ ихъ дружескихъ сношеній продолжавшихся до самой смерти Настасьи Матвѣвны, скончавшейся въ концѣ 1823 или въ началѣ 1824 года. На своемъ смертномъ одрѣ она просила Рылѣва и жену его, Наталью Михайловну, почитать мою бабушку за свою родную мать и во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни прибѣгать къ ея совѣтамъ. Этотъ завѣтъ матери они всегда исполняли свято. Последнее письмо свое изъ крѣпости Рылѣвъ заканчиваетъ словами: „Почтеннѣйшей П. (расковѣ) В. (асильевнѣ) моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность.“ Съ сыномъ моей бабушки, а моимъ дядей, Александромъ Васильевичемъ Устиновымъ, воспитывался вмѣстѣ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и Рылѣвъ. Но сей послѣдній былъ старше дяди нѣсколькими годами. Изъ корпуса они вышли вмѣстѣ, 10-го февраля 1814 года. Дядя мой, бывшій первымъ ученикомъ по выпуску, оставленъ былъ при корпусѣ для преподаванія воспитанникамъ артиллеріи и фортификаціи. Рылѣвъ же былъ во второмъ десяткѣ, и выпущенъ въ 1-ю резервную артиллерійскую бригаду. Дядя мой, находившійся въ частыхъ и короткихъ сношеніяхъ съ Рылѣвымъ до конца его жизни, никогда однакожь и не подозрѣвалъ о политическихъ замыслахъ своего корпуснаго товарища. Объ участіи Рылѣва въ заговорѣ онъ узналъ уже на третій или на четвертый день послѣ его арестованія. Дядя мой умеръ въ мартѣ 1868 года.

Отъ этихъ-то двухъ лицъ, имѣвшихъ возможность знать Рылѣва, я и приобрѣлъ часть тѣхъ свѣдѣній которыя значительно расходятся со свѣдѣніями г. Греча.

Отецъ Рылѣва, бригадиръ Екатерининскаго времени, былъ человѣкъ суровый, крутой и властолюбивый въ высшей степени. Отъ его непреклонной воли терпѣли всѣ домашніе, не исключая и членовъ его семейства. Кондратій Рылѣвъ, родившійся 18-го сентября 1789 г., терпѣлъ отъ отца едва ли не болѣе всѣхъ. За неуспѣхъ въ наукахъ или за малѣйшую дѣтскую шалость отецъ свѣкъ его дозую нещадно. Впрочемъ,

спусхожденія онъ не имѣлъ даже къ матери его, Настасьѣ Матвѣевнѣ, съ которою обходился весьма дурно. Въ бытность мою съ Натальей Михайловною Рылѣевой въ деревнѣ Батовой, * она мнѣ показывала погребъ въ который этотъ жестокосердый челоуѣкъ запералъ мать Рылѣева, женщину добродѣтельную и весьма умную. Желая избавить сына отъ суроваго отцовскаго обращенія, она отдала его въ корпусъ 23-го января 1801 года. Но и тутъ несчастіе преслѣдовало бѣдную мать. Это учебное заведеніе, пользовавшееся заслуженною славой во время блистательнаго управленія корпусомъ графа Ангальта, въ февралѣ мѣсяцѣ этого года поступило въ завѣдываніе генераль-маіора Клингера. Этотъ извѣстный ученостью германскій писатель оставилъ по себѣ печальную память въ томъ воспитательномъ заведеніи которое императрица Екатерина называла разсадникомъ великихъ людей. На воспитаніе довѣреннаго ему юношества онъ не обращалъ никакого вниманія и весьма часто по цѣлымъ мѣсяцамъ не видалъ воспитанниковъ. Съ утра до ночи онъ сидѣлъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ, занимаясь своими литературными произведеніями, которыя пересылалъ потомъ для напечатанія за границу. Почти о каждомъ изъ своихъ произведеній онъ предварительно сообщалъ въ министерство полиціи, завѣдывавшее тогда цензурой, для принятія соответственныхъ мѣръ о непроездѣ ихъ въ Россію, такъ какъ сочиненія свои считалъ крайне опасными для малолетней русской публики. Минуты отдохновенія своего онъ обыкновенно проводилъ со своими собаками, которыхъ имѣлъ множество, любилъ самъ ихъ кормить и училъ скакать черезъ палку. Послѣ кроткаго и истинно отеческаго обращенія графа Ангальта, время Клингероваго управленія корпусомъ можно безъ преувеличеній назвать временемъ террора. Обиліе и жестокость введенныхъ имъ тѣлесныхъ наказаній въ настоящее время могутъ показаться невѣроятными. Неразборчивость его и немилосердіе выходили изъ всѣхъ границъ справедливости и благоразумія: довольно сказать что за самыя невинныя дѣтскія шалости онъ опредѣлялъ отъ 30-ти до 50-ти ударовъ,

* Деревня Батова находится въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Рождествена, принадлежавшаго когда-то вѣсчастному царевичу Алексѣю Петровичу.

но при болѣе важныхъ, число это имъ утроивалось. Другихъ наказаній, кромѣ розогъ, повидимому, онъ и не зналъ. Утромъ, почти ежедневно, въ каждой ротѣ раздавались раздрающіе вопли и крикъ дѣтей. Удивительно ли что при такой системѣ воспитанія ожесточались юныя сердца? Рыльевъ былъ пылкій, славолубивый и въ высшей степени предприимчивый сорванецъ. Безпрестанно повторяемая наказанія такъ освоили его съ ними что онъ переносилъ ихъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и стоицизмомъ. Часто случалось что вину товарищей онъ принималъ на себя и сознавался въ проступкахъ сдѣланныхъ другими. Подобное самоотверженіе приобрьло ему множество друзей и почитателей, вырученныхъ имъ изъ бѣды и потому питавшихъ къ Рыльеву безграничное довѣріе. Онъ былъ зачинщикомъ всѣхъ заговоровъ противъ учителей и офицеровъ. Года за три до выпуска онъ былъ жестоко наказанъ, и начальство, выведенное, наконецъ, изъ терпѣнія, уже собиралось исключить его изъ заведенія, какъ вдругъ обнаружилось что Рыльевъ былъ наказанъ безвинно. Это обстоятельство и послужило ему въ пользу. Обращеніе съ нимъ послѣ того было измѣнено: его убѣдили попризаться математическими науками и обѣщали, при малѣйшемъ въ нихъ успѣхѣ, выпустить въ офицеры. Рыльевъ послѣ того вдругъ смирился, сдѣлался скромнѣе и прилеженъ до такой степени что былъ удостоенъ выпуска въ артиллерію. По математическимъ наукамъ онъ принадлежалъ, однакожъ, къ числу посредственныхъ учениковъ; но въ словесныхъ постоянно былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ. Поэтическій талантъ Рыльева обнаружился еще въ корпусѣ. Изъ произведеній его принадлежащихъ къ тому времени сохранилась написанная имъ по случаю смерти старшаго повара Кулакова шуточная поэма подъ заглавіемъ *Кулакіада*, въ двухъ частяхъ. По поводу этой поэмы разказываютъ слѣдующую проказу Рыльева. Въ то время былъ экономомъ почтенный Андрей Петровичъ Бобровъ, произведенный изъ нижнихъ чиновъ и дослужившійся въ послѣдствіи до чина статскаго совѣтника, личность въ высшей степени благодушная, честная и безкорыстная. По долгу службы своей, онъ ежедневно, въ извѣстный часъ утра, представлялъ директору корпуса рапортъ о количествѣ и цѣнности припасовъ употребленныхъ для продовольствія воспитанниковъ. Рапортъ этотъ, подписанный Бобровымъ въ

канцелярію, вкладывался обыкновенно въ его трехъугольную шляпу, которая вмѣстѣ со шпагой всегда лежала въ кухнѣ на особой тумбѣ, подѣ образами. Рылѣевъ переписалъ свою *Кулакиаду* на такомъ же листѣ бумаги какъ и рапортъ и положилъ ее въ шляпу Боброва вмѣсто рапорта. Можно себѣ представить изумленіе старика Боброва, когда оказалось что онъ своими руками подалъ начальству сатиру на собственное же управленіе, въ формѣ кулинарнаго документа! Разказываютъ, будто раздраженный этою шуткой, Бобровъ предсказалъ Рылѣеву будущую печальную его участь.

Необходимо сказать теперь нѣсколько словъ объ образованіи которое получала въ тѣ времена молодежь воспитывавшаяся въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Еслибы г. Гречъ просто сравнивалъ тогдашнее образованіе съ нынѣшнимъ, я бы не сказалъ ни слова, потому что объемъ тогдашнихъ курсовъ наукъ дѣйствительно не можетъ идти въ сравненіе съ учебными программами настоящей эпохи. Но г. Гречъ прямо говорить что оттуда выходили одни неучи, набравшіеся всякаго либеральнаго вздора изъ *Сокращенной Библиотеки* пьянаго Желѣзнякова. Въ концѣ минувшаго вѣка это заведеніе въ образовательномъ отношеніи всегда занимало у насъ второе мѣсто послѣ Московскаго университета. Въ смыслѣ же воспитательнаго заведенія и по военной специальности, равныхъ оно не имѣло. Въ тѣ времена еще не существовало въ Петербургѣ университета, и потому всѣ лучшіе преподаватели избирали для своего педагогическаго служенія 1-й кадетскій корпусъ, всегда находившійся подѣ особымъ покровительствомъ нашихъ государей. Очень можетъ быть что привлеченію преподавателей способствовало и самое топографическое положеніе заведенія въ средоточіи столицы. Въ прежнія времена корпусъ пользовался многими изъ университетскихъ правъ, напримѣръ, правомъ экзаминовать домашнихъ учителей и иностранцевъ-гувернеровъ и выдавать имъ на право преподаванія свидѣтельства. Кромѣ военныхъ заслугъ, принадлежащихъ исторіи, воспитанники этого корпуса оказали не меньшія и отечественному просвѣщенію. Въ стѣнахъ этого корпуса положено начало образованію русскихъ юристовъ. Питомцы корпуса занимали съ честію высшія мѣста и въ службѣ гражданской, и даже во флотѣ. Фельдмаршалы: Румянцевъ, Прозоровскій и Каменскій; генералъ-прокуроры: князь Вяземскій, Беклешовъ, Стрекаловъ и Храпо-

вицкй; адмиралъ Голенищевъ-Кутузовъ, извѣстный мореплавателъ Коцебу, основатель русскаго театра Сумароковъ, писатели: Херасковъ, Озеровъ, Крюковскй; издатель первой русской алгебры Н. Е. Муравьевъ; И. И. и П. И. Мелиссино, Веймаръ, графъ Толь, Кульневъ и многіе другіе были кадетами 1-го кадетскаго корпуса. Не мѣшаетъ при этомъ припомнить, что императоръ Николай Павловичъ избралъ воспитателемъ для своего старшаго сына, нынѣ царствующаго Государя Императора, изъ бывшихъ воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса, К. К. Мердера, личность почтенную и высоконравственную. Другой воспитанникъ того же корпуса, С. А. Юрьевичъ, состоялъ при Государѣ Цесаревичѣ кавалеромъ съ 1828 года. Кромѣ сего, когда шли въ 1833 году совѣщанія покойнаго государя съ графомъ В. П. Кочубеемъ о назначеніи воспитателя къ Великому Князю Константину Николаевичу, то выборъ императора Николая сначала также упалъ на бывшаго воспитанника того же 1-го кадетскаго корпуса. Уже въ послѣдствіи былъ назначенъ къ этой должности Э. П. Литке. Хотя приведенные доводы и достаточно свидѣтельствуютъ о почтенномъ значеніи 1-го кадетскаго корпуса, но въ заключеніе мы сошлемся на слова самого Н. И. Греча, произнесенныя имъ въ присутствіи многочисленной публики, собравшейся въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ для празднованія пятидесятилѣтняго юбилея его, г. Греча, литературной дѣятельности: „.... Лестною для меня наградой было милостивое соизволеніе Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича, Наслѣдника престола, отпраздновать мой юбилей въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, съ которымъ соединяются для меня семейственныя воспоминанія и преданія. Если я умолчу, заговорятъ стѣны этого зданія. Здѣсь возникло и расцвѣло просвѣщеніе и образованіе Россіи. За сто двадцать два года предъ симъ, учреждено было первое въ Россіи свѣтское учебное заведеніе, Сухпутный кадетскй корпусъ, и въ немъ получили воспитаніе многіе государственные люди, военачальники и писатели русскіе. Императрица Екатерина II, по всей справедливости, называла кадетскй корпусъ разсадникомъ великихъ людей. И этотъ вертоградъ отечественнаго просвѣщенія не оскудѣлъ, напротивъ, послужилъ началомъ и основаніемъ другимъ подобнымъ заведеніямъ.“ *

* См. Юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельно-

Не болѣе основательно показаніе г. Греча будто большая часть заговорщиковъ образовалась въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Это неправда: изъ множества лицъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу, только одинъ Рылѣевъ получилъ воспитаніе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Что касается до мнѣнія будто изъ *Сокращенной Библиотеки Желѣзнякова* кадеты почерпали свои республиканскія идеи, то оно также не имѣетъ никакого основанія. *Библиотека Желѣзнякова* въ тѣ времена исправляла должность существующихъ нынѣ христоматій и находилась въ употребленіи до 1845 или 1846 года, не возбуждая никакихъ опасеній. Кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ изъ повѣстей Карамзина, она заключала множество переводныхъ статей самаго невиннаго содержанія, принадлежащихъ по слогу ко второй половинѣ прошлаго вѣка: Напечатанная въ корпусной типографіи безобразнымъ шрифтомъ и на сѣрой бумагѣ, она, со дня своего появленія въ свѣтъ, находилась въ какомъ-то у всѣхъ пренебреженіи, никто и не бралъ ея въ руки, а если иногда и приводили изъ нея цитаты, то развѣ для потѣхи. Любители чтенія могли имѣть книги по своему вкусу и болѣе любопытныя изъ обширной и довольно хорошо составленной корпусной библиотеки. Имѣя у себя въ теченіе многихъ лѣтъ эту книгу, мы никогда и не подозрѣвали въ ней свойства орсиніевской гранаты.

Обращаясь за тѣмъ къ образованію самого Рылѣева, могу сказать слѣдующее. Рылѣевъ былъ выпущенъ изъ корпуса, какъ уже было упомянуто, въ артиллерію прапорщикомъ, слѣдовательно, принадлежалъ къ числу воспитанниковъ перваго разряда. Изъ языковъ онъ основательно зналъ французскій и польскій. У меня былъ въ рукахъ экземпляръ сочиненій Бентама, во французскомъ переводѣ, принадлежавшій Рылѣеву, со множествомъ помѣтокъ, писанныхъ его рукой. Уже для простаго уразумѣнія твореній этого законовѣда, полагаю, недостаточно одного поверхностнаго знанія языка, но необходимо, кромѣ знакомства съ юридическою техникой, и нѣкоторое основательное изученіе его особенностей. Какимъ образомъ и когда Рылѣевъ познакомился съ польскимъ языкомъ, мнѣ въ точности неизвѣстно; но кажется, выучилъ его тому языку Зигмунтовичъ, корпусный товарищъ Рылѣева,

и Ник. Ис. Греча, 27-го декабря 1854 года, составл. Полевымъ.
.-Петербург. 1855 г., стр. 9.

вышедшій съ нимъ въ одну батарею. Могу только сказать что языкъ этотъ былъ уже хорошо знакомъ Рылѣеву до прїѣзда его въ Петербургъ, то-есть до 1820 года, когда стали появляться первыя его думы, начальныя мысль которыхъ какъ извѣстно, была порождена чтеніемъ *Spiewow Hystoryi puch* польскаго писателя Нѣмцевича. Что касается до нѣмецкаго языка, за незнаніе котораго преслѣдуется Рылѣевъ Гречемъ, то очень можетъ быть что онъ и не владѣлъ этимъ языкомъ какъ слѣдуетъ природному Нѣмцу. Но при этомъ полагаю нелишнимъ привести слѣдующее обстоятельство приводящее насъ въ недоумѣніе. Въ спискахъ масонскихъ ложъ за 1820—1821 года, Рылѣевъ показанъ дѣйствительнымъ членомъ первой степени въ ложѣ № 9 Пламенѣющей Звѣзды въ числѣ наличныхъ. Надо знать что въ масонскихъ ложахъ, учрежденныхъ въ Петербургѣ, пренія и дѣлопроизводство происходили на русскомъ языкѣ, но въ нѣкоторыхъ на французскомъ и на нѣмецкомъ. Въ вышеприведенной ложѣ Пламенѣющей Звѣзды всѣ члены ея (52 наличныхъ) принадлежали къ лицамъ нѣмецкаго происхожденія, за исключеніемъ трехъ: генералъ-лейтенанта и сенатора Егора Кушлева, Алексѣя Пушкина и Кондратія Рылѣева. Въ этой именно ложѣ всѣ дѣла и пренія производимы были на одномъ нѣмецкомъ языкѣ, о чемъ упомянуто и въ заголовкѣ списка *Arbeitet in Deutscher Sprache*. Теперь возникаетъ вопросъ какимъ образомъ могъ вступить въ эту ложу или принимать участіе въ преніяхъ не понимавшій нѣмецкаго языка Рылѣевъ, тогда какъ существовало множество ложъ въ которыхъ всѣ дѣла и пренія исключительно происходили на русскомъ языкѣ? Быть же не можетъ чтобы Рылѣевъ прибѣгнулъ къ этой уловкѣ на случай если лѣтъ черезъ сорокъ послѣ ея смерти кому-нибудь вздумается обвинить его въ невѣдѣніи нѣмецкаго языка. Впрочемъ, предоставляю обстоятельству это объяснить другимъ, болѣе свѣдущимъ въ исторіи масонства. Съ своей же стороны могу только прибавить что дѣятельномъ участіи Рылѣева въ масонскихъ дѣлахъ никого сомнѣнія быть не можетъ, равно какъ и о томъ что эти дѣла могли многихъ скомпрометтировать предъ правительствомъ. Основывая это между прочимъ и на томъ что в минуту арестованія своего Рылѣевъ просилъ жену свою озаботиться истребленіемъ однѣхъ только масонскихъ бумагъ лежавшихъ особо въ его кабинетѣ, которыя къ утру и бы

ужены. Недостатки образованія полученнаго Рылѣевымъ въ юности не составляли для него тайны. Онъ понималъ ихъ очень хорошо и старался пополнить чтеніемъ и бесѣдами съ людьми стоявшими тогда во главѣ нашего просвѣщенія. Вѣроятно съ этою цѣлью, по приѣздѣ въ Петербургъ, онъ познакомился со многими тогдашними учеными. Изъ числа ихъ я назову профессора Петербургскаго университета Іоанна Гордѣевича Плисова, который часто бывалъ у него цѣлые вечера проводилъ въ бесѣдахъ о политической экономіи. На эти бесѣды собиралось слушателей иногда чело-вѣкъ до десяти. Очень можетъ быть что и самая дружба его съ извѣстнымъ Строевымъ основана была на подобномъ же обужденіи ознакомиться съ темными мѣстами нашей исторіи. Но не вдаваясь въ произвольныя догадки, можно однако каждому убѣдиться самому въ основательныхъ знаніяхъ Рылѣева по части отечественной исторіи: они свидѣельствуются изданными имъ въ 1825 году *Думами*, патріотическое содержаніе которыхъ почерпнуто имъ изъ старинныхъ нашихъ преданій и лѣтописей. Но всего лучше основательное знакомство Рылѣева съ русскою исторіей доказывается взглядомъ его на польскій вопросъ, къ которому наше общественное мнѣніе стало подходить только во второй половинѣ 1863 года. Тогдашнее же наше общество и даже высшія правительственныя сферы совершенно были увѣждены Адама Чарторыйскаго въ необходимости возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года. Эти бѣдженія были раздѣляемы и всѣми питомцами германскихъ университетовъ: Пестелемъ, Сергѣемъ Муравьевымъ-Апосто-мъ и Тургеневымъ. Возставали противъ этихъ увѣженій весьма немногіе, большею частію московскіе студенты: Ка-мизинъ, Григорій Карташевскій и Михайло Муравьевъ въ послѣдствіи графъ). Къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ и Кондратій Рылѣевъ.

Занятія Рылѣева по Американской Компаніи достави-ли ему возможность сблизиться со многими лицами имѣ-вшими вліяніе на государственныя дѣла и извѣстными по всему высокому просвѣщенію. Такимъ образомъ, по случаю передачи, на основаніи заключеннаго тогда трактата, осно-ванной нами въ Калифорніи колоніи Россѣ Сѣверо-Американ-скимъ Штатамъ, Рылѣевъ познакомился съ членами государ-

ственнаго совѣта Н. С. Мордвиновымъ и М. М. Сперанскимъ и приобрѣлъ ихъ благосклонность къ нему. Первому изъ нихъ онъ даже посвятилъ свои *Думы*. Можно полагать, что еслибы Рылѣевъ былъ въ самомъ дѣлѣ такимъ неучемъ какъ его описываетъ Гречъ, то всѣ сношенія его съ этими почтенными лицами ограничились бы одною официальною. Между тѣмъ отношенія этихъ двухъ сановниковъ къ Рылѣеву до такой степени выходили изъ разряда официальныхъ, что въ то время разнеслась въ обществѣ молва, будто Мордвиновъ и Сперанскій за долго до 14-го декабря знали о политическихъ замыслахъ декабристовъ. Но въ подтвержденіе этой молвы другихъ доказательствъ не было, однакожь, приводимо, кромѣ упомянутыхъ уже сношеній ихъ съ Рылѣевымъ по компанейскимъ дѣламъ и посвященія послѣднимъ Мордвинову своихъ литературныхъ произведеній. Говоря о службѣ Рылѣева въ Американской Компаніи, Гречъ увѣряетъ, будто слышалъ отъ директора Компаніи, Ив. В. Прокофьева, что въ послѣднее время Рылѣевъ служилъ дурно и валилъ, какъ говорится, черезъ пень колоду. Это показаніе Греча справками не подтверждается. Съ небольшимъ за два мѣсяца до арестованія, за полезную и усердную службу Рылѣевъ получилъ въ подарокъ отъ Компаніи драгоцѣнную египетскую шубу, стоившую по компанейской оцѣнкѣ 700 рублей.

Рылѣевъ былъ членомъ основаннаго въ 1816 году Общества Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія, издававшаго въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ свой журналъ. Въ засѣданіяхъ этого Общества онъ читалъ свои произведенія до появленія ихъ въ печати. Отправляясь въ засѣданія, обыкновенно онъ заходилъ по дорогѣ къ Устинову и прочитывалъ ихъ ему. Иногда заходилъ и по возвращеніи съ засѣданій сообщить о сорванныхъ, какъ говорилъ онъ, рукоплесканіяхъ, къ которымъ былъ равнодушенъ, о чемъ можно было догадаться по его веселому расположенію духа. Однажды при подобномъ случаѣ Устиновъ попросилъ его написать что-нибудь на память ему въ альбомъ. Рылѣевъ присѣлъ къ столу и, подумавъ съ минутой, написалъ слѣдующій триолетъ къ Наташѣ (имя его жены). Стихотворенія подобнаго рода, нынѣ уже не встрѣчаемыя, въ то время были еще въ большой модѣ.

Ахъ! должно, должно быть бездушнымъ,
 Чтобы Наташу не любить!
 Чтобъ зря ее, быть равнодушнымъ,
 Ахъ! должно, должно быть бездушнымъ!
 Я сердцу вѣчно былъ послушнымъ,
 Такъ какъ же мнѣ не говорить:
 Ахъ! должно, должно быть бездушнымъ,
 Чтобы Наташу не любить!

Что касается до упоминаемаго Гречемъ посланія къ князю П. А. Вяземскому, написанному въ подражаніе Персіевой сатирѣ къ Рубелію, то оно напечатано было не въ *Невскомъ Вѣстникѣ*, а въ *Невскомъ Зрителѣ*, издававшемся съ января 1820 по іюль 1821 года Сниткинымъ, Кругликовымъ (живъ и служить въ петербургскомъ почтамтѣ), Яковлевымъ и Рожковымъ.

Затѣмъ полагаю излишнимъ входить въ дальнѣйшее опроверженіе „достоверныхъ“ свѣдѣній г. Греча относительно образованности Рылѣева.

По выпускѣ изъ корпуса въ офицеры, Рылѣевъ поступилъ на службу, какъ уже было упомянуто, въ 1-ю резервную артиллерійскую бригаду, квартировавшую въ 1818 и послѣдующихъ годахъ въ Острогожскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи. Рылѣевъ стоялъ со своею батареей въ селѣ Подгорномъ, часть котораго принадлежала помѣщику М. Г. Тевяшову, весьма уважаемому своими сосѣдами. Познакомившись въ домѣ сего послѣдняго, Рылѣевъ не могъ не обратить вниманія на его дочь, дѣвицу Наталью Михайловну. Необыкновенная красота дѣвушки и превосходныя свойства ея души произвели на молодого артиллериста сильное впечатлѣніе. Года чрезъ два послѣ первой встрѣчи молодые высказали другъ другу свои чувства. Такъ какъ оба были довольно еще молоды, да и чинъ Рылѣева былъ очень не великъ, то трудно было ожидать со стороны отца дѣвицы согласія на бракъ. Но Рылѣевъ рѣшился во что бы то ни стало достигнуть предположенной цѣли, и въ одно утро вошелъ къ старику въ кабинетъ и откровенно высказалъ ему волновавшія его чувства. Старикъ, усадивъ его въ кресла, благодарилъ за честь оказанную его дому, но съ тѣмъ вмѣстѣ представилъ рядъ препятствій, не допускавшихъ этого союза. Рылѣевъ отвѣтилъ что всѣ эти препятствія уже были имъ

предвидѣны и въ свою очередь развернулъ весь планъ устройства своей будущности. Старикъ однакоже не удовольствовался этимъ планомъ и присовокупилъ новые доводы, окончательно разрушавшіе сладкія мечты влюбленнаго артиллериста. Наконецъ Рыльцевъ всталъ, медленно поднялся и старикъ, полагавшій что дѣло уже окончено. „Я люблю вашу дочь,“ снова началъ Рыльцевъ, „и рѣшился не выходить изъ этой комнаты, не получивъ вашего согласія на нашъ бракъ....“ — „Что вы хотите этимъ сказать?“ — „Что я не выйду отсюда живой.“ При этихъ словахъ Рыльцевъ вынулъ изъ кармана пистолеть. Кроткій и миролюбивый Тевяшовъ питалъ крайнее отвращеніе ко всякому оружію, особенно огнестрѣльному, и потому при видѣ пистолета бросился къ Рыльцеву и схватилъ его за руку. „Да подумали ли вы о томъ что еслибъ я и согласился на вашъ бракъ, то не могу же принудить къ тому мою дочь,“ проговорилъ взволнованный старикъ.... Въ эту минуту двери распахнулись, и любимая дочь съ рыданіями бросилась на шею своего отца: „Папенька, отдайте за Кондратія Федоровича или въ монастырь!“ и съ этими словами упала безъ чувствъ. Старикъ, не ожидавшій съ этой стороны нападенія, былъ застигнутъ врасплохъ. Сопротивляться долѣе взаимному влеченію молодыхъ людей едва ли ему было и возможно. Старикъ закрѣпилъ ихъ чувства своимъ благословеніемъ. Обрядъ бракосочетанія былъ совершенъ 22-го января 1820 года.

Вскорѣ затѣмъ Рыльцевъ вышелъ въ отставку подпоручикомъ и отправился на жительство въ Петербургъ. По пріѣздѣ въ столицу онъ поселился съ молодою женой на Васильевскомъ острову, въ 16-й линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектами, въ деревянномъ одноэтажномъ домѣ Безбородова. Въ угловой комнатѣ этого дома, выходившаго окнами на улицу, онъ далъ помѣщеніе незаконной дочери своего отца, Аннѣ Федоровнѣ, дѣвушкѣ не молодой, но вѣтряной и надѣлавшей ему много хлопотъ. Изъ-за нея онъ стрѣлялся съ полковникомъ княземъ Ш. и былъ раненъ въ ступню. Я помню какъ послѣ этой дуэли онъ долго лежалъ въ постели и потомъ нѣкоторое время ходилъ прихрамывая. На этой дуэли былъ необыкновенный случай, едва ли не единственный со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія. Противники должны были стрѣлять въ одно время, по командѣ одного изъ секундантовъ. Но князь Ш. спустил курокъ

моментомъ ранѣе. Не успѣвъ онъ опустить своего дымящагося дула, какъ пистолетъ былъ вышибенъ изъ его руки. Оказалось что пуля Рылѣева попала въ пистолетное дуло князя Ш. Анна Федоровна пользовалась въ домѣ Рылѣева всѣми правами родной сестры и потому, когда онъ переѣхалъ въ зданіе Американской Компаніи что у Синяго моста, получала отъ него средства для безбѣднаго существованія. Въ домѣ Безбородова онъ лишился единственнаго своего сына, младенца Александра, схороненнаго на Смоленскомъ кладбищѣ.

Въ извѣстной и надѣлавшей въ свое время много шума дуэли Чернова съ Новосильцовымъ Рылѣевъ принималъ участіе въ качествѣ секунданта Чернова, которому онъ приходился двоюроднымъ братомъ, ибо матери ихъ были родными сестрами. Эта дуэль произошла такимъ образомъ: штабсъ-капитанъ квартирмейстерской части Галяминъ, производившій съемку окрестностей села Рождествена, по окончаніи ея много разказывалъ о дивной красотѣ дочери генералъ-маіора Чернова, Аграфены Пахомовны, жившей съ своею матерью неподалеку отъ Рождествена въ своемъ помѣстьѣ. Воспламененный разказами Галямина, кавалергардскій поручикъ Владиміръ Новосильцовъ отправился въ имѣніе Черновыхъ и тамъ познакомился въ ихъ семействѣ. Дѣвица Чернова дѣйствительно была красоты необыкновенной. Черезъ нѣсколько недѣль знакомства Новосильцовъ сдѣлалъ ей предложеніе, и получивъ согласіе родителей ея на бракъ, уговорилъ мать переѣхать въ Петербургъ, гдѣ, поселившись въ одномъ домѣ съ ними, бывалъ у нихъ ежедневно, и какъ женихъ, даже выѣзжалъ въ своемъ экипажѣ вдвоемъ съ невестой. Но потомъ, когда онъ обратился къ своей матери за дозволеніемъ ему жениться, то мать его, Екатерина Владиміровна, урожденная графиня Орлова, рѣшительно воспротивилась этому браку. Гордая аристократка не могла помириться съ мыслью чтобъ единственный сынъ ея женился на дѣвушкѣ изъ небогатой фамиліи. Носилась слухъ, будто ее въ особенности смущало неблагозвучное имя будущей невестки. Какъ бы то ни было, но Новосильцовъ, не желая осориться со своею матушкой, а можетъ-быть и вслѣдствіе охлажденія, почелъ за лучшее покориться ея волѣ и отложить бракъ на неопредѣленное время. Прекративъ затѣмъ свои посѣщенія въ домѣ Черновыхъ, онъ неосмотрительно тщеславился въ обществѣ прежними отношеніями своими

къ этому семейству. Рыльевъ зналъ о щекотливомъ положеніи своей двоюродной сестры отъ одного изъ братьевъ ея, подпоручика лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Чернова. Сей послѣдній, по совѣщаніи съ Рыльевымъ, написалъ къ Новосильцову письмо, требуя объясненій въ его поведеніи. Получивъ уклончивый и нѣсколько рѣзкій отвѣтъ, онъ отправилъ Рыльева къ Новосильцову съ вызовомъ на поединокъ. Въ опредѣленный часъ противники съѣхались за заставой, по Мурынской дорогѣ, въ паркѣ Лѣснаго Института. Секунданты развели ихъ по мѣстамъ и подали пистолеты. По командѣ Рыльева, они выстрѣлили другъ въ друга, и оба пали смертельно раненые. Новосильцовъ былъ раненъ въ животъ, перенесенъ былъ въ ближайшій трактиръ, гдѣ и умеръ чрезъ сутки, на билліардѣ. Въ послѣдствіи неутѣшная мать построила на этомъ мѣстѣ церковь. Должно замѣтить, что онъ стрѣлялся уже имѣя согласіе своей матери на вступленіе въ бракъ. Черновъ умеръ чрезъ недѣлю и погребенъ на Волковскомъ кладбищѣ. Огромное стеченіе народа, шедшаго пѣшкомъ за его гробомъ, имѣло видъ громакаго заявленія сочувствія къ молодому человѣку павшему жертвой общественныхъ предразсудковъ. Поединокъ Чернова съ Новосильцовымъ до настоящаго времени приводится нѣкоторыми юристами въ примѣръ неразрѣшимости легальнымъ путемъ нѣкоторыхъ случаевъ изъ частной жизни. Должно, однакожь, надѣяться, что со временемъ здравый смыслъ законодателей нашихъ положитъ предѣлъ варварскому предразсудку, и законъ восторжествуетъ надъ самоуправствомъ, ничего не разрѣшающимъ и всего менѣе вопросы о чести.

Вечеру 14-го декабря Рыльевъ явился домой пасмурнымъ и молчаливымъ. Напившася чаю, сказалъ женѣ: „Худо, мой другъ; всѣхъ моихъ друзей берутъ подъ стражу, вѣроятно, не избѣгнуть и мнѣ общей участи.“ Отправившись въ свой кабинетъ, онъ улегся на диванъ. Послѣ полуночи пріѣхалъ оберъ-полицеймейстеръ и объявилъ ему повелѣніе объ арестованіи его. Рыльевъ одѣлся на-скоро, благословилъ дочь свою Настеньку, крѣпко сжалъ въ объятіяхъ жену, изнемогавшую подъ бременемъ горести, и поцѣловавъ ее въ послѣдній разъ, быстро направился въ двери.

Предъ слѣдственной комиссіей онъ принесъ полное раскаяніе, нисколько не увлекался надеждой избѣгнуть тяжкой,

но заслуженной кары. На всѣ вопросы комиссiи онъ отвѣчалъ со всею откровенностію, о которой можно судить по послѣднему его показанію: „Впрочемъ, я признаю себя главнымъ виновникомъ происшествiй 14-го декабря: я могъ все остановить и, напротивъ, былъ для другихъ пагубнымъ примѣромъ преступной ревности. Если кто заслужилъ казнь, вѣроятно, нужную для блага Россіи, то, конечно, я, несмотря на мое раскаяніе и совершенную перемену образа мыслей.“ Въ началѣ іюня дозволено было Рылѣеву даже имѣть свиданіе съ семействомъ, то-есть съ женою и дочерью. На этомъ свиданіи довелось быть и мнѣ. Мы отправились въ Петропавловскую крѣпость въ коляскѣ. Наталья Михайловна съ бабушкой, Прасковьей Васильевной, сидѣли рядомъ, Настенька и я сидѣли напротивъ. Проѣхавъ Іоанновскія ворота, мы сейчасъ же остановились, не доѣзжая палисадика. Наталья Михайловна съ Настенькой отправились въ казематъ, а мы съ бабушкой остались въ экипажѣ. Спустя три четверти часа Наталья Михайловна и Настенька возвратились въ слезахъ, безпрестанно оглядываясь на одно окно. На окнѣ, за желѣзною рѣшеткой, стоялъ Рылѣевъ, въ бѣлой одеждѣ, слегка потрясая воздѣтыми къ небу руками. Сидя въ коляскѣ, мы смотрѣли на окно каземата и заливались слезами. Кучеръ Петръ, снявъ свою шляпу, громко рыдалъ и причитывалъ, какъ это водится въ деревняхъ, по умершемъ. Наконецъ мы тронулись.

Рылѣевъ принадлежалъ къ числу немногихъ узниковъ которыми Высочайше разрѣшено было переписываться со своимъ семействомъ. Имѣется основаніе предполагать что разрѣшеніе сіе было послѣдствіемъ его прямодушныхъ отвѣтовъ. Въ послѣдствіи мнѣ случилось прочесть въ одномъ изъ лондонскихъ изданій удостовѣреніе Герцена или Бакунина, будто написанное Рылѣевымъ за нѣсколько часовъ предъ смертію письмо, въ которомъ онъ выражаетъ свое раскаяніе и христіанскія убѣжденія, подложное и никогда не существовало. Я, съ своей стороны, почитаю долгомъ засвидѣтельствовать что оно дѣйствительно было имъ написано и въ моемъ присутствіи вручено женѣ Рылѣева Ѳ. И. Прявнишниковымъ; бывшимъ потомъ главноуправляющимъ почтовымъ вѣдомствомъ, а тогда завѣдывавшимъ перепиской съ заключенными. Что касается до стиховъ написанныхъ будто бы

имъ въ крѣпости и ходившихъ потомъ по рукамъ подъ его именованъ, то могу также удостовѣрить, что во всѣхъ его письмахъ, посланныхъ изъ заточенія, прочитанныхъ мною и до настоящей минуты сохраняющихся въ цѣлости, не было ни одной приемованной строки.

Напечатанное въ запискахъ Греча послѣднее письмо Рыльева передано не совсѣмъ вѣрно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно подправлено, а въ другихъ имѣетъ небольшіе пропуски. Привожу оное въ точномъ видѣ:

„Богъ и государь рѣшили участь мою: я долженъ умереть, и умереть смертію позорною. Да будетъ Его святая воля! Мой милый другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя! За душу мою молись Богу, Онъ услышитъ твои молитвы! Не ропщи ни на Него, ни на государя: это будетъ безразсудно и грѣшно. Намъ ли постигнуть неисповѣдимыя пути Непостижимаго? Я ни разу не возропталъ во все время моего заключенія, и за то Духъ Святый дивно утѣшалъ меня. Подивись, мой другъ: и въ сію минуту, когда я занятъ только тобою и нашею малюткою, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ! О, милый другъ, какъ спасительно быть христіаниномъ! Благодарю моего Создателя, что Онъ меня просвѣтилъ, и что я умираю во Христвъ! Это дивное спокойствіе порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянію, ищи утѣшенія въ религіи! Я просилъ нашего священника посѣщать тебя. Слушай совѣтовъ его, и поручи ему молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ въ знакъ признательности моей или, лучше сказать, на память, потому что возблагодарить его можетъ только одинъ Богъ за то благодѣяніе, которое онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Ты не оставайся здѣсь долго, а старайся кончить скорѣе дѣла свои и отправься къ почтеннѣйшей матушкѣ. Проси ее чтобы она простила меня; равно всѣхъ родныхъ своихъ проси о томъ же; К. И. и дѣтямъ ея кланяйся и скажи чтобъ они не роптали на меня за М. П.: не я его вовлекъ въ общую бѣду; онъ самъ объ этомъ засвидѣтельствуетъ. Я хотѣлъ было просить свиданія съ тобою, но раздумалъ, чтобы не разстроитъ себя. Молю за тебя и за Наст., и за бѣдную сестру Бога, и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ у меня священникъ, мой другъ и благодѣтель, и опять причаститъ. Настеньку благословляю мысленно Нерукотвореннымъ Образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому прокровительству живаго Бога! Прошу тебя болѣе всего: заботься о воспитаніи ея, я желалъ бы чтобъ она была воспитана при тебѣ. Старайся переселить въ нее свои христіанскія чувства, и она будетъ счастлива, несмотря ни на какія превратности въ

жизни, и когда будет имѣть мужа, то осчастливитъ и его, какъ ты, мой милый другъ, мой добрый и неоцѣненный другъ, счастливила меня въ продолженіи восьми лѣтъ. Могу ли, мой другъ, благодарить тебя словами: они не могутъ выразить чувствъ моихъ! Богъ тебя наградитъ за все!...

„Почтеннѣйшей П. В. моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность.“

„Прощай!... Велятъ одѣваться... Да будетъ Его святая воля!...“

„Твой истинный другъ [Кондратій] Рыльцев.“

„У меня остались здѣсь 530 р., можетъ-быть, отдадутъ тебѣ!...“

Послѣдняя *приписка; свидѣтельствующая весьма понятную заботливость умирающаго отца объ остающемся семействѣ, подала поводъ Гречу замѣтить о Рыльцевѣ что онъ передъ смертію распорядился какою-то неважною суммой, какъ-будто вѣхалъ на дачу. Объ очевидной неумѣстности этого замѣчанія полагаю излишнимъ распространяться.

Перехожу къ явленію болѣе утѣшительному. Для характеристики покойнаго государя необходимо привести здѣсь одну замѣчательную черту его великодушія. Выше я уже упомянулъ, что императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ Рыльцеву не только переписываться, но даже и имѣть свиданіе съ своимъ семействомъ. Многіе, вѣроятно, будутъ крайне удивлены, когда узнаютъ что государь сей въ отношеніи семейства важнѣйшаго изъ государственныхъ преступниковъ простеръ великодушіе свое еще гораздо далѣе: вдова Рыльцева, находившаяся тогда въ весьма затруднительномъ положеніи, получила семь или шесть тысячъ рублей вспоможенія, и не только дочь его, но и внука, приняты были въ послѣдствіи, первая—въ Патріотической, а вторая—въ Елисаветинскій институты на счетъ собственныхъ суммъ его величества.

ДМ. КРОПОВЪ:

ПОЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЗАПАДНАГО КРАЯ

ВЪ МЯТЕЖЪ 1861—1862 ГОДОВЪ *

VIII.

Внутренній смыслъ политическихъ демонстрацій въ Западномъ край, въ теченіе 1861 и 1862 годовъ, заключался въ торжественномъ заявленіи тамошней польской партіи предъ Россіей и Европой что „польская народность“ признаетъ этотъ край безусловно польскимъ, и что она рѣшается вступить въ открытую борьбу съ русскимъ правительствомъ для восстановления Рѣчи Посполитой.

Такъ какъ къ польской народности Западнаго края причисляли себя исключительно дворянство и римско-католическое духовенство, то объявивъ себя представителями *всего населенія края*, эти два сословія, отъ начала до конца агитаціи, и были единственными ея дѣятелями. Окатоличенная часть мѣстнаго городского населенія привлекалась къ волненіямъ лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, и то мѣрами искусственными: деньгами, обманами, пирушками, обѣщаніями, угрозами.

Исключительное участіе въ мятежъ дворянства и духовенства отразилось и на характерѣ манифестацій: однѣ изъ нихъ совершались подъ непосредственнымъ руководствомъ крупнаго помѣстнаго дворянства, другія подъ руководствомъ духовенства. Разница между этими двумя родами демонстрацій состоитъ въ томъ что первыя обходились безо всякаго

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1869 г. №№ 1 и 2.

участія въ нихъ ксендзовъ; въ послѣднихъ же дворянство и духовенство дѣйствовали вмѣстѣ, рука объ руку. Каждый изъ двухъ названныхъ родовъ подраздѣлялся, согласно условіямъ времени и мѣстности, на виды. Начнемъ съ демонстрацій при участіи костела.

Этого рода демонстраціи, начавшіяся паннихидами, усилились присоединеніемъ къ нимъ сначала пѣнія революціонныхъ гимновъ въ костелахъ и на улицахъ и наконецъ вродѣ развились введеніемъ въ число манифестацій духовныхъ процессій, сначала религіознаго, а затѣмъ уже открыто политическаго характера.

Всѣ демонстраціи, при содѣйствіи костела, были лишь воспроизведеніемъ манифестацій варшавскихъ. Костель искусно проводилъ въ массы идею о солидарности польской партіи Западнаго края съ революціонерами Царства Польскаго, стараясь, по возможности, придать варшавскимъ событіямъ въ глазахъ народа характеръ не столько политической сколько религіозный. Въ матеріалахъ для этого не могло быть недостатка, потому что Поляки не останавливались ни предъ извращеніемъ, ни предъ сочиненіемъ фактовъ. Февральскія событія въ Варшавѣ послужили для польской партіи Северо-Западнаго края сигнальною ракетой къ открытію волненій. Заупокойныя паннихиды по такъ-называемымъ *пяти жертвамъ* павшимъ тамъ въ стычкѣ 13-го февраля и, съ разрѣшенія русскихъ властей, похороненнымъ съ небываломъ помпой, были со стороны литовскаго дворянства первымъ, послѣ 1831 года, открытымъ заявленіемъ сочувствія варшавскимъ революціонерамъ и готовности вступить въ борьбу съ русскими властями. Для администраціи Северо-Западнаго края наступало трудное время: было очевидно что отъ того какъ отнесется она къ этому первому проявленію волненій зависѣла и степень развитія агитаціи въ будущемъ. Польское дворянство, русская пробная шаръ, въ видѣ паннихиды по *варшавскимъ лученикамъ*, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за первымъ впечатлѣніемъ манифестаціи на дѣйствующихъ лицъ и за каждымъ шагомъ послѣднихъ въ отношеніи польской партіи и мѣстнаго населенія.

Въ послѣднихъ числахъ февраля броженіе умовъ въ Вильнѣ было уже весьма сильнымъ, но оно ограничивалось пока исключительно средой высшаго польскаго дворянства, во главѣ котораго, въ отношеніи руководительства въ дѣлѣ агитаціи, сталъ

одинъ изъ самыхъ крупныхъ пановъ края, предъ тѣмъ изысканнымъ монаршими милостями и даже возведеннымъ въ придворное званіе. Его домъ сдѣлался центромъ изъ котораго исходили вѣтвяныя направленныя противъ русской власти въ край. По общей молвѣ, одинаково ходившей между Русскими и Поляками и не разъ появлявшейся въ нашей печати, роль графа Андрея Замойскаго была при этомъ предметомъ честолюбивыхъ помысловъ виленакаго пана. Не входя въ разборъ степени достовѣрности этой молвы, имѣя, однако, не замѣтить, что популярностъ Замойскаго, — бесспорно одного изъ самыхъ даровитыхъ и самыхъ простиженныхъ вожаковъ польщизны, — не выросла какъ грибокъ, а создавалась тридцатилѣтнею широкою и трудною его дѣятельностью, направленною къ объединенію, посредствомъ экономическихъ интересовъ; Польши съ Западнымъ краемъ, личнымъ вліяніемъ его на развитіе промышленности въ Царствѣ Польскомъ и первенствующею ролью не только въ средѣ тамошняго дворянства, но и въ средѣ рабочихъ классовъ. Разумѣется, не трудно было подражать этому человеку на поприщѣ революціонныхъ скандаловъ, но для того чтобы стремиться стать, подобно ему, во главѣ возстанія, недостаточно было имѣть титулованную фамилію да обширныя помѣстья, а нужно было лично пріобрѣсть, прежде всего, говорящее для польщизны прошлое. Борьба съ Замойскимъ, какъ врагомъ, была для насъ сопряжена съ трудностями, и исходъ ея оставилъ по себѣ впечатаніе въ общественномъ мнѣніи Поляковъ, тогда какъ для разрѣшенія вопроса объ исходѣ борьбы съ его виленакимъ соперникомъ заглаза достаточно было бумага съ генераль-губернаторскою подписью.

Первыя фазы начавшихся волненій обнаружались въ пассивной оппозиціи высшихъ слоевъ польскаго дворянства: мушкетеры и дамы высшаго круга перестали посѣщать театръ и общественныя собранія; крупныя панье избѣгали принимать у себя Русскихъ и тѣхъ Поляковъ которые считались преданными правительству; даже нѣкоторыя вліятельныя административныя лица имѣли случаи испытывать лично на себѣ холодность, чтобы не сказать сильнѣе, польской губернской знати. Эти предвѣстники волненій тянулись впрочесть не долго: 2-го марта была уже первая демонстрація, имѣвшая впрочесть, но наружности, мирную обстановку. Въ этотъ день общаго поживленія успѣвшихъ все вмѣстѣ польское обще-

ство въ Вильнѣ, въ глубокомъ траурѣ, съѣхалось въ костель Св. Іоанна (бывшій университетскій) гдѣ была торжественно отслужена панихида о пяти варшавскихъ „жертвахъ“. Виленскія власти, *znaszylis swoje nakony* о намѣреніи панаовъ устроить демонстрацію, дали знать римско-католическому епископу чтобъ онъ запретилъ духовенству произнесеніе проповѣди и упоминаніе именъ убитыхъ въ Варшавѣ, что и было исполнено. Паны, открывая демонстраціи, не ждали, однако, быти въ костель одни: сдѣлано было распоряженіе чтобы на панихиду явились ремесленники и крестьяне ближайшихъ къ Вильнѣ деревень. Первыхъ было нѣсколько человекъ, изъ крестьянъ ни одного.

Первая демонстрація прошла спокойно: администрація, затруднявшаяся въ изысканіи мѣръ для воспрепятствованія первому политическому скандалу, считала однако нужнымъ сообщить о происшествіи въ Петербургъ, назвавъ при этомъ и имя главнаго агитатора. Въ этой демонстраціи высшее дворянство виленское и, какъ мы сейчасъ увидимъ, другихъ губерній края дѣйствовало пока или одно, или во главѣ мелкой шляхты: вожакамъ партіи бѣлыхъ надо было втянуть въ агитацию боевую и чиновную шляхту да школьничковъ, тогда еще робкихъ предъ русскою властью, дабы затѣмъ отступить, для вида, на второй планъ и начать предъ русскою администраціей обычную пѣсь о своемъ могущественномъ значеніи для Россіи въ качествѣ „я охранительнаго элемента“ и да „поддержки русскаго престола“.

Въ Гродненской губерніи, въ городахъ пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ, панихиды по „пяти жертвамъ“ отслужены были нѣсколько разѣ, прежде всего въ Брестѣ. Тамъ предполагалось совершить панихиду на Кобринскомъ форштадтѣ, съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ и церковными и цеховыми хоругвями; на эту церемонію уже собирались пожертвованія. Во главѣ агитаціи стоялъ мѣстный предводитель дворянства Гажичъ, незадолго предъ тѣмъ перешедшій съ овицки дочерями изъ православія въ католицизмъ.

Брестская крепость подчинена была коменданту генерал-лейтенанту Бартоломею; городъ же состоялъ подъ начальствомъ городничаго, официально не подчиненнаго коменданту. Генераль-

* Такъ называетъ польское дворянство крупный классъ повстанцевъ *Zamiesz* о которой мы упоминаемъ въ предыдущей главѣ.

Бартоломей, знавшій о приготовленияхъ брестскаго польскаго дворянства и его увѣдлага предводителя, формально отнесся къ городничему съ требованіемъ принять мѣры противъ агитаціи. Несмотря однако на это требованіе, 25-го февраля: паннихида въ память убитыхъ Поляковъ была отслужена, причемъ новообращенный католикъ-предводитель во все время службы стоялъ предъ алтаремъ на колѣняхъ. Гродненскія власти, крайне недовольныя вмѣшательствомъ въ дѣла паннихиды коменданта, жаловались на это въ Вильну, утверждая что на его отвѣтственность возложена только крѣпость, а отнюдь не городъ, который-де подчиненъ единственно городничему. Гнѣвъ этотъ на генерала Бартоломея происходилъ, однако, вовсе не оттого чтобы со стороны самихъ властей приняты были противъ манифестацій какія-нибудь мѣры. Напротивъ, эти власти смотрѣли на качавшуюся бурю по-своему. По ихъ мнѣнію, официально сообщенному въ Вильну, *„вовсе не слѣдуетъ обращать особеннаго вниманія на богослуженіе (въ память убитыхъ въ Варшавѣ), тѣмъ болѣе что, по удостовѣренію генералъ-лейтенанта Бартоломея, оно совершалось безъ всякихъ публичныхъ демонстрацій. Что же касается до волненія умовъ, то неизвѣстно на чемъ оно, г. комендантъ, свое житіе основываетъ“*.

При такомъ возрѣніи, понятно, что въ самомъ Гроднѣ демонстративная паннихида о пяти жертвахъ прошла *незамѣченною* для администраціи, и въ губерніи оказалось бы „все благополучнымъ“, еслибы не стали поступать изъ увѣдочъ донесенія что: и тамъ тоже совершаются траурныя служенія демонстративнаго характера. Такъ, паннихида совершена была въ Слонимѣ, 2-го марта, въ монастырѣ Бернардиновъ, причемъ ей приданъ былъ частный характеръ траурнаго служенія за упокой души одного мѣстнаго помѣщика. „Съѣздъ на оное помѣщичье было весьма значительный“, гласило донесеніе слонимскаго городничаго Божанова.

Донесеніе это крѣпко не понравилось въ Гроднѣ; по необходимости, его представили однако въ Вильну, забываясь повторять что „не слѣдуетъ обращать большаго вниманія на богослуженіе, такъ какъ оно совершалось безъ публичной огласки и не повлекло за собой безпорядковъ. Что же касается упоминаемаго въ рапортѣ городничаго Божанова *какого-то направственнаго состоянія умовъ и умовъ обывателей города Слонима*, то оно жестко обвиняется *соучастіемъ*

которое действительно существует между дворянством Гродненской губернии и жертвами бывшимъ въ Варшавѣ безпорядковъ". Такое сознание было уже шагомъ впередъ послѣ вышеприведеннаго отзыва о брестской демонстраціи.

Въ томъ же духѣ, но съ большою осторожностью, присланы были извѣстія изъ Бѣлостока гдѣ „при паннихидѣ, совершенной въ костелѣ, находились воѣ служащіе и было большое отеченіе народа, ибо *предводителемъ дворянства* объявленъ всѣхъ ремесленниковъ при томъ присутствовать и хотѣлъ принудить городского голову, Еврея, убѣдить своихъ единовѣрцевъ совершить подобное же служеніе". „Мушныи не служащіе, дамы-католички и ихъ дѣти всѣ носятъ глубокий трауръ“, писали по этому поводу узадныя власти изъ Бѣлостока. „Въ костелѣ была приглашена и Еврей, но изъ нихъ было только до шести человекъ, въ томъ числѣ два Рабиновича, которые въ Бѣлостоцкѣ содержатъ книжную лавку, и эти Евреи, за бытность ихъ въ костелѣ, навлекли на себя вообще негодование своихъ единовѣрцевъ.“

Не перечисляя остальныхъ паннихидъ въ Гродненской губерніи, замѣтимъ, что когда изъ Петербурга получено было извѣстіе что высшее правительство смотритъ на агитацію вовсе не съ тою снисходительностью какъ гродненскія губернскія власти, изъ Гродна полетѣли предводителямъ дворянства, деканамъ римско-католическаго духовенства, земскимъ исправникамъ и городничимъ строгіе циркуляры, порицавшіе демонстрацію.

Въ Ковнѣ 9-го марта въ Августинскомъ костелѣ паннихидъ было отправлено двѣ, обѣ, по наружности, въ память недавно умершихъ помѣщиковъ. По окончаніи службы собрано было въ пособіе семействамъ убитыхъ въ Варшавѣ 500 рублей и отправлено, *черезъ ковенскую почтовую кентору*, въ Варшаву, въ редакцію *Ежедневной Газеты*, для передачи въ тамошній комитетъ, приглашенія котораго къ участію въ пожертвованіяхъ печаталось тогда во всѣхъ польскихъ газетахъ, выходившихъ съ разрѣшенія цензуры.

Траурныя паннихиды главно совершены были во всѣхъ узднскихъ городахъ Ковенской губерніи только изъ Шапель и Ново-Александровскі не было обѣ въ этомъ извѣстіи. Изъ числа паннихидъ Ковенской губерніи наиболее замѣчательна, по торжественности, повѣржекая, отслуженная подъ предлогомъ погребенія одного десятикласснаго мальчика, гимназиста. По-

совершили десять воздвигов, при огромном стечении народа и въ особенности въставахъ помѣщичьихъ, при чемъ денежный сборъ простарался до 2,000 руб.

Деньги пожертвованныя на этихъ паннихидяхъ для семействъ убитыхъ, были довольно значительны, если принять въ соображеніе что они собирались во всѣхъ городахъ Западнаго края и Царства Польскаго. Центральная администрація края очень добивалась собрать точныя данныя какъ о количестве пожертвованныхъ денегъ, такъ и о лицахъ которыхъ ими распоряжались, но не могла достигнуть этого. Деньги для семейства „пяти мучениковъ“ собирались вице-директоромъ главно, во всѣхъ прочихъ привоженіяхъ возстаніе бывали тайно и доверенными отъ паннской партіи лицами. Поэтому въ числѣ сборовъ того времени известны, а то случайно, лишь нѣкоторыя, между ними особенно замѣчательна тайная складчина дворянъ Россійскаго уѣзда „мы нагле на мѣсть демонстраторовъ изъ людей правды и мальчишекъ“.

Высшее дворянство подавало первый примѣръ демонстрацій: въ формѣ паннихидъ усердно поддерживало ихъ и постепенно вовлекало въ агитацію среднюю шляхту и молодежь. Въ теченіи марта и апрѣля паннихиды успѣли сдѣлаться явленіемъ до того обычнымъ, что по поводу ихъ не признавалось нужнымъ даже принимать особенно строга административная мѣра. Въ Вильнѣ въ числѣ паннихидъ, въ теченіи марта и апрѣля, двѣ, совершенныя въ образахъ отличались особенно торжественностью и пышностью.

Паннихиды собственно по дворянскимъ „пяти мученикахъ“ прекратились въ концѣ апрѣля и началѣ мая, когда костельныя демонстраціи стали принимать болѣе рѣзкій характеръ введеніемъ въ нихъ пѣнія революціонныхъ гимновъ; служеніе же паннихидъ по другимъ случаямъ продолжалось въ теченіе всего періода демонстрацій. Польскіе дворянство, успѣвъ достигнуть своей цѣли, старалось быть менѣе заступнымъ, хотя въ теченіи перваго полугодія періода демонстрацій оно, для поддержки волненій и изъ опасенія, чтобы революціонныя страсти, за недостаткомъ топлива, не догасли, должно было руководить большинствомъ демонстрацій.

Что касается особенно до учащейся молодежи, то съ мая она была уже впрочемъ увлечена въ революціонныя демонстраціи, и получивъ въ нихъ очень видную роль, доставила панамъ возможность увѣрять администрацію, будто школьники—

коренная причина безпорядков и главная действующая из них муча. Действительно, на демонстративных панихидах посещающаго времени, гимназисты и студенты стали лицами неизбежными. Наиболее замѣчательная изъ панихидъ была 9-го іюня 1861 года, въ вилненскомъ костелѣ Св. Іоанна, по случаю смерти за границей Лелевеля *, извѣстнаго польскаго историка и бывшаго профессора Вилненскаго университета. На нее стеклось множество народа, преимущественно изъ высшаго сословія, а также: учениковъ гимназіи. При богослуженіи коендзъ францисканскаго ордена Булакъ говорилъ проповѣдь, въ которой вспоминалъ прошедшія времена Польши, „полныя науки и славы, выхвалялъ доблестную молодежь, совѣтовалъ не упустить душой, быть твердыми и постоянными въ надеждѣ на лучшую будущность, и выражалъ убѣжденіе что нужно одинъ разъ умереть, а потому лучше умереть за отечество, чѣмъ де высоко дѣнтся и тамъ (на небѣ) и здѣсь (на землѣ)“. Въ заключеніе онъ ставилъ Лелевеля въ особенную заслугу то что послѣдній былъ Полякъ.

Объ этой проповѣди сообщено было епископу, который отвѣчалъ, что „Булакъ находится въ монастырѣ францискановъ на испытаніи и до окончанія въ новиціатѣ студіевъ не въ правѣ проповѣдывать, то чѣмъ вопречено ему, какъ во Францисканскомъ, такъ и во всѣхъ костелахъ города Вильны, произносить проповѣди до разрѣшенія епархіальнаго начальства“.

Кончина варшавскаго архіепископа Фіалковскаго, который пользовался во время демонстрацій большою популярностію за свое потворство агитаторамъ, вызвала въ краѣ рядъ панихидъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Въ Вильнѣ 18-го октября 1861 года траурное служеніе было совершено во Францисканскомъ костелѣ, гдѣ, по его окончаніи, пропѣта была учениками и десятию женщинами революціонная пѣснь составленная по случаю смерти Фіалковскаго. Въ Гроднѣ панихида по Фіалковскомъ (27-го сентября) была отпразднована не менѣ торжественно. Начальство командировало въ костелъ для наблюденія частнаго пристава и квартальнаго надзирателя; но ни тотъ, ни другой не исполнили порученія.

* Панихида по немъ служилась во всемъ почти Западноиъ краѣ, даже въ Кіевѣ (16-го Октября).

Первый изъ нихъ говорилъ что „по множеству дѣлъ“ при-былъ въ костелъ уже по окончаніи службы, „а послѣдній—что хотя и присутствовалъ во время службы, но вышелъ не дож-давшись пока разоидется весь народъ, полагая что по окончаніи службы пѣнія не будетъ“. Начальство все-таки добивалось получить о панихидахъ свѣдѣніе, собрало о ней справки у нѣкоторыхъ „заслуживающихъ довѣрія“ людей и у коендза. Послѣднему удалось вполне успокоить начальство увѣреніемъ что „по окончаніи панихиды немногими остав-шимися пропѣта была дозволенная пѣснь Пресвятой Бого-родицы, только на тонъ известнаго возмутительнаго гимна“.

9-го октября назначена была въ ковевскомъ Августіанскомъ костелѣ панихида за упокой Эаддея Костюшки. Губернаторъ, получивъ о томъ свѣдѣніе, предварилъ настоятеля костела (словесно и письменно) чтобы въ тотъ день не служить ни панихиды, ни торжественнаго молебствія. Несмотря на это панихида была совершена, но дабы замаскировать ее демон-стративный характеръ, объявлялось что она служится по какомъ-то мѣстномъ жителѣ Эаддеѣ Кульвеціѣ который-де умеръ предъ тѣмъ года за три. Эта фамилія приискана бы-ла чтобъ объявить легально выставку въ костелѣ, надъ траурнымъ катафалкомъ, первоначальныхъ буквъ имени и фамиліи Костюшки, Т. и К. На панихидѣ присутствовали и дворяне собравшіеся въ городъ на выборы.

Такая же панихида по Костюшкѣ была отслужена и въ бѣлостокскомъ костелѣ, 20-го октября 1862 года, со всею тор-жественностью, съ катафалкомъ, множествомъ свѣчъ и хо-ругами. Дабы замаскировать демонстрацію, распуцены были слухъ будто служба отправлялась по родителямъ бѣлосток-скихъ монахинь сестеръ милосердія. Въ мѣстномъ кафедраль-номъ соборѣ отслужена была по Костюшкѣ панихида 4-го октября (день его кончины) въ 7 часовъ утра. Стеченіе на-рода было замѣтительное; въ числѣ молившихся было не мало учениковъ гимназій и воспитанницъ маневскихъ частныхъ пан-сіоновъ. Сверхъ названныхъ панихидъ отправлялись въ за-падныхъ губерніяхъ еще слѣдующія: по разстрѣлянныхъ офицерахъ Аригольдѣ и Савицкомъ, по Рымѣ, Ржонцѣ и Ярошинскомъ, и по умершемъ осенью 1861 года князѣ Адамѣ Чарторыйскомъ.

Панихиды по названнымъ офицерамъ отправлены были и въ Царствѣ Польскомъ, и отчасти въ западныхъ губерніяхъ,

съ цѣлью произвести впечатлѣніе на войска. Офицеры служившіе въ квартировавшемъ въ Новогоріевскѣ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ, поручикъ Аригольдъ и подпоручикъ Сливицкій (оба православные и воспитанники Павловскаго кадетскаго корпуса), вмѣстѣ съ двумя унтеръ-офицерами Поляками, уличены были въ революціонной пропагандѣ между нижними чинами и, по приговору военного суда, разстрѣляны. Агитаторы воспользовались этимъ случаемъ для распространенія въ войскахъ * стоявшихъ въ Западномъ краѣ *Духовнаго завѣщанія поручиковъ Аригольда, Сливицкаго, унтеръ-офицера Ростковскаго, рядоваго Щура, погибшихъ мученическаго смертью 16-го іюня 1862 года въ крѣпости Новогоріевскѣ.* Это завѣщаніе, разумѣется подложное, убѣждаетъ солдатъ перестать повиноваться начальству.

Не менѣе любопытно было торжественное отправленіе въ костелахъ паннихидъ по кинжалщикахъ Рылѣ, Ржонцѣ и Ярошинскомъ, родоначальникахъ жандармовъ-вѣшателей. Двое первыхъ, какъ извѣстно, покушались на жизнь Велѣпольскаго, послѣдній на жизнь Великаго Князя Намѣотника.

28-го августа 1862 года въ минскомъ римско-католическомъ кафедральномъ костелѣ совершена была мѣстнымъ ксендзомъ, при немаломъ стеченіи народа, паннихида за упокой умершей два года предъ тѣмъ вдовы Сосновской, но по розыску оказалось что паннихида эта отправлена за Ярошинскаго, и что при совершеніи ея нѣкоторыми изъ патриотовъ были раздаваемы присутствовавшимъ свѣчи, однѣ съ нею писью золотыми буквами, а другія съ привѣщенными заглавками: „Świętej ramięci Jaroszynskiego.“ **

Въ Бѣлостокѣ римско-католическое духовенство, 11, 17-го Августа 1862 года служило по Рылѣ, Ржонцѣ и

* Между войсками расположенными въ западномъ полу-пространствѣ польская партія усердно старалась разсозванія въ разчетѣ подорвать ими довѣріе солдата къ ея Личие говорить что возванія эти возбуждали въ солдѣ смѣхъ. Изъ наиболѣе распространенныхъ въ ту по-званій замѣчательно особенно слѣдующее: „что надс Оно развито на тему: „А чего хочеть Полякъ? В мужикъ? Воли! Стад: они хотять одного и битъ? Мѣстомъ, печатанія показанъ Петерб признакамъ, возваніе принадлежить къ е

** Святой памяти Ярошинскаго.

шинскомъ паннихиды съ присвоенными этому служенію у католиковъ церемоніями, „при исполненіи коихъ, гласить до- несеніе, присутствовало много женщинъ, *изъ особенности изъ высшаго сословія*, одѣтыхъ въ глубокомъ траурѣ. За симъ ка- толическое духовенство, опасаясь подвергнуться взысканію за таковыя дѣйствія, распустило слухъ будто помянутыя паннихиды были отправляемы, согласно просьбѣ какихъ-то крестьянъ, по ихъ умершимъ родственникамъ.“

Паннихиды, имѣвшія мѣсто преимущественно въ городахъ, служили средствомъ возбужденія шаякты и молодежи. На простой народъ, чуждый политики, онѣ не могли, конеч- но, производить то же разаражающее впечатлѣніе. Для воз- бужденія политическихъ страстей въ простолудіѣ, нужны были иныя средства. Въ Ковенской губерніи, гдѣ католи- ческое духовенство по большей части изъ среды мѣстна- го населенія и пользуется у крестьянъ такимъ довѣріемъ о какомъ не смѣть и мечтать виленскій или гродненскій ксендзъ, всего удобнѣе было дѣйствовать на религіозныя убѣжденія массъ. Поэтому ксендзы не пренебрегали ничѣмъ для развитія въ народѣ неприязни къ Русскимъ во имя раз- личія въ вѣрѣ, и съ этой цѣлью старались укоренить въ немъ убѣжденіе что русское правительство враждебно ка- толицизму и пользуется всякимъ случаемъ для преслѣдованія католиковъ и католической святыни. Весною 1862 года рѣ- чено было торжественно праздновать въ сельскихъ косте- лѣхъ годовщину событія 27-го марта (8-го апрѣля) въ Варшавѣ когда сломанъ былъ, во время уличной демонстраціи, дере- вый крестъ.

Омнимъ въ нѣсколькихъ словахъ эту исторію: 27 мар- та, въ Варшавѣ, предъ замкомъ собралась толпа около тысячь человекъ (въ средѣ которой было мно- гихъ) съ требованіемъ возстановленія Земледѣль- ского общества. Чтобы разогнать ее, администрація на- ченною прибѣгнуть къ употребленію воору- женную средина толпы двинуть былъ эскадронъ, за ко- имъ нѣсколько пѣхотныхъ ротъ въ колоннахъ. Масса народа, за давкой, стояла еще въ срединѣ замковою площадью монастыря св. Анны, предводимая студентомъ. Изъ монастыря большой дере- вый крестъ, съ революціонныхъ гимновъ, быстро

двигался на наши войска, и сблизясь съ ними, въ фанатическомъ иступленіи ударилъ на нихъ съ толпой въ атаку, употребивъ вмѣсто оружія крестъ. Дивиться ли, что въ начавшейся свалкѣ крестъ былъ изломанъ? Этотъ случай послужилъ коноводамъ мятежа темой для поддержанія агитаціи и для придачіи ей религіознаго характера: стали распространять слухи будто Москали, какъ враги католицизма, ломаютъ католическіе кресты. Съ этой поры изображеніе изломаннаго креста сдѣлалось революціонною эмблемой: оно постоянно встрѣчалось на издававшихся въ ту пору революціонныхъ брошюркахъ, воззваніяхъ, затѣмъ стало даже туалетнымъ украшеніемъ и попадалось на серьгахъ, кольцахъ, запонкахъ и т. п.

Въ 1862 году, за мѣсяць до годовщины описаннаго событія, по Ковенской губерніи стали распространяться въ средѣ сельскаго населенія воззванія, въ которыхъ польская партія добивалась сдѣлать изломанный крестъ предметомъ демонстративныхъ служеній въ костелѣ. Воззванія эти были на жмудскомъ языкѣ. Сначала распространено было слѣдующее:

„Братья Жмудины! Вотъ посмотрите на изломанный крестъ. Въ городѣ Варшавѣ (1861 года 8-го апрѣля) подъ этимъ крестомъ убито Москалями 20 человекъ и одинъ ксендзь на молитвѣ. Послѣ того дѣйствительно оскверненъ костелъ, изорваны священныя вещи, опрокинуты алтари, а въ двухъ костелахъ сдѣлали Москали разбой, такъ что остались кровь и слезы (1861 года 3-го октября). За то вдругъ всѣ костелы заперты въ Варшавѣ.“

Это воззваніе было напечатано красными буквами, съ изображеніемъ на немъ переломленнаго креста, и найдено было приклееннымъ на стѣнахъ нѣсколькихъ костеловъ. Затѣмъ, за нѣсколько дней до годовщины варшавскаго событія, совпадавшей въ 1862 году съ первымъ днемъ Пасхи, распространено было въ средѣ населенія Ковенской губерніи другое воззваніе, приспособленное къ обстоятельствамъ времени. По разчетамъ агитаторовъ, между крестьянами собравшимися въ костелы по случаю праздника Пасхи должны были начаться толки о появившихся новыхъ воззваніяхъ. Ксендзы и шляхта знали уже какъ слѣдуетъ руководить такими толками. Вотъ что гласило это второе воззваніе.

„Всемогущій, помилуй насъ! Братья Жмудяки! этотъ перерубленный крестъ есть знакъ преслѣдованія Москалями нашей вѣры, нашей святой церкви и нашихъ братій. Выстав-

день онъ здѣсь съ тѣмъ чтобы напомнить вамъ, что сей день назначенъ святою церковью для моленій за страждующихъ братій, за томящихся въ плѣну, за нашу вѣру и истину; а также для того чтобы вы оставили всѣ старыя дурныя привычки, жили въ согласіи и единствѣ, имѣли вѣру, надежду и любовь; тогда во истину, по словамъ Всемогущаго Бога, вскорѣ на вашей землѣ узрите царствіе Божіе и правду Его.“

Въ заключеніе приводимъ, для куріоза, распространенную одновременно съ названными воззваніями, и тоже по поводу изломаннаго креста, прокламацію къ *Русскимъ*, на русскомъ языкѣ, найденную въ городѣ Шавляхъ, на воротахъ мызы графа Зубова. Сохраняемъ орографію подлинника, обнаруживающую національность автора, который выдаетъ себя, подобно нынѣшнимъ корреспондентамъ нашихъ польскихъ газетъ, за *русскаго патриота*.

„Братья Русскіе!“

„Крестъ срубленный на улицѣ Варшавы и эти сотни виновныхъ жертвъ падшихъ отъ стрѣловъ ненасытныхъ и кровавыхъ палачей Русскихъ въ Варшавѣ есть фактомъ оскорбленія цѣлаго христіанства. Мы *русскіе патриоты* протестуемъ противъ такихъ варварскихъ и пагубныхъ дѣйствій монгольско-нѣмецко-русскаго правленія, и повторяя слова знаменитаго Искандера, „скрестивши руки на груди просимъ прощенія у Польши“. Россія стоитъ ниже государствъ азіатскихъ, ибо будучи христіанскою, поступаетъ во сто разъ хуже погань. Теперешній монгольскій деспотизмъ мѣшаетъ образованности и развитію не только въ здѣшнемъ государствѣ, но и прочимъ европейскимъ державамъ. Чтобы избѣгнуть отъ чернаго и тягостнаго пятна на сердцѣ русскомъ, *отдадимъ Польшу, Литву и Украину*. Если отдадимъ добровольно, то будемъ имѣть въ нихъ вѣрнѣйшихъ друзей и хорошихъ сосѣдей. Если же не отдадимъ добровольно, то раньше или позже народъ дотребуетъ своихъ правъ истинныхъ, подлежащихъ ему, созрѣетъ, дойдетъ до силы и будетъ непримиримымъ и заклятымъ врагомъ не только нынѣшняго монгольскаго деспотизма, но и нашей народности, съ орудіемъ въ рукахъ выгонитъ насъ изъ своего отечества какъ собакъ; затѣмъ

Реформы! Реформы!“

„Голосъ русскихъ патриотовъ.“

Пѣніе въ костелахъ революціонныхъ пѣсень, которымъ польская партія, а за нею и мы, стали придавать названіе гимновъ, составляло вторую степень открытыхъ при пособіи костела волненій. Для того чтобы мятежники были въ состояніи пѣть въ костелахъ, надо было способствовать наибольшему распро-

страненію текста пѣсенъ, которыхъ насчитывалось около двухъ десятковъ, и научиться пѣть ихъ хоть съ голоса. Руководители агитаціи обратили на этотъ предметъ должное вниманіе. За недостаткомъ печатнаго текста, они распорядились о перепискѣ пѣсенъ въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ; наиболѣе дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ приняли мѣстныя учебныя заведенія, гдѣ даже дѣвочки посильно содѣйствовали патриотическому дѣлу: въ Вильнѣ, лѣтомъ 1861 года, заразъ закрыты были, за переписку революціонныхъ гимновъ, два женскіе частныя пансіона: г-жѣ Выгановской и Ключковской. Къ согласному пѣнію, по составленному въ Варшавѣ мотиву, приучались не только въ домашнихъ кружкахъ, но и въ костелахъ, въ свободное отъ церковной службы время: такъ, напримѣръ, ковенскихъ гимназистовъ училъ пѣть ихъ законоучитель въ гимназическомъ костелѣ.

Первая демонстрація въ Вильнѣ съ пѣніемъ состоялась 8-го мая. Въ этотъ день, по случаю праздника Св. Станислава, въ кафедральномъ римско-католическомъ соборѣ отправлялась литургія епископомъ, при сослуженіи духовенства. Со стороны администраціи, *знавшей* о намѣреніи Поляковъ провозвести демонстрацію, *еще наканунѣ* сдѣлано было распоряженіе чтобы полиція наблюдала за агитаторами. Костелъ былъ полонъ народомъ; на службѣ присутствовало все высшее дворянство. Въ ту минуту когда епископъ вознесъ дары предъ народомъ, человекъ тридцать-сорокъ агитаторовъ, ставъ въ кучу, запѣли „*Боже цюсъ Польске*“. По знаку данному духовенствомъ, заигралъ органъ, но не могъ заглушить пѣнія, которое перешло въ крикъ и окончилось только тогда когда гимнъ былъ пропѣтъ до конца.

Несмотря на то что въ пѣніи участвовало отъ тридцати до сорока человекъ, полиція арестовала не коноводовъ, а пятерыхъ студентовъ университетовъ: Петербургскаго—Виктора Пашковскаго, Московскаго—графа Казимира Тышкевича, Ксаверія Корево, Александра Зильверовича, и Дерптскаго—Болеслава Лимановскаго.

Надъ ними наряжено было формальное слѣдствіе, которое привело къ тому, что „никакихъ указаній о подстрекателяхъ и тайныхъ агентахъ не обнаружено, по отсутствію чистосердечнаго раскаянія въ арестованныхъ лицахъ“. Коммиссія, по новости дѣла, добывалась по крайней мѣрѣ узнать „откуда пѣвцы узнали гимнъ“, на

любопытство ея не было удовлетворено даже и въ этомъ отношеніи: одинъ показывалъ, что узналъ гимнъ за границей, другой что зналъ его смолоду, а графъ Тышкевичъ объяснилъ съ откровенностью что слышалъ его въ *Москвѣ* * *при пѣніи за убитыхъ въ Варшавѣ*. Молодыхъ людей, какъ политическихъ преступниковъ, выслали, разумеется, изъ края, тогда какъ не только истинные виновники волненій, но и семь восьмыхъ изъ числа пѣвшихъ гимнъ преспокойно остались въ Вильнѣ: главная вина юношей состояла въ томъ что изъ массы пѣвшихъ они первыми попались въ руки полиціи.

Изъ костела агитація быстро перешла на улицу. 9-го мая толпа женщинъ, въ числѣ коихъ на первомъ планѣ были помѣщицы Валицкая съ дочерью и Жаба, явилась въ генералъ-губернаторскій дворецъ и настойчиво домогалась свиданія съ начальникомъ края для истребованія, какъ онѣ объясняли, освобожденія изъ-подъ ареста юныхъ агитаторовъ, принимавшихъ участіе въ пѣніи. Паннамъ было въ этомъ отказано. Патріотки, не теряя бодрости, объявили тогда что онѣ на другой же день соберутся въ гораздо большемъ числѣ и настоятъ на своемъ.

Онѣ сдержали слово. 10-го мая въ Вильнѣ поднялось небывалое до того времени уличное волненіе. Съ утра у Островратской часовни стала собираться толпа женщинъ, одѣтыхъ въ глубокой трауръ; къ ней присоединилась другая толпа изъ гимназистовъ и студентовъ; паны опасавшіеся ответственности за первую уличную манифестацію благоразумно уклонились отъ *непосредственного участія* въ ней и находились въ сторонѣ, въ качествѣ зрителей. Толпа траурныхъ дамъ, подъ предводительствомъ помѣщицъ Валицкой, Жобы и дѣвицы графини Плятеръ, отправляясь на патріотическій похороны, кинулась на колѣни предъ иконой Островратской Божіей Матери и пропѣла революціонную пѣсню. За тѣмъ попарно двинулась она ко дворцу, шествуя по самымъ люднымъ улицамъ города. Гимназисты и студенты, также попарно, слѣдовали въ процессіи за дамами.

Дворецъ въ Вильнѣ расположенъ на пересѣченіи улицы съ площадью, куда выходятъ его главный и боковой фасады;

* Въ петербургскомъ и московскомъ костелахъ тоже были, какъ извѣстно, демонстративныя паныхиды „по пяти жертвамъ“.

третій фасадъ, на которомъ находится и парадный подъездъ, обращенъ на широкой дворъ съ воротами на улицу.

Часть толпы, человекъ во сто, успѣла ворваться во дворъ. Такъ какъ за ней немедленно заперли ворота, то вся остальная часть, простиравшаяся до полуторы тысячи, осталась на улицѣ и загрохотала площадь.

Главный начальникъ края дозволилъ допускать, для объясненія, нѣкоторыхъ изъ ворвавшихся на дворъ патриотокъ, но съ тѣмъ чтобъ онѣ входили во дворецъ не иначе какъ по одиночку. Требования ихъ объ освобожденіи арестованныхъ удовлетворены, конечно, не были. Переговоры тянулись однако часа два: толпа въ это время росла, и волненіе усиливалось. Дабы покончить наконецъ со столь скандальной сценой, призваны были войско и пожарная команда, и патриоткамъ объявлено, что если онѣ не разойдутся, пожарнымъ приказано будетъ обливать ихъ водой. Угроза подѣйствовала: толпа стала расходиться.

Слѣдствіемъ этой исторіи было распоряженіе о принятіи по городу кое-какихъ полицейскихъ предосторожностей и о высылкѣ г-жъ Валицкой съ дочерью, Жабы и графини Плятеръ въ ихъ имѣнія, съ отобраніемъ подписокъ что онѣ оттуда отлучаться не будутъ.

Надо отдать справедливость коноводамъ агитаціи, что употребленный ими маневръ для перенесенія агитаціи изъ костела на улицу былъ искусно разчитанъ и выполненъ. Еслибъ уличныя демонстраціи были начаты прямо панамъ со сподручною имъ шляхтой, онѣ могли бы, чего добраго, возбудить энергію власти. Перенесеніе же агитаціи на улицу женщинами, при содѣйствіи школьниковъ, *безъ всякаго, по-видимому, участія зрѣлыхъ людей*, должно было, по разчету пановъ, показаться дѣломъ менѣе серьезнымъ чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Устранившись, по наружности, отъ уличныхъ скандаловъ, коноводы возложили ихъ на первое время всецѣло на учащуюся молодежь и женщинъ, поддержанныхъ ватагами мелкой шляхты и канцеляристовъ. Эти подставные политическіе дѣятели съ начала второй половины мая дѣлами толпами странствовали по костеламъ и по городу, распѣвая повсюду революціонные гимны, преслѣдуя полицію бранью, а иногда и побоями, дѣлая неприятели дамамъ не носившимъ траура, оскорбляя встрѣчныхъ Русскихъ, выбивая стекла въ

домахъ гдѣ жили русскіе чиновники, и т. д. Толпы эти брали не только своею численностью и дерзостью, но и ничтожествомъ, потому что администрація затруднялась принятиемъ серьезныхъ мѣръ противъ агитаціи такого сорта мятежниковъ.

Періодъ наружнаго преобладанія школьниковъ продолжался въ теченіе всего лѣта 1861 года. Чтобъ ознакомиться съ его характеромъ, приведемъ нѣсколько выборокъ изъ бывшихъ у насъ подъ рукою виленскихъ полицейскихъ документовъ этого времени.

16-го мая, въ 7 часовъ пополудни, предъ изображеніемъ Богородицы у Францисканскаго монастыря, когда духовенство возвратилось въ костелъ, ученики виленской гимназіи, въ числѣ около 60-ти, а также студенты разныхъ университетовъ до 10 человекъ, и прочій народъ, коего было около 500, пѣли возмутительный гимнъ. Въ числѣ поющихъ замѣчено: гимназистовъ 24, кадетъ 1, дворянокъ 5, содержательницъ пансіоновъ 2, чиновницъ 5, помѣщиковъ (изъ крупныхъ) 1, помѣщицъ 3.

17-го мая, въ 6^{1/2} часовъ пополудни, въ Островратскомъ костелѣ, „послѣ отслуженія епископомъ Красинскимъ вечерни, ученики виленской гимназіи, коихъ было до 30-ти, стѣснившись въ толпу по лѣвой сторонѣ большого престола, пропѣли съ неистовствомъ, крича каждый изъ нихъ со всей силы возмутительный гимнъ. Изъ числа ихъ извѣстны только два...; сверхъ того пѣла этотъ гимнъ дочь помѣщицы N N“. Возлѣ поющихъ находилась толпа *разнаго народа*, въ числѣ коего стоялъ аптекарь, а также было до 70 другихъ той же гимназіи учениковъ, которые хотя не пѣли, но слѣдили за дѣйствіями чиновниковъ полиціи. По окончаніи пѣнія, помянутые ученики толпою вошли чрезъ особыя двери, находившіяся возлѣ большого престола, въ ризницу. Выхода же изъ костела, затворивъ за собою двери, сказали: „пойдемъ тѣсною толпою“. „Не представится ли возможнымъ, замѣчено въ донесеніи, убѣдить учебное начальство, чтобы для наблюденія за учениками назначаемы были надзиратели заведеній какъ въ костелы, такъ и на гулянье въ Закретъ и Антоколь, * такъ какъ безъ сего они свободно будутъ продолжать эти безпорядки?“

* Предмѣстья Вильны.

21-го мая, „въ половинѣ перваго пополудни, въ костелѣ Св. Иоанна, при большомъ стеченіи народа, послѣ окончанія богослуженія, ученики здѣшной гимназіи, въ числѣ болѣе 150-ти, стѣснившись въ густую толпу по лѣвой сторонѣ, между стѣною и колоннами, будучи окружены множествомъ разнаго сословія людей, стали на колѣни, а за ними и всѣ ихъ окружающіе, и громкимъ голосомъ пропѣли возмутительный гимнъ. Стоявшихъ на колѣнахъ было около пяти сотъ, но какъ всѣ вообще были пригнувши и прикрывались платками, шляпами и бурнусами, а потому замѣчены только слѣдующіе“ (слѣдуетъ перечень именъ). Гимназистовъ насчитано 62.

„Къ сему присовокупляется, 1) что зачинщиками и руководителями пѣнія были ученики 6-го класса гимназіи, два брата Д., и 2) ученики гимназіи съ каждымъ днемъ дѣлаются болѣе смѣлыми и дерзкими, а также публично оскорбляютъ полицейскихъ чиновниковъ. Это въ особенности доказали они 21-го мая, при проходѣ двухъ полицейскихъ чиновниковъ изъ костела большими дверьми черезъ гимназіальный дворъ на улицу, гдѣ они, собравшись до двухъ сотъ, стали кричать, ругать послѣдними словами и угрожать самыми дурными послѣдствіями; потомъ, когда одинъ изъ этихъ чиновниковъ, сѣвъ на дрожки, отъѣзжалъ отъ костела, то они, выйдя со двора, провожали его, при большомъ стеченіи народа, тоже оскорбительными бранными словами“.....

Того же числа, „передъ фигурою Пресвятой Богородицы у Францисканскаго костела, на дворѣ находящеюся, ученики гимназіи, въ числѣ 30-ти, и прочіе люди, бывшіе на вечерни, когда духовенство отправилось въ костелъ, пропѣли возмутительный гимнъ“.

24-го мая, „въ 7 часовъ пополудни, предъ фигурою Пресвятой Богородицы у Францисканскаго костела, на дворѣ находящеюся, по окончаніи вечерни, разнаго званія люди, а въ томъ числѣ около 60 учениковъ виленской губернской гимназіи, пѣли возмутительный гимнъ. „Въ числѣ ихъ названо: гимназистовъ 24, чиновниковъ 3. По окончаніи этого гимна, ученики гимназіи, выйдя на улицу, остановились и нарочно ожидали выхода полицейскихъ чиновниковъ, а потомъ понесли ихъ самыми оскорбительными выраженіями,“ приглашая ихъ на слѣдующій день на какую-то маевку; „дамы же, повидимому подстрекая ихъ къ тому, также съ улыбкою дѣлали насмѣшку.“

26-го мая, „въ 7 часовъ пополудни, послѣ вечерни, предъ фигурою Пресвятой Богородицы у Францисканскаго монастыря, на дворѣ находящеюся, ученики здѣшней гимназіи, въ числѣ около 40, нѣсколько студентовъ разныхъ университетовъ, а также и прочій народъ, коего было около 600, пѣли возмутительный гимнъ“. Въ числѣ помощихъ названо: учениковъ гимназіи 47, помѣщиковъ и помѣщицъ 5, шляхтянокъ 2, чиновникъ 1.

Того же числа, „въ 6 часовъ утра, въ костелѣ Антокольскаго Тринитарскаго монастыря, во время литургіи, ученики гимназіи, студенты разныхъ университетовъ и прочія лица, въ числѣ около 70, вытѣснивъ изъ костела Антокольскаго форштата хожалаго унтеръ-офицера, пѣли тоже упомянутый гимнъ. Зачинщиками онаго были служащій въ казенной палатѣ сынъ парикмахера Л., какой-то К., юнкеръ Новоигерманландскаго пѣхотнаго полка, фамилія коего неизвѣстна, и дочь доктора Г.“

29-го мая, „въ 7 часовъ пополудни, предъ фигурою Пресвятой Богородицы у Францисканскаго костела, на дворѣ находящеюся, ученики здѣшней гимназіи, въ числѣ 40, тѣ же самые кои ежедневно замѣчаются въ пѣніи, и прочій народъ, коего было до 500, пѣли возмутительный гимнъ“. Въ числѣ помощихъ названо: 1 помѣщикъ, 3 чиновника и нѣсколько дамъ и дѣвицъ.

Вечеромъ 7-го іюня „ученикъ 5-го класса виленской гимназіи изъ Евреевъ, П., посланъ, былъ учениками изъ прогимназіи П. и И., а также гимназистомъ П. къ ученикамъ раввинской школы съ порученіемъ объявить имъ, что *они хотятъ съ ними помириться*, съ тѣмъ чтобъ они возмутительный гимнъ перевели на еврейскій языкъ и пѣли его, а также дабы они ходили съ ними на маевку“.

По этимъ выпискамъ, которыя легко было бы продолжить до бесконечности, можно судить о политической роли выпавшей на долю несчастной молодежи. Великодушныя патриоты-паньы не задумались выставить ее ширмой для прикрытія своихъ замысловъ и направить этимъ путемъ карательныя мѣры съ больной головы на здоровую. Для того чтобы вскипятить политическія страсти въ молодежи не требовалось ни искусства, ни ума: нуженъ былъ лишь достаточный запасъ недобросовѣстности дабы имѣть мужество, вызвавъ

съ нашей стороны атаку, прятаться отъ нея за женскія юпки и за дѣтей.

То же повторялось и въ другихъ городахъ Сѣверо-Западнаго края, въ особенности тамъ гдѣ находились гимназіи. Гдѣ послѣднихъ не было и гдѣ въ молодежи чувствовался недостатокъ, ея роль выполнялась шляхтой и чиновниками.

Въ Гродненской губерніи агитація была особенно сильна въ губернскомъ городѣ, Бѣлостоцкѣ, Брестѣ, Бѣльскѣ и Друскеникахъ, — городахъ по большей части пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ. Начнемъ съ Бѣлостока, гдѣ находилась гимназія и гдѣ молодежь была сгущена въ значительномъ числѣ.

Первымъ наружнымъ поводомъ къ агитаціи послужила бывшая туда, въ первыхъ числахъ мая, труппа польскихъ актеровъ подъ дирекціей Гана. Репертуаръ былъ выбранъ, разумѣется, польскій, и въ немъ особенное вниманіе обращали на себя піесы *Дороги*, *Краковяки* и *Касперъ Корлинскій*, которыя незадолго предъ тѣмъ исполнялись на виленской сценѣ. Театръ былъ постоянно полонъ; между посѣтителями на первомъ планѣ, по численности, были гимназисты. Все время представленія проходило въ изступленныхъ аплодисментахъ и крикахъ, которые, для начала, должны были служить наружнымъ проявленіемъ патріотическихъ чувствъ зрителей. Каждое выраженіе піесы которое хоть съ натяжкой можно было истолковать въ патріотическомъ смыслѣ, вызывало въ театрѣ бурю: она продолжалась обыкновенно нѣсколько минутъ и послѣ кратковременнаго затишья возобновлялась съ прежнею силой.

Это заявленіе польскихъ чувствъ скоро стало принимать характеръ болѣе задорный. Извѣстія изъ Вильны, дававшей тонъ польской партіи Сѣверо-Западнаго края, были до того благоприятны для патріотовъ что ободряли самыхъ робкихъ. 23-го мая попробовали первую демонстрацію съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ. При значительномъ стеченіи въ тамошнемъ костелѣ публики, человекъ двадцать гимназистовъ въ статскомъ платьѣ заплѣ „Боже цось Польске“. Старшій священникъ Бонковскій обратился къ агитаторамъ съ просьбой прекратить пѣніе и доказывалъ все неприличіе политической манифестаціи въ церкви; когда слова его не подѣйствовали, ксендзъ сталъ грозить приказаніемъ вывести агитаторовъ изъ костела. „Не хватитъ столько служителей

чтобы насъ вывести“, загудѣло въ толпѣ, и пѣніе продолжалось. Священникъ вынужденъ былъ остановить службу и въ сопровожденіи младшихъ ксендзовъ и органиста удалился изъ костела. То же повторилось и на другой день. Уѣздныя власти *не могли узнать* даже именъ зачинщиковъ пѣнія; несмотря на то что стеченіе народа было многочисленное, и что вмѣстѣ съ гимназистами былъ въ костелѣ ихъ учитель Г.

Попытка благочестиваго ксендза остановить профанцію костела прошла, повидимому, незамѣченною, и сколько намъ извѣстно, ничего не было сдѣлано чтобы поддержать служителя церкви который рѣшался идти противъ польскаго общественнаго мнѣнія.

Особенную агитацію произвелъ въ Бѣлостокѣ случившійся почти одновременно съ этимъ прїѣздъ туда графа Андрея Замойскаго, который, пробывъ въ городѣ лишь нѣсколько часовъ, въ тотъ же день отправился въ Варшаву. Замойскій, бывшій въ ту пору въ апогеѣ своей популярности въ Варшавѣ, сдѣлался предметомъ самыхъ восторженныхъ публичныхъ овацій бѣлостокской шляхты, которая видѣла въ немъ и открытаго врага русской власти, и главу партіи бѣлыхъ. Все польское населеніе Бѣлостока, собравшись на улицѣ черезъ которую Замойскій возвращался на станцію желѣзной дороги, громко сопровождало его криками: „ура, Замойскій, *первый шляхтичъ польскій!*“ Муцины махали шляпами, женщины осыпали путь цвѣтами.

Въ теченіи іюня пѣніе гимновъ въ Бѣлостокѣ стало со дня на день усиливаться. Видимую главой агитаціи были, какъ и въ Вильнѣ, молодежь и въ особенности женщины. Последнія несли на патриотическое дѣло посильную ленту. Вдова К. съ дочерью сдѣлалась главною руководительницей костельной агитаціи. Дѣвица В., сестра учителя о которомъ мы сейчасъ упоминали, раздавала по костеламъ народу медали съ изображеніемъ разрубленнаго креста, продавала перстни „въ память падшихъ братій“ и пр. Магазищица Л. приняла на себя верховное наблюденіе чтобы бѣлостокскія дамы не уклонялись отъ ношенія траура. Другая магазищица Б. вышла революціонное знамя, поставленное, по слухамъ, въ костелѣ. Одна изъ мѣстныхъ паннь, жена русскаго чиновника, была непремѣннымъ членомъ всѣхъ сборищъ агитаторовъ и публично проповѣдывала что она „сознаетъ

и исповѣдуетъ за собою одинъ страшный грѣхъ: тотъ что она вышла замужъ за Москаля и схизматика.“ Большимъ подспорьемъ для бѣлостокскихъ агитаторовъ были тамошніе служащіе при варшавской желѣзной дорогѣ Поляки, которые, находясь подъ начальствомъ французскаго инженера, чуть ли не считали за собою дипломатическаго *droit d'exterritorialité* и пытались отговариваться своею *неподсудностью* русскимъ учрежденіямъ. Во главѣ этого куріознаго дипломатическаго корпуса стоялъ возвратившійся изъ-за границы и состоявшій подъ надзоромъ полиціи эмигрантъ П—скій, который съ дерзостью выгналъ полицейскаго служителя посланнаго за приглашеніемъ, для какихъ-то объясненій, кучера г. Лемера, объявивъ что „полиція не имѣетъ никакого права требовать прислугу г. Лемера.“ П—скій былъ, до своего удаленія изъ Бѣлостока, однимъ изъ самыхъ арыхъ агитаторовъ.

Въ іюлѣ костельная агитація въ Бѣлостоку развилась уже до такой степени, что было найдено необходимымъ командировать туда для водворенія порядка вице-губернатора. Это распоряженіе не прекратило костельныхъ волненій.

16-го іюля, въ воскресенье вечеромъ, послѣ обыкновеннаго въ католическомъ костелѣ звона, лица разныхъ сословій стали за костельную ограду и болѣе получаса пѣли революціонныя пѣсни. То же повторилось 17-го и 18-го числа.

19-го іюля вице-губернаторъ, въ расчетѣ предупредить нарушение порядка, заблаговременно потребовалъ жандармскую команду и 15 рядовыхъ мѣстныхъ инвалидовъ и расположилъ втотъ отрядецъ близъ костела, ожидая обычнаго часа въ который агитаторы сходились для пѣнія. Когда агитаторы собрались и пѣніе началось, солдаты загородили всѣ выходы изъ ограды. Этимъ маневромъ удалось арестовать нѣсколько человекъ: двухъ шляхтичей служившихъ при желѣзной дорогѣ, дворянина К. служившаго поваромъ у г. Лемера, горничную дворянку В. и какого-то казеннаго крестьянина. Всѣ они стали отговариваться что „въ пѣніи не участвовали, а зашли-де въ ограду костела случайно“. Тогда арестовали нѣкоторыхъ господъ которымъ, при множествѣ уликъ, не было возможности отпираться отъ участія въ пѣніи. Но и тѣ объявили себя совсѣмъ не виновными: „Зайдя-де въ ограду костела и услышавъ общее пѣніе *набожныхъ* молитвъ, они и сами, преклонивъ колѣна, присоединились къ

поощимъ.“ Тѣмъ не менѣе арестованныхъ повели въ полицію. За ними двинулась вся толпа, человѣкъ до тысячи, которая, какъ гласить лаконическій рапортъ о событіи, „настойтельно требовала освобожденія (арестованныхъ) и даже брошено было нѣсколько камней, которыми нанесены были удары полицейскому унтеръ-офицеру и одному рядовому, и видимо было намѣреніе отбить арестованныхъ“.

20-го іюля снова собралась толпа въ ограду. Городничій опять разставилъ военную команду, поддержанную только что прибывшею въ Бѣлостокъ сотней донскихъ казаковъ, и самъ сталъ у костела. Когда началось пѣніе, то „люди лучшаго происхожденія пошли далѣе отъ городничаго, и уже многіе ушли на другую сторону костела“; на глазахъ полиціи пѣло только простонародье изъ мелкой шляхты и мѣщанъ. На этотъ разъ городничій рѣшился составить списокъ всѣмъ бывшимъ за оградой и съ этою цѣлью велѣлъ выпускать оттуда не иначе какъ по-одиночкѣ. Это распоряженіе возбудило общее негодованіе агитаторовъ, опасавшихся отвѣтственности. Они отправили отъ себя депутатомъ къ городничему ксендза, съ требованіемъ выпустить ихъ безъ записи фамилій, и грозя что въ противномъ случаѣ „объ этихъ насильственныхъ мѣрахъ вся Европа будетъ извѣщена, и сообщится въ газету *Колоколъ*“. Ни угроза, ни переговоры не привели ни къ чему, а между тѣмъ наступала полночь, и надо было на что-нибудь рѣшиться. Тутъ ходатаями за заключенныхъ явились нѣсколько мѣстныхъ вліятельныхъ чиновниковъ: они стали убѣждать полицію исполнить желаніе мятежниковъ и выпустить ихъ безъ записи фамилій, обѣщая за нихъ что костельныхъ пѣній *больше не повторится*. Полиція уступила.

На другой день, 21-го іюля, за „костельною оградой вновь собралась толпа до 400 человѣкъ, и послѣ обыкновенной пѣсни къ Богородицѣ, когда городничій появился въ оградѣ и ограду окружила одна сотня донскаго казачьяго № 28 полка, то началось пѣніе патріотической пѣсни. По требованію городничаго разойтись по-одиночкѣ, только нѣсколько человѣкъ это исполнили; остальные же требовали отвода войска, и тогда только согласились разойтись всѣ вмѣстѣ, съ тѣмъ чтобъ ихъ фамиліи не были записаны. Между тѣмъ позади войска началъ стекаться народъ, который, впрочемъ, по

приглашенію городничаго разойтись, разошелся, кромѣ секретаря П., не только не исполнившаго распоряженія полиціи, но еще выказывавшаго явное непослушаніе городничему. Находившаяся же въ оградѣ толпа оставалась до полуночи, пока не послѣдовало распоряженіе вице-губернатора объ освобожденіи собравшихся безъ записи ихъ фамилій.“

Въ Гроднѣ пѣніе гимновъ производилось съ тою же нестойчивостію и съ неменьшимъ неуваженіемъ къ законнымъ властямъ. Было бы слишкомъ утомительно для читателя слѣдить шагъ за шагомъ за процессомъ втягиванья общества въ пѣніе гимновъ, и потому мы ограничимся описаніемъ пѣнія въ костелѣ 29-го іюля.

29-го іюля утромъ, во время службы въ Фарномъ костелѣ, происходило пѣніе революціонныхъ гимновъ. Тамъ присутствовалъ по обязанностямъ службы и частный приставъ В. Одинъ изъ участниковъ пѣнія, канцелярскій служитель Лебель, сидѣвшій на первой скамейкѣ, сталъ грозить пальцемъ частному приставу. По окончаніи богослуженія и по выходѣ народа изъ костела, полицеймейстеръ встрѣтилъ Лебеля на бульварѣ и пригласилъ его отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ губернатору. Лебель отвѣчалъ что отправится, если самъ найдетъ его нужнымъ. Въ то время когда шла объ этомъ бесѣда между Лебелемъ и полицеймейстеромъ, ихъ окружила толпа Поляковъ, которые объявили полицеймейстеру что всѣ они пѣли въ костелѣ и готовы вмѣстѣ съ Лебелемъ отправиться къ губернатору.

Губернаторъ, узнавъ объ этомъ приключеніи, потребовалъ къ себѣ Лебеля, но послѣдній отозвался болѣзненно, и только по вторичному приказанію губернатора былъ приведенъ къ послѣднему. На вопросы губернатора „онъ отвѣчалъ дерзко и насмѣшливо и объявилъ что онъ не только не грозилъ пальцемъ, но даже и не пѣлъ что его полиція не имѣетъ права задерживать на улицѣ, что онъ будетъ жаловаться генераль-губернатору и даже Государю Императору на самоуправныя дѣйствія полиціи, что онъ будетъ просить формальнаго слѣдствія. Все это говорилъ Лебель на польскомъ языкѣ, увѣряя что говорить по-русски не умѣетъ, межъ тѣмъ какъ онъ находился на службѣ въ губернскомъ правленіи съ 1857 года и воспитывался въ гродненской гимназіи.“

Губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе объ исключеніи Лебеля

изъ службы и сверхъ того приказалъ арестовать его на нѣсколько дней на гауптвахтѣ.

Въ тотъ же день, въ 7 часовъ вечера, явилась къ губернатору толпа „разнаго званія, болѣе 300 человекъ, изъ которыхъ было *женщинъ* болѣе 200 и *мущинъ* до 100 человекъ, съ шумомъ и крикомъ требовала освобожденія Лебеля и силой (преимущественно женщины) врывалась въ губернаторскій домъ, несмотря на то что по семейнымъ обстоятельствамъ начальника губерніи необходима была особенная тишина. Всѣ *убѣжденія* губернатора разоитись по домамъ остались безуспѣшными.“ Такъ какъ толпа продолжала увеличиваться, то потребованы были двѣ роты гарнизоннаго баталіона, которыя оцѣпили губернаторскій домъ. Несмотря на это толпа *еще часа три* окружала домъ губернатора, пока наконецъ конные жандармы не заставили ее разоитись.

„Пѣніе возмутительныхъ гимновъ внутри костеловъ, писали тогда изъ Гродна, какъ въ Гроднѣ такъ и въ другихъ городахъ и уѣздахъ продолжается, и несмотря на всѣ *убѣжденія*, дѣлаемая лично начальникомъ губерніи ксендзамъ въ Гроднѣ, а также и другимъ лицамъ, оно вовсе не уменьшается.“ Чтò касается до лицъ замѣшанныхъ въ главномъ участіи въ пѣніи, то „всѣ они въ томъ *не сознаются*, объясняя что они только находились въ костелѣ, но вовсе не пѣли, *уличить же ихъ въ это въ нѣтъ никакой возможности, потому что никто не рѣшается подтвердить въ этомъ отношеніи докладъ полиціи, а сами уличаемые объясняютъ что, впрямую, по личному негодованію сдѣланъ подобный докладъ*“.

Для предупрежденія на будущее время повторенія сценъ подобныхъ той кака была 29-го іюля, сдѣланы были въ Гроднѣ слѣдующія распоряженія:

- 1) Гродненская полиція усилена пятьюдесятью казаками.
- 2) Экзекуторы всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ Гроднѣ обязаны были подпиской *каждодневно находиться въ костелѣ во время ранней службы. Имъ предписывалось:*

„Для наблюденія чтобы *служащіе молодые люди вели себя съ должнымъ приличіемъ и благоговѣніемъ въ храмахъ Божіихъ и чтобы не участвовали въ пѣніи возмутительныхъ гимновъ, поручается съ подпискою на семь же гг. экзекуторамъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, чтобы они *каждый день непременно съ 7 до 10 часовъ утра присутствовали**

при совершеиі въ костелахъ богослуженій, предваривъ нынѣ же служащихъ лицъ что пѣніе возмутительныхъ гимновъ въ костель воспрещено, и что всякій чиновникъ замѣченный въ томъ пѣніи будетъ удаленъ отъ службы, какъ не исполняющій распоряженій правительства. При чемъ вмѣняется въ обязанность гг. экзекуторамъ, въ случаѣ вопроса полицейскихъ чиновниковъ о фамилии служащаго лица, которое будетъ замѣчено въ пѣніи, немедленно объявить имъ фамилію того лица.“

Наконецъ, 3) для предупрежденія чтобы служащія лица не участвовали въ пѣніи во время ранней службы, написано декану чтобъ онъ начиналъ утреннюю службу, *вмѣсто семи, въ девять часовъ*. Деканъ отозвался на это что „порядка богослуженія въ римско-католическихъ костелахъ, существующаго съ давнихъ временъ, онъ перемѣнить не въ правѣ“.

Та же агитація была и въ другихъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края. Разница ея отъ Виленской и Гродненской губерній заключалась не въ сущности, а въ формахъ, да развѣ въ томъ еще, что по мѣрѣ удаленія отъ Варшавы къ востоку, патриотизмъ пановъ высказывался осязательнѣе, молодежь чувствовала себя болѣе польскою. Въ Могилевѣ, Горкахъ, Рогачевѣ, гдѣ въ средѣ кореннаго мѣстнаго населенія нѣтъ ни одного католика, гимны въ костелахъ пѣлись съ болѣшимъ ожесточеніемъ, тяготѣніе пановъ въ Варшавѣ проявлялось еще замѣтнѣе чѣмъ въ Ковнѣ или въ Вильнѣ.

Послѣднимъ и самымъ буйнымъ проявленіемъ революціонной агитаціи, при содѣйствіи костела, были религіозныя процессіи. Онѣ имѣли назначеніемъ возлечь въ волненія непричастное имъ католическое простонародье въ селахъ и городахъ, разрушать въ его глазахъ авторитетъ законной власти, готовить массы къ открытому сопротивленію полиціи и войскамъ. Этого рода демонстраціи начались въ іюнѣ съ процессіей религіозныхъ, при которыхъ политическій характеръ, по возможности, маскировался, по крайней мѣрѣ на словахъ; за тѣмъ, къ концу іюля, онѣ приняли характеръ уже чисто политическій.

Религіозныя католическія процессіи совершались въ западныхъ губерніяхъ при такой обстановкѣ которая уже сама по себѣ приводила городское населеніе въ напряженное состояніе. Католическое духовенство не щадило ничего чтобъ увеличить помпу процессій. Оно съ торжественною медленностью двигалось по главнѣйшимъ улицамъ городовъ, при крестахъ,

иконахъ, хоругвяхъ, свѣтильникахъ, цеховыхъ значкахъ, при соучастіи всего духовенства и въ сопровожденіи массы католическаго населенія, внушительно говоря собою встрѣчному что тутъ исключительное царство католицизма, а такъ какъ у насъ католицизмъ успѣлъ объединиться съ польщицкой, то процессіи служили какъ бы наружнымъ проявленіемъ безраздѣльнаго господства въ краѣ польской партіи. Поляки ясно понимали впечатлѣніе производимое такими торжественными процессіями на воображеніе массъ, и съ своей стороны усердно содѣйствовали поддержанію помпы церковныхъ ходовъ и уваженія къ нимъ простонародья. Все дворянство, польское чиновничество, ополяченное мѣщанство, панская челядь въ праздничныхъ нарядахъ, съ непокрытыми головами слѣдовали за церковнымъ ходомъ; лавки не только католиковъ, но и Евреевъ и Русскихъ, во время слѣдованія церемоніи запирались, рискуя въ противномъ случаѣ полатиться выбитыми у оконъ стеклами или инымъ скандаломъ; Евреи не смѣли показываться на улицѣ безъ опасенія быть до полусмерти избитыми слѣдующимъ за процессіей людомъ; встрѣчный, который не снялъ бы предъ процессіей шапки, подвергся бы уличному скандалу.

Процессіи сами по себѣ, какъ обрядъ чисто религіозный, не имѣли бы, разумѣется, политическаго значенія, но такъ какъ онѣ искони служили, подъ покровомъ религіи, заявленіемъ польскихъ національныхъ тенденцій, то онѣ и въ мирное время имѣли прежде всего характеръ манифестацій политическихъ, на которыя мы, по привычкѣ затрудняться при разрѣшеніи вопросовъ требовавшихъ серьезнаго обсужденія, смотрѣли сквозь пальцы. Мы не хотѣли знать что даже въ такихъ католическихъ государствахъ какъ Франція и Италія процессіи внѣ костела вовсе не признаются необходимою принадлежностью католической церкви и подлежатъ вѣдѣнію не епархіальнаго, а *исключительно* полицейскаго вѣдомства, отъ котораго вполне зависитъ не только разрѣшить или не разрѣшить процессію, но и опредѣлить тѣ условія при которыхъ она можетъ совершаться, а въ случаѣ нарушенія котораго-либо изъ условій, взыскивать съ нарушителей, несмотря на то будутъ ли они лица духовныя или свѣтскія, по законамъ гражданскимъ. Можно сказать съ увѣренностью, что при тѣхъ политическихъ и религіозныхъ условіяхъ въ которыхъ находятся наши западные

губернии, ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не были бы разрѣшены католическія процессіи *по городу* и развѣ, и то въ видѣ особенной любезности, были бы допущены крестные ходы вокругъ костеловъ, съ особымъ на каждый разъ разрѣшеніемъ полиціи.

Понятно что процессіи имѣвшія, какъ мы указали, политическій и вмѣстѣ съ тѣмъ буйный характеръ и во время полного спокойствія въ краѣ, должны были сдѣлаться весьма сильнымъ революціоннымъ средствомъ при разгарѣ въ краѣ политическихъ страстей и разнузданности польской партіи. Въ 1861 году, помимо процессій бывавшихъ въ прежніе годы, духовенство стало назначать множество новыхъ, прежде небывалыхъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ единственно по своему усмотрѣнію и не только не испрашивая на то разрѣшенія гражданскаго начальства, но совершая ихъ зачастую при формальномъ запрещеніи администраціи. Виленское епархіальное вѣдомство, знавшее что въ Вильнѣ есть полная возможность воспрепятствовать манифестаціи, удостоивало еще центральную администрацію краткимъ *извѣщеніемъ* что такого-то числа состоится обычная церковная процессія; что же касается до прочихъ латинскихъ епархій съ ихъ приходами, то онѣ не только старались въ большей части случаевъ вовсе не испрашивать разрѣшеній со стороны мѣстныхъ свѣтскихъ властей, но добивались подчинить и гражданскія власти своимъ требованіямъ.

Вотъ для куріоза извлечение изъ отношенія виленскаго епископа, писаннаго въ 1862 году по поводу праздника *Божьяго тѣла*. Епископъ не испрашивалъ разрѣшенія на процессію, а только предварилъ начальство что 7-го іюня совершится въ Вильнѣ процессія. Какъ полный хозяинъ города, онъ не только властною рукою назначилъ время совершения церковнаго хода и улицы по которымъ церемонія будетъ слѣдовать, но опредѣлялъ даже степень участія въ ней такого свѣтскаго учрежденія какъ городское общество. „Религіозный актъ этотъ, писалъ епископъ, при участіи всѣхъ цеховыхъ обществъ съ ихъ знаменами, начнется въ 12 часовъ утра съ кафедральнаго собора и послѣдуетъ оттолъ по улицамъ: Замковой, около ратуши, Нѣмецкой, Доминиканской и Дворцовой, съ провозглашеніемъ Св. Евангелія у кафедръ, у церкви Св. Іоанна, у ратуши и у дома Дераеса.“

Подобныя „предписанія“ возможны развѣ въ одномъ Римѣ

и то по именному повелѣнію папы; а между тѣмъ далеко ли то время когда такого рода бумаги никого не удивляли и безпрекословно исполнялись гражданскими властями!

Въ Брестѣ, въ 1861 году, въ праздникъ *Божьяго тѣла*, процессіи предшествовала бѣлая хоругвь съ чернымъ крестомъ, вышитая въ память *пяти варшавскихъ мучениковъ* содержательницей тамошняго женскаго пансіона Шостаковскою. Хоругвь эту вокругъ костела и по городу носили воспитанницы пансіона *, которыхъ патриотки не стыдились втягивать въ политическую агитацію. При всемъ томъ процессіи въ честь „Божьяго тѣла“, вызывая частные беспорядки, сохраняли характеръ до известной степени мирный: въ ту пору убѣжденіе въ безнаказанности антиправительственныхъ агитаторовъ и въ перевѣсѣ силъ революціонной партіи надъ силой законныхъ властей не успѣло еще вполне усвоиться въ средѣ польщизны.

Съ наступленіемъ послѣднихъ чиселъ іюня и началомъ іюля, католическое духовенство, согласно *mot d'ordre* полученному отъ революціонныхъ властей, начинаетъ обуреваться страстью къ процессіямъ и устраивать ихъ безъ всякаго повода и по большей части даже безъ предварительныхъ сношеній съ гражданскими властями. Церемоніи эти назначались въ городскихъ и сельскихъ костелахъ, и со дня на-день развивались болѣе и болѣе: въ половинѣ іюля въ нѣкоторыхъ городахъ случалось по нѣскольку процессій въ недѣлю; въ нѣкоторыхъ бывало даже по нѣскольку процессій въ день. Онѣ слѣдовали въ сопровожденіи болѣе или менѣе многочисленной толпы народа не только по улицамъ города, но чаще за городъ, верстъ за 10—15, иногда и гораздо далѣе, откуда возвращались или ночью, или на другія сутки. Легко представить себѣ какую агитацію производили эти демонстраціи, усиленно втягивавшія народъ въ мятежъ, особенно если вспомнить что папы употребляли всѣ мѣры къ тому чтобъ усилить волненіе: процессія двигалась съ чрезвычайною помпой, съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ; ей предшествовала вездѣ почти револю-

* Въ 1862 году къ этой хоругви прибавленъ былъ, рядомъ съ крестомъ, одноглавый польскій орелъ, и прицѣплено къ кресту нѣсколько бѣлыхъ лентъ, за которыя, при процессіяхъ, патриотки-наставницы заставляли держаться ученицъ вътрѣнныхъ ихъ попеченію.

ціонная хоругвь съ изображеніемъ креста съ терновымъ вѣнкомъ (въ память варшавскихъ событій); жители селеній, чрезъ которыя слѣдовалъ крестный ходъ, обязаны были выходить ему навстрѣчу и сопровождать его; при прохожденіи мимо костеловъ процессія встрѣчалась и провожалась съ колокольнымъ звономъ; помѣщики, ксендзы дѣлали ей торжественныя встрѣчи; при продолжительномъ пути, для толпы сопровождавшей ходы устраивались панами на привалахъ угощенія и попойки.

Бороздя край во всѣхъ направленіяхъ, процессіи вносили необычную тревогу въ мирную среду сельской жизни. Воображеніе простолюдина поражалось не столько quasi-церковнымъ характеромъ и торжественностью ихъ, не столько революціонными гимнами которыя распѣвались ксендзами и шляхтой, не столько даже проклятіями которыя, подъ свѣцію крестовъ, иконъ и хоругвей, въ изобиліи сыпались на Москалей, сколько очевидностію что законныя власти не въ силахъ бороться противъ лиги пановъ со ксендзами и вынуждены терпѣливо сносить наносимыя имъ оскорбленія. Для того чтобы судить о характерѣ агитаціи посредствомъ процессій, укажемъ нѣсколько случаевъ изъ одного уѣзда, наприкладъ Бѣлостоцкаго.

27-го іюня, въ 11 часовъ вечера, прибыла въ Бѣлостокъ изъ мѣстечка Супрасля съ одною хоругвю и со ксендзомъ процессія изъ города Василькова. Ее сопровождало до ста человекъ съ обычнымъ пѣніемъ. Отъ Гродненской заставы она отправилась прямо въ бѣлостоцкій костель, гдѣ встрѣчена была мѣстными ксендзами. На другой день, 29-го іюня, въ 5 часовъ утра, эта процессія, въ соединеніи съ бѣлостоцкою процессіей, отправилась съ пѣніемъ въ мѣстечко Заблудово, въ сопровожденіи ксендзовъ и народа. Бѣлостоцкая процессія вернулась въ городъ вечеромъ въ 10 часовъ.

9-го іюля изъ бѣлостоцкаго католическаго костела отправилась процессія въ мѣстечко Тыкочинь (въ Царствѣ Польскомъ) съ образами, въ сопровожденіи мѣстнаго духовенства, при стеченіи народа и съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ. Ксендзы отозвались въ послѣдствіи, будто бы „9-го іюля, во время службы, толпа *неизвѣстныхъ* людей, преимущественно женщинъ, явилась въ костель, и взявъ подъ руки совершавшаго службу ксендза, насильно заставила его сопровождать процессію“.

25-го *юля*, послѣ утренней литургіи, изъ бѣлостоцкаго костела вышла „незначительная по числу сопровождавшихъ, но знаменательная по характеру процессія въ мѣстечко Добржиновъ, никогда прежде не бывавшая. Ксендзы ея не сопровождали, но при выходѣ изъ костела, она благословлена была ксендзомъ, совершавшимъ литургію, Малышевичемъ, и самъ деканъ уѣхадъ впередъ и въ Добржиновъ принималъ ее вмѣстѣ съ другими. Въ восьмомъ часу вечера она возвратилась также безъ ксендзовъ, которые оставили ее предъ городомъ.“

23-го *юля* „готовились прибыть въ Бѣлостокъ пять процессій“, которыя не прибыли единственно вслѣдствіе предупредительныхъ мѣръ находившагося тамъ въ ту пору вице-губернатора.

30-го *юля* въ имѣніи графини Потоцкой Туросль (Гродненской губерніи) совершенно было по случаю праздника Св. Анны молебствіе, на которое изъ смежнаго прихода Невадненцы прибыла процессія съ образами и хоругвями (но безъ ксендзовъ), никогда до того времени не бывавшая. Она вступила въ Туросль съ пѣніемъ религиозныхъ гимновъ, которые пропѣла предъ началомъ и по окончаніи литургіи, и т. д.

При польскихъ процессіяхъ Сѣверо-Западнаго края замѣчалось что онѣ наиболѣе распространены были въ смежныхъ съ Царствомъ Польскимъ мѣстностяхъ, особенно по теченію Нѣмана и Буга, отдѣляющихъ Царство отъ губерній Гродненской, Виленской и Ковенской. Дѣло вскорѣ объяснилось: Поляки готовили цѣлый рядъ блестящихъ процессій въ годовщину соединенія Литвы съ Польшей, 31-го *юля* (12-го августа). Поляки смѣло величали эту годовщину „великимъ народнымъ праздникомъ“, „свадьбой Польши съ Литвой“, „добровольнымъ и братскимъ союзомъ“, въ увѣренности что безцеремонное извращеніе ими исторіи не вызоветъ, не говоримъ уже со стороны администраціи, но даже со стороны русской печати ни единого звука для изображенія въ истинномъ свѣтѣ политическаго фокуса придуманнаго въ 1569 году варшавскими магнатами и латинскимъ духовенствомъ, въ видахъ устраненія для западныхъ губерній легальной возможности возвращенія къ родному и единовѣрному имъ царству Московскому, при предсто-

авшемъ въ ту пору, со смертію Сигизмунда-Августа, прекращеніи династіи Ягеллоновъ (до того времени эта династія служила *единственною* связью между Западнымъ краемъ и Польшей). Печать наша безмолвствовала отчасти, впрочемъ, поневолю, ибо событія въ западныхъ губерніяхъ покрывались непроницаемою тайной для русской публики, и администрація ревниво отстраняла отъ содѣйствія ей всякаго рода общественную дѣятельность. Между тѣмъ для дѣла было бы очень полезно, еслибы мы, хотя на почвѣ исторической, напомнили въ ту пору польскимъ патріотамъ Западнаго края объ истинномъ значеніи „братской и добровольной уніи“ и о томъ какъ огромное большинство литовскихъ бояръ уѣхало изъ Люблина не подписавъ акта, какъ за нѣсколько дней до подписанія акта даже тѣ немногіе бояре которые оставались въ Люблинѣ въ торжественной рѣчи къ королю со слезами говорили: „мы хотя склонились (на нѣкоторые пункты польскаго проекта уніи) *съ великою болью и стѣсненіемъ нашего сердца*, по приказанію вашей королевской милости, повинуюсь волѣ и приказу вашему, *но какъ намъ все это больно, невозможно выразить словами.*“ *

О торжествѣ 31-го іюля за цѣлый мѣсяцъ возвѣщено было пышными прокламаціями, въ которыхъ ржондъ предписывалъ польской партіи на этотъ день снять трауръ, одѣться въ цвѣтныя платья, помѣщикамъ освободить отъ работы крестьянъ, мастеровымъ подмастерьевъ.

Съ наступленіемъ 31-го іюля во всѣхъ костелахъ Западнаго края совершены были торжественныя молебствія. Объ этомъ, помимо собранныхъ свѣдѣній, свидѣтельствуетъ и самъ ржондъ, въ воззваніи 1862 года, по поводу годовщины 31-го іюля: „торжественно праздновали мы и прошлаго 1861 года, сказано тамъ между прочимъ. Не было *ни одного прихода въ утлой землѣ польской*, въ которомъ бы не праздновали сего великаго дня.“ Но наиболѣе замѣчательными проявленіями этого торжества были религіозныя процессіи, устроенныя въ городахъ лежащихъ на границѣ Северо-Западнаго края съ Царствомъ Польскимъ. Особенное вниманіе заслуживаетъ, по чрезмѣрной агитаціи, процессія въ Ковнѣ.

Ковенская администрація имѣла за нѣсколько дней свѣ-

* Рѣчь эта приведена въ брошюрѣ г. Колязовича: *Люблинская унія*, Слб., 1863 г.

дѣнія о приготовленіи Поляками политическаго скандала, а потому сдѣлано было распоряженіе чтобы пловучій мостъ черезъ Нѣманъ, на правомъ берегу котораго находится Ковно, на лѣвомъ селеніе Алексота, былъ разведенъ; кромѣ того, по улицѣ ведущей къ рѣкѣ поставленъ взводъ конныхъ казаковъ. Взводу, подъ командой сотника Попова, приказано было: *„не допускать, если можно, соединенія, но не употребляютъ насильственныхъ мѣръ.“*

Процессія выступила изъ ковенскаго Августіанскаго костела въ 9 часовъ утра съ хоругвями, крестами и иконами, въ сопровожденіи трехъ ксендзовъ и пяти-шести тысячъ народа, въ числѣ котораго находились, какъ гласитъ officialный документъ того времени, „всея городскіе жители и чиновники высшихъ и низшихъ классовъ католическаго исповѣданія“. Процессія двинулась по направленію къ Нѣману, одновременно съ этимъ на встрѣчу ей двинулись двѣ такія же процессіи изъ Годлева и Понемуна со стороны Алексоты.

Когда ковенская процессія, подъ предводительствомъ шедшаго впереди толпы офицера въ сѣромъ пальто и темнозеленой фуражкѣ съ капитанскими погонами *, подошла къ казачьему взводу заграждавшему ей дорогу, сотникъ Поповъ приказалъ было взводу, упиравшемуся флангами въ зданія, стать тѣснѣй, дабы сдѣлать проходъ процессіи дѣйствительно невозможнымъ, но полицеймейстеръ, бывшій тутъ представителемъ гражданскихъ властей, во избѣжаніе кровавой развязки приказалъ, какъ значитса въ рапортѣ командира сотни, „построить взводъ по обѣ стороны улицы у моста черезъ Нѣманъ и пропустить Поляковъ“. Такимъ образомъ казачій взводъ неожиданно превратился изъ войска дѣйствовавшаго противъ агитаторовъ въ почетную стражу революціонной процессіи. Поляки сумѣли, конечно, отблагодарить за это, и во время слѣдованіи процессіи тремъ казакамъ (какъ значитса въ приведенномъ рапортѣ) были нанесены Поляками удары палками. „Несмотря на это, краснорѣчиво гласитъ рапортъ казачьяго офицера, и на оскорбленія лично мнѣ нанесенныя молодыми Поляками, и несмотря на неудовольствіе при этомъ казачьихъ, не сознававшихъ нужнаго въ такомъ случаѣ воздержанія

* Капитанъ корпуса инженеровъ путей сообщенія К—скій (Полякъ), тогда начальникъ мѣстнаго округа путей сообщенія.

и находившихъ обиднымъ свое положеніе безъ употребленія по крайней мѣрѣ нагаекъ за нанесенныя оскорбленія, казаки успѣли исполнить приказаніе и никого не обидѣли, когда толпа *почему-то* сильно негодовала на казаковъ, исполнявшихъ только долгъ службы, и невольно вызывала на брань.“

Причина по которой войско поставлено было полицеймейстеромъ въ столь унижительное положеніе заключалась, какъ оказалось въ послѣдствіи, въ томъ что ковенская администрація (губерніей *ad interim* управлялъ вице-губернаторъ) въ это время „звѣщивала что изъ двухъ крайностей менѣе губельно (для кого?) по своимъ послѣдствіямъ: принесеніе ли жертвъ убійствомъ и утопленіемъ и все-таки совершеніе обряда, или же совершеніе *безъ жертвъ* одного только обряда, прикрытаго всеми священными атрибутами“. Всѣ склонились на послѣднее, и казаки, по распоряженію гражданскихъ властей, должны были стать шпалерою, снять шапки предъ проходившею процессіей и съ христіанскимъ смиреніемъ молча сносить ругательства и побои мятежниковъ.

Когда процессія спустилась къ мосту, у котораго разведено было четыре плашкоута со стороны ковенскаго берега, александровская процессія уже стояла на другой половинѣ моста. Находившіяся на рѣкѣ двѣ лодки, „на которыхъ разводили мостъ, были отведены перевозчиками къ берегу Царства Польскаго. Агитаторы, завладѣвъ этими лодками“, подплыли къ ковенской процессіи и стали перевозить на противоположную сторону людей съ хоругвями, алтариками и крестами, „а потомъ подѣхали къ разведеннымъ плашкоутамъ, и при содѣйствіи людей ковенской процессіи навели мостъ. Толпа народа безпрепятственно переправилась тогда на противоположный берегъ; ковенская процессія, соединившись съ двумя ожидавшими ее другими процессіями, отправилась въ Годлевскій приходъ къ костелу Ціонтекъ, гдѣ была встрѣчена ксендзомъ Годлевскаго костела. По совершеніи тамъ богослуженія, были сказаны ксендзами двѣ проповѣди. Для массы собравшагося народа мѣстные паны устроили угощеніе. Ковенская процессія вернулась до-своихъ около 8 часовъ вечера, въ сопровожденіи народа, между которымъ, какъ замѣчаетъ донесеніе, „было много пьяныхъ“.

По поводу этой процессіи наряжено было формальное слѣд-

ствіе, изъ котораго извлекаемъ наиболѣе характеристическія показанія.

Настоятель ковенскаго Августіанскаго костела, хотя лично не принимавшій участія въ процессіи, но допустившій ее, отозвался, что „31-го іюля, по церковнымъ законамъ и обрядамъ Тельшевской епархіи, процессіи не полагалось. Но по обычаямъ *римско-католическаго народа* часто встрѣчались и ежедневно встрѣчаются, по нѣкоторымъ приходскимъ костеламъ, примѣры многолюдныхъ шествованій народа на торжества церковныя, и церковь такихъ шествій не оуждала, напротивъ нерѣдко священники сопровождали выходъ“... Въ означенный же день (31-го іюля), продолжаетъ настоятель, въ Годлевскомъ приходѣ происходило освященіе вновь построенной церкви и четырнадцати иконъ, для чего туда собрались всѣ окрестные приходы; ковенское населеніе также пожелало участвовать въ этомъ торжествѣ. *Народъ* сталъ просить трехъ находившихся въ костелѣ ксендзовъ сопровождать туда процессію, и „ксендзы не могли устоять противъ усилій *народа*“.

Три участвовавшіе въ процессіи ксендза подтвердили это показаніе, прибавивъ съ своей стороны, по обычаю польской партіи того времени, что „о другой цѣли процессіи, кромѣ освященія костела и стацій (иконъ) страстей Господнихъ, имъ неизвѣстно“. Кто изъ народа нанесъ удары казакамъ они-де не видѣли, но слышали плачъ и крикъ въ народѣ отъ побоевъ причиненныхъ казаками. Мятежникамъ казалось недостаточнымъ наругаться надъ казаками: надо было еще оклеветать ихъ.

Ковенскій уѣздный предводитель Жилинскій показалъ, что онъ „принималъ участіе въ процессіи, — происходившей въ Ковнѣ 31-го іюля въ годовщину соединенія Литвы съ Польшей,—съ самаго начала до конца оной“. *Ковенскій губернский предводитель Довгирдь* показалъ, что онъ участвовалъ въ процессіи, но на противоположный берегъ не переправлялся.

По распоряженію изъ Вильны, оба эти предводителя дворянства были, за свое участіе въ демонстраціи, отрѣшены отъ должностей, первый съ арестованіемъ на гауптвахтѣ въ Вильнѣ.

Въ Вильнѣ празднованіе 31-го іюля послужило началомъ цѣлаго ряда демонстрацій, которыя продолжались нѣсколько дней и

отличались характеромъ до того буйнымъ, что дѣло дошло наконецъ до кровавой стычки съ войсками. Въ этотъ день въ Вильнѣ, въ костелѣ Св. Іоанна, торжественно отслужена была обѣдня ксендзомъ Бышевскимъ, при двухъ дьяконахъ и шести прислужникахъ изъ частныхъ лицъ (между ними два студента). Въ костелъ собралось до 3.000 человекъ дворянъ и чиновниковъ; дамы одѣты были въ свѣтлыя платья (80 изъ нихъ были совершенно въ бѣломъ и съ бѣлыми шляпками); у большинства женщинъ на лѣвомъ рукавѣ красовались кокарды изъ голубыхъ, красныхъ и бѣлыхъ лентъ. Послѣ „Тебе Бога хвалимъ“ присутствовавшими пропѣто было „Боже цюсъ Польске“; свѣчи на большомъ престолѣ горѣли до окончанія этой польской марсельезы на ладъ церковнаго гимна. За костельнымъ торжествомъ, чрезъ нѣсколько часовъ, послѣдовала демонстрація уличная.

Въ 6 часовъ пополудни огромная толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ, собравшись предъ открытою иконою Островратской Божіей Матери, отслушала литанію, предъ окончаніемъ которой была пропѣта революціонная пѣснь, причемъ совершавшій литанію ксендзъ Сафоровичъ оставался на колѣняхъ. Въ толпѣ носились слухи что послѣ молебствія предполагается гдѣ-то народное гулянье и пиршество, но гдѣ именно, никто не зналъ: коноводы преднамѣренно держали это въ большомъ секретѣ; дабы ввести въ заблужденіе мѣстныхъ власти, они пустили даже въ наши административныя сферы слухъ будто пиршество назначено на Погулянкѣ; туда, дѣйствительно, и направлены были казаки. Когда ководамъ удалось такимъ образомъ обмануть бдительность властей, два дисненскіе дворянина Г. и Ю., по окончаніи революціоннаго гимна, закричали толпѣ по-польски „панове-братья, пожалуйте въ *Бельмонтъ!*“—и вся масса народа, тысячь въ пять, шумно потянулась къ этому пункту. *

Бельмонтское пиршество принадлежитъ къ числу самыхъ памятныхъ событій періода демонстрацій. На этомъ загородномъ гуляньѣ происходила давно ожидавшаяся церемонія „сближенія высшихъ сословій съ низшими“, что означало, въ русскомъ переводѣ, происки пановъ вовлечь въ политическую агитацію виленское мѣщанство, которое до того времени

* Погулянка и Бельмонтъ находятся на діаметрально противоположныхъ концахъ города.

держало себя въ сторонѣ отъ воднеиі. Эта церемонія замѣняла собой неудавшійся, вслѣдствіе предупредительныхъ мѣръ администраціи, панскій обѣдъ на Пасхѣ для виленскихъ ремесленниковъ.

Въ Бельмонтѣ толпа раздѣлилась на двѣ части: одна, болѣе значительная по числу, пировала на площадкѣ предъ гостиницей Каденадкаго, другая въ лѣсу, около 1000 шаговъ отъ этой гостиницы. Въ толпѣ около гостиницы находились и всѣ виленскіе паны съ ихъ женами, все мѣстное польское чиновничество, гимназисты, панская прислуга и мастеровые. Мелькали въ толпѣ даже военные мундиры, и одинъ изъ нихъ съ адъютантскимъ аксельбантомъ до такой степени поражалъ мѣстную полицію, что она, въ донесеніи, предъ фамиліей облеченнаго въ мундиръ пана сочла долгомъ бюрократической вѣжливости приставить частицу *якобы*. Это куріозное *якобы*, красующееся въ перечнѣ лицъ бывшихъ на демонстраціи 31-го іюля, исчезаетъ однако далѣе при точномъ описаніи подвиговъ пана къ которому оно относится.

Политическая сходка эта, заблаговременно заготовленная, открылась рѣчами пановъ, ремесленниковъ, чиновниковъ, ораторствовавшихъ съ импровизованной ростры о свободѣ Польши, братствѣ, равенствѣ, сближеніи пановъ съ низшимъ сословіемъ и т. д. Рѣчи ораторовъ прерывались криками: „Да здравствуетъ Польша!“ „Да здравствуетъ братство и согласіе!“ „Да здравствуютъ ремесленники!“ „На висѣлицу шпіоновъ!“ Одинъ ремесленникъ говорилъ рѣчь о возстановленіи Польши; какой-то сапожникъ, слушая панскіе толки о равенствѣ, спросилъ: „и сапожники тоже будутъ равны съ панами?“ „Будутъ, и они будутъ равны; ура!“ заревѣли паны (сапожники почему-то пользуются у Поляковъ особеннымъ презрѣніемъ). Паны обнимались и цѣловались съ мастеровыми, суля имъ золотыя горы по изгнаніи Москалей. Начались танцы: пани танцевали съ мастеровыми, паны съ мѣщанками и чиновницами. Пѣсни, рѣчи, чоканье бокаловъ и поцѣлуи, подъ вліяніемъ заблаговременно заготовленнаго виннаго запаса, становились оживленнѣе; выходки патріотовъ дѣлались болѣе и болѣе откровенными. Вотъ толпа шляхтичей качаетъ на рукахъ и подбрасываетъ на воздухъ крупнаго мѣстнаго пана, облеченнаго въ русскій мундиръ; изъ словъ качающихъ: „*то панъ*

N N, который был своимъ крестьянъ“, становится понятнымъ, что восторгъ шляхтичей вызвала недавняя расправа этого пана съ крестьянами, надѣлавшая въ свое время много шума. Предъ концомъ танцевъ, которые заключились ужиномъ, одинъ канцеляристъ гражданской палаты вскрикнулъ: „Еще разъ полонезъ на гибель Москвы“, и танцы на время возобновились. Предъ ужиномъ дворянство попарно отправилось къ партіи пировавшей въ лѣсу. Тамъ тоже безъ устали орали революціонный гимнъ; во время пѣнія слышенъ былъ даже оружейный выстрѣлъ. Какой-то юноша, паничъ Ю., лѣтъ 20-ти, говорилъ рѣчь къ ремесленникамъ, въ которой, между прочимъ, убѣждалъ ихъ „не бояться шпионовъ“. „Мы грудью защитимъ васъ“, ораторствовалъ онъ; „приходите въ воскресные дни въ одинъ костелъ и будемъ тамъ молиться Богу“. „Ура!“ гремѣло въ толпѣ. За тѣмъ говорилъ какую-то рѣчь ксендзь, котораго за тѣмъ качали и подбрасывали на воздухъ. „На этой гулянкѣ была на какой-то предметъ большая складка“, гласитъ донесеніе полиціи.

Вслѣдъ за этою демонстраціей по Вильнѣ разнесся слухъ будто соединенная ковенско-августовская процессія 31-го іюля, по окончаніи демонстраціи на мѣстѣ, двинется въ Вильну и будетъ встрѣчена тамъ торжественно религіозною же процессіей. Дѣйствительно ли таково было намѣреніе агитаторовъ, мы не знаемъ; но слухъ объ этомъ былъ пущенъ въ Вильнѣ и встрѣченъ польскою партіей съ такимъ довѣріемъ, что Поляки, ожидавшіе отъ десяти до пятнадцати тысячъ посѣтителей, дѣлали уже приготовленія для продовольствія и размѣщенія на ночлегъ желанныхъ гостей. По существующему въ Вильнѣ преданію, нѣкоторые полицейскіе чиновники обходили даже дома съ приглашеніемъ заготовить квартиры и хлѣбъ для людей сопровождавшихъ ковенскую процессію. Какъ бы то ни было, слухъ о предстоящей громадной манифестаціи сильно волновалъ полиціизну въ первыя числа августа 1861 года. Такъ какъ, по расчету, процессія изъ Ковна въ Вильну должна была прибыть чрезъ четыре дня, то агитація къ 4-му августа дошла до серіозныхъ размѣровъ. „Любопытные“, гласитъ офиціальныи документъ того времени, „начали ежедневно ходить на предмѣстье Потулянку, чтобы посмотреть, а другіе и встрѣтить процессію, но прождавъ долгое время напрасно, возвращались спокойно въ свои

дома. Эти ежедневныя прогулки дали возможность нѣкоторымъ исполнить предпринятое намѣреніе, заявленіемъ злонамѣренной манифестаціи надъ мѣстомъ, гдѣ нѣкогда разстрѣлянь былъ преступникъ Канарскій, съ пѣніемъ возмутительнаго гимна, а также подготовленными будто бы хоругвями и другими церковными принадлежностями. Увѣренность съ самаго начала о прибытіи процессіи была такъ велика, что жители ходили за 15 верстъ къ ней на встрѣчу.“

6-го августа назначень былъ даже часъ вступленія процессіи, именно восемь часовъ вечера. Толпа, численностью тысячь въ пять, „сплошной массою“ отправилась на предмѣстье, гдѣ, по распоряженію администраціи, поставлена была у заставы рота пѣхоты съ сотней казаковъ, а три пѣхотныя роты расположены были, въ видѣ резерва, за заставой. Другой казацкой сотнѣ приказано было „занять цѣпью всѣ ведущія изъ города дороги“.

Хотя процессіи изъ Ковна вовсе не было, но толпа, преднамѣренно вводимая коноводами въ обманъ, предполагала что войска стоятъ лишь для воспрепятствованія встрѣчи Ковендевь и потому желала пробраться за заставу. Увидавъ войско, она было остановилась, но когда изъ Вильны къ ней подошла новая толпа, только что прокричавшая нѣсколько революціонныхъ пѣсень предъ Островратскою часовней, масса народа начала, своими передними слоями, напирать на роту. Передадимъ дальнѣйшее описаніе дѣла словами официального документа того времени.

„Дворянинъ Виленскаго уѣзда, Кржижевичъ, предводительствуя громадною толпою, который видимо подстрекалъ ее и, оборачиваясь, убѣждалъ идти впередъ и не оставлять его, самъ съ мастеромъ гуттаперчевыхъ калошъ, Вельдомъ, въ сопровожденіи толпы, бросился на взводъ пѣхоты, построенный фронтомъ къ городу и державшій ружья на руку, съ явнымъ намѣреніемъ вырвать у нижнихъ чиновъ ружья и пробраться за заставу. Слѣдившая за дѣйствіями своихъ руководителей толпа начала бросать въ войско большими камнями, вынутыми, какъ полагають должно, изъ мостовой, которые принесли въ карманахъ и подолахъ женщины и, какъ утверждали нѣкоторые изъ рядовыхъ, переодѣтые въ женское платье мужчины, хотя захватить послѣднихъ не представилось возможности, такъ какъ они прикрывались толпою и оставались въ отдаленіи. Другіе же бросались на взводъ съ кольями, взятыми тутъ же изъ разобраннаго ими частокола. При этомъ нападеніи были ушибены довольно силь-

но камнями и кольями до раны на лицѣ одинъ и коломъ по рукѣ также одинъ рядовой пѣхоты. *Нижніе чины съ величайшимъ терпѣніемъ сопротивлялись ослѣпленнымъ, стараясь беречь ихъ,* но при всемъ томъ довольно также сильно ушибли прикладами вышеупомянутыхъ дворянина Кржижевича и мастера Вельца, которые въ то же время были задержаны и отправлены на излѣченіе въ военное отдѣленіе госпиталя Св. Якова. Тогда только сотня казаковъ бросилась на буйствующую толпу и нагайками обратила ее въ бѣгство полевъ къ городу. При чемъ одинъ оберъ-офицеръ, одинъ трубачъ и три казака получили также довольно сильныя ушибы камнями и кольями. Направившійся обратно къ городу народъ отправился къ образу Остробрамской Божіей Матери и какъ предъ онымъ, такъ и при слѣдованіи полевъ пѣлъ возмутительный гимнъ. Наконецъ оттуда пошелъ большою улицей, и остановясь предъ распятіемъ Спасителя, на костелѣ Св. Іоанна находящимся, вновь повторилъ пѣніе того же гимна и за тѣмъ разошелся по домамъ. При самомъ происшествіи, стоявшій на улицахъ любопытный народъ оставался спокойнымъ, кромѣ только того что, когда одной прежде прибывшей изъ роты, уставшей отъ продолжительной стоянки, велѣно было возвратиться въ казармы, то во время ея слѣдованія канцелярскій служитель Токаевскій, дворянинъ Эдмундъ Токаевскій и подмастерье Феликсъ Сорочинскій, бросились на ближайшихъ къ нимъ нижнихъ чиновъ съ намѣреніемъ овладѣть ружьями; при каковомъ нападеніи канцеляристъ Токаевскій изломалъ одно ложе и онъ же, по объявленію рядовыхъ, кричалъ: „еслибы у насъ были ружья, дали бы мы вамъ“. Всѣ эти три человѣка были также арестованы.“

Происшествіе 6-го августа послужило для польской партіи предметомъ къ усиленной агитаціи. Распуценъ былъ слухъ, поддержанный иностранными газетами, будто въ этотъ день убито множество Поляковъ и брошено въ рѣку Вилію. Въ послѣднихъ числахъ сентября въ Варшавѣ, затѣмъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Царства и наконецъ въ западныхъ губерніяхъ, стали совершаться торжественныя панихиды за виленскихъ мучениковъ, за братьевъ-Литовцевъ, умерщвленныхъ Москалями въ Вильнѣ 18-го (6-го) августа. Распространенъ былъ циркуляръ якобы отъ виленскаго епископа и духовенства, въ которомъ описывалась „измѣнническая рѣзня беззащитныхъ“. „Наша защита въ Богѣ“, прибавлялось въ циркулярѣ.

Вѣсти эти, повидимому, встревожили администрацію. Запрошены были виленскіе епископъ, губернскій предводитель

дворянства и городской голова; не былъ ли кто-нибудь убитъ или раненъ, кромѣ Кржижевича и Вельца. Всѣ они отозвались отрицательно; епископъ прибавилъ что приписываемый ему циркуляръ подложный. Главный начальникъ края обнародовалъ эти отзывы въ особомъ объявленіи къ виленскимъ жителямъ.

Можно было бы составить обширное описаніе разнообразныхъ торжествъ, которыя въ день 31-го іюля были отправлены Поляками въ разныхъ мѣстахъ Северо-Западнаго края. Въ большинствѣ мѣстностей послѣ службы въ костелѣ устроены были пирушки и угощенія народа. Въ Поневѣжѣ, напримѣръ, заблаговременно разсланы были помѣщикамъ приглашенія доставить для угощенія крестьянъ продукты и деньги. 30-го іюля, въ воскресенье, послѣ обѣдни, ксендзъ капелланъ М. у алтара говорилъ по-польски проповѣдь, въ которой требовалъ чтобы прихожане собрались завтра въ костелъ на молебствіе въ память соединенія Литвы съ Польшею, а оттуда отправились за городъ на пиръ устраиваемый помѣщиками.

Другой ксендзъ М. произнесъ послѣ обѣдни проповѣдь, на литовскомъ языкѣ, въ которой прямо говорилъ, что „крестьяне *должны* ненавидѣть русское правительство“. На празднествѣ ксендзъ капелланъ опять сказалъ рѣчь, въ которой доказывалъ крестьянамъ „что освобожденіе ихъ отъ крепостной зависимости послѣдовало по волѣ помѣщиковъ, а не Государя, который-де одинъ, помимо ихъ желанія, ничего не могъ бы сдѣлать, а потому-де крестьяне должны непременно *помогать* помѣщикамъ“. Викарій М. и капелланъ К. раздавали народу книжки съ гимнами. Во время пиршества красовался революціонный флагъ, привезенный помѣщицей К—скою; по окончаніи праздника онъ отданъ былъ паномъ Б., для водруженія, мѣстному крестьянину Іосифу Стрикасу; къ флагу этому привязаны были дамами два польскіе орла. Послѣ того открылся пиръ и угощеніе крестьянамъ, съ которыми танцевали дамы при музыкѣ страствующихъ Нѣмцевъ. Революціоннымъ пѣніемъ на этомъ пиршествѣ руководилъ помѣщикъ Б.

Съ такимъ же торжествомъ праздновалось 31-е іюля и въ 1862 году.

Заканчивая статью о процессіяхъ описаніемъ манифестаціи въ Гроднѣ 15-го августа 1861 года, замѣчательной по рѣшительной оппозиціи католическаго духовенства граж-

данскимъ властямъ. Гродненскій деканъ ксендзъ Маевскій объявилъ 14-го августа въ костелъ съ амвона, что на слѣдующій день будетъ процессія въ Рожаный стокъ (на лѣвомъ берегу Нѣмана), куда должны были придти въ этотъ же день и процессіи изъ Царства Польскаго. Произнесенная по этому случаю проповѣдь такъ типична, что мы считаемъ ее лишнимъ цѣликомъ передать ее въ русскомъ переводѣ.

„Вѣроятно всѣмъ достаточно извѣстно, что правительственная власть объявила, что силою оружія воспрепятствуетъ осуществленію религиозной процессіи, предпринимаемой съ чисто-религиозною цѣлью, и нашъ пастырь, * не воспротивляясь нисколько всему тому, что могло бы насъ освятить и сдѣлать угодношми Господу, удовлетворяетъ только, для оповѣщенія всѣмъ, что начальники края сдѣлали распоряженіе объ употребленіи военной силы, въ случаѣ еслибы захотѣли, по обычаю, какой здѣсь каждымъ по-одиночкѣ исполняется, пойти процессіею въ Рожаный стокъ, для моленія Богу и порученія себя покрову нашей Матери Небесной.

„Что распоряженіе власти уважать слѣдуетъ, объ этомъ никто спорить не можетъ. Но вы сдѣлали постановленіе, учинили обътъ Всевышнему Богу, чтобы поручить себя покровительству Пресвятыя Маріи. А потому сообразно постановленіямъ костела каждый изъ насъ обязанъ исполнить обътъ Господу Богу; и я не могу ни подговаривать васъ противу власти, ни убѣждать противу костела ни малѣйшаго права не имѣю; въ этомъ случаѣ не имѣете никакого принужденія; оставляется это собственною волею и совѣсти cadaго. Въ христіанскомъ духѣ нашего костела внушить только обязываемся, еслибы воля Божія была пребыть въ нашемъ предпріятіи, то Боже упаси, никакого насилія, никакого буйства, ни сопротивленія, подъ страхомъ рѣшительнаго воспрещенія, никто изъ васъ, братія, употребить не долженъ.

„Когда насъ встрѣтитъ трудное препятствіе на пути, то пусть единственнымъ нашимъ оружіемъ будетъ молитва къ Богу: „*Богъ нашъ убѣжище и помощъ*“; еслибы опасности намъ угрожали, въ такомъ случаѣ молитва: „*Подъ кровъ твой приубѣгаемъ*“ единственнымъ должна быть щитомъ и оградой нашею; наконецъ вся наша безопасность, вся наша сила и покой да будутъ въ Бозѣ, нашемъ Отцѣ въ Троицѣ единомъ на вѣки. Аминь.“

Губернаторъ, узнавъ объ этой проповѣди, убѣждалъ ксендза Маевскаго отиѣвнть процессію, но ксендзъ оказался

* Епископъ. Смыслъ нижеслѣдующаго намека на воззрѣнія епископа (высланнаго въ 1863 году изъ края) объясняется изъ дальнѣйшихъ дѣйствій ксендза Маевскаго.

непреклонныя. Тогда телеграфировано было въ Вильну начальнику края, и по требованію послѣдняго, виленскій епископъ телеграммой далъ знать Маевскому чтобы процессіи не было; Маевскій телеграммой же отвѣчалъ своему епископу, что хотя прежде въ этотъ день процессій и не бывало, но по *духовнымъ нуждамъ* прихожанъ процессія необходима, для *устраненія вліянія злонатѣренныя (!) людей и прекращенія затѣмъ проявившагося волненія умовъ*. Процессія въ четыре часа совершится *непретѣнно*, такъ заключилъ деканъ свою телеграмму епископу. Излишне, кажется, доказывать, что мнимое упорство декана и его отказъ въ повиновеніи епископу могутъ быть объяснены только полнымъ убѣжденіемъ что они встрѣчены будутъ съ сочувствіемъ.

Наступило 15-е августа. Деканъ приказалъ не запирать церкви которая оттого съ утра была наполнена людьми, приготовлявшимся къ манифестаціи. Когда полицеймейстеръ потребовалъ запереть костелъ, Маевскій рѣшительно отказался. „Въ 4 часа началась въ костелѣ вечерня, продолжавшаяся до 5½ часовъ; потомъ, въ сопровожденіи декана съ четырьмя ксендзами, процессія, выйдя изъ костела, направилась къ Нѣману, но встрѣтивъ на пути войска, впереди которыхъ были начальникъ дивизіи и губернаторъ“, она вернулась на площадь. Тамъ она, окруженная войсками, остановилась; духовенство и сопровождавшая его толпа мятежниковъ пали на колѣна, пропѣли литанію и гимнь Богородицѣ. По окончаніи пѣнія и по произнесеніи деканомъ проповѣди, въ которой развивалось, что „правительство не разрѣшаетъ исполнить *обѣтъ*“, процессія вернулась въ костелъ, гдѣ пропѣтъ былъ, послѣ литаніи, революціонный гимнь. Затѣмъ толпа разошлась по домамъ.

Ксендзъ Маевскій преданъ былъ суду и въ концѣ ноября 1861 года высланъ на жительство въ Тобольскую губернію. *Неповиновеніе* его епархіальнымъ властямъ не привело однако въ негодованіе его епархіальное начальство: еще до слѣдствія, въ послѣднихъ числахъ августа, митрополитъ Жилинскій обратился къ администраціи съ ходатайствомъ за Маевского какъ *за строгаго исполнителя воли начальства* и благонадежнаго служителя. Въ іюль 1862 года декану Маевскому исходайствовано было полное прощеніе, и онъ возвращенъ былъ въ Гродненскую губернію.

Мы уже имѣли случай замѣтить о чисто революціонной

роли латинскаго духовенства въ политической агитаціи 1861 и 1862 годовъ и указывали что она была логическимъ слѣдствіемъ искусственнаго слиянія въ Западномъ краѣ католицизма съ польщицкой. Эта истина въ періодъ демонстрацій выяснилась рядомъ осязательныхъ фактовъ: въ средѣ польской партіи, демонстрировавшей подъ прикрытіемъ костела и проникнутой, по наружности, религіознымъ фанатизмомъ, священникъ пользовался уваженіемъ и вліяніемъ лишь по мѣрѣ его содѣйствія видамъ ржонда. Ксендзь искренно проникнутый сознаніемъ святости своего призванія и потому чуждый политической агитаціи, былъ въ глазахъ польской партіи настолько же предметомъ общей ненависти и преслѣдованія, на сколько пользовался у нея уваженіемъ всякій ксендзь сочувствіе котораго мятежу не подлежало сомнѣнію. Польской партіи нужны были въ ксендзахъ вовсе не католики, а патриоты: честныхъ служителей алтаря, не рѣшавшихся обратитъ амвонъ въ политическую кафедру, она преслѣдовала съ тою же злостью какъ Русскихъ. Въ костелѣ монахинь-визитокъ ксендзь Ижевскій попытался было убѣждать прихожанъ (4-го іюня 1861) что „грѣшно во храмѣ Божіемъ пѣть революціонные гимны“: въ костелѣ поднялся громкій ропотъ, прихожане вышли изъ церкви въ негодованіи на священника. То же сдѣлалъ старшій ксендзь въ бѣлостоцкомъ костелѣ, обращаясь къ пѣвшимъ гимнъ гимназистамъ: юные агитаторы вступили съ нимъ въ пререканія. Законоучитель мѣнской гимназіи каноникъ Новицкій высказывалъ ученикамъ несочувствіе къ празднованію годовщины мятежа 1831 года: онъ подвергся за то оскорбленіямъ. Ночью на 22-е и 24-е іюня 1861 года въ Вилькомірѣ, въ домѣ ксендза Балевича, двукратно перебиты были стекла: это служило местию за то что ксендзь со строгостью отнесся къ прихожанамъ начавшимъ пѣть въ церкви революціонныя пѣсни. Въ мѣстечкѣ Шидловѣ (Россіенскаго уѣзда) молодой ксендзь К. объявилъ съ амвона что 31-го іюля (1862), то-есть въ годовщину люблинской униі, отслужено будетъ молебствіе „для испрошенія хорошей погоды“, но по распоряженію ксендза Добшевича костельная служба была въ этотъ день отпращена раньше назначеннаго времени, такъ что съѣхавшаяся для манифестаціи публика нашла костель уже запертымъ: на другой же день въ кварталѣ этого священника выбито было камнями шесть оконъ. Перечень

подобныхъ случаевъ можно бы значительно распространить. * Но допустимъ, что случаи эти были немногочисленны; тѣмъ не менѣе самое существованіе ихъ доказываетъ, что не вся масса латинскаго духовенства сразу рѣшилась обратить религію въ политическое орудіе, что въ ней была среда проникнутая сознаниемъ святости своего долга, и что эта среда самоотверженно шла по одному пути съ законнымъ правительствомъ въ такую пору, когда мы не оказывали ей никакой поддержки и не ограждали ея отъ преслѣдованія польскаго общества и духовной іерархіи. Среда эта дѣйствіями своими говорила намъ вразумительно, что вовсе не въ католицизмѣ опасность для Русскаго государства (какъ многие у насъ привыкли думать), что напротивъ у *католицизма* и у *Русскаго государства одинъ общій врагъ*—польская партія, и что противъ этого врага имъ слѣдуетъ бороться общими силами. Но для того чтобы съ успѣхомъ вести подобную войну, намъ надо было по меньшей мѣрѣ оградить своего союзника отъ преслѣдованій польской партіи и доказать что католикамъ идти съ нами рука объ руку, строго слѣдуя ученію католической церкви, и безопасно, и почетно. При такихъ условіяхъ и при разумномъ руководствѣ, по всей вѣроятности, сформировалась бы въ край партія католическихъ священниковъ вѣрныхъ требованіямъ религіи и чуждыхъ политическимъ волненіямъ. Возможность такой партіи въ Западномъ край основывается не на томъ только что въ основѣ ея лежало бы ученіе согласное съ требованіемъ римской церкви, но и на опытѣ 1863—1867 годовъ, когда въ средѣ латинскаго духовенства стали обнаруживаться люди ревностно преданные своей вѣрѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ враждебные оскверненію костела демонстраціями.

Но могли ли мы въ ту пору серьезно помышлять о чемъ-нибудь подобномъ при тогдашнихъ возрѣніяхъ нашихъ на католицизмъ въ западныхъ губерніяхъ? Чтобы дать понятъ

* Известны, впрочемъ, и такіе случаи, что у католическихъ духовныхъ лицъ, возбудившихъ подозрительность правительства, выбивали окна для того чтобы ввести администрацію въ заблужденіе и отвести ея глаза отъ революціонныхъ предѣлокъ жмимой жертвы. Такъ было поступлено, напримѣръ, съ однимъ духовнымъ лицомъ высланнымъ въ послѣдствіи графомъ Муравьевымъ изъ края: но подобные случаи были исключеніемъ и предпринимались въ крайности, развѣ ради спасенія *важной* для мятежа личности.

о томъ какovy были эти воззрѣнія, достаточно, кажется, привести слѣдующій фактъ. Въ декабрь 1860 года законоучитель католическаго исповѣданія въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ ксендзъ Козьянъ объявилъ начальнику корпуса что онъ не находитъ болѣе возможнымъ преподавать законъ Божій въ низшихъ классахъ на русскомъ языкѣ и просить дозволенія преподавать по-польски, а если ему въ этомъ будетъ отказано, то онъ „по совѣсти и долгу присяги“ долженъ будетъ оставить службу при корпусѣ (до того времени онъ въ теченіе 18-ти лѣтъ преподавалъ на русскомъ языкѣ). Вслѣдствіе возбужденной по этому поводу переписки между Петербургомъ и Вильной, со стороны виленской администраціи высказано было что въ корпусѣ законъ *Божій* „удобнѣе читать на польскомъ языкѣ“. Дивиться ли что при подобныхъ воззрѣніяхъ нашихъ на католицизмъ, число ксендзовъ враждебно относившихся въ началѣ волненій къ оскверненію костела революціонными выходками стало со дня на день сокращаться?

С. РАЙКОВСКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НОВЫЙ ПАРИЖЪ

И

ЕГО ФИНАНСЫ

Пренія, происходившія въ концѣ февраля и въ началѣ марта нынѣшняго года во французскомъ законодательномъ корпусѣ относительно города Парижа, имѣють тройкій интересъ. Во первыхъ, самая сущность преній, затрогивающая вопросъ о муниципальномъ управленіи, объ источникахъ дохода и о правахъ города, представляетъ особый интересъ для русскихъ читателей въ виду того значенія какое вопросы этого рода приобрѣли нынѣ въ Россіи. Затѣмъ слѣдуетъ политическая сторона этого дѣла, которая одна только можетъ объяснить странный образъ дѣйствій котораго держалось правительство во время публичныхъ преній по означенному вопросу, и который возбуждалъ напряженное вниманіе французской публики. Наконецъ, въ этомъ же дѣлѣ есть сторона чисто техническая, историческая и статистическая, можетъ быть наиболее интересная, особенно для тѣхъ изъ читателей которые видѣли новый Парижъ или собираются посѣтить его, и которымъ, конечно, любопытно будетъ узнать какимъ образомъ совершилась эта великая перестройка громадной столицы, чего она стоила, и какія перемѣны повлекла за собой въ отношеніяхъ экономическомъ, социальномъ, строительномъ, гигиеническомъ и военномъ. Я постараюсь разсмотрѣть это дѣло съ указанной мною точки зрѣнія по возможности кратко, но такимъ образомъ чтобы сами читатели, по прочтеніи моего очерка, могли составить себѣ о немъ точное понятіе.

Перестройка Парижа въ обширныхъ размѣрахъ была, какъ извѣстно, любимой мыслію Наполеона I и принадлежить его инициативѣ. До XVII вѣка Парижъ, то-есть то что называютъ старымъ Парижемъ, сосредоточивался въ нижней части города, на югѣ, по сию сторону Сены, и заключалъ въ себѣ все пространство лежащее къ юго-востоку отъ Иль-де-Франса, древняго удѣла французскихъ королей, до знаменитой въ то время *Королевской площади* (Place Royale) нынѣ пустынной, расположенной въ кварталѣ носящемъ по его низменному положенію названіе *Болота* (Marais). Выше этой части, по направленію къ нынѣшнимъ бульварамъ, тянулась къ сѣверу до холма Монмартрскаго загородная равнина, на которую изъ города выходили заставы Сень-Мартень и Сень-Дени, видныя еще и доннынѣ. Пространство это обратилось потомъ въ городскую часть носящую названіе *Chaussée d'Antin*, въ которой во время реставраціи и при Лудовикѣ-Филиппѣ проживала богатая буржуазія. Но въ то время о которомъ мы ведемъ рѣчь, тамъ разстились еще поля на которыхъ паслись коровы, и тамъ же находилась знаменитый *Pré-aux-clercs*, историческое мѣсто любовныхъ свиданій и поединковъ. Мало-по-малу богатые сеніоры оставили нездоровый *Болотный* кварталъ, гдѣ поселились крупные негоціанты, а сами направились къ западной части Парижа и даже перебрались за Сену. То было эпохой увеличенія Лувра, постройки (при Ришелье и Мазарини) Пале-Рояля и главныхъ дворцовъ Сень-Жерменскаго предмѣстья. Это переселеніе изъ центра Парижа на западную сторону его, за *Площадь Побѣды* (Place des Victoires), имѣло результатомъ привлеченіе туда мелкой торговли, а такъ какъ въ то время дома и улицы строились очень тѣсно, то и образовалось между Болотомъ, улицей Сень-Оноре и Лувромъ то скопленіе дрянныхъ домишекъ и темныхъ переулковъ, которое при Лудовикѣ-Филиппѣ являлось страшнымъ клоакомъ, вертепомъ бродягъ и мошенниковъ, исполненнымъ всякаго рода нечистотъ, гнѣздомъ нравственной и физической заразы. Такимъ образомъ, во время первой имперіи, Парижъ сосредоточивался между Болотомъ, Лувромъ и Сень-Жерменскимъ предмѣстьемъ. Въ первомъ пребывала и пребываетъ до сихъ поръ крупная торговля, во второмъ — административный центръ, въ третьемъ — дворянство. Во время реставраціи и при Лудовикѣ-Филиппѣ кварталъ *Chaussée d'Antin* сдѣлался

фешенебельнымъ мѣстожителствомъ богатой буржуазіи удалившейся отъ дѣла, а кварталъ Сентъ-Антуанъ, между симъ послѣднимъ и Болотою, центромъ многолюднаго рабочаго населенія. Тамъ-то возникло июльское революціонное движеніе 1830 и февральское—1848 года. Таковъ былъ въ общихъ чертахъ наружный видъ и планъ Парижа въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Замкнутый между холмомъ Монмартрскимъ съ одной стороны и Бельвиальскимъ—съ другой, Парижъ, и съ этнографической и съ географической точки зрѣнія, могъ расширяться только со стороны сѣверной, самой высокой и здоровой. Съ этой же стороны Наполеонъ рѣшилъ раздвинуть его и провести по немъ чистый воздухъ посредствомъ большихъ артерій съ юга на востокъ и на западъ. Всѣ большія работы производившіяся съ тѣхъ поръ во время реставраціи и при Лудовикѣ-Филиппѣ, и даже бѣльшая часть тѣхъ которыя производятся нынѣ, были предположены или указаны Наполеономъ I. Имперіи, реставраціи и июльской монархіи принадлежать, между прочимъ: *Площадь Согласія* (Place de la Concorde), безспорно красивѣйшая въ Европѣ, *Улица Мира* (rue de la Paix), *Вандомская площадь* въ ея нынѣшнемъ положеніи, *Chaussée d'Antin*, улица *Vivienne* и пр. Какъ только Наполеонъ III приготовился 2-го декабря 1852 года произвести свое 18-е брюмера, то онъ рѣшилъ привести въ исполненіе планъ своего дяди относительно перестройки Парижа, но только исправить и увеличить его. Подобно послѣднему, онъ руководствовался въ этомъ случаѣ тремя важными и разнообразными соображеніями—строительно-гигиеническимъ, политическимъ и военнымъ. Превратить Парижъ, до тѣхъ поръ удушливый, съ узкими и грязными улицами, въ самую красивую и здоровую столицу въ мірѣ, проведеніемъ повсюду чистаго воздуха, устройствомъ подземныхъ водосточныхъ трубъ, которыя уносили бы всю воду Парижа въ Сену далеко отъ города, и снабженіемъ его, по примѣру Лондонскаго аристократическаго квартала, широкими улицами, великолѣпными бульварами, красивыми скверами и обширными публичными гуляньями для народа; дать этимъ способомъ занятіе и привязать къ своему правленію многочисленныхъ рабочихъ по *строительной* части: каменщиковъ, плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ, слесарей, маляровъ, обойщиковъ и пр., формировавшихъ всегда цинурректіонныя

арміи и занимавшихся воздвиганіемъ баррикадъ; наконецъ, направить эти длинныя и широкія улицы стратегически, устраивая при исходныхъ пунктахъ ихъ и въ точкахъ соединенія обширныя и красивыя казармы, изъ которыхъ въ каждой могъ бы помѣщаться цѣлый полкъ и которыя имѣли бы внутреннее сообщеніе по главнымъ артеріямъ подземнаго Парижа, для того чтобы сдѣлать баррикады невозможными, въ одно мгновеніе уничтожить всякую попытку къ мятежу и незамѣтно направить войска изъ одного мѣста въ другое, — такова была тройная цѣль Наполеона III, который убѣжденъ былъ что это великое и трудное предпріятіе будетъ славнѣйшимъ дѣломъ его царствованія. Но для выполненія его прежде всего нужно было много денегъ, а между тѣмъ дѣло это, столь дорогое, онъ желалъ довести до благопріятнаго окончанія „не создавая новыхъ налоговъ“; затѣмъ ему нужно было найти человѣка смѣлаго, предпріимчиваго, смышленнаго и настойчиваго. Съ громадными источниками доходовъ Франціи и Парижа, найти такого человѣка значило найти и средства къ исполненію задуманнаго предпріятія. Лудовикъ-Филиппъ нашелъ для занятія должности парижскаго префекта де-Рамбюто, Наполеонъ III—Гауссмана. Этотъ послѣдній еще до 1848 года извѣстенъ былъ какъ человѣкъ съ большими способностями, энергическій, смѣлый, не слишкомъ разборчивый на средства, но настойчивый въ достиженіи цѣли и одаренный умомъ ловкимъ на всевозможные извороты. Это и нужно было Наполеону III, который предоставилъ лично себѣ строительное, гигиеническое и стратегическое направленіе предпріятія, но который не имѣлъ никакого понятія о средствахъ и способахъ эксплуатаціи. Онъ нашелъ въ г. Гауссманѣ агента тѣмъ болѣе пригоднаго, что послѣдній, подобно самому императору, понималъ вещи въ обширныхъ размѣрахъ, а правительственная система Наполеона III позволяла ему предоставить въ распоряженіе Гауссмана большія средства и не подчинять его конституціоннымъ формальностямъ, которыя такъ сильно стѣсняли префекта Лудовика-Филиппа, г. де-Рамбюто. Г. Гауссманъ, съ своей стороны, принялся дѣйствовать тѣмъ съ большею увѣренностью, что опирался на поддержку императора и чувствовалъ себя необходимымъ. Такимъ образомъ, императоръ и г. Гауссманъ рука объ руку дружно пошли къ задуманной цѣли, достигнуть которой

Лудовику-Филиппу отчасти воспрепятствовала февральская революція, и для достиженія которой г. де-Рамбюто, въ свое время, предложилъ заемъ въ 60 милл. франковъ, мотивируя это требованіе необходимостью „очистить Парижъ отъ вредныхъ испареній, губельно дѣйствующихъ на здоровье жителей“.

Такимъ образомъ, чтобы понять сущность вопроса который обсуждался на дняхъ въ законодательномъ корпусѣ, необходимо имѣть въ виду что Наполеонъ III предпринялъ перестройку Парижа въ ту эпоху своего царствованія когда онъ правилъ Франціей неограниченно. Очевидно, что по мѣрѣ того какъ права и бдительность законодательнаго корпуса расширялись, неудобства такого хода вещей съ конституціонной точки зрѣнія должны были выступать все сильнѣе. Такимъ образомъ, когда постановленіе палаты оказалось необходимымъ, Наполеонъ III сдѣлалъ для перестройки Парижа, которою дорожилъ такъ много, то же самое чтò сдѣлалъ для свободной торговли, для Италіанской войны, для Мексиканской экспедиціи и пр., то-есть, находя что мелочной и хлопотливый контроль палаты слѣшкомъ стѣснителенъ, онъ постарался обойти его. И дѣйствительно, еслибъ онъ въ самомъ началѣ представилъ на утвержденіе депутатовъ всю торговую реформу въ томъ смыслѣ нововведенія въ которомъ она была совершена, то не нашелъ бы во Франціи палаты которая согласилась бы ее утвердить. Подобнымъ образомъ, когда были расширены права законодательнаго корпуса, и пришлось обратиться къ нему съ требованіемъ денегъ необходимыхъ для выполненія громаднѣхъ работъ по перестройкѣ Парижа, онъ не подумалъ сообщить палатѣ весь заранѣе составленный планъ этой перестройки, объяснить всѣ свои проекты, одни предпринятые въ видахъ общественной пользы, другіе просто для украшенія города, и не сказалъ всей суммы, потребной для этого дѣла. Никакая французская палата, какъ бы она ни была предана императору, никогда не дала бы на то заранѣе своего согласія. Итакъ необходимо было прибѣгнуть къ изворотамъ, то-есть опереться на совершившіеся факты. Онъ и представилъ палатѣ сначала планъ одной только части предпринятыхъ работъ, и потребовалъ у нея только часть необходимыхъ средствъ. Но даже и эта часть плана представлена была палатѣ не

разомъ, но въ три различные приѣма, въ 1855, 1860 и 1865 годахъ. Я не говорю чтобъ императоръ и г. Гауссманъ не были потомъ сами увлечены громадностью предпріятія, которое при исполненіи потребовало добавочныхъ, непредвидѣнныхъ работъ, но самая *суть*, въ которой заключается узелъ вопроса представленнаго на обсужденіе законодательнаго корпуса, состоитъ въ томъ что настоящая смѣта новаго Парижа никогда не была вполнѣ объяснена палатѣ. Когда дѣло будетъ окончено, оправдаетъ или обвинитъ нынѣшнюю администрацію будущее поколѣніе, которое увидитъ только полезную сторону ея дѣятельности и для котораго незамѣтны будутъ ея уклоненія? Мнѣнія на этотъ счетъ различны, да и самый вопросъ въ настоящемъ случаѣ имѣетъ интересъ второстепенный. Несомнѣнно только то что французская палата никогда не утвердила бы раньше баснословныхъ суммъ которыя были и еще будутъ израсходованы на перестройку Парижа; несомнѣнно также что множество денегъ истрачено было понапрасну, благодаря упорству полновластнаго распорядителя судьбами Франціи и бесполезнымъ работамъ. Очевидно, г. Руэръ не можетъ объявить нынѣ законодательному корпусу что отъ него въ началѣ скрывали истину, и что все настоящее затрудненіе заключается въ томъ что палата введена была въ обманъ относительно размѣра работъ и громадныхъ суммъ которыхъ онѣ требовали. А между тѣмъ въ этомъ и заключается весь вопросъ. Личныя спекуляціи въ которыя могъ пуститься г. Гауссманъ для себя и для людей ему близкихъ, если и допустить таковыя, нисколько не измѣнили бы дѣла; онѣ исчезли бы въ громадности израсходованныхъ суммъ, да къ тому же онѣ не доказаны, и сама оппозиція не настаиваетъ на нихъ. Большинство, такъ же какъ и оппозиція, настаиваютъ только на неправильности дѣйствій, которая дѣйствительно поразительна, и неправильность эта происходитъ исключительно отъ необходимости въ которую поставлены были строители Парижа добывать себѣ деньги иными средствами, помимо утвержденныхъ законодательнымъ корпусомъ, чтобы покрыть расходы, въ огромныхъ размѣрахъ превысившіе смѣту представленную на утвержденіе этому собранію. Г. Гауссманъ нисколько не виноватъ въ этомъ. Онъ былъ только исполнителемъ высшей воли, и, какъ справедливо выразился г. Тьеръ, былъ только смышленнымъ, дѣятель-

нымъ и очень ловкимъ агентомъ. Таковъ былъ образъ дѣйствій которому слѣдовали во всемъ этомъ громадномъ предпріятіи императоръ и г. Гауссманъ, таковы были средства ими употребленныя, и въ нихъ-то заключаются неправильно-сти возбуждающія нынѣ такіа одушевленныя пренія.

Весь планъ перестройки Парижа обнималъ три большія сѣти. Къ первой принадлежатъ, между прочимъ, продолженіе улицы *Риволи* и устройство большихъ и великолѣпныхъ бульваровъ, нынѣ оконченныхъ и обитаемыхъ, *Севастопольскаго*, *Маджентскаго*, *Малерба*, *Араго* и пр. Первая сѣть не подверглась порицанію, а напротивъ вызвала одобреніе. Вторая состоитъ, между прочимъ, изъ бульваровъ *Принца Евгенія*, *Гауссмана*, *Короля Римскаго*, *Королевы Гортензій*, изъ новаго квартала *Елисейскихъ Полей*, улицы *Турбиго* и пр. Эта вторая сѣть подвергается сильной критикѣ, какъ съ точки зрѣнія политической пользы, такъ и съ точки зрѣнія громадныхъ добавочныхъ расходовъ коихъ она потребовала. Къ третьей, наконецъ, принадлежитъ проведеніе улицъ *Лафайета*, *Кардинала Феша* и *Ренна*, улицъ *Сольферино*, *Реомюра*, площади *Трокадеро*, постройки новаго опернаго театра и пр. Эта третья сѣть подвергается такой же критикѣ и по тѣмъ же причинамъ. Для этихъ трехъ сѣтей, только въ общихъ чертахъ обозначенныхъ въ смѣтахъ представленныхъ одна за другою законодательному корпусу въ теченіе трехъ вышеозначенныхъ лѣтъ, 1855, 1860 и 1865, правительство требовало отъ него въ тѣ же сроки трехъ займовъ, первый въ 250 милліоновъ фр., второй во 180 и третій въ 270 милліоновъ. Принужденное нынѣ, по причинамъ которыя я объясню ниже, прибѣгнуть снова къ постановленію законодательнаго корпуса, правительство должно было сознаться что расходы по первой сѣти превысили первый заемъ на 70 милліоновъ, по второй на 320 милліоновъ и по третьей на 30 милліоновъ, всего на 420 милліоновъ болѣе чѣмъ назначено было законодательнымъ корпусомъ. Вотъ первый упрекъ въ незаконныхъ дѣйствіяхъ, съ которымъ палата обращается къ г. Гауссману. Мы увидимъ ниже что она взводитъ на него обвиненія гораздо болѣе важныя. Утверждая въ 1860 году второй заемъ, законодательный корпусъ, исполненный тогда восторгомъ отъ побѣдъ одержанныхъ въ Италіи, разрѣшилъ

въ то же время назначить городу государственную субсидію во сто милліоновъ и уполномочилъ его основать *Кассу работъ города Парижа*, съ правомъ выпускать облигаціи на 15 милліоновъ. Нынѣ же оказывается что она ихъ выпустила на 60 милліоновъ. Эта вторая неправильность въ 45 милліоновъ присоединенная къ первой въ 420 милліоновъ составляетъ сумму въ 465 милліоновъ, что нынѣ и изображаетъ цифру которую городъ объявляетъ дефицитомъ, неправильностью, и проситъ палату, во уваженіе величія дѣла, даровать ему такъ-называемый *bill of indemnity* (билль отпущенія) и законное средство пополнить означенный дефицитъ. Правительство поддерживало эту просьбу, и чтобъ умилостивить палату, приняло обязательство представлять впредь на ея обсужденіе городскую бюджетъ. Но оппозиція и значительная часть большинства, повидимому, не поддались на эту приманку, и вотъ по какой причинѣ. Слагая вмѣстѣ три разрѣшенные займа и сверхсметные расходы, уже признанные, правительство заявляетъ о суммѣ въ 980 милліоновъ, почти въ миллиардъ. Оно присовокупляетъ къ ней сто милліоновъ субсидій отъ государства и сверхъ того громадную сумму въ 850 милліоновъ, происходящую отъ сверхсметныхъ доходовъ города Парижа съ начала работъ, что составляетъ общую цифру въ 1.930 милліоновъ, т.-е. *около двухъ миллиардовъ*. Сумму эту оно признаетъ. Оно объявляетъ что въ счетъ этой громадной суммы оно уже уплатило около полутора миллиарда, вслѣдствіе чего оно заявляетъ о дефицитѣ въ 465 милліоновъ, для уплаты коего оно и прибѣгаетъ къ законодательному корпусу. Но оппозиція и часть большинства не допускаютъ чтобы въ этомъ только состоялъ дѣйствительный дефицитъ города. Они подозрѣваютъ что правительство старается снова затаить истину и требуютъ рѣшительно чтобъ оно съ полною искренностью изложило настоящее положеніе города Парижа, дабы привести его въ порядокъ разомъ и окончательно. Г. Тьеръ и его товарищи доказываютъ, на примѣръ, что счеты г. Гауссмана до такой степени неточны, что онъ даже не поставилъ въ число доходовъ, дабы скрыть ихъ при израсходованіи, сначала 61 милліонъ, добытые займомъ 1852 года и находившіеся еще въ кассѣ при открытіи работъ, за тѣмъ 250 милліоновъ займа разрѣшеннаго для присоединенія къ Парижу подгородной слободы (*banlieue*). Они присовокупаютъ къ этому, что *Кассе*

работъ города Парижа превысила цифру назначенную палатой для выпуска ея облигацій не на 45 милліоновъ, а на 85. Изъ чего, по ихъ увѣреніямъ, оказывается что дефицитъ столицы составляетъ не 465 милліоновъ, но 700 или 800 милл. Правда, коммиссія назначенная палатой для изслѣдованія законопроекта представленнаго правительствомъ отрицаетъ точность этихъ цифръ. Докладчикъ ея, г. Дюмираль, утверждаетъ что *касса* выпустила только на 45 милліоновъ облигацій сверхъ дозволенной суммы; что 250 милліоновъ, занятые для присоединенія подгородной слободы, были сполна употреблены на эту важную мѣру, а именно на вознагражденія и на работы, произведенныя въ подгородной слободѣ, и что наконецъ сумма въ 61 милл., оставшаяся отъ займа 1852 г., послужила на уплату процентовъ и погашеніе долга по прежнимъ займамъ, заключеннымъ при Лудовикъ-Филиппъ и во время республики. Какъ бы то ни было, палата, повидимому, не убѣдилась этими доводами. Но не въ этомъ еще главный упрекъ взводимый ею на г. Гауссмана. Главная неправильность и даже незаконіе, въ которомъ она его обвиняетъ, заключается въ слѣдующемъ. Накопивъ дефицитъ въ 465 милліоновъ и нуждаясь въ деньгахъ для продолженія начатыхъ работъ, вотъ какой изворотъ придумалъ г. Гауссманъ. Устранивъ прежнюю систему сдачи работъ съ торговъ, онъ заключалъ сдѣлки прямо съ компаніями предпринимателей (фактъ, который самъ по себѣ есть уже нарушеніе закона, но многочисленныя примѣры коего встрѣчаются во времена г. де-Рамбюто, г. Бергера, г. Араго, даже самого г. Тьера), иногда на громадные капиталы, необходимые для проведенія и перестройки цѣлой улицы. Этимъ компаніямъ, составлявшимъ иногда капиталы въ 200 милліоновъ, городъ продавалъ цѣлую улицу или кварталъ съ обязательствомъ уплаты рабочимъ и домовладѣльцамъ за отчужденіе ихъ собственности, при чемъ цифра вознагражденія опредѣлялась городомъ. Въ послѣдствіи, при встрѣтившихся уклоненіяхъ, городъ потребовалъ отъ сихъ предпринимателей значительнаго залога, въ видѣ гарантіи исполненія ихъ обязательствъ и уплаты вознагражденія, выдачу коего владѣльцамъ за отчужденіе ихъ собственности онъ принялъ на себя. Эти залогоу г. Гауссманъ израсходовалъ, и тогда-то онъ выпустилъ на означенную сумму въ 465 милліоновъ, составлявшую его дефицитъ, такъ-называемыя *bons de délégation*

tion, то-есть облигаціи приносящія проценты и подлежащія къ уплатѣ городомъ въ теченіи десяти лѣтъ. Этими облигаціями онъ расплатился съ предпринимателями. Но послѣдніе, имѣя надобность представить ихъ къ учету, чтобы добыть въ свою очередь денегъ, потребовали подписи г. Гауссмана на оборотѣ. Требованіе ихъ было исполнено, и тогда они добились что облигаціи эти принялъ къ учету Поземельный Кредитъ. Былъ ли заключенъ договоръ между городомъ и означеннымъ учрежденіемъ относительно такой сдѣлки, неизвѣстно. Заинтересованныя стороны утверждаютъ что такого договора не было. Какъ бы то ни было, но по мнѣнію оппозиціи и значительной части большинства, г. Гауссманъ учинилъ при этомъ нѣсколько вопіющихъ беззаконій. Во-первыхъ, по словамъ ихъ, онъ распорядился внесенными залогомъ, которые должны оставаться неприкосновенными. На это докладчикъ и правительство отвѣчали, что такъ какъ означенные вклады представляли часть цѣнности проданныхъ городомъ участковъ земли, то городъ и могъ ими распорядиться. Затѣмъ, оппозиція и часть большинства обвиняютъ г. Гауссмана въ томъ что онъ распорядился означенными участками, тогда какъ они, на основаніи закона, служатъ гарантіей *кассы работъ*. На это докладчикъ и правительство отвѣчали, что именно для пополненія этой кассы означенные участки и были проданы, и что цѣнность ими представляемая и была пущена въ обращеніе. Наконецъ, — и это важнѣйшее изъ всѣхъ обвиненій, — г. Гауссманъ обвинялся въ томъ что онъ этимъ способомъ реализовалъ подложный, замаскированный заемъ въ 465 милліоновъ и нарушилъ законъ, запрещающій съ одной стороны Поземельному Кредиту выдавать суды общинамъ не получившимъ на то разрѣшенія въ силу спеціальнаго закона, утвержденнаго законодательнымъ корпусомъ, съ другой стороны общинамъ дѣлать займы свыше милліона безъ разрѣшенія законодательной власти. На это докладчикъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, г. де-Форкадъ, рѣчь коего произвела сильное впечатлѣніе на палату, отвѣчали что дѣйствительно громадность цифры одна только придаетъ помянутой операціи видъ незаконности, тогда какъ въ принципѣ Поземельный Кредитъ, простое частное учрежденіе, имѣлъ право принимать къ учету всѣ бумаги какія ему заблагоразсудится, что городъ имѣлъ право выдавать предпринимателямъ билеты на предъявителя для уплаты

за работы, разрѣшенныя палатой, и что громадность суммы, принятой къ учету не только Поземельнымъ Кредитомъ, но и другими частными финансовыми учрежденіями, свидѣтельствуешь о кредитахъ коимъ пользуется подпись города на рынкахъ. Министръ старался еще оправдать г. Гауссмана отъ другихъ упрековъ, и въ особенности отъ обвиненія что онъ превысилъ на 420 милліоновъ цифру расходовъ установленныхъ тремя займами 1855, 1860 и 1865 годовъ. Онъ доказывалъ, что эта огромная разность произошла отъ фактовъ не зависѣвшихъ отъ воли города; факты эти суть слѣдующіе: вопервыхъ, при смѣтахъ приняты были нормой по отчужденію имущества цѣны 1852 года, тогда какъ въ дѣйствительности цѣнность участковъ земли съ того времени и по нынѣ увеличилась на 50%, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже на 100%. Это совершенно справедливо. Даже на однихъ этихъ спекуляціяхъ покупки поземельныхъ участковъ, гг. Перейры и многіе другіе составили себѣ огромныя состоянія. Большая часть этихъ участковъ прошла черезъ трою и четверо рукъ и обогатила трехъ или четырехъ человѣкъ, прежде чѣмъ на нихъ успѣли положить хотя одинъ камень. Второй фактъ, заявленный министромъ внутреннихъ дѣлъ, состоитъ въ томъ что вѣдѣствіе юридической процедуры, установленной съ 1860 года кассационнымъ судомъ, счетною палатой и государственнымъ совѣтомъ, тремя инстанціями постоянно враждебными г. Гауссману, на городъ возложена была, кромѣ обязательства вознаграждать владѣльцевъ отчуждаемыхъ земель и домовъ, еще уплата вознагражденія наемщикамъ квартиръ по контрактамъ, лавочникамъ и торговцамъ. Эта новая повинность дѣйствительно увеличила въ весьма значительныхъ размѣрахъ расходы города по его новымъ работамъ. Аргументы г. де-Форкада, коего первая политическая рѣчь въ званіи министра внутреннихъ дѣлъ была весьма удачна, отчасти удовлетворили и палату, которая потребовала заключенія общихъ преній. На этомъ она остановилась въ четвергъ, 25-го февраля, когда на слѣдующій день одинъ изъ членовъ большинства, г. Калле-Секъ-Поль, самъ банкиръ и зять генерала Флери, самаго близкаго человѣка къ императору, всталъ чтобы защищать свою поправку къ первой статьѣ закона и распространилъ тревогу въ палатѣ. Законопроектъ, представленный законодательному корпусу, имѣеть цѣлію разрѣшить городу заключеніе

съ Поземельнымъ Кредитомъ договора, относительно коего они уже условились. Договоръ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Поземельный Кредитъ имѣетъ нынѣ въ своихъ рукахъ всѣ городскія *bons de délégation*, которые онъ принялъ къ учету отъ предпринимателей на сумму въ 465 милліоновъ, и вслѣдствіе этого есть единственный кредиторъ города Парижа на эту сумму. Но такъ какъ эти облигаціи подлежатъ къ уплатѣ не далѣе какъ черезъ десять лѣтъ, то городу приходится въ такой короткій срокъ внести всю эту громадную сумму. Очевидно, онъ могъ бы выполнить это двумя способами: или приостановить свои работы, что значило бы оставить безъ дѣла отъ 200 до 300 тысячъ рабочихъ, рискуя произвести революцію, или же заключить четвертый заемъ, относительно коего г. Гауссманъ не разчитывалъ ни на поддержку министровъ, ни на благоприятное постановленіе палаты. Какъ же поступилъ онъ? Очевидно поддерживаемый императоромъ, — ибо, опять-таки, за г. Гауссманомъ всегда скрывается императоръ, — онъ вступилъ въ сдѣлку съ Поземельнымъ Кредитомъ чтобы тотъ отсрочилъ ему на нѣкоторыхъ, довольно впрочемъ снисходительныхъ условіяхъ коммисіоннаго куртажа и ежегодной уплаты, на сорокъ лѣтъ долгъ въ 465 милліоновъ, подлежащій уплатѣ въ 10 лѣтъ, на основаніи *bons de délégation*. Но чтобы договоръ этотъ вступилъ въ силу необходимо утвержденіе законодательной власти, о чемъ и озаботился упомянутый законопроектъ. Но г. Калле-Сень-Поль въ сжатой рѣчи доказалъ, что эта сдѣлка, даже на благоприятныхъ условіяхъ кои приняты, есть отягощеніе для города, и что онъ сдѣлалъ бы лучше еслибы воспользовался выгоднымъ положеніемъ биржи, переполненной деньгами, и обратился прямо къ общественному кредиту посредствомъ займа. Онъ доказалъ, что только на коммисіи, куртажѣ, курсѣ и пр., городъ реализовалъ бы барышъ въ 77 милліоновъ, что этотъ барышъ гораздо съ большею выгодой могъ быть употребленъ на погашеніе разомъ всего городского дефицита, который не можетъ простираться и не простирается только на 465 милліоновъ, но должно, прибавилъ ораторъ, потребовать отъ г. Гауссмана чтобы онъ сказалъ всю правду, такъ какъ императоръ введенъ въ заблужденіе и ему слѣдуетъ открыть глаза и пр. Хотя г. Калле-Сень-Поля и подозреваютъ въ давнишнемъ желаніи занять мѣсто г. Гауссмана, или по крайней мѣрѣ г. Фреми,

директора Поземельнаго Кредита, но его личное положеніе въ официальномъ мірѣ, въ мірѣ торговомъ и даже въ вѣдрахъ самого большинства, и въ особенности его критика, столь соответствовавшая настроенію палаты, все это вмѣстѣ привело къ такому результату, что послѣ его рѣчи большинство поколебалось, пришло въ страшное волненіе и готово было отвергнуть первую статью закона. Вслѣдствіе этого на другой день, въ субботу (27-го февраля), измѣнилась обстановка, измѣнилось положеніе правительства, и произошло одно изъ самыхъ бурныхъ и оригинальныхъ засѣданій. Г. Руэръ, до сихъ поръ не принимавшій участія въ преніяхъ, поднялся съ своего мѣста и произнесъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ рѣчей, въ которой онъ старался защитить величіе парижскихъ построекъ и личную честность г. Гауссмана, но въ которой онъ принесъ въ жертву всѣ средства употребленныя послѣднимъ, признавъ и осудивъ ихъ неправильность, которая впредь уже повториться не можетъ, такъ какъ бюджетъ города будетъ представляемъ на утвержденіе законодательнаго корпуса. Въ заключеніе онъ потребовалъ чтобы договоръ съ Поземельнымъ Кредитомъ былъ утвержденъ, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ городу было разрѣшено воспользоваться условіемъ дозволяющимъ ему расплатиться съ своимъ кредиторомъ вполнѣ или частію, когда заблагоразсудитъ, и дана возможность заключить непосредственный публичный заемъ въ такую минуту которую онъ и правительство найдутъ наиболее благоприятною, такъ какъ такая минута можетъ наступить въ промежутокъ между сессіями палаты. Вся палата приветствовала рукоплесканіями такую перемену въ положеніи правительства; оппозиція сочла ее торжествомъ для себя; средняя партія и большинство приписали побѣду себѣ, и законодательный корпусъ рѣшилъ, по требованію г. Руэра, отослать снова первую статью въ комиссію и разошелся съ ликовапіями. Вечеромъ весь Парижъ былъ въ движеніи; повсюду только и толковали что объ этомъ засѣданіи. Вообще обвиняли г. Руэра, что онъ пожертвовалъ г. Гауссманомъ изъ ненависти къ нему, что онъ заставилъ своихъ товарищей разыграть жалкую роль и пр. А такъ какъ именно въ этотъ день было вечернее собраніе въ *Hôtel de Ville*, то г. Гауссману и была сдѣлана тамъ восторженная овація. Въ дѣйствительности же совершенно иное

побужденіе руководило дѣйствіями г. Руэра. Вотъ какъ было дѣло.

Правда, г. Руэръ не жалуетъ г. Гауссмана, могущество и авторитетъ котораго, поддерживаемые императоромъ, нѣрѣдко беспокоятъ его, но въ настоящемъ случаѣ имъ руководило болѣе серьезное побужденіе. Его главная и важнѣйшая роль быть стратегическимъ вождемъ большинства, поддерживать силу и совокупность оного въ пользу императорскаго правительства. И дѣйствительно, это правительство, по своей демократической сущности и по своей абсолютистской формѣ, не можетъ, подобно парламентарнымъ правительствамъ, довольствоваться малымъ большинствомъ по какому-либо закону; ему необходимо всегда и во чтѣ бы то ни стало сильное и компактное большинство. Но послѣ рѣчи г. Калле-Сень-Поля, г. Руэръ, съ своею опытностью и вѣрностью взгляда, тотчасъ же понялъ что большинство готово ускользнуть отъ него, и что если онъ въ слѣдующее засѣданіе (27-го февраля) допустить палату приступить къ подачѣ голосовъ о первой статьѣ въ томъ же настроеніи, то законъ будетъ отвергнутъ или утвержденъ весьма слабымъ большинствомъ. И то и другое было бы неудачей для императорскаго правительства, и неудачей тѣмъ болѣе опасною, что она составляла бы прискорбный прецедентъ. Поэтому онъ и прибѣгнувъ къ стратегіи о которой мы упомянули. Въ тотъ же вечеръ онъ отправился вмѣстѣ съ своими товарищами къ императору, изложилъ ему положеніе дѣлъ и испросилъ у него позволенія пожертвовать нѣсколько г. Гауссманомъ чтобы спасти все дѣло и, въ особенности, чтобы сохранить союзъ власти съ большинствомъ. Императоръ согласился, и въ слѣдующее засѣданіе тактика эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Но г. Руэръ не выпутался еще изъ всѣхъ затрудненій. Послѣ перемѣнъ произведенныхъ комиссіей въ первой статьѣ, законъ возвратился къ публичному обсужденію въ законодательный корпусъ 3-го марта. Оппозиція и г. Тьеръ, искусный тактикъ, а равно и вожди средней партіи, формирующейся въ палатѣ, поняли наконецъ стратегию употребленную г. Руэромъ. Тогда они потребовали, такъ какъ непосредственный заемъ былъ признанъ болѣе выгоднымъ для города чѣмъ договоръ съ Поземельнымъ Кредитомъ, чтобы договоръ этотъ былъ отмененъ и заемъ былъ допущенъ тотчасъ же. Это отнюдь не входило въ виды правительства, которое не желаетъ вѣрять

Поземельному Кредиту, и въ особенности не желаетъ разстаться со средствомъ обойтись еще разъ безъ утверждёнiя палаты, чтобъ имѣть возможность скрывать настоящее положенiе вещей и продолжать свои затраты на парижскiя работы. Вслѣдствiе этого г. Руэръ противодѣйствовалъ этимъ поправкамъ, но при этомъ онъ долженъ былъ до такой степени выставить выгоды договора съ Поземельнымъ Кредитомъ, что разоблачилъ свою игру и потерялъ всё преимущество прибрѣтенныя имъ въ засѣданiи 27-го февраля заявленiями въ противоположномъ смыслѣ. „Надъ нами издѣваются!“ воскликнули нѣкоторые депутаты правой стороны. Напрасно министръ финансовъ, г. Манъ, пользующiйся большимъ уваженiемъ палаты, принялъ обязательство выпустить для города частныя займы и тотчасъ же приступить къ первому въ 250 милліоновъ, напрасно г. Фреми, директоръ Поземельнаго Кредита, принесъ повинную и объявилъ, что если палата находитъ взимаемую имъ сумму за комиссію слишкомъ высокою, то онъ заранѣе соглашается уменьшить ее. Уменьшенiе это дѣйствительно было сдѣлано въ размѣрахъ 16-ти милліоновъ; несмотря на всё эти уступки, часть большинства настаивала на своей поправкѣ. Когда составитель ея, г. Пейрюссъ, оставилъ ее, по настоятельному убѣжденiю правительства, то за нее принялись другiе, и г. Пуиз-Кертъе, непреклонный противникъ-протекціонистъ г. Руэра, потребовалъ, поддерживаемый всею своею фалангой, новой отсылки законопроекта въ комиссію. Какъ видите, кризисъ появлялся снова и еще въ болѣе грозномъ для правительства видѣ чѣмъ въ первый разъ. Засѣданiе было закрыто, и дѣло пока на этомъ и остановилось.

Принятiе означеннаго законопроекта было дѣломъ столь великой важности, что г. Руэръ сдѣлалъ изъ него кабинетный вопросъ и грозилъ, въ случаѣ неутверждёнiя первой статьи онаго, подать въ отставку. Тѣмъ не менѣе средняя партiя держалась твердо и настаивала на своихъ поправкахъ, требовавшихъ вторичной отсылки этой статьи въ комиссію. Видя что большинство готово снова ускользнуть отъ него, г. Руэръ отправился къ императору въ сопровожденiи двухъ своихъ товарищей, министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Императоръ рано утромъ послалъ своихъ секретарей, гг. Ковти и Пьетри, къ вождямъ средней партiи, чтобы просить ихъ, именемъ его величества, утвердить статью и

взять назадъ ихъ поправки. Предъ засѣданіемъ они были приглашены къ президенту законодательнаго корпуса, который возобновилъ свои настоянія и устроилъ соглашеніе между этими господами и г. Рувромъ, который подалъ бы въ отставку еслибъ они не уступили. И несмотря на все это, при подачѣ голосовъ, на сторонѣ правительства оказалось только большинство въ 18 голосовъ.

Вотъ изложеніе великаго вопроса по предмету громаднѣхъ перестроекъ Парижа, который въ продолженіе недѣли возбуждалъ всѣ страсти палаты и публики и который едва не оставилъ императорскаго правительства съ меньшинствомъ законодательнаго корпуса. Вы видите, что сущность вопроса заключается совершенно не въ томъ, о чемъ толкуютъ газеты; онъ гораздо важнѣе чѣмъ вообще полагаютъ и тѣсно связанъ съ политическимъ положеніемъ Франціи, что бы ни говорилъ г. Руэръ. Сводится онъ къ слѣдующему: съ одной стороны, непремѣнная воля императора сохранить въ рукахъ г. Гауссмана главное руководство парижскими работами, дабы продолжать ихъ по начертанному им плану; съ другой стороны, также непремѣнная воля императора и необходимость для г. Руэра воспрепятствовать во что бы что ни стало разьединенію большинства и предупредить всякую попытку съ стороны послѣдняго нанести поражение правительству. Въ то же время, съ каждымъ днемъ становится все очевиднѣе образованіе въ нѣдрахъ большинства средней партіи, съ которою правительству, безъ сомнѣнія, придется посчитаться послѣ общихъ выборовъ.

Испытаніе, порожденное необходимостью согласоватьъ верховную волю императора съ сохраненіемъ союза его съ палатой, было дѣйствительное и тяжелое. Подобное испытаніе правительство перенесло во время преній по дѣламъ Рима. Тогда правительство принуждено было дѣйствительно уступить, и Италия принесена была въ жертву. На этотъ разъ правительство уступило только по наружности, и жертвой, по крайней мѣрѣ въ нравственномъ смыслѣ, былъ г. Гауссманъ. Но и тогда, какъ нынѣ, побѣда осталась за великимъ тактикомъ, г. Рувромъ.

Такимъ образомъ Франція избѣжала министерскаго кризиса, который былъ бы до крайности опасенъ, ибо въ первый разъ, со времени основанія имперіи, она потерпѣла бы пора-

женіе въ нѣдрахъ національнаго представительства, съ которыми она, по ея собственнымъ неоднократнымъ заявленіямъ, пребывала всегда въ полнѣйшемъ согласіи. Къ тому же всѣмъ извѣстно что большинство нынѣшнихъ депутатовъ было избрано только благодаря поддержкѣ правительства. Что же было бы, еслибы они не были официальными кандидатами, а поступили бы въ палату по свободному избранію націи? Событіе это имѣетъ такую громадную важность что составляетъ исключительный предметъ всѣхъ разговоровъ и толковъ въ Парижѣ и провинціяхъ, и важность эта возрастаетъ въ виду предстоящихъ общихъ выборовъ. И дѣйствительно, неудача правительства, отвращенная чрезвычайными, не парламентскими средствами, все-таки грозила ему, и это обстоятельство, составляющее характеристическій призмакъ настоящаго настроенія умовъ, создаетъ грозный прецедентъ, которымъ не преминетъ воспользоваться оппозиція. Все это заставило сильно призадуматься императора, который ни за что не хочетъ отступить отъ своего принципа личной отвѣтственности, и который, чтобы выпутать изъ бѣды одного изъ своихъ министровъ, принужденъ былъ обнаружить свою собственную слабую сторону. Личному авторитету г. Руэра также нанесенъ былъ сильный ударъ, что придало духа многочисленнымъ его противникамъ и скрѣпило сильнѣе ихъ оппозицію. Это видно уже изъ постоянно возрастающаго числа новыхъ журналовъ, которые основали эти противники, всѣ впрочемъ преданные Наполеоновской династіи и имѣющие единственною цѣлю борьбу на жизнь и смерть противъ всѣхъ дѣйствій государственнаго министра. Вслѣдствіе этого, въ Парижѣ многіе убѣждены что г. Руэръ не уедитъ на своемъ мѣстѣ до выборовъ. По моему мнѣнію, императоръ только и желаетъ удержать его въ виду этихъ выборовъ, руководство коими онъ намѣренъ исключительно поручить ему. И дѣйствительно, эти выборы будутъ важнѣйшимъ и самымъ рѣшительнымъ событіемъ для второй имперіи и для династіи Наполеона III.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ сообщить вамъ нѣкоторыя статистическія данныя относительно города Парижа.

Изъ двухъ миллиардовъ, которыхъ стоила перестройка Парижа, работы по проведенію улицъ, бульваровъ, водосточныхъ трубъ, подземныхъ переходовъ и пр. обошлись въ 884 милліона; церкви, школы и новые памятники въ 708 мил-

ліоновъ. Въ этомъ числѣ считается 14 новыхъ католическихъ церквей, двѣ протестантскія, и двѣ новыя синагоги. Новые или перестроенные госпитали стоили 55 милліоновъ; новыя меріи и прочія муниципальныя учрежденія — 129 милліоновъ; скверы, сады и публичныя гулянья — 195 милліоновъ. Вотъ еще нѣсколько цифръ, которыя дадутъ понятіе о цѣнности на звонкую монету красивѣйшихъ построеній, поражающихъ путешественника который не бывалъ въ Парижѣ лѣтъ десять. Одинъ новый оперный театръ обошелся въ 54 милліона; бульваръ Малерба въ 40; бульваръ королевы Гортензіи въ 39; бульваръ Гауссмана въ 60 и бульваръ принца Евгенія въ 75 милліоновъ. Въ общей сложности, новыя постройки Парижа образуютъ пространство въ 134 километра (версты) и содержатъ въ себѣ поверхность въ 310 гектаровъ. Что касается до обыкновенныхъ муниципальных расходовъ по городу Парижу, то-есть на содержаніе мостовой, водостоконъ, освѣщенія и пр., простиравшихся въ 1847 году до 4.300.000 фр., то они доходятъ нынѣ до 23.600.000.

Вотъ еще другія цифры, свидѣтельствующія о результатахъ экономическихъ, социальныхъ и гигиеническихъ этого радикальнаго преобразованія столицы.

Муниципальные доходы города Парижа, простиравшіеся въ 1831 году до 31 милліона, возвысились въ 1847 году до 47 милліоновъ; то-есть, въ 16 лѣтъ увеличились на 16 милліоновъ. Въ 1852 году, при основаніи имперіи, они достигли 52 милліоновъ. Съ 1852 года по 1867 они увеличились на сто милліоновъ, и въ 1867 году простирались уже до 151 милліона. Это увеличеніе доходовъ весьма замѣчательно. Что касается до налоговъ уплачиваемыхъ городомъ Парижемъ, то увеличеніе ихъ еще значительнѣе. Въ 1852 году они простирались до одного миллиарда 338 милліоновъ; въ 1867 году повысились на два миллиарда 604 милліона, то-есть удвоились въ 14 лѣтъ. Во всей остальной Франціи они простирались въ 1867 году только до трехъ миллиардовъ 672 милліоновъ; изъ чего оказывается что относительно налога, Парижъ даетъ двѣ трети въ общихъ доходахъ всей Франціи. Увеличеніе это главнымъ образомъ относится къ торговымъ патентамъ, что свидѣствуетъ о развитіи мелкой парижской торговли. Этотъ видъ налога увеличился съ 1852 года на 10% въ остальной Франціи, въ Парижѣ же на 42%. Чтобы представить вамъ образецъ увеличенія

прочихъ доходовъ, я упомяну вамъ что парижскія боины, доставлявшія въ 1852 году ежегодно 1.100.000 фр., доставили въ 1867 г. 2.500.000, и что пошлины съ рынковъ, дававшія въ 1852 году около двухъ милліоновъ, перешли въ 1867 за девять милліоновъ. Цѣнность движимостей въ Парижѣ возросла въ этотъ промежутокъ времени на 50%, цѣнность работъ на 25%, а нѣкоторыхъ на 80%. Наконецъ парижское производство, представлявшее въ 1861 году цифру въ 1½ миллиарда, достигло въ 1867 году громадной цифры въ десять миллиардовъ. Что касается до недвижимой собственности, то въ 1852 году она цѣнилась въ два миллиарда 557 милліоновъ, а въ 1867 г. въ пять миллиардовъ 300 милліоновъ.

Въ 1847 году первоначальное обученіе стоило Парижу 1.100.000 фр. ежегодно; въ 1867 году оно обошлось ему въ 5.540.000. Въ 1831 году въ Парижѣ было по одному нищему на 11 жителей, теперь по одному на 27. Въ 1831 году умирало по одному изъ 30, нынѣ же умираетъ по одному изъ 47. Наконецъ, населеніе Парижа достигло въ 1867 году громадной цифры въ 1.800.000 человекъ; увеличивается оно на 30.000 ежегодно.

о:

N.

Парижъ.

22-го (10-го) марта 1869.

БѢЛЫЕ ГОЛУБИ

Бѣлыми голубями называютъ себя сектаторы, о которыхъ по случаю Плотыцынскаго дѣла такъ много говорятъ теперь. О таинственномъ ученіи хлыстовъ и скопцовъ до сихъ поръ напечатано было очень немного. * Мы сочли благовременнымъ напечатать о скопцахъ кое-что намъ извѣстное, не вдаваясь въ большія подробности, которыя со временемъ надѣемся представить въ большомъ трактатѣ *Тайныя секты*. Начало этого трактата было помѣщено въ пятой книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1868 годъ.

Источниками для представляемаго изслѣдованія служили: 1) Выпуски изъ дѣлъ о квакерской ереси, производившихся въ Москвѣ въ 1734 и 1745 — 1752 годахъ. 2) Выпуски изъ 180 дѣлъ о хлыстахъ и скопцахъ производившихся въ разныхъ мѣстахъ въ 1774 — 1861 годахъ. Онѣ сдѣланы въ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, генераль-аудиторіата, московскаго старыхъ дѣлъ, канцеляріи московскаго генераль-губернатора, московской уголовной палаты, нижегородскаго губернскаго правленія, канцеляріи тамбовскаго губернатора, канцеляріи Кавказскаго Намѣстника и др. 3) Напечатанное въ

* Въ 1819 году была напечатана въ Петербургѣ книжка: *О скопцахъ*. Едвали она не писана кѣмъ-нибудь изъ сочувствовавшихъ этой сектѣ. Авторъ, представивъ скопцовъ людямъ совершенно мезинными, не указываетъ на тайное ихъ ученіе. Въ 1845 году, по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, напечатано было *Изслѣдованіе о скопческой ереси* покойнаго Надеждина, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Оно перепечатано г. Кельсіевымъ въ Лондонѣ. Предъ тѣмъ приготовлялось къ печати, по распоряженію того же министра, *Изслѣдованіе о скопцахъ* В. И. Даля, вошедшее въ книгу Надеждина. Отъ изслѣдованія г. Даля сохранилась одна только корректура, пожертвованная авторомъ въ Чертковскую бібліотеку въ Москвѣ. Любопытныя свѣдѣнія о скопцахъ находятся въ *Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* г. Варадимова, томъ VIII, въ статьяхъ г. Кельсіева напечатанныхъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1867 года, подъ заглавіемъ: *Великорусскіе двоевѣры*, и въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей* (статьи В. С. Толстаго и И. П. Липранди).

- ограниченномъ числѣ экземпляровъ покойнаго Надеждина *Измѣдованіе о скопческой ереси*, Спб. 1845 г., и *Измѣдованіе о скопцахъ* В. И. Даля (единственный экземпляръ этого сочиненія въ Чертковской библіотекѣ). 4) Корректурные листы *Измѣдованія о шлытовской ереси* покойнаго Надеждина. 5) *Свидѣнія о разныхъ раскольническихъ сектахъ и ихъ заблужденіяхъ*, собранныя въ Соловецкомъ монастырѣ. Рукопись. 6) *Два донесенія Императору Александру Павловичу, поданныя въ Февраль 1825 года крестьяниномъ Костромской губерніи Иваномъ Андреевичемъ*. Рукопись. 7) Архимандрита Досиѣя *О тайностяхъ скопческой ереси*. Рукопись. 8) *Объясненіе Ивана Кудимова*. Рукопись. 9) *Объясненіе скопца штабсъ-капитана Созоновича*. Рукопись. 10) *Объясненіе скопца Овчинникова*. Рукопись. 11) Полковника князя Голицына *О скопцахъ, открытыхъ въ Москвѣ въ 1835 году*. Рукопись. 12) Пресвященнаго Іакова, архіепископа нижегородскаго, *О шлытахъ въ Саратовской губерніи*. Рукопись. 13) Священника Алексѣя Зайцева *Описаніе скопческой секты, ея обряды и пр.* Рукопись. 14) *О скопцахъ Бобровскаго уѣзда*. Рукопись. 15) *О раскольникахъ и въ особенности о скопцахъ*. (Записка представленная графомъ Л. А. Перовскимъ императору Николаю Павловичу въ августѣ 1844 года.) 16) *О скопцахъ и скопческой ереси*. (Двѣ записки, представленныя императору Николаю Павловичу въ 1845 году.) 17) *О скопцахъ открытыхъ въ Москвѣ по доносу крестьянина Матусова*. Рукопись. 18) *Военно-судное дѣло о скопцахъ при Кронштадтскомъ портѣ*. Рукопись. 19) *О движеніи скопцовъ на Кавказъ въ 1842 году*. Рукопись. 20) *Маранскіе скопцы*. Рукопись. 21) *Шлыты Мышкинскаго и Углицкаго уѣздовъ, открытыя въ 1851 году*. Рукопись. 22) *Рижскіе скопцы*. Рукопись. 23) *О прыгункахъ въ Таврической губерніи*. Рукопись. 24) *О московскихъ шлытахъ*. Рукопись. 25) *О богородицѣ Устиньѣ, послѣдней въ родѣ Данилы Филипповича*. Рукопись. 26) *Монтане въ Самарской губерніи*. Рукопись. 27) *Письма пророка Василья Радаева къ священнику села Мотовилова, Арзамаскаго уѣзда, въ 1850 году*. Рукопись. 28) *О сектѣ фарисеевъ*. Рукопись. 29) *Арина Лазаревна, ея ученіе и послѣдователи*. Рукопись. 30) *Свидѣнія о богомолахъ въ Тамбовской губерніи*. Рукопись. 31) *Извѣстія о шлытахъ Тульской губерніи*. Рукопись. 32) Священника города Калуги Ивана Сергѣева *Изясненіе раскола, именуемаго шлытовщина или шрыстовщина, представленное имъ святѣйшему синоду въ 1809 году*. Рукопись. 33) *Страды или Посланіе отца испупителя* (Кондратія Селуванова). Рукопись. Напечатана въ 4 книжкѣ *Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей* на 1864 годъ. 34) *Шестьдесятъ четыре пѣсни шлытовъ и скопцовъ*. Въ разныхъ рукописяхъ и отдѣльно. 35) *Скопчество между лютеранъ С.-Петербургской губерніи*. Рукопись. 36) *Два пѣсни скопческія на чухонскомъ языкѣ*. Рукопись.

I.

Русскіе скопцы, равно какъ и совершенно одинаковые съ ними, какъ по вѣрованіямъ такъ и обрядамъ, хлысты или „Божьи люди“, *—не раскольники. Согласно каноническому распредѣленію всѣхъ разномыслящихъ со вселенскою церковью, они должны быть отнесены къ такъ-называемому „первому чину“, то-есть къ еретикамъ. Несмотря на то что скопцы постоянно представляются самыми усердными православными, часто бываютъ въ церкви и благоговѣнно тамъ молятся, говѣютъ по нѣскольку разъ въ годъ, дѣлаютъ значительныя приношенія въ пользу церквей и духовенства, строятъ храмы, золотятъ на нихъ куполы, льютъ большіе колокола — ихъ нельзя признавать не только православными, но и христианами. Вполнѣ ошибались нѣкоторыя лица изъ православнаго духовенства (даже изъ высшаго), считая скопцовъ и хлыстовъ усердными православными. Впрочемъ, исторія хлыстовской и скопческой ересей представляетъ не мало примѣровъ не только тайнаго, но даже и явнаго уклоненія въ эти ереси самихъ лицъ духовнаго сана. Колыбель скопчества—въ одномъ изъ православныхъ монастырей Москвы.

Не говоря уже объ изувѣрномъ уродованіи, подрывающемъ самыя основы человѣческаго общежитія, секта „бѣлыхъ голубей“ и по вѣрованіямъ своимъ отличается дикою уродливостью извращенныхъ понятій о Богѣ и Спасителѣ міра. Истинный Сынъ Божій, называемый у нихъ „старымъ Христомъ“, далеко не такъ уважается какъ новые христы, отъ времени до времени являющіеся въ ихъ „корабляхъ“ (общинахъ). Какъ и хлысты, бѣлые голуби вѣруютъ въ „живыхъ боговъ“ и „богинь“ и воздаютъ имъ божескія почести.

Оскопленіе не составляетъ непремѣннаго условія принадлежности къ сектамъ *бѣлыхъ голубей* и *людей божіихъ* (хлыстовъ). Въ сектѣ бѣлыхъ голубей не только иные „братцы“, но даже самыя „кормщици корабля“, то-есть начальники общины, не подвергаются иногда оскопленію, хотя и считаются даже пророками и Христами. Это такъ-называемые „духовные скопцы“. Съ другой стороны, несмотря на то что

* Такъ хлысты называютъ сами себя; мерздко „Божьими людьми“ называютъ себя и скопцы.

истые хлысты съ презрѣніемъ относятся о бѣлыхъ голубяхъ, говоря „не великое дѣло бороться съ врагомъ зарѣзаннымъ, а ты поборись съ живымъ“, сами нерѣдко имѣютъ въ своей средѣ скопцовъ, а еще чаще скопчихъ. О томъ почему и для чего они имѣютъ въ своихъ корабляхъ скопчихъ, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Начало скопчества относится къ глубокой древности. Еще въ книгахъ Ветхаго Завета говорится о скопцахъ, напримѣръ у пророка Исаіи въ 56 главѣ. При дворѣ израильскихъ царей, по обычаю древняго Востока, бывали евнухи. Въ *Дѣяніяхъ Апостольскихъ* упоминается о скопцѣ, казначей египетской царицы Кандакии, котораго окрестилъ апостоль Филиппъ. Русскіе бѣлые голуби увѣрены, что самъ Іисусъ Христосъ и апостолы были оскоплены, и что ученіе Спасителя міра, нынѣ будто сохранившееся только въ ихъ корабляхъ, состояло въ ученіи „огненнаго крещенія“, то-есть оскопленія, въ противоположность „водному крещенію“, проповѣданному Іоанномъ Крестителемъ.

Въ первыя времена христіанства скопцы дѣйствительно бывали въ средѣ вѣрныхъ, но апостолы строго относились къ нимъ. Въ *Правилахъ Апостольскихъ* сказано: „кто сдѣлался скопцомъ отъ человѣческаго насилія, или во время гоненій отъ варваровъ, или отъ врачей по болѣзни, или такъ родился, тотъ можетъ быть въ клирѣ и, ежели достоинъ, даже епископомъ, но кто скопилъ самъ себя; тотъ, ежели клирикъ, извергается, самоубійца бо есть и врагъ Божія созданія“, а если мирянинъ — отлучается отъ Св. Таинъ, „ибо навѣтникъ есть своей жизни“. * Въ послѣдствіи Константинопольскій соборъ, именуемый двукратнымъ, тѣхъ которые скопять собственноручно, или отдають приказаніе произвести надъ кѣмъ-либо оскопленіе, сравнивалъ съ убійцами.**

Говорятъ что обычай оскопленія первоначально возникъ въ Вавилонѣ. Семирамида, по извѣстію церковныхъ писателей, влюбившись въ роднаго своего сына, склоняла его вступить съ нею въ связь, но когда юноша отказался, царица въ наказаніе велѣла его оскопить. *** Евнухи находились при

* *Правила Апостольскія* 21, 22, 23 и 24. То же постановлено на первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никей (правило 1).

** *Двукратнаго собора* правило 8.

*** Объ этомъ говорить и Св. Димитрій Ростовскій въ своемъ *Летописи*.

дворахъ восточныхъ деспотовъ, а потомъ при дворѣ православныхъ византійскихъ императоровъ. Но это скопчество не было, какъ теперь, слѣдствіемъ религіознаго фанатизма. Оскопление у древнихъ не представлялось добровольною жертвой, приносимою въ убѣжденіи что она угодна Богу. Варварскій обычай древнихъ былъ послѣдствіемъ многоженства. Никто лучше евнуха не можетъ оберегать гарема, не возбуждая ревности въ душѣ своего повелителя. При дворахъ мусульманскихъ государей и донынѣ держатъ евнуховъ. * — —

Ложное толкованіе словъ Спасителя: *Суть эсе скопцы, и эсе искизаша сами себѣ царствія ради небеснаго; могий омыстити да омыститъ*, ** породило скопчество въ христіанствѣ. Принявъ иносказаніе Спасителя въ смыслѣ буквальный, иные стали скопить себя, но мы уже замѣтили какъ отнеслись къ такимъ людямъ апостолы и ихъ преемники.

Въ православной Византіи, при дворѣ императорскомъ, находились евнухи—обычай заимствованный у восточныхъ государей Сиріи и Ирана. Кубикуларіи (постельничьи) византійскаго двора обыкновенно бывали изъ евнуховъ. Будучи чужды другимъ страстей, кромѣ честолюбія и алчности къ богатствамъ, они были чрезвычайно искусны въ придворныхъ интригахъ и нерѣдко достигали званія людей государственныхъ. Это была суцая язва константинопольскаго двора; высококомѣріе евнуховъ, достигавшихъ высшихъ степеней, не знало предѣловъ. Такъ евнухъ Антоній, воспитатель императора Θεодосія младшаго, оскорблялъ своимъ высококомѣріемъ даже самого государя, который до того наконецъ разгнѣвался на бывшаго своего учителя, что лишивъ его званія патриція, узаконилъ чтобы впредь никто изъ евнуховъ не былъ возводимъ въ это

* Впрочемъ святой Василій Великій, опровергая въ своихъ твореніяхъ скопчество какъ ересь опирающуюся на неправильно толкуемый ею текстъ Св. Евангелія, между прочимъ говоритъ о скопцахъ: „Въ возмужаломъ возрастѣ въ нихъ тѣмъ сильнѣе и необузданнѣе дѣйствуетъ страсть.... Сдѣлавъ оскопленіе хитрою приманкой для обольщенія, скопцы тѣмъ неумѣреннѣе. Одинъ почтенный старецъ сказывалъ, какъ признавалась ему одна женщина, что скопецъ, которому она была вѣрена отъ мужа или господина, сообщалась съ нею.“ (*Творенія Св. Василя Великаго*, IV, 845). Отзывы врачей, находящіеся при дѣлахъ въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, свидѣтельствуютъ то же.

** Евангеліе отъ Матвея, XIX, 12.

достоинство. Но постановленіе Θεодосія вскорѣ было забыто, и при дворѣ императрицы Ирины являються евнухи Ставрикій и Левъ Клокъ, пользовавшіеся огромнымъ значеніемъ въ государствѣ.

Въ восточныхъ государствахъ, какъ азыческихъ (персидскіе Арсакиды и Сассаниды), такъ и христіанскихъ (арменское), видимъ нѣсколько случаевъ оскотленія царскихъ родственниковъ или сильныхъ вельможъ, которыхъ царствующій государь считалъ для себя опасными. То же было и въ Византіи: императоръ Левъ Армянинъ, овладѣвъ престоломъ, оскотилъ Теофилакта, сына своего предшественника, Михаилъ, отнявъ корону у Льва Армянина, оскотилъ четырехъ его сыновей. Изъ оскотленныхъ насильственно, въ силу этого обычая, были даже цареградскіе патріархи, напримеръ Германъ, сынъ патриція Юстина, Игнатій, сынъ императора Михаила.

Скотчество, какъ религіозная секта, появилось въ VI столѣтіи. Извѣстный церковный писатель Оригенъ былъ скопецъ, самовольно оскотившійся. Хотя по *Правиламъ Апостольскимъ* онъ не могъ быть рукоположенъ, но во вниманіе къ его учености, къ его трудамъ на пользу церкви и ревности къ вѣрѣ, сдѣлано было исключеніе, и Оригенъ поставленъ во священника. Въ послѣдствіи ученіе его было осуждено на пятомъ вселенскомъ соборѣ. Сто шестьдесятъ пять святыхъ отцевъ, бывшихъ на семъ соборѣ, постановили: Оригена и другихъ „возобновившихъ еллинскія басни, прехожденія и превращеніе нѣкоторыхъ тѣлъ и душъ наки намъ представившихъ на позоръ, въ сонныхъ мечтаніяхъ блуждающаго ума, и противу воскресенія мертвыхъ нечестиво и нездравомысленно возстававшихъ“—отринути и себорно предать проклятію.

Ученикъ Оригена, философъ Валезій, образовалъ общество скопцовъ и постепенно его увеличивалъ, то привлекая въ свою секту убѣжденіями, то прибѣгая къ обманамъ или къ насилію, преимущественно же секта его пополнилась оскотленными рабами, которые, получивъ отъ господъ свободу, не могли жить въ обществѣ по неспособности къ жизни общественной и по всеобщему къ нимъ презрѣнію. Секта Валезія обратила на себя вниманіе императора Юстиніана Великаго, онъ издалъ строгій декретъ, по которому скопители вѣдно казнить смертію, а имѣніе ихъ предавать разграб-

ленію. Но и такая строгость не уничтожила секты. Валезіане впади потомъ въ другія ереси. Такимъ образомъ и въ сектѣ Павакианъ, и въ сектѣ Богомиловъ встрѣчаются скопцы, которые, конечно, произошли отъ Валезіа.

Богомиль-скопонецъ, монахъ Адріанъ, явился въ Кіевѣ чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ крещенія Русской земли (1004). Онъ хулилъ православную церковь, былъ облеченъ митрополитомъ Леонтіемъ, отлученъ и посаженъ въ темницу.*

Съ тѣхъ поръ до XVIII столѣтія ничего не знаемъ о скопческой ереси въ Россіи. Но тождественная съ нею ересь хлыстовская существовала почти постоянно, какъ мы показали въ началѣ своего трактата *Тайныя секты*.**

II.

По связи хлыстовской ереси со скопческою, выдѣлившеюся изъ нея и отличающеюся отъ своей родоначальницы единственно уродованіемъ тѣла, не лишнимъ считаемъ предварительно упомянуть о главнѣйшихъ догматахъ и обрядахъ „людей божиихъ“ (хлыстовъ). Для этого припомнимъ кое-что изъ сказаннаго нами въ пятой книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1868 годъ.

Хлысты разказываютъ, что крестьянинъ нынѣшняго Юрьевецкаго уѣзда Данило Филипповичъ (бывшій прежде въ числѣ учениковъ расколоучителя Капитона), во время споровъ о томъ по старымъ или по новымъ книгамъ можно спастись, рѣшилъ что ни тѣ ни другія книги никуда не годятся, и что для спасенія необходима одна

Книга золотая,

Книга животная,

Книга голубиная —

Самъ, сударь, Духъ Святый.***

Онъ училъ, что надо молиться духомъ, и что при такомъ только моленіи въ человѣка можетъ вселиться Духъ Божій. Хлысты разказываютъ, что учитель ихъ въ доказательство ненужности и старыхъ, и новыхъ книгъ, собралъ тѣ и другія въ одинъ кулъ, положилъ въ него для груза камни, и

* *Никоновская Лѣтопись* I—112.

** *Русскій Вѣстникъ* № 5, 1868 г.

*** Изъ писемъ употребленной хлыстами и скопцами при раздѣлахъ.

бросилъ въ Волгу. Черезъ нѣсколько времени послѣ потопленія книгъ Данило Филипповичъ явился въ окрестностяхъ Стародуба Кляземскаго. * Въ Стародубской волости, въ приходѣ Егорьевскомъ, говорятъ хлысты, на гору Городину **, среди ангеловъ и архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, въ огненныхъ облакахъ, на огненной колесницѣ, сошелъ съ небесъ во всей славѣ своей самъ „Господь Саваоѣ“. Силы небесныя вознеслись назадъ на небо, а „Саваоѣ“ остался на землѣ, въ образѣ человѣческомъ, воплотясь въ Данилѣ Филипповичѣ. Съ того времени Данило Филипповичъ пересталъ быть человекомъ, а сдѣлался „живымъ богомъ“. Онъ сталъ называться „верховнымъ гостемъ“, „превышнимъ богомъ“, „богатымъ гостемъ“. Признавшіе его живымъ богомъ стали именоваться *людьми божьими*. Такъ называютъ себя хлысты; такъ называютъ себя нерѣдко и бѣлые голуби.

„Господь Саваоѣ“ Данило Филипповичъ водворился въ деревнѣ Старой, неподалеку отъ Костромы. Сюда сходились къ нему для отправленія своихъ обрядовъ люди божьи. Домъ, гдѣ жилъ онъ, названъ „домомъ божьимъ“. Городъ Кострома, близъ которой поселился „верховный гость“, получилъ отъ его послѣдователей названіе „Горняго Иерусалима“, а также „городъ Кострома—верховная сторона“. Черезъ нѣсколько времени „Саваоѣ“ Данило Филипповичъ перенесъ свой домъ, то есть домъ божій изъ деревни Старой въ городъ Кострому.

Потопленіе Данилою Филипповичемъ книгъ въ Волгѣ, по сказаніямъ нѣкоторыхъ хлыстовъ, было послѣ чуда совершившагося на горѣ Городинѣ. *** Не имѣя земнаго начала, разказываютъ они, „верховный гость Данило Филипповичъ“ отъ Святаго Духа получалъ наставленія о томъ что надо проповѣдывать земнороднымъ и творилъ чудеса. По наставленію Святаго Духа, говорятъ они, Данило Филипповичъ утопилъ и книжное писаніе, не велѣвъ людямъ брать книги въ руки ****

* Кляземскій Городокъ—село Ковровскаго уѣзда Владимірскаго губерніи.

** Село Егоріи на рѣкѣ Клязьмѣ и деревня Городина на рѣкѣ Уводи находятся въ Ковровскомъ уѣздѣ, близъ Ивамовской желѣзной дороги.]

*** *Слѣдственное дѣло о хлыстахъ, открытае въ Москвѣ въ 1846 году.*

**** Города Калуги Преображенской церкви, что въ Забѣльѣ, священникъ Иванъ Сергѣевъ, самолично участвовавшій въ хлыстовскихъ

и заповѣдавъ всѣмъ руководствоваться единственно его словами и тѣми вдохновенными рѣчами, что будутъ „выпѣвать“ пророки, „пробывая въ духѣ“, то-есть въ состоянціи восторженнаго изступленія, до котораго доходятъ послѣ круженій и скачекъ на „радвняхъ“ *.

„Господь Саваоѣ“ Данило Филипповичъ далъ людямъ божьимъ двѣнадцать заповѣдей:

1. Азъ есмь богъ, пророками предсказанный, сошелъ на землю для спасенія душъ человеческихъ. Нѣтъ другаго бога, кромѣ меня.

2. Нѣтъ другаго ученія. Не ищите его.

3. На чемъ поставлены, на томъ и стойте.

4. Храните божьи заповѣди и будете вседенныя ловцы.

5. Хмельнаго не пейте, плотскаго грѣха не творите.

сборищахъ и переписывавшійся съ жившимъ въ Петербургѣ скопцекимъ „христомъ, царемъ израильскимъ и императоромъ Петромъ Федоровичемъ“ (Кондратій Селивановъ), въ поданномъ въ 1809 году въ святѣйшій синодъ *Изясненіи раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина* (небольшія извлеченія изъ него можно видѣть въ Румянцовскомъ Музеѣ), говоритъ между прочимъ, что по ученію хлыстовъ и скопцовъ, „всякое книжное писаніе есть порча, то есть все вредно, все соблазнительно, все служитъ къ претыканію, все склонаетъ къ развращенію; учителя хлыстовскіе!запрещаютъ читать книги, потому что они затмеваютъ умъ, вводятъ человѣка въ неистовство, развлекаютъ мысли, отводятъ отъ истины и удаляютъ отъ пути Божія“. *Чети-Миней и Прологи*, говорятъ хлысты, по свидѣтельству священника Сергѣева, обыгаютъ святыхъ угодниковъ. Изъ разныхъ дѣлъ о хлыстахъ и скопцахъ видно, что эти сектаторы зовутъ Бибію— „хлѣпотницей“, и говорятъ что читать ее значитъ подвергать себя опасности сумашествія. Не! оттуда ли идетъ народное, повсемѣстное почти, повѣрье о томъ, что кто Бибію читаетъ, тотъ съ ума сойдетъ, „Бибію зачитается“?

* Слово *радвнѣ* жу хлыстовъ и скопцовъ употребляется не въ общепринятомъ смыслѣ старанія, усердія, заботы, но въ смыслѣ радвнѣя къ Богу, то-есть усердія соединиться съ Нимъ посредствомъ особахъ гѣловидженій, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Въ *Толковомъ Словарѣ живаго великорусскаго языка* В. И. Даля (III—4) это слово объяснено такъ: „радвнѣ у скопцовъ, хлыстовъ и прочихъ—отправлять свое богослуженіе съ верченьемъ; радвнѣ—молитва въ сборѣ; радвнѣющихъ (сосердательныхъ) толковъ; радвнѣтель радвнѣльнѣкъ, радвнѣльнѣкъ—радвнѣющій хлыстъ, скопецъ.“

6. Не женитесь, а кто женатъ, живи съ женою какъ съ сестрою. Неженимые не женитесь, женимые разженитесь.

7. Скверныхъ словъ и сквернословія * не говорите.

8. На свадьбы и крестяны не ходите, на хмѣльныхъ бесѣдахъ не бывайте.

9. Не воруйте. Кто единую копѣйку украдетъ, тому копѣйку положить на томъ свѣтъ на темя, и когда отъ адекаго огня она растопится, тогда только тотъ человекъ прощеніе приметъ.

10. Сіи заповѣди содержите въ тайнѣ, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнутомъ будутъ бить и огнемъ жечь—терпите. Кто вытерпитъ, тотъ будетъ вѣрный, получить царство небесное, а на землѣ духовную радость.

11. Другъ къ другу ходите, хлѣбъ—соль водите, любовь творите, заповѣди мои храните, бога молитесь.

12. Святому духу вѣрьте. **

Эти заповѣди „Саваоа“ Давида Филипповича послужили какъ увидимъ, основаніемъ и скопческаго ученія. „Отецъ искупитель, царь израильскій, христосъ Петръ Федоровичъ“ (такъ зовутъ бѣлые голуби основателя секты своей крестьянина Кондратія Селиванова) говорилъ, что пришелъ онъ не старые законы раззорять, но забытые возстановить и восполнить ихъ ученіемъ „огненного крещенія“, то-есть оскотленія.

За пятнадцать лѣтъ до сошествія „Господа Саваоа“ на гору Городину, разказываютъ хлысты, родился сынъ божій, христосъ, Иванъ Тимоѣевичъ Сусловъ. *** Родился онъ въ

* Подъ „скверными словами“ хлысты разумѣютъ извѣстныхъ русскихъ ругательствъ, подъ „сквернословіемъ“—упоминаніе словъ: діаволъ, чертъ, бѣсъ и т. п.

** Сказаніе о Давидѣ Филипповичѣ и заповѣди его заимствованы изъ формальнаго дѣла производившагося въ 1845 и 1846 годахъ объ открытыхъ въ Москвѣ хлыстахъ корабля пророка Василия Инграфова.

*** Когда хлыстамъ или скопцамъ говорятъ что Христоса было и есть одинъ, они отвѣчаютъ что вѣчный Богъ постоянно воплощается между людьми, и христы часто рождаются. И вохвы спрашивали, говорятъ они, не гдѣ Христосъ родился, а гдѣ онъ *разбѣдается* (*Евангеліе Матвея II—4*), и въ церкви поется, продолжаютъ они, „Христосъ *разбѣдается*—славите“, а не „Христосъ родился“. Значитъ, говорятъ хлысты и скопцы, Христосъ всегда рождается, а не однажды родился.

тогдашнемъ Муромскомъ уѣздѣ, въ селѣ Максаковѣ, отъ богородицы Аринѣ Нестеровнѣ („родился духовно“, то-есть обращень ея въ секту людей божіихъ). Ей было уже сто лѣтъ какъ она родила, то-есть обратила въ секту, Христа Ивана Тимоѣевича. Ему же было тогда тридцать лѣтъ. Онъ былъ позванъ верховнымъ гостемъ Данилой Филипповичемъ въ Кострому. Въ деревнѣ Старой верховный гость „далъ ему божество“, сдѣлавъ Суслова „живымъ богомъ“. Для того онъ три дня сряду, при свидѣтеляхъ, возносилъ Ивана Тимоѣевича съ собою на небеса. Послѣ того, по вѣлѣнію отца своего, превышняго бога Данилы Филипповича, сынъ божій христъ Иванъ Тимоѣевичъ возвратился въ свои мѣста на берега Оки. Однимъ изъ главнѣйшихъ притоновъ его было село Павловъ Перевозъ (нынѣ извѣстное своею слесарною и ножевою промышленностью село Павлово, Горбатовскаго уѣзда). Переходя изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, христъ Иванъ Тимоѣевичъ распространялъ ученіе отца своего верховнаго гостя, заключающееся въ двѣнадцати заповѣдяхъ. Съ нимъ жила дѣвица, очень красивая собой, она почиталась „богиней“, дочерью „живаго бога“ и „богородицей“. По свидѣтельству святаго Дмитрія Ростовскаго, она была родомъ изъ села Ландеха, посадскаго челоуѣка дочь. * Кромѣ богородицы, по свидѣтельству того же святителя, были у Ивана Тимоѣевича и двѣнадцать апостоловъ.

Когда „истинная вѣра людей божіихъ“ отъ проповѣди Христа Ивана Тимоѣевича съ его богородицей и апостолами стала распространяться, дошло о томъ, по сказаніямъ хлыстовъ, до вѣдома царя Алексѣя Михайловича. По его вѣлѣнію, Ивана Тимоѣевича схватили и съ сорока учениками привезли въ Москву. Здѣсь подвергли ихъ розыску, и самого Суслова и учениковъ его пытали. Одному-де ему было дано столько ударовъ кнутомъ, сколько всѣмъ сорока ученикамъ вмѣстѣ. Но судьи ни отъ него, ни отъ учениковъ ничего не узнали. Никто изъ нихъ слова не проронилъ о томъ въ чемъ состоитъ ихъ ученіе. Тогда будто бы царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ ихъ допрашивать самому патриарху Никону, но и тотъ ни въ чемъ не успѣлъ, и ему не

* *Розыскъ*, изд. 1855, т. III, стр. 599. Села Верхній и Нижній Ландехи въ Гороховскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи.

открыли тайны ни христокъ Иванъ Тимоѣевичъ, ни ученики его. Передалъ ихъ царь Морозову, самому ближнему своему боярину. Морозовъ будто бы помялъ святость Ивана Тимоѣевича и уклонился отъ производства надъ нимъ розыскаго дѣла подъ предлогомъ болѣзни. Оно передано было князю Одоевскому (Никитѣ Ивановичу?). Онъ въ московскомъ Кремлѣ на Житномъ дворѣ, гдѣ поставлена потомъ церковь Благовѣщенія, пыталъ Ивана Тимоѣевича. Жегъ-де его князь Одоевскій на маломъ огнѣ, повѣсивъ на желѣзный пруть, потомъ жегъ въ большихъ кострахъ. Но огонь не касался христа, и съ Житнаго двора Иванъ Тимоѣевичъ вышелъ ничѣмъ не вредимъ. Послѣ того стали будто бы его пытать на Красной площади, у Лобнаго мѣста, и распяли на кремлевской стѣнѣ, возлѣ Спасскихъ воротъ, идя въ Кремль направо, гдѣ послѣ того поставлена была часовня. Когда Иванъ Тимоѣевичъ испустилъ духъ, приставленная стража изъ сгрѣльцовъ сняла его со креста. Это было въ четвергъ, а въ пятницу схоронили его на Лобномъ мѣстѣ, въ могилѣ со сводами. Съ субботы на воскресенье онъ воскресъ при свидѣтеляхъ и явился ученикамъ въ подмосковномъ селѣ Пахрѣ. Здѣсь попрежнему онъ училъ людей божіихъ. Опять свѣдаль-де про то царь Алексѣй Михайловичъ, опять велѣлъ взять Ивана Тимоѣевича въ Москву на муки. Снова былъ преданъ христокъ страшнымъ пыткамъ, снова распятъ на крестѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, у Спасскихъ воротъ. Тутъ содрали съ него кожу, но одна изъ ученицъ покрыла его тѣло чистой простыней, и произошло-де чудо: простыня обратилась въ новую кожу, и сынъ божіи Иванъ Тимоѣевичъ остался ничѣмъ не вредимъ. Однако умеръ и во второй разъ на крестѣ, и во второй разъ воскресъ на третій день, также въ воскресенье. Съ того времени онъ приобрѣлъ еще болѣе послѣдователей. Они звали его „стародубскимъ христомъ“. Молва усиливалась, и Сусловъ въ третій разъ былъ взять, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, и въ третій разъ обреченъ на мученія. Это случилось, говорятъ хлысты, въ то самое время какъ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ пришло время разрѣшиться отъ бремени царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ (стало-быть, въ 1672 году). Царицѣ было пророчество, что она въ такомъ лишь случаѣ разрѣшится благополучно, если царь освободитъ отъ мукъ Ивана Тимоѣевича. Царь велѣлъ освободить его.

Съ тѣхъ поръ сынъ божій, христосъ Иванъ Тимоѣевичъ, говорятъ хлысты, тридцать лѣтъ спокойно проживалъ въ Москвѣ, тайно распространяя ученіе людей божіихъ (стало-быть, до 1702 года). Московскій „домъ божій“, устроенный имъ по подобію костромскаго „Горняго Іерусалима“, находился за Сухаревой башней, на мѣстѣ принадлежавшемъ князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому, и былъ названъ „Новымъ Іерусалимомъ“. Сюда-то въ 1699 году пришелъ изъ Костромы къ „возлюбленному сыну своему“ Ивану Тимоѣевичу господь саваоѣ, верховный гость, Данило Филипповичъ, на сотомъ году своей жизни. Здѣсь онъ много бесѣдовалъ съ сыномъ своимъ за столомъ, который до 1846 года, какъ святыня, сохранялся у московскихъ хлыстовъ. По приказамъ ихъ, изъ этого дома 1-го января 1700 года, въ Васильевъ день, Данило Филипповичъ, послѣ долгаго радвія, въ виду всѣхъ собравшихся въ Новый Іерусалимъ хлыстовъ, вознесся на небо. Потому, говорятъ они, съ этого дня и стали считать Новый годъ. Вскорѣ послѣ вознесенія Данила Филипповича, Иванъ Тимоѣевичъ долженъ былъ бѣжать изъ Москвы, ибо на хлыстовъ обратило вниманіе правительство.

Пятнадцать лѣтъ Сусловъ не бывалъ въ Москвѣ, скрываясь по разнымъ мѣстамъ у своихъ учениковъ. Удостоившись, наконецъ, что въ Москвѣ про хлыстовъ забыли и преслѣдованій больше нѣтъ, возвратился онъ въ свой Новый Іерусалимъ, за Сухареву башню и, можетъ-быть, для того чтобы не возбуждать вниманія тогдашней полиціи, не поселился въ томъ домѣ гдѣ бесѣдовалъ съ верховнымъ гостемъ Данилой Филипповичемъ, а выстроилъ противъ него другой маленькій домикъ, который сдѣлался вторымъ московскимъ „божьемъ домомъ“. Живя здѣсь, Сусловъ распространилъ свое ученіе въ московскихъ монастыряхъ, женскихъ: Вознесенскомъ, Рождественскомъ, Ивановскомъ, Новодѣвичьемъ и Варсонофьевскомъ, въ мужскихъ: Симоновомъ и Высокопетровскомъ. Проживъ въ Москвѣ около трехъ лѣтъ, христосъ Иванъ Тимоѣевичъ, по словамъ хлыстовъ, при многихъ свидѣтеляхъ вознесся на небо. Бездыханное же тѣло его осталось на землѣ и было погребено при церкви Николы въ Драчахъ. Онъ не взялъ на небо тѣла своего какъ отецъ его, саваоѣ Данила Филипповичъ, потому, говорятъ хлысты, что будучи воплощеннымъ сыномъ божіимъ, хотѣлъ

показать примѣръ благочестиваго смиренія и терпѣнія на землѣ. Тѣло его недолго оставалось на погостѣ Никольской церкви. Приверженцы Суслова вскорѣ исходатайствовали перенесеніе останковъ своего христа въ женскій Ивановскій монастырь, гдѣ въ средѣ инокинь было уже не мало послѣдовательницъ хлыстовщины. Надъ новою могилою Суслова поставленъ былъ памятникъ, надпись на немъ гласила что тутъ погребенъ святой угодникъ Божій. Около двадцати лѣтъ былъ цѣль этотъ памятникъ.

По смерти Ивана Тимоѣевича мѣсто христа, сына божія, заступил нижегородскій стрѣлецъ Прокофій Даниловичъ Лупкинъ. Нѣкоторые хлысты утверждаютъ что онъ былъ роднымъ сыномъ саваоиа Данилы Филипповича. Лупкинъ былъ христомъ людей божьихъ съ 1713 года до своей смерти, случившейся въ 1732 году, похороненъ въ Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ, рядомъ съ христомъ Иваномъ Тимоѣевичемъ. Жена Прокофья Лупкина, нижегородская стрѣлцкая дочь Акулина Ивановна была хлыстовскою богородицею. Сынъ ихъ Спиридонъ Прокофьевичъ, во иночествѣ (постриженъ въ Симоновомъ монастырѣ) Серафимъ, равно какъ монахи Петровскаго монастыря Филаретъ Муратинъ и Тихонъ Струковъ (оба изъ дворянскихъ фамилій), были пророками. Въ женскихъ монастыряхъ города Москвы, Рождественскомъ, Новодѣвичьемъ, Вознесенскомъ, а особенно въ Ивановскомъ, было много приверженицъ христовъ Суслова и Лупкина. Божій домъ былъ на прежнемъ мѣстѣ, неподалеку отъ Сухаревой башни. Въ числѣ хлыстовъ былъ одинъ изъ князей Мещерскихъ.

По сказаньямъ хлыстовъ, христовъ Прокофій Лупкинъ умеръ въ 1733 году, въ Москвѣ, въ божьемъ домѣ, въ Новомъ Иерусалимѣ. Они говорятъ что въ день смерти Прокофья Даниловича находились у него въ собраніи всѣ его послѣдователи, что во время „корабельнаго“ (общаго) ихъ радѣнія въ ихъ „святой кругъ“ съ небесныхъ круговъ слетѣли безплотные духи: ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и вся сила небесная, и что они вознесли христа Лупкина при множествѣ свидѣтелей на небо. По-просту сказать, Лупкинъ умеръ во время радѣнія. И тогда настало, продолжаютъ хлысты, „древнее молчаніе“, прекратилось пророчество по случаю наставшаго гонительнаго времени.

Лупкина похоронили въ Ивановскомъ монастырѣ, близъ Ивана Тимоѣевича Суслова. На могилѣ его соорудили

каменное надгробное строеніе (памятникъ) и на немъ написали похвалу святости погребеннаго. Недолго однако оставались въ покоѣ кости Прокофья Даниловича. Предъ самою смертію его разразилась надъ его послѣдователями буря, кончившаяся казнями ближайшихъ къ нему людей, ссылкой въ отдаленные сибирскіе монастыри жены, сына, свояченицы, и сожженіемъ его уже полуистлѣвшаго тѣла чрезъ палачей.

Дѣло было такъ. Въ 1732 году къ начальнику Москвы, графу Семену Андреевичу Салтыкову, явился добровольно нѣкто Семень Карауловъ, промышлявшій въ Москвѣ разбоемъ и имѣвшій съ шайкой своею главный притонъ подъ Каменнымъ мостомъ чрезъ Москву-рѣку. Пови́вшись предъ графомъ въ разбояхъ, Карауловъ объявилъ, что „есть въ Москвѣ четыре дома, гдѣ чинятся великія непотребности. Собираются-де туда по ночамъ на праздники разныхъ чиновъ люди, старцы, старицы и прочіе. Изъ нихъ нѣкоторые-де выбираются въ начальники сборищъ и садятся въ переднемъ углу, а прочіе по лавкамъ. Какъ приходятъ въ домъ, то старшимъ своимъ, сидящимъ въ переднемъ углу, кланяются, цѣлуютъ у нихъ руки, и собирая деньги, имъ отдають, и другіе-де изъ нихъ пророчествуютъ.“

Дѣло было казусное. Пророчествовать было строго запрещено со времени казни ростовскаго епископа Досіея, пророчествовавшаго заточенной въ Суздальъ царицѣ Авдотѣѣ Федоровнѣ. Салтыковъ сдѣлалъ нужныя распоряженія, и по указаніямъ разбойника Караулова, на хлыстовскихъ радѣніяхъ было захвачено семьдесятъ восемь человекъ. Въ числѣ ихъ были монахи и монахини разныхъ московскихъ монастырей. Главною руководительницей секты оказалась монахиня Ивановскаго монастыря Анастасія (въ мѣрѣ Агафья Карпова). Открылось, что она и еще двѣ старицы и старецъ пророчествовали, и вмѣсто причастія Святыхъ Таинъ, подавали рѣзанный кусками хлѣбъ, а изъ стакана давали пить квасъ, иногда воду.

Въ послѣдствіи открылось (собственныя признанія скопцовъ), что сія благочестивая московская инокиня была первоначальною основательницей секты „бѣлыхъ голубей“. Русское скопчество вышло изъ келій не совсѣмъ цѣломудренныхъ черницъ одного изъ знаменитѣйшихъ мона-

стырей Москвы. „Убѣленіе“, то-есть оскопленіе, было сочувственно принято духовными особами мужескаго пола: іеромонахи Филаретъ и Тихонъ сдѣлались пособниками честной старицы Анастасіи, а симоновскій архимандритъ, въ послѣдствіи курскій архіерей Петръ, имѣлъ своимъ наперстникомъ инока — хлыста Серафима, кандидата въ христы и роднаго сына христа Прокофья и богородицы Акулины Лупкиныхъ. Странное явленіе представляетъ наше духовенство того времени: гоняся за двуперстіемъ какъ за страшною отъ Бога отводящею ересью, оно держало подъ своимъ крылышкомъ секты изуверныя. Мало того, сами духовныя лица увлекались въ эти секты, за что иногда и расплачивались головами, какъ напримѣръ іеромонахи Высокопетровскаго московскаго монастыря Филаретъ и Тихонъ.

Христа людей божихъ, Прокофья Даниловича, во время розысковъ по доносу Караулова уже не было въ живыхъ. Мѣсто его заступилъ сынъ его, симоновскій монахъ Серафимъ. Онъ былъ захваченъ.

Богородица Настасья Карпова была казнена въ Петербургѣ на Сытномъ рынкѣ въ октябрѣ 1733 года. Той же участи подверглись иноки Петровскаго монастыря Филаретъ и Тихонъ. Остальные публично наказаны кнутомъ и разсланы на вѣчное житіе въ Сибирь и по монастырямъ. Трупы христовъ Суслова и Лупкина, по распоряженію святѣйшаго синода, были выкопаны изъ могилъ находившихся въ Ивановскомъ монастырѣ и сожжены за городомъ рукою палача. Но хлысты успѣли подмѣнить останки перваго христа Ивана Тимофеевича.

III.

Хлысты и скопцы все вышеизложенное объясняютъ третьєю книгой *Эздры*. Господь Саваоѣъ, говорятъ они, обѣщавъ самъ воплотиться „и рече: се дніе грядуть ввсегда приближатися начну, да посвѣщу обитающихъ на землѣ“. * И исполнилось это, продолжаютъ они, пришелъ Богъ Саваоѣъ на землю въ лицѣ верховнаго гостя Данилы Филипповича и далъ людямъ правое ученіе. Хотя оно и было дано при старомъ Христѣ (т.-е. во время воплощенія истиннаго Сына

* III *Эздры*. IV, 18

Божіа), но въ теченіе времени забылось и исказилось. Затѣмъ, говорятъ хлысты, сбылось пророчество: „явится не-вѣста и являющіися покажется, иже нынѣ крывается отъ земли.“ * явилась Богородица Арина Нестеровна и чудесно родила Иисуса Христа Ивана Тимоѣевича, по писанію: „Открыетбоя сынъ мой Иисусъ“. ** Въ первый разъ, продолжаютъ хлысты, Иисусъ Христосъ *родился* отъ Дѣвы Маріа, во второй разъ онъ *открылся* отъ дѣвы Арины Нестеровны ***. Слова Эздры „открыетбоя сынъ мой Иисусъ съ тѣми иже съ нимъ суть и наслаждаются въ лѣтѣхъ четырехъ стѣхъ,“ **** означаютъ, по толкованію ихъ, что „люди божіи“ наслаждались ученіемъ Иисуса на 200 радѣніяхъ бывшихъ съ Иваномъ Тимоѣевичемъ Сусловымъ, и на 200 бывшихъ съ Прокофьемъ Данилычемъ Лупкинымъ. О тѣлесной смерти послѣдняго по понятіямъ сектаторовъ предсказано Эздрою такъ: „и будетъ по лѣтѣхъ сихъ (то-есть послѣ 400 радѣній), и умретъ сынъ мой Христосъ, и вси иже дыханіе имуть человекы, и обратятся вѣкъ въ древнее молчаніе двѣи седмь, якоже въ прежнихъ судѣхъ, тако яко да никто останется.“ † Это означаетъ, что по смерти Прокофья Лупкина „всѣ иже дыханіе имуть“, то-есть всѣ таинственно воскресшіе, имѣющіе въ себѣ Духъ Святой и пророчествующіе, будутъ изгнаны: замолкнетъ пророчество и настанетъ *древнее молчаніе*, какое было до пришествія на землю саваоа Данилы Филипповича. Согласно съ пророчествами Эздры, сіе „древнее молчаніе“ продолжалось только семь лѣтъ, по прошествіи которыхъ „разрѣшилъ уста“ третій Христосъ, безъ таинственной смерти таинственно воскресій, а за нимъ стали пророчествовать и послѣ таинственной смерти воскресіе пророки. ††

* Ш Эздры, VII, 26.

** Ш Эздры, VII, 28.

*** Это имѣетъ таинственный смыслъ, говорятъ хлысты, и означаетъ что Суслевъ не родилася отъ дѣвы, но въ томъ „кораблѣ“ (обществѣ хлыстовъ, божьемъ домѣ), гдѣ была Арина Нестеровна богородицей, не умирая таинственною смертію, прямо родилася духовно и открылася людямъ божіимъ.

**** Ш Эздры, VII, 28.

† Ш Эздры, VII.

†† Казнь и семака хлыстовъ были въ 1734 году, а черезъ семь лѣтъ, по словамъ хлыстовъ и скопцовъ, въ Москвѣ *разрѣшилъ уста* новый христосъ. Значить, въ 1742 году снова начались въ Москвѣ

Этотъ разрѣшившій уста, во всемъ подобный Суслову и Дупкину, воскресшій безъ таинственной смерти христосъ былъ притворявшійся юродивымъ помѣщичій крестьянинъ Сѣвскаго уѣзда, села Брасова, Андрей Петровъ, жившій въ Москвѣ и принадлежавшій къ хлыстовскому кораблю, что былъ въ Ивановскомъ монастырѣ. * Онъ, по понятіямъ хлыстовъ, былъ христосъ сынъ божій, рожденный отъ богородицы Настасьи Карповны, то-есть принятый ею въ секту. Онъ имѣлъ домъ (все тотъ же „божій домъ“ что былъ при Сусловѣ и Дупкинѣ) за Сухаревой башней, о шести свѣтлицахъ (то-есть комнатахъ), на дворѣ его была церковь, гдѣ лежали останки Ивана Тимошеевича, вырытые изъ могилы Ивановскаго монастыря прежде чѣмъ палачи коснулись ея. Съ христомъ Андреемъ жили хлысты: Иванъ Ивановичъ Четкинъ или Бѣлый изъ крестьянъ села Ворсмы, Семень и Игнатій Ивановичи Шигины изъ села Павлова (оба села Горбатовскаго уѣзда), да сынъ старшаго Шигина, Василій Семеновъ. Домъ юрода былъ богато отдѣланъ; такъ, напримѣръ, въ одной комнатѣ, что предъ спальней, стѣны были обиты обоями фабрики Затрапезнаго. Конечно, христосъ Андрей, бывшій всегда нищимъ, не могъ купить этого дома, и онъ достался ему другимъ какимъ-либо образомъ. Изъ слѣдственнаго дѣла 1745—1752 годовъ о квакерской ереси, открытой въ Москвѣ, видно что этотъ христосъ былъ принимаемъ въ качествѣ „святаго“ и „блаженнаго“ въ нѣкоторыхъ домахъ тогдашняго высшаго московскаго

сборища „людей божіихъ“ и ихъ радѣнія. Такъ оказывается и по слѣдственному дѣлу о квакерской ереси (хлыстовъ) открытой въ 1745 году въ Москвѣ по доносу сыщика Ваньки Каина.

* О немъ упоминается въ пѣснѣ сочиненной въ XVIII ст. основателемъ русскаго театра Ф. Г. Волковымъ для маскарада устроеннаго на московскихъ улицахъ императрицей Екатериной II. Она начинается словами „Бѣсъ проклятый дѣло намъ затѣялъ.“ Въ ней поется:

Ванька Каинъ и ажехристъ Андрюшка!
Дайте намъ карты, здѣсь олухи есть.

Ванька Каинъ, подражая разбойнику Семену Караулову, предалъ хлыстовъ въ руки правосудія. Въ обществѣ того времени много было говора о Ванькѣ Каинѣ и объ открытомъ имъ ажехристѣ Андрюшкѣ. Воаковъ воспользовался этимъ.

общества и что нѣкоторыя знатныя барыни, * по избытку благочестивой набожности, ни въ чемъ не отказывали „блаженному юроду“. Можно полагать, что поклонницы юрода Андрея, изъ благодарности за его душеспасительныя прореченія, доставляли ему средства къ безбѣдной жизни и даже къ роскошному по тому времени убранству комнатъ „божія дома“ у Сухаревой башни.

Когда хлысты были открыты (въ 1745 г.), въ приворотной свѣтлѣ, гдѣ жили Чечеткины и Шигины, по указанію Ваньки Каина найденъ былъ трупъ, не задолго предъ тѣмъ зарытый въ землю возлѣ печки. При осмотрѣ трупа нельзя было заключить къ какому полу онъ принадлежитъ, но по обстоятельствамъ стало ясно что это былъ трупъ Ивана Тимоѣевича Суслова, похищенный хлыстами изъ могилы въ Ивановскомъ монастырѣ, когда, вслѣдствіе синодальнаго распоряженія, трупы обоихъ христовъ велѣно было вырыть и сжечь чрезъ палача. При домѣ христа Андрея Петрова, какъ мы сказали, была построена деревянная церковь; утварь, иконы и книги ея были конфискованы въ 1745 году при арестованіи христа Андрея и переданы въ московскую контору святѣйшаго синода. Въ домѣ юрода Андрея вмѣстѣ съ нимъ жилъ капитанъ Смуригинъ, тоже хлыстъ, который въ 1745 году ѣздилъ вмѣстѣ съ Андреемъ въ Петербургъ и тамъ заказалъ семь парчевыхъ покрововъ на мощи святыхъ. Онъ показалъ будто заказывалъ эти покровы на мощи новгородскихъ угодниковъ, почитающихся въ Софійскомъ соборѣ и въ монастыряхъ Хутыньскомъ и Антоньевѣ, но на самомъ дѣлѣ эти покровы были дѣланы для тѣла Ивана Тимоѣевича, стоявшаго въ церкви построенной на дворѣ христа Андрея. Покровы у капитана Смуригина были отобраны въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ при его арестѣ. **

Дѣло продолжалось долго: не ранѣе 1752 года, Шигины и другіе хлысты, по наказаніи кнута, сосланы были въ Сибирь, въ Рогервикъ и цныя мѣста. Что касается христа

* Большею частію старушки; но были и молодыя, которымъ прихлѣсь по вкусу любовь юрода. Обходимъ молчаніемъ ихъ родословныя имена. Любопытныя найдутъ ихъ въ подлинномъ дѣлѣ о квакерской ереси.

** Дѣло о квакерской ереси открытой въ 1745 году. Дѣла канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ.

Андрея, о немъ разнеслась молва будто онъ умеръ еще во время производства слѣдствія о „квакерской ереси“. Но въ послѣдствіи это оказалось несправедливымъ. Вѣроятно, знатныя и сильныя своимъ богатствомъ, родственными связями и положеніемъ въ обществѣ почитательницы Андрея Петровича похлопотали о сохраненіи драгоценной для нихъ жизни. Не знали онъ какимъ ремесломъ чрезъ нѣсколько лѣтъ займется ихъ милый дружокъ „святой-блаженный юродь“.

Черезъ нѣсколько лѣтъ между хлыстами явился начальникъ и отецъ секты скопцовъ. Стали его называть императоромъ Петромъ Федоровичемъ. Такимъ образомъ, говорятъ хлысты и особенно скопцы, „открылся Вышній на престолѣ суда,* то-есть безъ таинственной смерти, подобно Суслову, Лупкину и Андрею Петрову, таинственно воскресъ „сѣдащій на престолѣ царскаго суда“, государь Петръ Федоровичъ. Онъ не родился, говорятъ скопцы, но подобно Ивану Тимофеевичу открылся духовно отъ пренепорочныя дѣвы императрицы Елизаветы Петровны, оставившей престолъ и жившей въ Орловской губерніи подъ именемъ Акулины Ивановны. Петръ III, по мнѣнію скопцовъ и нѣкоторыхъ хлыстовъ, живетъ и понынѣ въ Иркутской странѣ, на морѣ, гдѣ солнце восходитъ. Они иногда зовутъ его *иркутскимъ искутителемъ* (оскопителемъ)**. Теперь никто не можетъ его видѣть, говорятъ они, до грознаго дня страшнаго суда, для совершенія котораго онъ вскорѣ явится. О невозможности теперь его видѣть сказано было, говорятъ скопцы, и въ Св. Писаніи: „не можетъ кѣждо видѣти на земли сына моего или тѣхъ, иже съ нимъ суть, токмо во время дне“***, то-есть когда придетъ

Онъ со страшнымъ судомъ,
Со ршеньемъ, со прощеньемъ,
Со небесными дарами****,

когда взойдетъ въ Москву и зазвонитъ въ царь-колоколъ, что на колокольнѣ Ивана Великаго.... Тогда пойдутъ за нимъ люди полкѣ полкѣми, и придетъ онъ въ Петербургъ, и возсѣвъ на царскомъ престолѣ, сотворитъ страшный судъ

* III книга Эздры.

** Нѣкоторые хлысты говорятъ что онъ находится въ Турціи.

*** III книга Эздры.

**** Пѣсня хлыстовъ и скопцовъ начинающаяся словами: „Благослови Вышній Творецъ“.

надъ всѣми земными племенами *. Тогда-то наступитъ не-
скончаемое царство Христа по духу, „тогда пройдутъ бѣды
и долготерпѣніе соберется, судъ же единъ пребудеть, истина
станетъ, и вѣра возможетъ, и дѣло послѣдовати будетъ, и
мзда покажется, и правды воспрянутъ, и неправды не воз-
обладаютъ“ **.

IV.

Чѣмъ болѣе было собираемо свѣдѣній о вѣрованіяхъ и
обрядахъ хлыстовъ, тѣмъ болѣе было находимо въ нихъ до
того рѣзкихъ противорѣчій, что нельзя было не придти къ
убѣжденію что ересь людей божіихъ съ теченіемъ времени
распалась на многіе разнообразныя толки. Иначе и быть не
могло въ сектѣ фанатической, гдѣ все зависитъ отъ повелѣ-
нія людей, пользующихся безусловною покорностью привер-
женцевъ и находящихся въ восторженномъ состояніи весьма
недалекѣмъ отъ сумашествія. Если квакерское ученіе, система-
тически изложенное и содержимое людьми болѣе или менѣе
образованными, распалось на секты, какъ же было не рас-
пасться нашей доморощенной хлыстовщинѣ, содержимой пре-
имущественно безграмотными мужиками и не имѣющей не
только систематическаго изложенія, но даже ничего почти пи-
саннаго? Пророкъ людей божіихъ Василій Радаевъ (лично
мнѣ извѣстный), послѣ родоначальника скопцовъ Кондратія
Селиванова, былъ едва ли не первымъ и не единственнымъ
хлыстовскимъ писателемъ.

Никакой раскольничій толкъ не узнается съ такими за-
трудненіями какъ ересь людей божіихъ и происшедшія изъ
ней скопческая и лазаревщинская. Содержащія которое-либо
изъ этихъ ученій, вступая въ ересь, даютъ страшныя клятвы ни-
когда никому не открывать ея таинствъ и скорѣе тѣло свое

* Пророкъ людей божіихъ Никифоръ Михайловъ Майданскій,
при допросѣ въ маѣ 1850 года, показалъ: „Искупитель градеть отъ
страны Иркутской, ударить въ большой московскій успенскій коло-
колъ, и пойдутъ за нимъ люди полки полками, и придетъ въ Петер-
бургъ сдѣлать тамъ страшный судъ.“ (*Слѣдственное дѣло объ ар-
замасскихъ хлыстахъ* 1850 года.) О страшномъ судѣ, какъ пови-
нимаютъ его „бѣлые голуби“, подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

** III Эзды, VI, 33, 34 и 35.

отдать на раздробленіе чѣмъ постороннему человѣку сообщить что-либо изъ слышаннаго или видѣннаго въ „корабль“, собирающемся гдѣ-нибудь въ глухомъ, уединенномъ мѣстѣ, въ часъ полуночный. Притомъ не всякій сектаторъ и допускается на всѣ таинственныя собранія, не всякому извѣстно все относящееся до обрядовъ и вѣрованій его общины. Долго испытываютъ новобранца, пока, наконецъ, увѣрившись, не начнутъ мало-по-малу раскрывать предъ нимъ таинственную завѣсу, подъ которою старшины общества тщательно стараются скрыть внутреннее устройство своего „корабля“.

Представляю обзоръ хлыстовской ереси безъ различія сектъ. Обзоръ мое не стройно, въ немъ встрѣтятся, можетъ-быть, и противорѣчія, но представляя что стало мнѣ извѣстно, не смѣю дозволить себѣ, для большей стройности изложенія или ради избѣжанія противорѣчій, что-либо переименовывать.

Говоря о тайныхъ сектахъ, надо указать источники на которыхъ основываются представляемая публикѣ свѣдѣнія. Письменные источники перечислены въ предисловіи къ этой статьѣ, но мнѣ приводилось изучать хлыстовскую и скопческую ереси не по однимъ бумагамъ. Я имѣлъ случай познакомиться съ сектаторами лицомъ къ лицу и притомъ въ двойномъ положеніи: и въ качествѣ лица officialнаго, и частнымъ человѣкомъ приобрѣтшимъ до нѣкоторой степени довѣріе нѣкоторыхъ изъ людей божіихъ. Первый разъ я узналъ хлыстовъ въ 1850 году. Тогда были открыты они въ селахъ Мотовиловѣ и Волчихѣ Арзамасскаго уѣзда. Я былъ тогда въ Арзамасѣ, ревизуя городское хозяйство Нижегородской губерніи по порученію министра внутреннихъ дѣлъ. Желая поближе ознакомиться съ хлыстами, испросилъ я у тогдашняго губернатора, князя М. А. Урусова, дозволеніе находиться при допросахъ производимыхъ въ особой слѣдственной комиссіи. Тутъ я имѣлъ возможность познакомиться съ сочиненіями *тайственно воскресшаго* Василія Радаева, съ его письмами къ священнику села Мотовилова Минервину, имѣлъ случай говорить съ самимъ Радаевымъ, тридцатипяти-лѣтнимъ, красивой наружности крестьяниномъ, выдававшимъ себя за вѣсталище Святаго Духа, а также и съ другими хлыстами. Радаевъ былъ въ то время до того самообольщенъ что писалъ къ священнику Минервину: „Не можешь ты понимать премудрости Св. Духа

во мнѣ находящагося, такъ призови меня къ себѣ, дай бесѣдовать сутки, мало—двое, трое“*. Глядя на Радаева, и покорные воли его ученики говорили не скрываясь. Но острогъ, это училище правосѣднія для просто-народья, гдѣ на первыхъ же порахъ объяснять туда попавшемуся за какое преступленіе какое полагается наказаніе, и всякаго научать что самое вѣрное средство (при старомъ судопроизводствѣ) для избѣжанія наказанія состоитъ въ словахъ: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“,—острогъ въ короткое время научилъ Радаева и учениковъ его обратиться, говоря хлыстовскимъ языкомъ, *въ древнее молчаніе*. Я успѣлъ, однако, поговорить съ ними пока еще они „разрѣшали уста“, и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ велъ подробныя записки. Незадолго предъ тѣмъ, именно въ декабрѣ 1849 года, была открыта хлыстовская ересь въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Преосвященный нижегородскій Іаковъ, получивъ объ этомъ донесеніе предъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ, посплалъ для собранія свѣдѣній объ этихъ сектаторахъ одно довѣренное лицо, меня же просилъ составить изъ его показаній записку и прислать ее въ Петербургъ. Но посланный воротился въ Нижній когда преосвященнаго уже не было на свѣтѣ. Составленная записка осталась у меня. Въ послѣдствіи имѣлъ я случаи покороче узнать нѣкоторыхъ лицъ принадлежавшихъ къ ересямъ хлыстовской и скопческой. Скопцы скрытны, но хлысты, если увѣрится что бесѣдующій съ нимъ „въ понятіи состоитъ“, какъ онъ выражается, бываетъ довольно откровененъ. Вотъ какимъ образомъ удалось мнѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ проникнуть въ нѣкоторыя „тайности“ ересей хлыстовской и скопческой. Архивныя бумаги и разныя записки дополнили мой запасъ свѣдѣній.**

* Письма находились при слѣдственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ. Въ 1854 году я довелъ о нихъ до свѣдѣнія бывшего министра внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Вибикова, при которомъ состоялъ по службѣ, и онъ были вытребованы въ Петербургъ. Вскорѣ министерство внутреннихъ дѣлъ препроводило ихъ къ оберъ-прокурору св. синода, а онъ покойному митрополиту Григорію, бывшему тогда казанскимъ архіепископомъ. Преосвященный Григорій отдалъ ихъ въ Казанскую духовную академію, гдѣ, по всей вѣроятности, онъ и до нынѣ хранятся. У меня есть снятая съ нихъ копія.

** Въ то время когда я занимался изслѣдованіями о хлыстахъ о

V.

Такъ - называемыя „пророчествующія“ или „созерцательныя“ ереси (хлысты, скопцы и другія) основаны на ученіи о *таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи*. * Подъ именемъ таинственной смерти они разумѣютъ состояніе полного безстрастія и святости. Хлысты, составляющіе первоначальный толкъ пророчествующихъ ересей, такъ излагаютъ свое ученіе:

Назначеніе человека состоитъ въ томъ чтобъ умереть, воскреснуть и сдѣлаться ангеломъ, ибо всѣ ангелы суть не что иное какъ отжившіе люди, сподобившіеся таинственного воскресенія. Есть смерть о Адамѣ и есть смерть о Христѣ, есть мертвые о Адамѣ и есть мертвые о Христѣ. Смерть о Адамѣ есть послѣдствіе грѣха прародительскаго, исполненіе божескаго приговора надъ первымъ преступникомъ: „Земля еси и въ землю отыдеши“. Смерть о Христѣ есть смерть таинственная, состоящая въ умерщвленіи своей воли, себялюбія и гордости, въ умерщвленіи плоти, въ полнѣйшемъ безстрастіи и святости. За сею

скопцахъ въ Россіи, не имѣя никакого понятія о хлыстахъ и скопцахъ заграничныхъ, съ еими послѣдними находилась въ близкихъ отношеніяхъ В. И. Кельсіевъ, когда, оставивъ Герцена, жилъ онъ въ Молдавіи. Въ прошломъ 1868 году г. Кельсіевъ былъ въ Москвѣ, и у насъ съ нимъ было не мало разговоровъ о раскольникахъ, хлыстахъ и скопцахъ. Оказалось, что не зная другъ друга и изслѣдуя хлыстовщину и скопчество въ разныхъ мѣстностяхъ, мы пришли совершенно къ однимъ и тѣмъ же выводамъ.

* Священникъ Минервинъ, долго убѣждавшій Радаева оставить свое самообольщеніе и получавшій отъ него письма, словомъ, хорошо вникшій въ его ученіе, такъ пишетъ: „Ученіе Радаева состоитъ въ чистотѣ, самоотверженіи, преданности и уничиженіи, что называетъ онъ „таинственною смертію“, а самъ себя называлъ или представилъ „таинственно воскресшимъ“, такъ какъ онъ уже прошелъ всѣ степени самоотверженія, преданности и уничиженія. Законъ и церковь его обязать уже ничѣмъ не могутъ, хотя они и ведутъ къ Богу, но онъ уже достигъ въ мѣру духовнаго совершенства и пришелъ къ нему.“ (Сообщеніе священника Минервина чиновнику особыхъ порученій нижегородскаго губернатора г. Хотинцеву, 30-го мая 1850 года.)

смертію слѣдуетъ „погребеніе о Христѣ“, то-есть отвлеченіе мыслей отъ всего внѣшняго и углубленіе въ самого себя какъ въ могилу. Въ тайникѣ всякой души есть „начатокъ Духа Божія“, говорятъ хлысты, и если кто таинственно умретъ и „спогребется Христу крещеніемъ въ смерть“, то-есть по предуготовительномъ умерщвленіи воли и плоти низойдетъ въ самого себя, тотъ услышитъ въ себѣ внутреннее слово Духа Божія, говорящее въ немъ, и въ глубинѣ души своей найдетъ царствіе Божіе, которое „внутри насъ есть“. Кто услышитъ въ себѣ этотъ голосъ „внутренняго Евангелія“, тотъ таинственно воскресъ. Съ той минуты онъ дѣлается „храмомъ Божіимъ, и Духъ Божій живетъ въ немъ“, съ той минуты онъ „умершій (таинственно) оправдится отъ грѣха“, сдѣлается безгрѣшнымъ, и тогда ему какъ „праведнику законъ не лежитъ“, тогда онъ „нѣсть во плоти, но въ Дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ немъ“.*

* Такъ учила принадлежавшая къ хлыстовщинѣ и считающаяся основательницей секты „лазаревщина“, Арина Лазаревна, настоятельница Зеленогорской общины (въ Нижегородскомъ уѣздѣ), умершая въ 1841 году. (На самомъ дѣлѣ первымъ проповѣдникомъ этой секты, называемой также „фарисейскою“ и „богомолами“, былъ крестьянинъ деревни Черетева Муромскаго уѣзда Дмитрій Бодростинъ, умершій лѣтъ сорокъ тому назадъ.) Арина Лазаревна была изъ Мордвы, ее считали святою. Слушать ея пророчества и за совѣтами пріѣзжали къ ней многіе православные, и она успѣвала увлекать за собой не только крестьянъ, но даже нѣкоторыхъ лицъ изъ дворянства и духовенства. Совѣтникъ нижегородскаго губернскаго правленія Ларіоновъ, помощникъ управляющаго удѣльной конторы Виноградовъ, благочинный села Ревезени священникъ Аванасій и архіерейскій духовникъ инокъ Дамаскинъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ сдѣлались послѣдователями ученія Арины Лазаревны. Изъ нихъ благочинный до такой степени увѣровалъ въ святость ея воли, что когда она, умирая, завѣщала гробъ съ своимъ тѣломъ вынести изъ кельи не въ дверь, а въ окошко, онъ въ ризахъ полѣзъ предъ гробомъ въ окно, но будучи тучень, завязъ. Въ 1842 году, уже по смерти Арины Лазаревны, секта была открыта. Ученіе ея изложено въ особой рукописи. Послѣдователи этой секты не вѣрятъ въ христовъ и въ иркутскаго икупителя. Они не признаютъ и того что въ таинственно воскресшаго вселяется самъ Богъ, но говорятъ что такой человѣкъ озаряется особенною благодатью Божіею, которая даруетъ ему силу творить чудеса и пророчествовать, но что эта благодать тотчасъ же оставляетъ человѣка какъ скоро онъ подвергнется грѣху. особенно же если онъ нарушитъ цѣломудріе. Вѣрованіе ихъ о безплотныхъ

Вотъ основныя начала ученія „людей Божіихъ“, сходныя съ началами ученія квакерскаго. Это-то ученіе, свободное отъ безобразной примѣси изувѣрства, до котораго дошли нѣкоторые хлыстовскіе „корабли“ (общины), и увлекаетъ отъ времени до времени въ хлыстовщину людей набожныхъ и благочестивыхъ, но недалежныхъ разумомъ, увлекаетъ даже людей образованныхъ, склонныхъ къ мистицизму, какъ на примѣръ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, увлекло оно министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора синода князя А. Н. Голицына, тайнаго совѣтника В. М. Попова, Тургенева, генерала отъ инфантеріи Головина съ его женою,

духахъ такія же какъ и у хлыстовъ: они говорятъ что ангелы не были сотворены безплатными, но суть души отжившихъ людей (то же говорить и шведскій мистикъ и духовидецъ Сведенборгъ). Ангелы—души людей праведныхъ, діаволы—души людей грѣшныхъ, и тѣ и другіе имѣютъ сношенія съ здѣшнимъ міромъ. Какъ на землѣ люди двухъ половъ, такъ и ангелы и діаволы двухъ половъ. Ангелъ женскаго пола есть тайная милостыня, діаволы женскаго пола приносятъ людямъ болѣзни, старшая изъ нихъ, Иродіада, падчерица царя Ирода, наноситъ самыя мучительныя лихорадки. Православную церковь послѣдователи лазаревщины, также какъ скопцы и хлысты, признаютъ *внѣшнею*, а свою—*внутреннею* или *апостольскою*. Для спасенія нужно пребывать и въ той и въ другой, говорятъ послѣдователи Арины Лазаревны. Милостыни должны быть непременно тайныя. Позволительно украсть у богатаго чтобы помочь бѣдняку. На бесѣдахъ *внутренней* церкви послѣдователи Арины Лазаревны читаютъ и толкуютъ книги духовнаго содержанія, поютъ псалмы, читаютъ поученія, и приходя въ изступленное состояніе (безъ плясокъ или радѣній) пророчествуютъ и разказываютъ про разныя видѣнія. О таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи думаютъ одинаково съ хлыстами. Изъ дѣла объ арзамаскихъ хлыстахъ видна связь съ ними Арины Лазаревны. Пророкъ Никифоръ Майданскій показавъ: „Благочинный села Ревезени отецъ Аванасій и Арина Лазаревна еще прежде Радаева дѣлали мнѣ такія же наставленія. Ученье Арины Лазаревны состояло въ ученіи о тайной милостыни, она говорила что это ангелъ женскаго пола. Она (Арина Лазаревна) показывала мнѣ семь небесъ, на которыя восходитъ тайная милостыня черезъ трубочку. Арина Лазаревна учила и тому, что явная милостыня до Бога не доходитъ, и что въ случаѣ неимѣнія чего подать, должно украсть у богатаго и подать. Вслѣдствіе сихъ ученій сдѣлалось доступно и мнѣ видѣть эти небеса и трубочку, черезъ которую доходитъ тайная милостыня.“ Никифоръ Майданскій былъ на похоронахъ Арины Лазаревны и тоже лѣзъ за нею въ окошко.

статскаго совѣтника Пулецкаго, князя Енгальчева, инженеръ-капитана Букстевдена, коллежскаго ассессора Родіонова, камергера Елянскаго, баронессу Букстевденъ, статскую совѣтницу Татаринову, помѣщика Дубовицкаго и многихъ другихъ лицъ петербургскаго образованнаго общества. Но мистическое ученіе о таинственной смерти, перешедшее въ толпу людей необразованныхъ, большею частію даже неграмотныхъ, поддерживаемое юродивыми и блаженными, содержимое изузвѣрами и суевѣрами, не могло не усвоить дикихъ формъ бѣшенатаго фанатизма, противныхъ истинной религіи здравому смыслу и доброй нравственности.

Для объясненія чудовищности ереси „людей Божіихъ“ достаточно изобразить *таинственно-воскресшаго пророка*, этой степени, къ достиженію которой стремится все принадлежащее къ такъ-называемымъ пророчествующимъ ересямъ.

Таинственно-воскресшій, въ замѣнъ умерщвленной имъ воли, получаетъ волю божественную. Въ него вселяется Святой Духъ, и съ этой минуты что онъ ни дѣлаетъ, что ни говоритъ, не онъ дѣлаетъ, не онъ говоритъ, но самъ живущій въ немъ Богъ. Поэтому, всѣ вѣлѣнія такого человѣка исполняются прочими съ безусловною покорностью, со слѣпою вѣрой, какъ вѣлѣнія самого Бога. Если онъ, какъ это часто бываетъ у хлыстовъ, дурачится, прикидывается юродивымъ, во всѣхъ его дурачествахъ, во всѣхъ его соблазнахъ видятъ какую-то особенную премудрость Божію, которая хотя не умершимъ еще о Христѣ и непонятна, но во всякомъ случаѣ требуетъ благоговѣйнаго подражанія и исполненія „зане буетъ Божіе—премудрѣе человѣкъ есть“. * Дѣлаетъ таинственно воскресшій пророкъ самый безнравственный поступокъ, противный правиламъ самой ереси, и въ такомъ случаѣ смотрятъ на него съ благоговѣніемъ, и въ такомъ случаѣ въ поступкѣ его видятъ

* Священникъ Иванъ Сергѣевъ въ своемъ *Изъясненіи раскола, именованнаго христовщина или хлыстовщина*, говоритъ: „учители (хлыстовъ) не только не стыдятся своего невѣжества, но и за честь себя поставляютъ называть себя „некнижными рыбаками, безграмотными архіереями, Духомъ Святымъ просвѣщенными и самимъ Богомъ умудренными“, а пророки и пророчицы—„безграмотными подами“. Про нихъ скажемъ, говорятъ они, въ самомъ Евангеліи: „исповѣдуюся Тебѣ Господи небеси и земли, яко утаилъ еси сія вся отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси младенцамъ. Ей, отче, яко тако бысть благоволеніе яредъ Тобою“.

особыя, невѣдомыя простому смертному тайны божественнаго смотрѣнія. „Хотя Радаевъ и прелюбодѣй“, говорили арзамаскіе хлысты при допросахъ, „но отъ того соблазна другимъ не бывало, ибо онъ въ этотъ грѣхъ впадалъ не по своей волѣ, а по волѣ Святаго Духа.“ * Велить онъ сдѣлать преступленіе, какого бы рода оно ни было, безъ размышленія оно совершается, какъ повелѣніе самого Бога. И никто не смѣетъ подумать что совершенно преступленіе, ибо не пророкъ повелѣлъ совершить его, а самъ Богъ, не преступленіе совершено, но исполнена святая воля Божія.

Состояніе таинственно-воскресшаго, по понятіямъ хлыстовъ, исполнено высочайшей степени блаженства, такъ что ни на землѣ, ни на небесахъ нѣтъ ничего ему подобнаго. Онъ, какъ вмѣстившій въ себя Духа Святаго и сдѣлавшійся богочеловѣкомъ, наслаждается тѣмъ блаженствомъ которымъ наслаждается само божество; сила его равна силѣ самого Бога. „Еслибы послали меня во адъ, писалъ Радаевъ, и тамъ никакая сила не можетъ меня коснуться, хотя бы и въ рай, и тамъ больше радости не встрѣчу.“ ** Эта сила всемогущества, которую получаетъ таинственно воскресшій, не знаетъ никакихъ преградъ и препонъ, для нея нѣтъ ничего невозможнаго. „Душа моя поставлена въ состояніе апостольское, говорилъ Радаевъ въ письмѣ своемъ къ священнику Минервину, замѣняетъ мѣсто Христово; сія то душа надѣляется властію столь великою что и повѣритъ вамъ даже сомнительно, потому что она творитъ то же что и Христось. Я могу свидѣтельствовать о себѣ и свидѣтельство мое истинно есть.“ *** Онъ творитъ чудеса и предсказываетъ будущее посредствомъ живущаго въ немъ Духа. **** Онъ проникаетъ своимъ взоромъ въ седьмое

* *Слѣдственное дѣло объ арзамаскихъ хлыстахъ.* Показаніе Ивана Жигалева и другихъ.

** *Посланіе Радаева къ священнику Минервину.*

*** *Посланіе Радаева къ священнику Минервину.*

**** О чудесахъ своихъ Радаевъ говорилъ слѣдующее: „У Ивана Васильева Мухи была сестра, которая, собираясь въ путь, пришла ко мнѣ проститься; я ей сказала: „потше, пупокъ лопнетъ!“ она пошла и на дорогѣ умерла. Я пришелъ къ Мухѣ и сталъ перебирать лучины въ рукахъ, одну воткнулъ въ полъ и сказалъ: „Иванъ Васильевъ одинъ останется,“ и черезъ четыре дня жена его умерла. На Ваду (село Арзамаскаго уѣзда, гдѣ много хлыстовъ) хворала женщина, ее зовутъ Настасья Пашкова, я пришелъ къ ней, къ хворой, попросилъ у ней квасу, и когда она сказала что сама не мо-

небо.* Онъ влечеть къ себѣ людей не только словомъ, но и таинственною силой, ему данной.** На людей онъ низводитъ Духъ Святой*** и по своему усмотрѣнію одному даетъ златые вѣнцы, другаго вселяетъ въ небесный горній Іерусалимъ, третьяго дѣлаетъ серафимомъ и даетъ ему шесть огненныхъ крыль.**** Онъ властенъ возводить души изъ ада

жеть идти, а велѣлъ ей хоть ползти, да самой приехать, когда же она привезла квасъ, я взялъ его, перекрестилъ и далъ ей выпить; на другой день она стала здорова.* *Слѣдственное дѣло объ арзамаскихъ алыстахъ.*

* *Слѣдственное дѣло объ арзамаскихъ алыстахъ.* Показаніе Никифора Майданскаго: „Арина Лазаревна (основательница ереси Лазаревщины) показывала семь небесъ, на которые восходитъ тайная милостыня черезъ трубочку... а потомъ и мнѣ стало доступно видѣть эти небеса и трубочку.“ Радаевъ сказалъ что такія же видѣнія случались и съ нимъ. По этой трубѣ, которая идетъ отъ земли до седьмага неба, сойдетъ, по мнѣнію хлыстовъ, на землю предъ Страшнымъ судомъ господъ савоевъ Давида Филипповичъ. Они смылаются при этомъ на *Посланіе къ Солунянамъ IV*, 16: „Самъ Господь... въ трубѣ Божіи свидѣтъ съ небеси.“ И у хлыстовъ, и у скопцовъ, и у лазаревщины одно понятіе, что небесъ семь (хотя апостолъ Павелъ говоритъ только о трехъ: *II Посл. къ Коринѣ. XII*, 2). У хлыстовъ есть пѣсня, которая начинается такъ:

Сокатала матушка, пречистая Богородица,
Сокатала царица Акулина Ивановна,
Сокатала на землю со седьмага неба.

** *Слѣдственное дѣло объ арзамаскихъ алыстахъ.* Показаніе Василья Радаева, мая 29-го 1850 года: „Духъ во мнѣ находящійся имѣетъ влеченіе ко мнѣ привязывать и притягивать людей, и въ доказательство могу привести то, что однажды шелъ я по дорогѣ изъ Волчихи въ Кріушу, вдругъ Духъ Божій остановилъ меня, и я стоялъ долго какъ вкопанный. Сестра жены брата моего жала въ то время хлѣбъ и была такъ далеко, что видѣть меня не могла, но вдругъ отголѣ привлекло ее къ мнѣ, и она заревѣла и говорила что при всемъ усиліи противиться Духу она не смогла. Я ее успокоилъ и отпустилъ.“

*** *Слѣдственное дѣло объ арзамаскихъ алыстахъ.* Показаніе пророка Никифора Майданскаго: „на нашемъ золотомъ, кораблѣ кормчій Василій Радаевъ; онъ низвелъ на меня Духъ Святой.“

**** Радаевъ писалъ къ хлысту Лобанову: „Рабъ Божій Іоаннъ пексь о умноженіи и о распространеніи братства нашего, особенно ваеки молодыхъ дѣвушекъ: любить ихъ Богъ, и если онѣ отъ чистаго

въ рай, и когда придетъ изъ Иркутска искупитель со страшнымъ судомъ, * таинственно воскреснѣи раздвинетъ всѣхъ близкихъ къ нему, сядетъ подлѣ христа и станетъ судить свой „корабль“ кого куда. ** Земной власти надъ нимъ не существовать. „Духъ Святой, писалъ Радаевъ, поставилъ меня выше всякаго начала и власти.“ *** Какъ будто истинный богочеловѣкъ, онъ, входя въ православную церковь, изгоняетъ оттуда тѣхъ которые, по его мнѣнью, не достойны стоять предъ Богомъ. **** Всѣ правители, всѣ цари земные—рабы его. Не онъ поддежитъ ихъ суду, но они его, ибо онъ Богъ, а они его созданія. Этого мало, даже на небѣ нѣтъ надъ нимъ власти. „Богъ на меня не гнѣвается, писалъ Радаевъ, я все равно какъ вѣрный и любимый сынъ, уже исполнившій волю отца

сердца послѣдуютъ мнѣ, то я имъ приготовлю славные вѣнды, тебѣ же великій горнѣи Іерусалимъ. Евгени (дѣвушка шестнадцати лѣтъ) шесть серафимскихъ крыльевъ, и лицо ея просвѣтится яко солнце.“ Дѣвка Евгенья Круглова показала при допросѣ, что Радаевъ велѣлъ ей уступить его желамьямъ, говоря что это должно сдѣлать по волѣ Божией, а не по его, ибо онъ своей воли не имѣетъ, за что обѣщалъ мнѣ огненные крылья, чему я вѣрю.... *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.*

* Что подъ именемъ христа арзамасскіе хлысты, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, разумѣли иркутскаго искупителя, видно изъ показанія пророка Никифора Майданскаго.

** Радаевъ говорилъ своимъ односельцамъ: „Я имѣю власть вязать и рѣшать, возводить грѣшныя души изъ ада и давать имъ царство небесное, и если вы попросите меня придти на кладбище и поклонитесь всѣмъ селомъ, то всѣхъ покойниковъ, во адѣ находящихся, введу въ царство небесное, а когда настанетъ страшный судъ, то я раздвину всѣхъ близкихъ ко Христу, сяду около него и стану судить васъ (то есть собравныхъ на радѣннѣи) кого куда.“ Показанія хлыста Лобанова и другихъ въ *слѣдственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ.*

*** *Посланіе Василья Радаева. Сообщеніе священника Минервѣи чиновнику особыхъ порученій нижегородскаго губернатора г. Холмогорову, 30-го мая 1850 г.*

**** *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.* Показаніе Василья Радаева 29-го мая 1850 г.: „Одинъ разъ въ церкви, противъ дѣвушки Устиньи стояла вдова, къ которой она, Устинья, имѣла вражду, почему и чувствовала въ сердцѣ своемъ сильную на нее злобу. Вдругъ все это мнѣ открылъ Духъ Святой, и я вывелъ ее изъ церкви на паперть и сказалъ: „Устинья, такъ въ церкви стоять не подобаетъ.“

и за то имѣющій во всемъ свою волю. На мнѣ отецъ уже взыскать ничего не хочетъ, да и не можетъ.“ *

Таково состояніе таинственно-воскресшаго **. Непогрѣшительность папы, божественность далай-ламы, хутухты и хубильхановъ ничто въ сравненіи съ непогрѣшимостью и божественностью хлыстовскаго или скопческаго христа или

* *Посланіе Василья Радаева. Сообщение священника Минервина чинovníку особыхъ порученій нижегородскаго губернатора г. Жюппандеву, отъ 30-го мая 1850 года.*

** Значеніе таинственно воскресшаго пророка изображено въ одной хлыстовской пѣснѣ, употребляемой ими при радѣніяхъ. Она поется отъ имени Бога, протяжнымъ напѣвомъ:

Я родитель сокровенный
 Для живущихъ въ мірѣ чадъ,
 Для своихъ же откровеній
 Имъ я далъ мой свѣтлый взглядъ.
 Дѣти вѣры, дѣти свѣта
 Зрять меня въ своихъ дѣлахъ;
 Не постигнуть — ждутъ отвѣта
 Въ гласѣ духа, не въ словахъ.
 Между мной и человѣкомъ
 Есть посредникъ — мой пророкъ!
 Даръ пророка пренебесенъ
 Для ума непостижимъ,
 Душамъ сладокъ, прелюбезенъ,
 И онъ вѣрою движимъ.
 Среди вѣрныхъ воздвигаю
 Я пророка своего,
 Снизойдя къ ней чрезъ него,
 Моимъ духомъ наполняю
 Я пророка, какъ сосудъ,
 И въ бесѣду съ нимъ вступаю,
 Свой даю душамъ я судъ.
 Мой пророкъ есть исполнитель
 Моей воли на кругу.
 Съ трубой ангелъ солетаетъ,
 Подавая голоса,
 А пророкъ лишь прорекаетъ,
 Говоря слова тѣ въ слухъ и т. д.

Эта пѣсня сочинена помѣщикомъ А. П. Дубовицкимъ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Дубовицкій былъ пророкомъ людей божіихъ и сослалъ за то въ Саровскую пустынь на покаяніе. *Тульскія Епархіальныя Вѣдомости 1867 года, № 23.*

пророка! Это вѣчто въ родѣ „старца горы“, начальника секты Ассасиновъ, бывшихъ въ Сиріи во времена крестовыхъ походовъ. Еслибы кормчій какого-нибудь „корабля“, въ падкѣ бѣшенаго самообольщенія, вздумалъ отринуть всѣ доселѣ содержимыя хлыстами правила и самыя пророчества, сейчасъ на радѣвняхъ сказанная, самую такъ-называемую *Книгу Животную*, сказавъ что все это больше не спасительно, ученики его въ ту же минуту признали бы это за „волю Божию“.

Такова власть находящаяся въ рукахъ „корищиковъ“ хлыстовскихъ и скопческихъ кораблей. Такъ безпредѣльна покорность предъ ними вѣрующихъ въ божественность ихъ духа. Было бы излишне доказывать что такіе сектаторы не могутъ быть терпимы въ государствѣ благоустроенномъ.

Вся цѣль людей принадлежащихъ къ пророчествующимъ сектамъ состоитъ въ достиженіи апотѣозы таинственно воскресшаго: каждый хлыстъ, каждый скопецъ стремится къ тому чтобы еще въ здѣшнемъ мірѣ сподобиться таинственнаго воскресенія, но если кто изъ нихъ не достигаетъ на землѣ такого состоянія, тотъ умираетъ въ полной надеждѣ на будущее блаженство. Скопецъ и хлыстъ вѣрятъ что тѣлесная смерть есть освобожденіе „духовнаго тѣла изъ тѣла душевнаго, этихъ ризъ кожаныхъ“, въ которыя одѣлъ Богъ Адама, въ наказаніе за его гордость, и которыя въ сей жизни надобно повтому умерщвлять смиреніемъ, постомъ, цѣломудріемъ, оскотленіемъ. Какъ скоро человекъ освободится отъ этихъ оковъ, онъ въ душевномъ тѣлѣ, еще не воскресшій, является уже „въ сонмѣ людей Божиихъ“, которыхъ собираетъ иркутскій христосъ отецъ-искупитель на Востокъ. Такимъ образомъ по смерти онъ переходитъ въ состояніе „умершихъ о Христѣ“, которые, такъ же какъ и здѣсь, составляютъ на небѣ „круги“ или „корабли“ и совершаютъ такіа же какъ и здѣсь радѣвня. Эти круги называются „восточнымъ сонмомъ“ или „дольными небесами“. Воскресшіе таинственно здѣсь, послѣ тѣлесной смерти, не идутъ съ умершими о Христѣ въ „дольнія небеса“, но тѣла ихъ духовныя переносятся прямо въ высшія селенія блаженства, на седьмое небо, гдѣ они составляютъ свои „круги“, въ которыхъ также производятся радѣвня. Это тѣ самыя „небесныя круги“, говорятъ хлысты, съ которыхъ для благовѣщенія Дѣвѣ Маріи слетѣлъ архангелъ

Гавріиль *. Эти круги населены ангелами, то-есть хлыстами, въ земной жизни своей таинственно воскресшими послѣ таинственной смерти. **

О скоро, думаютъ хлысты и сконцы, наступитъ время торжества людей Божіихъ. Раздастся гласъ архангела, воскликнетъ къ людямъ божіимъ христокъ Иванъ Тимоѣевичъ ***. Вслѣдъ за гласомъ его раздастся „труба божія“. Величиной та труба отъ земли до седьмага неба, затрубитъ въ нее самъ господь саваоень, Данила Филипповичъ. И снидетъ съ круговъ небесныхъ на дольня неба — въ восточный сонмъ

* Они говорятъ здѣсь про небесные круги, о которыхъ поется церковью въ стихерѣ Благовѣщенія: „Съ небесныхъ круговъ слетѣлъ Гавріиль въ Назаретъ.“

** Понятія арзамасскихъ хлыстовъ объ ангелахъ заимствованы изъ лжеученія лазаревщины, утверждающей будто ангелы суть души отжившихъ людей, сподобившихся на земѣ таинственнаго воскресенія. Радаевъ, при разговорахъ со мной въ 1850 году, говорилъ, что ангелы на небесахъ совершаютъ радѣнія, но безъ тѣлодвиженій, ибо дрожь и корчи происходятъ отъ совершающейся внутри пророка борьбы Св. Духа съ темными силами, которымъ на неба доступа нѣтъ, оттого тамъ и радѣютъ безъ дрожи и безъ корчи, но сидятъ или лежатъ. Въ здѣшнемъ свѣтѣ „на кругахъ“ учатъ простыхъ людей таинственно воскресіе, а на небесахъ таинственно воскресшихъ, то-есть ангеловъ, поучаетъ самъ Христокъ. На вопросъ: сколько же тамъ круговъ? Радаевъ сказалъ: „счету нѣтъ“, а когда, желая навести его на разговоръ объ Иванѣ Тимоѣевичѣ, о Лункинѣ и другихъ христахъ, я спросилъ: „какъ же Христокъ успѣваетъ на всѣхъ кругахъ бывать“, Радаевъ отвѣчалъ: „много тамъ христовъ-то“. Не зналъ ли о Сусловѣ и другихъ хлыстовскихъ христахъ Радаевъ, не хотѣлъ ли говорить о нихъ, но всегда уклонялся онъ отъ разговоровъ, если они касались этого предмета. Только одинъ разъ проговорился онъ объ иркутскомъ искомителѣ, и то уже въ 1852 г. Въ августѣ этого года былъ я у него въ тюрьмѣ и на вопросъ: „что окупно въ острогѣ?“ Радаевъ отвѣчалъ: „что дѣлать? держутъ вотъ третій годъ“, и потомъ сквозь зубы, тономъ угрозы, примолвилъ: „когда Петръ придетъ, что скажутъ“. Про какого Петра говоришь ты? спросилъ я его. „Нѣтъ, это я про пріятеля одного вспоминаю, сказалъ Радаевъ, про Петра, изъ Крутаго Майдана (село Арзамасскаго уѣзда), ушелъ на золотые прииски, такъ не знаю воротился или нѣтъ.“ И затѣмъ ни слова не отвѣчалъ на мои вопросы.

*** То-есть Сусловъ, первый христокъ людей божіихъ, а теперь „пророкъ надъ пророками въ кругахъ небесныхъ“, какъ говорятъ хлысты.

людей божіихъ—отецъ-искупитель иркутскій, Петръ Федоровичъ *. И всѣ жители дольнихъ небесъ, то-есть „мертвіи о Христвъ“ (хлысты и скопцы), еще не достигшіе на землѣ таинственнаго воскресенія, въ это время воскреснутъ. Тогда дольнія небеса, теперь нами видимыя, и собственно для жилища „мертвыхъ о Христвъ“ созданныя, какъ болѣе не нужныя, распадутся, надъ землею же явится „небо ново“, и сама земля обновится, и пойдетъ отецъ-искупитель съ умершими о Христвъ и теперь воскресшими отъ востокъ солнца до запада, и на встрѣчу ему, по воздуху, на облакахъ полетятъ всѣ хлысты и скопцы, еще въ живыхъ на землѣ оставшіеся **. И придетъ отецъ-искупитель въ Москву, и зазвонитъ въ царь-колоколъ. По этому „третьему гласу“ *** пойдутъ съ отцомъ-искупителемъ въ Петербургъ люди полку полками, а съ небесъ слетитъ вся сила небесная, то-есть всѣ въ земной жизни таинственно воскресшіе. И сядетъ сила небесная кругомъ отца-искупителя, и каждый ангелъ начнетъ судить корабль, въ которомъ, живши на землѣ, былъ кормщикомъ. Затѣмъ начнется общій страшный судъ надъ всѣми мертвыми о Адамѣ, то-есть не хлыстами и не скопцами, послѣ чего настанетъ блаженное царство людей божіихъ „пройдутъ бѣды, и долготерпѣніе соберется, судъ же единъ пребудетъ, истина станетъ, и вѣра возможетъ, и дѣло послѣдовати будетъ, и мзда покажется, и правды воспрянутъ, и неправды не возобладаютъ.“ ****

Таковы вѣрованія хлыстовъ и происшедшихъ отъ нихъ скопцовъ относительно будущей жизни, таковы надежды ихъ

* Изъ арзамасскихъ хлыстовъ одинъ только пророкъ Никифоръ Майданскій говорилъ объ иркутскомъ искупителѣ (не называя, впрочемъ, его по имени), который придетъ въ Москву, зазвонитъ въ царь-колоколъ, поведетъ за собой полки полками въ Петербургъ, гдѣ сотворитъ страшный судъ. (*Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ*, показаніе Никифора Майданскаго).

** Арина Лазаревна, а также хлысты и скопцы въ доказательство всего этого приводятъ слово апостола: „яко самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ архангеловъ и въ трубѣ Божіи спидетъ съ небесе, и мертвіи о Христвъ воскреснутъ первѣе. Потомъ же мы живущіи оставшіи купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ, въ срѣтеніе Господне на воздухѣ“. *Посланіе къ Солунянамъ*, IV, 16, 17.

*** Первый гласъ—гласъ архангела, второй—труба Божія, третій—звонъ царь-колокола.

**** ПИ книги Эздры, VII, 38, 34, 35:

на жизнь загробную. Конечно, ни одно человеческое вѣрованіе не представляетъ своимъ послѣдователямъ столь обольстительныхъ надеждъ, столь полнаго торжества въ будущемъ. Не одни таинственно воскресше, всякій вошедшій въ общество „людей божіихъ“, всякій, наконецъ, осконившійся имѣеть полную увѣренность въ неотъемлемомъ блаженствѣ, его ожидающемъ. Ничто не ограничиваетъ его въ здѣшней жизни, онъ не боится осужденія въ будущей, не страшится правосудія небснаго. Въ фанатическомъ ослѣпленіи, хлысты или скопцы принимаютъ слова изступленныхъ изувѣровъ за волю Божию, и нѣтъ закона, нѣтъ правила, которые бы удержали житейскую нравственность его въ постоянныхъ и непреложныхъ границахъ *.

VI.

Условія при которыхъ, по ученію хлыстовъ, человекъ можетъ достигнуть таинственнаго воскресенія состоятъ: а) въ самоотверженіи, преданности и униженіи, б) въ погребеніи самого себя и в) въ умерщвленіи плоти.

Самоотверженіе, преданность и униженіе составляютъ главнѣйшее правило людей божіихъ. Радаевъ, указывая на себя, говорилъ ученикамъ, своимъ: „и вы того достигнуть можете, и будете то же что и я, пройдите лишь всѣ степени самоотверженія, преданности и униженія“ *. Поэтому хлысты безусловно подчиняютъ волю свою волѣ таинственно воскресшихъ, думая что подчиняются самому Богу, пребывающему съ ними въ лицѣ тѣхъ людей. Они до такой степени послушны своимъ „кормщикамъ“, что невозможно представить подчиненіе другому лицу, которое бы превосходило подчиненіе имъ людей божіихъ или скопцовъ. „Иди за мной“, говоритъ Радаевъ, „и куда я пошлю, и велю что дѣлать, дѣлай безъ размышленій, что требую отъ твоей собственности—безъ жалвнїя подавай, и отъюды своей воли не смѣй имѣть, ты не долженъ ничего дѣлать безъ моей воли и безъ моего благословенія.“ ** Если таинственно

* *Посланіе Василья Радаева. Сообщеніе священника Минервина чинювнику особыхъ порученій нижегородскаго губернарора Хотаницкову въ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ.*

** Тамъ же.

воскресшій велитъ ограбить кого-нибудь, убить или даже самому себя лишить жизни, хлысть или скопецъ исполнить это безъ думы, безъ сожалѣнiя, и никогда не придетъ ему въ голову что онъ совершилъ преступленiе; онъ останется въ полной увѣренности что исполнилъ святую волю самого Господа. Что хлыстовскiе и скопецкiе старшины отдають такiя повелѣнiя, можетъ служить доказательствомъ показанiе пророка Никифора Майданскаго, который при допросѣ говорилъ что онъ свято исполняетъ повелѣнiе Арины Лазаревны, объявившей ему что явная милостыня до Бога не доходитъ, а только одна тайная, и что если для сотворенiя тайной милостыни нѣтъ у него ничего, то долженъ онъ украсть у богатаго и подать нищему тайно. * Чистота и безбрачiе составляютъ, по понятiямъ хлыстовъ, самую высокую добродѣтель, безъ которой нельзя достигнуть таинственнаго воскресенiя. Чистота и безбрачiе заповѣданы самимъ савоюемъ Данилою Филипповичемъ, но если пророкъ велитъ нарушить чистоту, это исполнится какъ велѣнiе Бога. Такъ Радаевъ въ посланiяхъ своихъ хотя и завѣщалъ: „хранить чистоту яко зѣницу ока“, хотя на бесѣдахъ безпрестанно твердилъ: „пробудьте въ чистотѣ, такъ велитъ Богъ“, но иногда съ послѣднимъ звукомъ подобныхъ рѣчей обращался къ шестнадцатилѣтней ученицѣ, говоря: „не я, но Духъ Святой велитъ тебѣ идти со мною“, и дѣвушка, безъ стыда, безъ размышленiя, снѣшила повиноваться, съ глубокимъ убѣжденiемъ что она исполняетъ волю Божию, что она обязана исполнить ее. По произведенному слѣдствию оказалось что Радаевъ былъ въ связи съ тринадцатью женщинами и дѣвушками. Всѣ эти женщины единогласно показали при допросахъ: „сказалъ онъ мнѣ что это надо сдѣлать по волѣ Божией, а не по его, ибо въ намѣ своей воли нѣтъ, чему вѣруя, я согласилась“. Радаевъ не отрекся въ этомъ предъ судомъ. „Я дѣлаю это“, сказалъ онъ предъ слѣдственной комиссiей, „не по своей волѣ, а по волѣ Святаго Духа, во мнѣ дѣйствующаго.“ По ученiю хлыстовъ и скопцовъ самый тяжкiй грѣхъ—гордость, уничтоженiе же себя тѣломъ и духомъ составляетъ первѣйшее условiе для достиженiя таинственнаго воскре-

* *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.* Показанiе Никифора Майданскаго.

сенія. * На этомъ основаніи Радаевъ училъ, что самое цѣломудріе дѣвицы или чистая жизнь вдовы не что иное какъ смертный грѣхъ гордыни, что дѣвушка не должна хранить дѣвства, дабы не было ей чѣмъ гордиться предъ потерявшими себя подругами.

Другое условіе для достиженія таинственнаго воскресенія состоитъ въ отвлеченіи мыслей отъ всего вѣшняго. Въ каждомъ человѣкѣ, говорятъ хлысты и скопцы, есть царствіе Божіе, то-есть откровеніе Бога, „внутреннее Евангеліе“, по выраженію Радаева. Нисходи въ самого себя, опускайся въ самого себя какъ въ могилу, то-есть „спогребайся Христу крещеніемъ въ смерть“, и ты услышишь говорящій въ тебѣ Духъ Божій, говорятъ люди Божіи. Когда заговорить внутри тебя этотъ голосъ Духа Божія, ты таинственно воскресь.

Третье условіе необходимое, по ученію ереси людей божіихъ и скопческой, для достиженія таинственнаго воскресенія состоитъ въ умерщвленіи плоти. Въ доказательство тому они приводятъ слова апостола „да упразднится тѣло грѣховное ** да не царствуетъ убо грѣхъ въ мертвеннѣмъ нашемъ тѣлѣ во еже послушати его въ похотѣхъ его ***, аще ли духомъ дѣянія плотскія умерщвляете — живы будете,“ **** то-есть таинственно воскреснете, прибавляютъ они. Образъ умерщвленія плоти у хлыстовъ различенъ: одни держатъ строгіе посты во дни опредѣленные православною церковью и даже прибавляютъ къ нимъ еженедѣльный постъ по понедѣльникамъ, другіе, говоря что „брашно не поставляетъ насъ предъ Богомъ“ совершенно отвергають постничество въ опредѣленные дни, нѣкоторые хлысты ѣдятъ всякую пищу кромѣ мясной безъ разбора, но въ маломъ лишь количествѣ, другіе питаются только хлѣбомъ, рыбой и медомъ, какъ явствами, объ употребленіи которыхъ Иисусомъ Христомъ говорится въ Евангеліи. Вообще собранныя въ разныхъ

* Священникъ Иванъ Сергѣевъ въ своемъ *Изъясненіи раскола, именуемаго аристовщина или хлыстовщина*, говоритъ что учителя хлыстовскіе на бесѣдахъ даютъ иногда другъ другу оплеухи, Получившій ее подставляетъ другую щеку, и кто терпѣливѣе сноситъ заушенія, тому приписывается больше святости.

** *Посланіе къ Римлянамъ. VI, 6.*

*** *Посланіе къ Римлянамъ. VI, 12.*

**** *Посланіе къ Римлянамъ. VIII, 13.*

губерніяхъ свѣдѣнія объ умерщвленіи хлыстами плоти, особенно же о постахъ, до такой степени разнообразны, что нѣтъ возможности опредѣлить каждый ли „корабль“, каждый ли даже сектаторъ держится особенныхъ правилъ, или же постепенно переходитъ отъ одной степени воздержанія къ другой, подобно тому какъ они, по словамъ Радаева, должны переходить различныя степени самоотверженія, преданности и уничтоженія. Впрочемъ все, что правила послѣдователей ереси людей божіихъ, до умерщвленія плоти относящіяся, зависятъ отъ повелѣнія таинственно воскресшихъ, которые въ одномъ кораблѣ повелѣваютъ одно, въ другомъ другое. Въ большей части кораблей хлыстовскихъ и у всѣхъ бѣлыхъ голубей возбранено употребленіе мяса, вина, пива и табаку.

Безбрачіе и чистота составляютъ непрѣмное условіе нравственности хлыстовъ. Вступающій въ ихъ секту, если женатъ, долженъ прекратить супружескія отношенія съ женой. Гласнаго расторженія брака при этомъ не бываетъ; живя въ одномъ домѣ и однимъ хозяйствомъ, супруги должны жить въ братскомъ согласіи, но не болѣе. Вообще собранныя въ разныхъ губерніяхъ свѣдѣнія о безбрачїи и чистотѣ хлыстовъ оказываются до крайности противорѣчивыми. Хлысты представляются то достигшими высшей степени безстрастія, то предающимися иногда грубому разврату, то поставляющими себѣ въ главную заслугу сохраняемое цѣломудріе, то признающими что сохраненіе дѣвства есть смертный грѣхъ, равный гордости. Всѣ эти противорѣчїя можно объяснить лишь тѣмъ, что каждый корабль людей божіихъ держится правилъ предписываемыхъ кормицникомъ, и что повелѣнія сихъ изступленныхъ людей не подлежатъ никакимъ обязательнымъ для нихъ правиламъ или уставамъ.

Какимъ образомъ происходитъ таинственно воскресеніе, Радаевъ, въ показаніи данномъ свѣдѣтельной комиссіи, разсказываетъ такъ: „сначала я сомнѣвался, не ошибочно ли я думаю что во мнѣ Духъ Божій, помяно не вражіи ли, но когда въ сердцѣ моемъ сказалъ Духъ: „молись Божіей Матери“ и я исполнилъ, молившись цѣлую недѣлю, то Духъ Святой сталъ мною „водить“, и когда случалось что противился я Духу, за это страдалъ недѣлю по шести.... Я сталъ жить въ кельи — въ лѣсу, на пчельникѣ, куда перетаскалъ и книги свои, — вдругъ меня сильно двинуло и

стало захватывать дыханіе, и сталъ я умирать таинственно. Послѣ того ходилъ я исповѣдываться къ священнику, но Духъ къ причастію меня не допустилъ. Я сдѣлался боленъ, а потомъ чрезъ недѣлю почувствовалъ въ себѣ Духа Божія говорящаго: „вставай, иди причащаться“. Я всталъ и былъ весь здравъ, но воли своей во мнѣ уже не было. Я причастился и ободрился, и начало меня „гонять“ и „водить“ Духомъ Божиимъ. Съ тѣхъ поръ своей воли не имѣю, во всемъ во мнѣ дѣйствуетъ Святой Духъ.“ *

* Показаніе Василья Радаева въ *свидѣтельномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ алыстахъ*: „Женщина одна хворала и пришла просить меня помазать ее елеемъ. Я сталъ брать изъ лампадки масло, но Святой Духъ остановилъ меня и велѣлъ ей дать только свѣчей да ладану. Когда же она ушла, Духъ Божій послалъ меня къ ней; она говоритъ что поправилась отъ болѣзни, хочетъ жить жизнью лучшею, но Святой Духъ сказалъ мнѣ что она жить больше не будетъ, и она на утро умерла. Имя же ей было Еженія, села Волчихи крестьянка.... Я всегда приказывалъ молиться съ зажженною лампадой, но нѣкоторыя дѣвки по скупости этого не исполняли, когда я ходилъ къ дѣвкамъ, то по Святому Духу это узнавалъ, и каждый разъ у нихъ за то масло вылавивалъ.... Во Вторусскомъ (деревня Арзамасскаго уѣзда) сѣха Кузьмы Петрова была приведена ко мнѣ одной дѣвушкой и говоритъ, что третій годъ у нихъ нездорова женщина; на это Святой Духъ приказалъ мнѣ дать ей воды. Перекрестившись, я исповнялъ это, и отъ того часа она стала здорова. Кто же приходилъ ко мнѣ съ невѣріемъ въ меня, съ желаніемъ лишь испытать меня, съ тѣми ничего я не дѣлалъ и выгонялъ ихъ вонъ, но всѣмъ этимъ дѣйствовалъ не я, а Духъ Святой, *всюду вода меня и повертывала*. Когда же я вдохновлялся, то чувствовалъ въ себѣ радость неслышанную, слезы, умиленіе и смиреніе.... Духъ Божій открывалъ мнѣ и то кто какой жизни: кто дурной, а кто хорошей. Такъ однажды сидѣлъ я въ кельи, и пришла ко мнѣ женщина, которая по Духу была мнѣ неприятна, тогда я, по волѣ Духа Святаго, выслалъ ее. Меня отъ нѣкоторыхъ людей отвращало. Я прихожу иногда въ восторги многіе и чувствую воздыханія неизглаголанья, и вообще со мною случаетъ видимой благодати Духа Святаго было много, но всѣхъ не припомню. Подобныя видѣнія случались и съ Никифоромъ (Майданскимъ). Вообще благодать Святаго Духа и надъ нимъ большая, и все у насъ одно, разница лишь въ томъ, что я въ поступкахъ побластательнѣе его буду. Духъ Божій кладетъ меня иногда навзничъ крестомъ, иногда приводитъ меня въ восторженныя тѣлодвиженія, во время которыхъ я себя не помню. Здѣсь (въ Арзамасѣ, въ острогѣ) хотя все это я и чувствую, но не проявляю потому что окружающіе меня люди не поймутъ меня.“

Достигшій таинственнаго воскресенія дѣлается учителемъ своей общины и получаетъ званіе „кормщика корабля“. * Власть его безгранична, самые безнравственные поступки его объясняются, какъ сказано выше, не иначе какъ таинственною волей самого Бога. Сомнѣваться въ святости кормщика все равно что сомнѣваться въ святости и всемогуществѣ Бога. * Пророки или кормщики весьма часто прикидываются юродивыми и нерѣдко въ самомъ дѣлѣ оказываются страдающими черною немочью или падучею болѣзью. * Подъ такой личиною они почти всегда остаются незамѣтными какъ для полиціи такъ и для духовенства; народъ же обыкновенно считаетъ ихъ такъ-называемыми блаженными.

* Пророкъ Никифоръ Майданскій въ показаніи своемъ сказалъ: „каждое общество (хлыстовское) имѣетъ значеніе корабля, а на нашемъ золотомъ кораблѣ кормщикомъ Василиій (Радаевъ), который и на меня низвелъ Святой Духъ.“

** Такъ хлысть Федоръ Матрешкинъ о Радаевѣ показалъ: „та женщина, которая повидимому съ нимъ (Радаевымъ) поступаетъ хуже, лучше поступаетъ для души своей.“ Самъ Радаевъ пишетъ въ своемъ посланіи: „съ которой я, повидимому, хуже поступаю, та лучше устоитъ, потому что я самъ за нее молиться стану; которая же опасается и бережется — не устоитъ. О сколь велико безуміе дѣлаютъ тѣ которые себя берегутъ! Развѣ онъ умнѣ Бога? Коль себѣ великій убытокъ дѣлаютъ и душамъ: вѣдь это онъ Бога безразсуднымъ почитаютъ; не вѣрятъ Богу. Человѣкъ бранный учитъ Бога какъ его спасати! О сѣпости! О безуміе! Ты ли умнѣ Бога? Его разсуждаеши и Его уставаеши какъ тебя спасти? Его поступокъ самый скверный лучше твоей чистоты въ миллионъ разъ. Богъ-то во едины сутки устроить въ такую степень святости, что ты своими добрыми дѣлами въ двадцать лѣтъ до того не достигнешь. О маловѣры!“

*** Василиій Радаевъ, въ своемъ показаніи, говоритъ: „съ Никифоромъ Майданскимъ случается то же самое что и со мною, только онъ прикидывается больше меня дурацимъ.“ Изъ сообщенія священника Мисервина г. Хотинцеву видно, что арзамасскіе хлысты по взятіи Радаева подъ стражу стали юродствовать. „И столько сильны дѣйствія его (Радаева) обольщенія, говоритъ священникъ Мисервинъ, что оными пораженное сердце впадаетъ въ крѣпкое страданіе тоски, и не могутъ они съ нимъ переносить разлуки, въ особенноти же женскій полъ. Если онъ удерживаются страхомъ наказанія или какой бы то ни было строгостію воспрещенія отъ свиданія съ нимъ, то впадаютъ въ какое-то безуміе и начинаютъ юродствовать.“

VII.

До сихъ поръ мы представляли на первомъ планѣ арзамаскаго учителя хлыстовъ Василья Максимовича Радаева, замѣчательнаго особенно тѣмъ что послѣ него осталось письменное изложене его вѣрованій. Обратимся теперь къ современникамъ его христамъ Тамбовской губерніи: отцу и сыну Копыловымъ, Нѣмцову и другимъ.

Хлыстовщина въ Тамбовской губерніи, была извѣстна еще въ прошломъ XVIII столѣтіи; тогда она особенно была распространена въ нынѣшнихъ уѣздахъ Моршанскомъ, Кирсановскомъ, Борисоглѣбскомъ, Усманскомъ и Тамбовскомъ. Вообще ни въ одной изъ русскихъ губерній нѣтъ столько хлыстовъ какъ въ Тамбовской и Орловской губерніяхъ. Въ этихъ же губерніяхъ была и колыбель секты бѣлыхъ голубей.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ селѣ Перевозѣ Кирсановскаго уѣзда, явился христосъ людей Божіихъ Аввакумъ Ивановичъ Копыловъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ уже старикомъ. Былъ онъ вдовецъ и жилъ въ особой кельѣ на усадьбѣ сыновей своихъ. Церковную печать читалъ Аввакумъ Копыловъ хорошо, и все свое время посвящалъ чтенію духовныхъ книгъ и молитвѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ безпрерывно постился. Однажды, еще въ молодости его, разказывали тамбовскіе хлысты на слѣдствіи, * послѣ сорокадневнаго поста, въ теченіи котораго Копыловъ не ѣлъ ни крошки хлѣба и даже не пилъ воды, поддерживая себя одною молитвой, онъ былъ взятъ на седьмое небо двумя ангелами, оставившими плоть его на землѣ, а душу представившими къ Богу. Такимъ образомъ былъ онъ взятъ на седьмое небо живымъ. На седьмомъ небѣ Аввакумъ говорилъ съ Богомъ изъ устъ въ уста и былъ о немъ гласъ отъ Бога: „сей есть сынъ мой возлюбленный о немъ же благоводите“. Въ бесѣдѣ этой Богъ повелѣлъ Аввакуму доходить по

* Слѣдствіе это было произведено въ 1851 году г. Набоковымъ (нынѣ статсъ-секретарь Его Императорскаго Величества), бывшимъ тогда чиновникомъ особыхъ порученій при тамбовскомъ губернаторѣ г. Бугаковѣ.

книгамъ (то-есть священнымъ) о томъ какъ избавиться грѣха и какъ спасать душу, а потомъ научить сему и ближнихъ своихъ. Возвратясь съ седьмага неба на землю, Аввакумъ отправлялся будто бы къ тогдашнему тамбовскому преосвященному Аеанасію, которому разказалъ про свою жизнь и про бывшее ему видѣніе. Преосвященный Аеанасій, выслушавъ Аввакума, сказалъ будто бы что это очень хорошо, и что ему самому было подобное видѣніе, что и онъ получилъ частицу благодати Божіей; но въ послѣдствіи не соблюлъ по жизни, и та благодать отъ него отпала. Для облегченія же Аввакуму пути къ собственному и ближнихъ его спасенію, епископъ Аеанасій подарилъ будто бы ему двѣ книги, одну: *О истинныхъ каждаго христіанина должностяхъ*, соч. Св. Тихона Задонскаго, а другую *Чинovníкъ*, по которому архіереи служатъ обѣдню. Въ послѣдователяхъ Аввакумъ Ивановичъ недостатка не имѣлъ, ученіе его въ теченіи двадцати лѣтъ распространилось по уѣздамъ: Кирсановскому, Тамбовскому и Борисоглѣбскому, Тамбовской, Аткарскому—Саратовской; Ростовскому—Екатеринославской и Бузулуцкому—Самарской губерній. Первою послѣдовательницей его была подвизавшаяся съ нимъ вмѣстѣ въ постахъ и молитвахъ крестьянка того же села Перевоза, Татьяна Макарова Черно-свитова, по народному прозванію Ремизова. Она, по разказамъ тамбовскихъ хлыстовъ, хотя и не удостоилась быть взятою на небо, но послѣ сорокадневнаго поста получила благодать Святаго Духа: не зная до того грамотъ, вдругъ начала пророчествовать, читать священное писаніе и обличать людей въ скрытныхъ грѣхахъ и тайныхъ помышленіяхъ. Спустя почти двадцать лѣтъ послѣ видѣнія бывшего Копылову, слухъ объ его разказахъ и о пророчествахъ Ремизовой дошелъ до свѣдѣнія начальства; ихъ призвали къ слѣдствію, и они объявили себя на судѣ посланниками Бога и разказали что съ ними было. Въ кирсановскомъ тюремномъ замкѣ Аввакумъ Копыловъ умеръ, а Ремизова отправлена была на поселеніе.

Послѣ смерти Аввакума, случившейся въ самое Свѣтлое Воскресенье, и ссылки Татьяны, послѣдователи ихъ, видя въ нихъ мучениковъ за истинную вѣру, еще сильнѣе привязались къ проповѣданному ими хлыстовскому ученію. Они стали всѣхъ увѣрять что преосвященный Аеанасій будто бы далъ Копылову охранную грамоту къ земскимъ властямъ и духо-

вѣству, которою приказывалъ Аввакума и послѣдователей его не тревожить и въ постнической жизни не стѣснять; но что когда начались гоненія отъ земскихъ и духовныхъ властей, то Аввакумъ будто бы изорвалъ эту грамоту, говоря „всѣ святые за вѣру терпѣли, и мнѣ, святому, надо пострадать съ ними наравнѣ“.

Не задолго до арестованія Аввакума, родной сынъ его Филиппъ Копыловъ (который, какъ показывали сами хлысты, велъ дотола жизнь разгульную, предаваясь пьянству), вмѣстѣ съ такимъ же гулякой, крестьяниномъ села Перевоза, Перфиломъ Петровичемъ Кутасоновымъ, послѣдовалъ учению отца своего. Не взирая на прежнюю жизнь Филиппа и Перфила, и они вскорѣ удостоились будто бы особой благодати Святаго Духа, а Филиппъ, по преемству отъ отца, по смерти его сдѣлася главою собраннаго имъ корабля. И Филиппъ Копыловъ, и Кутасоновъ знали грамотѣ; первый изъ нихъ выучился самоучкой. Кутасоновъ, бывшій въ работникахъ у Копыловыхъ, захотѣлъ по примѣру ихъ сдѣлаться главою корабля и завелъ съ Филиппомъ споры о какихъ-то правилахъ своей вѣры. Слѣдствіемъ этихъ споровъ было раздѣленіе хлыстовъ села Перевоза на два корабля. При Филиппѣ мѣсто богородицы Татьяны замѣнила теща его, крестьянка села Перевоза, Меланья Захаровна Хованская; она пророчествовала, обличала людей въ грѣхахъ и сокровенныхъ мысляхъ, и на нее смотрѣли какъ на мученицу, потому что ея мужъ билъ и истязалъ ее всячески. Но богородица Меланья вскорѣ привлекла къ своей сектѣ мужа и старшаго своего сына Оому. Отецъ и сынъ Хованскіе переселились въ Бузулуцкій уѣздъ, Самарской губерніи (въ деревню Андреевку), оставивъ богородицу Меланью въ Перевозѣ. Въ Самарской губерніи они распространили хлыстовское ученіе, извѣстное тамъ болѣе подъ названіемъ „монтанской секты“.

Въ кораблѣ Перфила богородицей и пророчицей явилась крестьянка Тамбовскаго уѣзда, села Туголукова, Лукерья Астаховна Камбарова, а пророкомъ—крестьянинъ Тамбовскаго уѣзда, деревни Аванасьевки, Еоимъ Кузьминъ. Имъ обоимъ, какъ и Аввакуму, были посланы, по сказанію хлыстовъ, отъ Бога разныя видѣнія. Лукерья, какъ сама она показала на допросѣ, было видѣніе во время припадка, нерѣдко случающагося съ женщинами извѣстными въ народѣ подъ именемъ

„кликушъ“, къ которымъ и она принадлежала. По разказамъ хлыстовъ, она въ это время тоже была взята къ Богу на седьмое небо, а потомъ неизвѣстныя ей существа показывали ей муки грѣшниковъ въ аду и водили ее по раскаленнымъ плитамъ. Тутъ Богъ обѣщалъ ей за святую и чистую жизнь вѣчное блаженство въ будущей жизни. Пастухъ Еоимъ Кузьминъ не былъ взятъ на небо, но паса оведъ, видалъ неоднократно небо отверстымъ и слышалъ ангеловъ поющихъ что-то въ родѣ псалмовъ. И Лукерья, и Еоиму было дано отъ Бога творить все что творила богородица Татьяна Ремизова и Меланья Хованская.

Такими же главами особыхъ кораблей, отдѣлившихся отъ единого Аввакумова корабля, и христами были: въ деревнѣ Березовкѣ * Василій Лукьяновичъ Манаенковъ, а въ селѣ Уваровѣ Софронъ Ивановичъ Нѣмцовъ. При Манаенковѣ были три пророка: Федоръ Наумовичъ Нехорошевъ, Карлъ Григорьевичъ Милосердовъ и Алексѣй Алексѣевичъ Осиповъ. У Софрона Нѣмцова пророкомъ былъ сынъ его Меркулъ. По смерти христа Филиппа Копылова и богородицы Меланьи, корабль ихъ, вмѣстѣ съ кораблями Манаенкова и Нѣмцова, поступилъ подъ начало жены Филипповой, богородицы Анисы Ивановой Копыловой, при которой пророчицей состояла крестьянка села Ржаксы, Кирсановскаго уѣзда, Мавра Галактіоновна Нѣмцова.

Ученіе Аввакума Копылова состояло въ слѣдующемъ: всѣ обыкновенныя православныя христіане живутъ по вѣрѣ ветхаго Адама и суть дѣти ветхаго рожденія; человекъ во грѣхѣ зачинается и во грѣхѣ рождается; для избавленія отъ грѣха надо отрѣшиться отъ міра, что достигается постомъ, молитвою и удаленіемъ отъ женщинъ. Собщеніе съ женщинами, по ученію Аввакума Копылова и по мнѣнію всѣхъ хлыстовъ, самый тяжкій изъ всѣхъ грѣховъ. Запрещается ѣсть мясо, рыбу, лукъ, чеснокъ, картофель и пить вино, „въ немъ же есть блудъ“ по словамъ апостола Павла. Запрещается ходить на играща, ругаться скверными словами, а женщинамъ не позволяется носить нарядовъ и украшеній, для скромности же повелѣвается имъ повязывать платки на головѣ какъ можно ниже на глаза. Кто все это соблюдеть во всей строгости, тотъ не только достигнетъ

* Выселокъ села Уварова, Борисоглазбскаго уѣзда.

въ будущей жизни вѣчнаго блаженства, но и здѣсь на землѣ сподобится благодати Святаго Духа и даже удостоится сдѣлаться сыномъ или дочерью Божіею, равными Іисусу Христу и Пречистой Дѣвѣ Маріи. Сказано (?), говорятъ тамбовскіе хлысты, въ писаніи: „кто отъ кого рожденъ тотъ того именемъ и называется“; мы же всѣ родились черезъ отреченіе отъ грѣха къ новой жизни, обновились духомъ, а потому и стали обновленными и первенствующими христіанами, рожденными отъ Бога-Слова, отъ Христа, который самъ есть воплощенное Слово Божіе. Сказано также въ писаніи, говорятъ они: „кто заповѣди мои соблюдаетъ и пути моя сохраняетъ, тотъ во мнѣ пребываетъ, и Авъ въ немъ“. Отъ того, продожаютъ они, всѣ строго исполняющіе заповѣди нашей вѣры удостоиваются вселенія въ нихъ Бога, Слова и Святаго Духа. Муцины удостоившіеся сего суть христы, женщины — богородицы. Въ Тамбовской губерніи удостоивались отъ хлыстовъ божескаго почитанія и поклоненія: самъ Аввакумъ и сынъ его Филиппъ Копыловы, Софронъ Нѣмцовъ, Василій Манаенковъ и Перфілъ Катасоновъ. Богородицами и пророчицами были: Татьяна Ремизова, Меланья Хованская, ея дочь (жена Филиппа Копылова) Анисья Иванова и Лукерья Камбарова.

Власть христовъ и богородицъ только духовная; они отпускаютъ грѣхи, разрѣшаютъ принатіе въ общину новыхъ лицъ и совершаютъ разные обряды. Всѣ сектанты составляютъ одинъ союзъ братьевъ и сестеръ, въ которомъ заповѣдуются почитать себя другъ другу равными, жить въ тѣсной братской любви и помогать другъ другу во всѣхъ нуждахъ. На основаніи ученія Аввакума Копылова, сказавшаго что можно спастись только по образу жизни имъ заповѣданному, тамбовскіе хлысты утверждаютъ что всѣ находящіеся внѣ ихъ союза, то-есть всѣ не хлысты, погибнуть въ вѣчныхъ мукахъ. На томъ же основаніи они не признаютъ ни православнаго духовенства, ни святости таинствъ ими совершаемыхъ. „Мы почитаемъ священниковъ какъ богослововъ, говорятъ они, но примѣру жизни ихъ слѣдовать не можемъ, потому что они имѣютъ женъ и раждаютъ дѣтей. Ежели бы священники жили какъ должно, они были бы сто лпамъ церкви и солию земли, чего на дѣлѣ нѣтъ. Священники пьютъ вино, а въ винѣ блудъ, священники ѣдятъ мясо, а оно рождаетъ похоти. По этому священникъ и не можетъ отпустить

грѣховъ и въ благословеніи своемъ передать Духа Святаго, ибо самъ его лишень.“ Хлысты своими обрядами замѣнили церковныя таинства, не гнушаясь впрочемъ ими и видя въ нихъ напоминанія Божественнаго ученія, только пользы отъ нихъ для души не предполагаютъ. Ходятъ они постоянно въ церковь и священниковъ ко всѣмъ требамъ православной вѣры призываютъ, такъ повелѣлъ христосъ Аввакумъ Копыловъ, дабы строго сохранить свою вѣру въ тайнѣ, ибо еще не пришли времена торжества ея, говорятъ хлысты, но современемъ она восторжествуетъ. Для сохраненія этой вѣры Аввакумъ завѣщаль ученикамъ своимъ терпѣливо сносить гоненія и муки, такъ какъ истинная вѣра ихъ должна быть гонима до скончанія вѣка. Замѣняются таинства православной церкви въ сектѣ Аввакума Копылова слѣдующимъ образомъ: Крещеніе совершается не при рожденіи, а въ совершенные года, когда человекъ чрезъ постъ и молитву достигнетъ благодати Святаго Духа и такимъ образомъ крестится духомъ. Другое же крещеніе совершаемое надъ нимъ въ то же время, есть тѣлесное или плотское. Совершается оно посредствомъ поставленія образа на голову и поливанія водою безъ всякихъ особыхъ молитвъ. * Таинство евхаристіи изображается у нихъ раздачей хлѣба и воды; хлѣбъ изображаетъ слово Божіе, вода—слезы кающихся грѣшниковъ. Покаяніе совершаютъ они предъ своими христами, богородицами и пророками по нѣскольکو разъ въ годъ, на основаніи повелѣнія христа Аввакума, сказавшаго: „первенствующему христіанину надлежитъ приносить покаяніе еженедѣльно, а вышнему мірянину (то-есть не хлысту) только одинъ разъ въ году“. Такъ какъ они считаютъ себя первенствующими христіянами, то и каются какъ можно чаще. Всѣ эти таинства совершаются на собраніяхъ христами, богородицами или пророками. На тѣхъ же собраніяхъ бывають у нихъ: плачь о грѣхахъ, поклоненіе въ ноги христу и богородицѣ, а равно и другъ другу, смиренія ради. ** Грѣховъ на собраніи утаить

* Въ другихъ корабляхъ, сколько намъ извѣстно, воднаго крещенія у хлыстовъ вовсе не бываетъ.

** Въ другихъ хлыстовскихъ корабляхъ земное поклоненіе другъ другу означаетъ поклоненіе образу Божію, ибо, говорятъ хлысты, а также и скопцы, не доска, расписанная красками, а человекъ, созданный по образу и подобию Божію, есть истинный образъ Господа, достойный поклоненія. Священникъ Иванъ Сергѣевъ въ своемъ *Изъясненіи раскола, именуемаго христовщиной или хлыстов-*

нельзя, ибо пророки изобличаютъ ихъ. Эти же пророки на собраніяхъ предсказываютъ будущее, читаютъ писаніе не зная грамоты, „по гласу“, какъ они выражаются, творятъ и другія чудеса, напримѣръ, кладутъ образа, кому въ ноги, кому на голову, кому къ сердцу, означая тѣмъ кто какъ почитаетъ Бога; одѣваютъ нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ въ особую одежду, цыпкъ въ свѣтлую и новую, другихъ въ дрянную и ветхую, означая тѣмъ, какъ кто одѣтъ такъ, у того и душа украшена добродѣтелями или помрачена пороками. Надѣваютъ также нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ на голову вѣнки изъ соломы или изъ вѣтвей, означая тѣмъ избранныхъ и вѣнчаныхъ постниковъ. Всѣ эти обряды совершаются, какъ сказано, христами, богородицами и пророками; особыхъ молитвъ при этомъ не читается. Писаннаго устава или закона у хлыстовъ нѣтъ. Пляски и круженія или, какъ называютъ ихъ тамбовскіе хлысты, „хожденія“, ввелъ христосъ Филиппъ Копыловъ, при отцѣ его не кружились. Хлысты увѣряютъ что эти хожденія дѣлаются невольнo, отъ какой-то неизъяснимой радости, бывающей послѣ усиленныхъ постовъ. Пляска эта продолжается нерѣдко до тѣхъ поръ, пока отъ усталости взмокнутъ рубахи, которыя тогда скидаютъ, и пляшутъ нагими до упада. Сектанты называютъ себя „богомолами“, „постниками“, „обновленными“ и „первенствующими христіанами“.*

щиною, говорить о калужскихъ хлыстахъ: „При народѣ кажутся они набожны и богомольны, а въ домахъ своихъ никогда почти (на иконы) не молятся, креста и иконъ не почитаютъ, но вмѣсто того молятся сами на себя; лучше-де поклоняться живымъ иконамъ чѣмъ доскамъ неодушевленнымъ, кои ничего не говорятъ и не творятъ... Молятся на портретъ (своего христа) съ крестнымъ знаменіемъ въ землю, какъ и на себя. На себя молятся при всякомъ свиданіи. Когда придутъ къ своимъ, по обычаю, помолятся святымъ иконамъ, а потомъ спрашиваютъ: „чистъ ли полъ?“ Если изъ постороннихъ нѣтъ въ домѣ никого, хозяева отвѣчаютъ что полъ чистъ, и тогда начинается взаимное челобѣтнопоклоное, если же есть кто-нибудь изъ неприважденныхъ къ хлыстовской сектѣ, то отвѣчаютъ что полъ не чистъ, и тогда говорятъ о житейскихъ предметахъ.“ О поклоненіи другъ другу съ крестнымъ знаменіемъ разказываетъ и Иванъ Андриановъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи, поданномъ имъ въ февралѣ 1825 года императору Александру Павловичу.

* Мы не представляемъ ученія и обрядовъ хлыстовъ открытыхъ въ другихъ губерніяхъ. Мы приведемъ свидѣнія о тамбовскихъ „бого-

VIII.

Хлысты и скопцы, какъ было уже сказано, наружно исполняютъ все обряды православной церкви, ходятъ часто въ церковь, исповѣдаются, причащаются и самытъ за самыхъ благочестивыхъ людей. Привлекаемыхъ въ свою ересь они сначала въ продолженіи нѣкотораго времени держатъ въ полной увѣренности что они истинные православные христіане. „Попы насъ не поучаютъ, такъ надо самимъ книги читать“, говорятъ они соблазняемому, и сначала учатъ ихъ: непрестанно

молахъ“ только потому что они были не безъ вліянія на моршанскихъ бѣлыхъ голубей, и что отъ нихъ произошелъ петербургскій скопческій корабль въ Кабинетской улицѣ. Упомянемъ еще только о хлыстовщинѣ въ великорусскихъ губерніяхъ. Нѣкоторые утверждаютъ что между Малоруссами нѣтъ хлыстовщины. Это несправедливо; мы имѣемъ подъ руками нѣсколько дѣлъ доказывающихъ противное. Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ. Въ 1828 году въ Подольской губерніи производилось дѣло о христѣ штабсъ-капитанѣ Савицкомъ и о царцѣ небесной Домнѣ, дочери одного православнаго священника. Савицкій, оставивъ военную службу, поступилъ послушникомъ въ Бершадскій монастырь (въ Ольгопольскомъ уѣздѣ), но тамъ подраза съ монахами и былъ исключенъ изъ духовнаго вѣдомства въ 1824 году. По выходѣ изъ монастыря Савицкій шатался по разнымъ мѣстамъ, особенно же по Немирову и въ селеніяхъ Кривомъ Озерѣ и Любомиркѣ, гдѣ были у него ученики. Но главное гнѣздо секты христа Савицкаго осталось въ Бершадскомъ монастырѣ; жившіе тамъ послушники: Алексѣй и Тимофей Пашуты, Моисей Лемцовъ и Павелъ Кушниръ, были ревностнѣйшими его послѣдователями. Въ Немировѣ, Кривомъ Озерѣ и Любомировкѣ, Савицкій совершалъ свои вечерни и заутреки. Кушниръ открыто проповѣдывалъ что христосъ вновь явился въ лицѣ Федора Савицкаго. Было разглашаемо и между Евреями что пришелъ Месія подъ видомъ штабсъ-капитана. Кушниръ распространялъ въ народѣ что Иисусъ Христосъ послалъ на землю вмѣсто Себя Савицкаго, какъ общаго въ Евангеліи Утѣшителя, что онъ есть царь, будетъ обладать всею вселенною и имѣть войско; кто не будетъ вѣровать въ христа Савицкаго и ему поклоняться, тотъ погибнетъ на вѣки во адѣ. Кушниръ говорилъ что скоро будетъ война, и христосъ Савицкій всѣхъ побѣдитъ, сдѣлается царемъ всей вселенной, а женой у него будетъ царица небесная Домна, окруженная

творить молитву Іисусову, * ходить какъ можно чаще въ церковь, чтить православныхъ священниковъ и пр. Послѣ того хлысты внушаютъ имъ, что „есть на свѣтѣ праведные люди, въ которыхъ пребываетъ благодать Святаго Духа, а въ иныхъ и самъ Богъ живетъ; такой человекъ, говорятъ они, можетъ вязать и рѣзать, выводить грѣшныя души изъ ада въ царство небесное“, ** но кто именно эти люди и гдѣ они находятся — пока умалчиваютъ. Затѣмъ хлысты поучаютъ что должно „терпѣть всѣ бѣды, всѣ напасти и скорби“, *** вести жизнь воздержную, всячески унижать себя, служить всемъ и у всѣхъ быть въ повиновеніи, не ѣсть мяса, не пить вина и пива **** не употреблять табаку, не поминать имени діавола, въ случаѣ же крайности называть его „врагомъ“, или „не хорошимъ“, не пѣть мірскихъ пѣсень, не плясать, не сказывать и не слушать сказокъ

избранными дѣвцами. У Христа-царя-штабсъ-капитана были свои апостолы, изъ нихъ Кушнуръ былъ старѣйшимъ, другіе же: два Пашуты, Лемцовъ и Каламякъ. Самъ Савицкій говорилъ что онъ сынъ божій и антихристъ, но что антихристъ не есть какое зло, но означаетъ „огнець-крестъ“. Дочь священника царица небесная Домна говорила, что видя великіе молитвенные подвиги Савицкаго, она вѣритъ что онъ „свѣтой антихристъ“. Крестьянка Александра, дочь одного жителя мѣстечка Чечельника, была у нихъ пророчицей и находилась въ столь же близкихъ отношеніяхъ къ Кушнuru какъ поповская дочка царица небесная къ христу-штабсъ-капитану. (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 1828 года, № 120*). Не только между Малороссами, но даже между крещеными Остяками въ Сибири, между Чухонцами подъ Петербургомъ были открываемы послѣдователи хлыстовской ереси.

* *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ*. Первое показаніе крестьянина Федора Павлова: „ученіе его (Радаева) состояло въ томъ чтобы непрестанно творить молитву Іисусову.... Отъ церкви учениковъ своихъ онъ нисколько не отворачивалъ, а толковалъ что непрестанно надобно въ ней пребывать.“ То же самое показали и другіе арзамасскіе хлысты, а крестьянинъ Иванъ Васильевъ прибавилъ: „поученіемъ своимъ заставлялъ Радаевъ ходить въ церковь и почитать священниковъ великими людьми.“

** *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ*. Второе показаніе Федора Павлова.

*** *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ*. Показаніе Аграфены Зюзиной.

**** *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ*.

и всегда пребывать въ дѣломудріи. Завлекая постепенно въ свои сѣти не знающаго ихъ настоящаго ученія, хлысты приглашаютъ наконецъ его на свои бесѣды, но въ это время ничего противнаго православію не дѣлаютъ и не говорятъ, * а только читаютъ церковныя книги, толкуютъ ихъ, и поютъ иногда псалмы Давидовы. Доведа завлекаемаго до того что онъ станетъ во всемъ имъ вѣрять, начинаютъ ему открывать что люди, въ которыхъ пребываетъ Духъ Святой, находятся между ними, что истинная Христова вѣра погибла на землѣ и сохранилась только въ ихъ обществѣ, что никакихъ книгъ не нужно, кромѣ единой „Книги Голубиной“, „Книги Животной“, то-есть живущаго внутри челоуѣка и поучающаго его Духа. Наконецъ они объявляютъ совращаемому что Богъ всегда пребываетъ съ ними, и если кто поступитъ въ ихъ общество, на того онъидеть Святой Духъ, такъ точно какъ древле сошелъ Онъ на апостоловъ.

Когда совращенный изъявитъ согласіе на вступленіе въ секту, ему велятъ нѣсколько дней поститься и пребывать въ уединеніи. Въ назначенное время приходитъ за нимъ старшина общины, или же самъ кормщикъ корабля. Въ одной рукѣ держитъ онъ икону (обыкновенно Нерукотвореннаго образа, или же другую какую либо), а въ другой зажженую свѣчу. Онъ вводитъ совращеннаго въ собраніе („бесѣда“, „святой кругъ“, „соборъ“, „корабль“), гдѣ сидятъ на лавкахъ съ одной стороны мушны, съ другой женщины, всѣ босые, или въ однихъ чулкахъ, одѣтые въ длинныя бѣлыя рубахи особаго покроя, а въ переднемъ углу подъ образами отдѣльно сидитъ женщина (богородица или пророчица), также вся одѣтая въ бѣломъ. ** Комната ярко освѣщена восковыми свѣчами и лампадами.

— Зачѣмъ пришелъ ты? спрашиваетъ приведеннаго богородица.

* На сходбищахъ хлыстовъ Макарьевского уѣзда, Нижегородской губерніи, въ 1849 году бывали священники селъ Татица и Красной Луки, и они при производствѣ формальнаго сѣдствія показали: на этихъ сходбищахъ они сами читали книги святаго писанія и толковали его, но ничего противнаго ученію православной церкви не говорилось“. *Журналъ нижегородскаго совѣщательнаго по дѣламъ раскола комитета* 23-го мая 1852 года.

** Въ нѣкоторыхъ корабляхъ христы, пророки, богородицы подпоясываются золотымъ поясомъ, въ другихъ всѣ подпоясываются красными поясами, въ иныхъ корабляхъ, напримѣръ въ саратовскомъ,

— Душу спасать, отвѣчаетъ наученный заранѣе неофитъ.
 — Хорошо душу спасать, замѣчаетъ ему богородица. — А
 кого даешь за себя порукой?

— Самого Христа, царя небеснаго, отвѣчаетъ тотъ.

— Смотри же, чтобъ Христось отъ тебя поруганъ не былъ,
 говорить богородица.

Затѣмъ обращаемого приводятъ къ присягѣ предъ ико-
 ной, которую несъ предъ нимъ кормщикъ. Присяга состо-
 ить въ слѣдующемъ:

1) Святую вѣру принявъ, отъ нея никогда не отступать.

2) Чаше въ церковь ходить, исповѣдываться и причащаться
 въ церкви, но священнику на исповѣди про свою вѣру ни
 слова не говорить.

3) Если случится за святую вѣру пострадать, не бояться
 ни тюрьмы, ни ссылки въ Сибирь, ни самой смерти, тѣло
 свое отдать на раздробленіе, а про вѣру свою никому ниче-
 го никогда не открывать. * „Никому не сказать какое Бо-
 жіе дѣло будетъ открыто: ни отцу, ни матери; ни роду, ни
 подроку, ни попу отцу духовному, ни другу своему мірско-
 му, хотя бы огонь принять, хотя бы кнутъ принять, хотя
 бы топоръ принять, а если Божія дѣла не сохраню, на пути
 Божиємъ не устою, то да побѣдитъ меня Господь въ семь
 свѣтѣ и въ будущемъ вѣкѣ.“

— Въ сіе время ангелъ Божій сходитъ съ неба, говорить
 богородица неофиту, — и пишетъ твою душу въ томъ, что она
 обѣщала служить Богу до конца жизни вѣрно. **

Послѣ того кормщикъ велитъ приходящему просить весь
 корабль молиться за него. Тогда всѣ садятся въ „кругъ“
 и напѣвомъ простонародной пѣсни начинаютъ пѣть такъ-
 называемую ими „молитву Господню“, которою начинаются
 всѣ хлыстовскія и скопческія моленія. Во время пѣнія ея всѣ
 правою рукою бьютъ тактъ по колѣнкамъ, на которыхъ
 разостланъ платокъ или бѣлое полотенце („знамя“).

черными. Иванъ Андреяновъ въ донесеніи, поданномъ въ 1825 году
 императору Александру Павловичу, говоритъ: „Сойдася на бесѣду,
 учитель одѣвается въ бѣлую, длинную, коленкоровую одежду и опоя-
 сывается золотымъ поясомъ, если его имѣеть; прочіе одѣваются въ
 бѣлыя, длинныя нижнія одежды, а женщины какъ имъ прилично...“

* Такая же присяга была у хлыстовъ и въ 1734 году. (*Первое пол-
 ное собраніе законовъ Россійской имперіи*, IX, № 6.613.)

** Донесеніе поданное императору Александру Павловичу въ 1825
 году крестьяниномъ Иваномъ Андреяновымъ.

Дай намъ, Господи, къ намъ Іисуса Христа,
 Дай намъ, сударь, Сына Божія и помилуй, сударь, насъ.
 Сошли къ намъ Духа Святаго утѣшителя!
 Пресвятая Богородица, попроси, мой свѣтъ, за насъ
 Свѣта сына своего Іисуса Христа!—
 Свѣтъ тобою спасенъ, государыня,
 Безъ тебя, мой свѣтъ, много грѣшнымъ на землѣ,
 На сырой на землѣ, свѣтъ, на матушкѣ,
 На матушкѣ, на кормилицѣ. *

* Хамыстовской „молитвы Господней“ есть нѣсколько редакцій. Это варианты одной и той же пѣсни. Вотъ, напримеръ, какъ пѣли ее петербургскіе хамсты высшаго общества (въ Михайловскомъ дворцѣ и на сборищахъ у Татариновой за Московскою заставой, въ дежѣ Федорова):

Дай намъ, Господи, къ намъ Іисуса Христа!
 Дай намъ Сына Твоего, Бога нашего, творца!
 Съ нами Духъ твой Святой объемлетъ радостью сердца,
 Пресвятая Богородица упроси за слабыхъ насъ,
 Свѣтъ, у сына Твоего, Бога нашего творца!
 Отъ престола Твоей просьбы,
 Сокачѣтъ къ намъ Духъ Святой.
 Ты Христосъ и Богъ помощникъ,
 Много Бога нѣтъ у насъ,
 Наряди изъ насъ пророка, чтобы слабымъ подкрѣпить!
 Мы здѣсь съ вѣрою, съ любовью принесли свои сердца,
 Со слезами тебя просимъ милосерднаго отца:
 Ты наставь насъ, Утѣшитель, на свой истинный на путь,
 Засуди судомъ небеснымъ и не дай врагу мѣшать,
 Не изволь грѣшнымъ до гроба ты сей радости лишать.

Или:

Дай намъ, Господи, къ намъ Іисуса Христа!
 Дай намъ Сына Твоего!
 Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!
 Изъ Твоея полноты
 Дай, Создатель, теплоты —
 Наряди изъ насъ пророка, чтобы силы подкрѣпить,
 Засуди судомъ небеснымъ и не дай врагу мѣшать;
 Ниспосли живое слово здѣсь просящимъ всемъ сердцамъ.
 Ты Христосъ, Ты нашъ Спаситель,
 Много Бога нѣтъ у насъ,
 Твоей силой укрѣдимся, за Тобюю въ слѣдъ идемъ,
 Прими слезы Твоей твари и поставь вѣхъ на пути.

Послѣ того трое или четверо мужчинъ или женщинъ входятъ въ кругъ, спускаютъ съ плечь рубахи по поясъ, и взявъ длинныя холщевыя или подотняныя бѣлыя полотенца („знамена“), развѣшиваютъ ихъ себѣ на плеча, затыкаютъ концы за поясъ, и начинаютъ, припрыгивая, кружиться посоловь. Это называется *радѣнїемъ*. Во время радѣнїя поютъ пѣсни. Такихъ пѣсень у насъ подъ руками сто шестьдесятъ четыре. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

I.

Наша матушка родная
 Въ полку пребывала,
 Въ полку она пребывала,
 Чудеса творила.
 Чудеса она творила,
 Съ нами говорила:
 „Ужь вы дѣвушки, дѣвицы,
 Духовныя сестрицы,
 И вы Богу назваица,
 Служить ему отдаица,
 Вы служите не робѣйте,
 Живу воду пейте,
 Внутренняго змѣя
 Вы въ себѣ убейте,
 Нѣ васъ плащцо-то бѣло
 Сама матушка надѣла
 Она о васъ порадѣла,
 Вами завладѣла.“
 Богу слава и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.*

II.

Ай у насъ на Дону,**
 Самъ Спаситель во дому
 Со ангелами, со архангелами,
 Съ херувимами, государь, съ серафимами
 И со всею силою съ небесною.
 Ай Духъ, Святой Духъ!

* Это пѣсня пророцицъ поется женщинами обращаясь къ женщинамъ же.

** Рѣкою Дюномъ хлысты, по удостовѣренїю священника Ивана Сергѣева, называютъ иногда своего Христа. (Сергѣева *Изъясненїе раскола именуемаго пристовщиной или хлыстовщиной.*)

Эта милость благодать
 Стала духомъ овладать!
 Богу слава и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь. *

III.

Богъ, Богъ съ нами
 Самъ Богъ надъ богами,
 Духъ Святой съ нами,
 Самъ духъ надъ духами,
 Агнецъ нашъ Спаситель,
 Вземлай грѣхи міра!
 Твоя, Сыне Божій,
 Власть надъ нами, воля
 Надъ нашими сердцами,
 Душами, тѣлами....
 Гусли вы, гусли
 Пророка Давыда!
 Самъ лился слезами,
 Остальными силами,
 Славиль Савасоеа:
 „Помилуй мя, Боже,
 „Излей на мя милость“ и т. д.

IV.

Прочь лезть, прочь ложь, хитросмаетенность,
 Порочность, сладость красныхъ словъ,
 Утѣха сердцу, развращенность—
 Пою небесную любовь,
 Пою источникъ благодати,
 Святую истину вою.... и т. д.

V.

Въ ясляхъ—колыбель Ісуса,
 Дѣва—мать, отецъ—тектонъ!
 Жизнь его—позоръ и иго
 Отъ рожденья до конца!
 Не имѣлъ себѣ покрова,
 Гдѣ главу бы преклонить,
 Какъ злодѣй и богохульникъ,
 Ядца, вынопійца, льстецъ,
 Межъ разбойниковъ повѣшенъ

* Эта пѣсня поется во время радѣній, совершаемыхъ мучениками.

И къ злодѣямъ сопричтень,
Испуцаетъ духъ въ мученьи;
„Совершилося“, онь рекъ,
Дѣло важное спасенья
Совершилъ презрѣнный крестъ.*

Послѣднія двѣ пѣсни по складу и по приѣмамъ своимъ не похожи на другія хлыстовскія и скопческія пѣсни. Онѣ сочинены помѣщикомъ А. П. Дубовицкимъ, бывшимъ кормицкомъ корабля находившагося въ его весьма значительномъ имѣніи Орловской губерніи Елецкаго уѣзда. Въ этомъ кораблѣ находились и крѣпостные его люди, въ томъ числѣ ближайшій помощникъ его и наперстникъ, пророкъ Ермилушка. Были въ кораблѣ Дубовицкаго и нѣкоторые дворяне. У хлыстовъ немного пѣсень составленныхъ по правиламъ версификаціи, въ родѣ приведенныхъ пѣсень Дубовицкаго (писали ихъ, сколько намъ извѣстно, петербургскіе хлысты: Лабзинъ, редакторъ журнала *Сіонскій Вѣстникъ*, тайный соавтвикъ В. М. Поповъ и князь Енгальчевъ). Простонародныя хлыстовскія пѣсни большею частію импровизація, всегда почти бессмысленная, недѣльная. Вотъ нѣсколько пѣсень вылившихся изъ устъ простолюдиновъ на хлыстовскихъ рабѣняхъ:

VI.

Ай кто пиво варилъ? **
Ай кто затиралъ?
Варилъ пивушко самъ Богъ,
Затиралъ Святой Духъ,
Сама матушка слывала,
Вкупѣ съ Богомъ пребывала,
Святы ангелы носили,
Херувимы разносили, (bis)
Серафимы подносили.—
Скажи батюшка родной, ***

* Первая и послѣднія три пѣсни напечатаны въ № 23 *Тулъскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* 1867 года.

** „Пивомъ“ хлысты называютъ круженіе производимое ими на рабѣняхъ. Священникъ Иванъ Сергѣевъ въ своемъ *Изъясненіи раскола, именуемаго христовщиной или хлыстовщиной*, говоритъ: „свое круженіе свое именуютъ они по дѣйствию „пивомъ духовнымъ, чувствительнымъ“, и похваляя сіе, говорятъ: „то-то пивушко! человекъкъ плотскими устами не пьетъ, а пьянъ живетъ.“ Пѣсня „Ай кто пиво варилъ“ находится при его *Изъясненіи*.

*** „Батюшка родной, гость дорогой“ — христось людей божиныхъ.

Скажи гость дорогой,
 Отчего пиво не пьемо,
 Али я гостямъ не рада?
 Рада, батюшка родной,
 Рада, гость дорогой,
 На святомъ кругу гулять
 Бога свѣта прославлять,
 Въ золоту трубу играть,
 Въ живогласну возносить.*
 Богу слава и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

VII.

Савасеъ чудо творилъ
 Съ Сыномъ Божьимъ говорилъ:
 „Ужь ты сынъ аи мой, сынокъ,
 Ты мой ясный соколокъ,
 Ты Сионская гора,
 Съ неба на земаю пора—
 Живописный ты Спаситель,
 Живой агнецъ искупитель,
 Духъ—вселенной утѣшитель,
 Изволь вселенну утѣшать,
 На Алагофъ гору послѣшать;
 На Алагофъ тебѣ пошаю,
 Ризы бѣлыя ешью—
 Изволь ризы надѣвать,
 Пречисту кровь проливать.*
 На крестѣ солнышко свѣтитъ,
 За всѣхъ вѣрныхъ отвѣтитъ,
 Соколъ ясный нашъ летитъ—
 Искупитель не стерпѣлъ,
 Золотъ ореолъ пометѣлъ,
 Всю вселенну исходилъ,
 Темну стѣну побѣдилъ,
 Жало — дѣпность умертвилъ,
 А страданіемъ своимъ
 Веревъ вѣчны сломилъ,
 Очищаетъ грѣхи мѣръ,
 Агнецъ божіи наречеса...
 Агнецъ ты животворящій,
 И женихъ происходящій!

* „Живогласная, золотая труба“ — пророчество.

На вѣхъ вѣрныхъ оглаулася,
 На крестѣ Богъ встрепенулася,
 Страшный громъ загремѣлъ,
 Земля, небо ужаснулись,
 Море кровью зачерпнулось,
 Въ лучахъ солнца померкаетъ,
 Мѣсяцъ свѣту не даетъ,
 Темной тучей закрывается,
 Зѳори свѣтомъ засвѣтились,
 Звѣзды съ неба сокатились,
 Всѣ престолы подвигнулись,
 Архангелы ужаснулись,
 А архангелъ Михаилъ
 Въ золотыхъ крылахъ предстаѣтъ,
 Страху трепету достоинъ,
 И въ сенатѣ оный сенаторъ,
 И на небѣ губернаторъ,
 Много разуму имѣеть,—
 Доложить Христу не смѣеть;
 Судьбу божью исполняетъ,
 Архангеловъ собираетъ,
 Христа на крестъ убираетъ,
 И сосуды подставляетъ,
 Пречисту кровь проливаетъ.
 А Илья пророкъ пророчить,
 Что воскреснуть Христосъ хочетъ;
 Давидъ въ гусли заиграетъ,
 Заскакаетъ оный, заплясаетъ,
 Ковчегъ Божій предъ нимъ скачетъ;
 Петръ апостолъ горько плачетъ,
 Много ревности имѣеть,—
 Доложить Христу не смѣеть,
 Востру саблю свою точить,
 Распинайся съ Христомъ хочетъ,—
 Духъ Святой накатилъ,
 Петру ревность прекратилъ.
 А Кузьма, сударь, Демьянъ
 Съ Христомъ въ страстяхъ ликовалъ,
 Кандалы всѣмъ расковалъ,
 У Христа въ гостяхъ отпустилъ,
 Съ темницей вѣрныхъ отпустилъ.
 А и Флоръ, сударь, Лавѣръ
 И коней своихъ подвезъ,
 Колесницы закладаетъ,
 Христа на крестъ убираетъ.

А Егорій-то святой
 Темну ночь не усыпаетъ,
 Горьки слезы проливаетъ,
 Христа на крестъ убираетъ;
 Огонь-пламя утушилъ,
 Змѣя люта побѣдилъ.
 Николай-то чудотворецъ,
 Чудеса онъ тутъ творилъ,
 Седьмо небо отворилъ,
 Ко Христу часто ходилъ,
 Христа на крестъ снарядилъ.
 Сама матушка царица
 Прилетѣла райска птица,
 Христа на крестъ убирала,
 Сама смертью умирала,
 Саваога упросила,
 Сына Божья воскресила.
 Богу слава и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Таково въ большей части хлыстовскихъ и скопческихъ пѣсень дикое смѣшеніе священныхъ именъ и предметовъ съ чудовищными представленіями пришедшихъ въ изступленіе „людей божіихъ“.

Приведенныя пѣсни поются напѣвомъ совершенно отличнымъ отъ церковнаго, онѣ скорѣй приближаются къ народнымъ пѣснямъ: однѣ поются протяжно, другія скоро, на подобіе плясовыхъ. Но нельзя сказать чтобъ онѣ по напѣву своему были совершенно сходны съ пѣснями народными.

Когда поютъ эти „радѣльные пѣсни“, а поютъ ихъ на каждомъ собраніи по нѣсколько десятковъ, сидящіе хлысты или скопцы бьютъ въ тактъ правою рукою по колѣнкѣ, а радѣющіе хлысты хлопаютъ въ ладоши и самый топотъ ногами принаравливаютъ въ тактъ пѣсни. Объ этихъ пѣсняхъ хлысты и скопцы говорятъ что онѣ тѣ самыя о которыхъ сказано въ Апокалипсисѣ: „и слышахъ поющихъ пѣснь нову предъ престоломъ, и никто же можаше навѣкнуть пѣсни, токмо сіи“. *

Послѣ „радѣльныхъ“ пѣсень выводятъ приходящаго на середину круга, опоясываютъ его „знаменами“ и водятъ кругомъ подъ пѣсню:

* *Апокалипсисъ*, XIV, 3.

Благодатный Богъ,
 Попусти намъ, Богъ,
 Съ нами пребудь, Богъ,
 До скончанія вѣка. Аминь.

Елицы отъ Христа (sic) во Христа креститесь, во Христа облекостесь. Алалиуіа.

Послѣ того даютъ принятому въ корабль приложиться къ образу (иногда къ мѣдному кресту), надѣваютъ на него *ра-дѣльную рубаху* и подпоясываютъ ее „знаменемъ“. Затѣмъ всѣ цѣлуютъ новаго хлыста и поздравляютъ другъ друга съ новорожденною духомъ душою. У дѣвки же сидящей въ углу (богородицы) какъ обращенный, такъ и прочіе, цѣлуютъ колѣнку или другую часть ея „святаго и животворящаго тѣла“. Въ то время когда цѣлуетъ ея тѣло обращенный, въ иныхъ корабляхъ богородица три раза освѣняетъ его крестообразно зажженною свѣчой. Хлысты говорятъ что на пляску ихъ сходитъ Святой Духъ, и приходящій, введенный во „святой кругъ“, крестится духомъ, когда же богородица крестить его свѣчкой, онъ крестится огнемъ. Тогда-то, говорить хлысты, принимаетъ онъ истинное крещеніе „Духомъ Святымъ и огнемъ“.

IX.

Обыкновенныя моленія хлыстовъ („радѣнія“), совершаются слѣдующимъ образомъ. Часовъ въ шесть вечера они собираются въ одинъ домъ, * гдѣ въ особой комнатѣ, **

* Изъ слѣдственнаго дѣла объ арзамасскихъ хлыстахъ видно, что они собирались по 30 и по 40 человекъ обоюга пола. По свидѣтельству священника Ивана Сергѣева, въ Калугѣ собирались по сту и боаѣе человекъ. Въ Петербургѣ у Кондратія Селиванова бывало на радѣніяхъ по шести сотъ человекъ хлыстовъ и скопцовъ. У хлыстовъ, а также и у скопцовъ, иногда, какъ видно изъ слѣдственныхъ дѣлъ, устраивались особыя укромныя помѣщенія для радѣній. Священникъ Иванъ Сергѣевъ говоритъ: „для безопасности достаточные люди, особенно въ городахъ, роютъ подземные, потаенные ходы, а иныя на чердакахъ устраиваютъ внутреннія горницы чтобы топанья не слышно было“. Почти вездѣ на время радѣнія ставятся снаружи караульные, которые при малѣйшей опасности даютъ знать радѣющимъ, чтобъ ихъ не застали врасплохъ.

** Домъ гдѣ бывають радѣнія зовется „монастыремъ“, „Іерусалимомъ“, „домомъ божіимъ“. Комната гдѣ совершаются радѣнія и другіе обряды—„Сіонскою горницею“.

въ углу, сидитъ богородица, а по лавкамъ съ одной стороны мущины, а съ другой женщины, всѣ въ особаго покроя длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ. * Въ иныхъ, немногихъ впрочемъ корабляхъ, моленіе начинается чтеніемъ священныхъ книгъ: Толковаго Евангелія, Новаго Завѣта, Писаній отцовъ, особенно аскетическихъ житій святыхъ и пр., а потомъ поется всеобщая или одніи стихеры праздниковъ **. Послѣ того встаютъ, становятся въ кругъ и начинаютъ свои радѣнія. Это бываетъ обыкновенно въ самую полночь. Мущины становятся хороводомъ, вокругъ ихъ хоровода составляется другой, изъ женщинъ. *** Въ этихъ хороводахъ (*святыхъ круглахъ*) хлысты, а также и скопцы, ходятъ или, лучше сказать, бѣгаютъ посолонь съ припрыжкой, подъ пѣсню: „Дай намъ Господи Іисуса Христа!“ **** По окончаніи радѣнія каждый подходитъ къ богородицѣ и цѣлуетъ у ней голую колѣнку.

Калужскій священникъ Иванъ Сергѣевъ, бывавшій на хлыстовскихъ, радѣніяхъ, говоритъ о нихъ слѣдующее. У хлыстовъ бываютъ праздники большіе и малые. Большіе бываютъ въ опредѣленные дни, и на нихъ собирается человѣкъ

* Въ иныхъ корабляхъ и мужчины и женщины сидятъ вмѣстѣ.

** Это бываетъ особенно у фарисеевъ или лазаревщины. Въ чисто хлыстовскихъ корабляхъ всякое книжное ученіе признается вреднымъ, противнымъ Богу, отводящимъ отъ истины и удаляющимъ отъ непосредственнаго сообщенія съ божествомъ. Потому въ нихъ не читаютъ Св. Писанія и церковныхъ книгъ и не поютъ пѣсней употребляемыхъ при богослуженіи православной церкви, но прямо приступаютъ къ радѣніямъ.

*** Очень во многихъ корабляхъ кругъ составляется изъ мущинъ и женщинъ общій. Вообще у хлыстовъ и скопцовъ оба пола почитаются равными и безразличными. Они говорятъ: „и Павелъ, апостолъ „старого Христа“ (то-есть истиннаго Спасителя міра), говоритъ: „нѣсть мужескъ полъ, нѣсть женскій: всѣ бо едино во Христѣ“, а у насъ и подавно такъ.“

**** *Журналъ нижегородскаго совѣщательнаго комитета, 23-го мая 1852 года, о хлыстахъ Макарьевского уѣзда: „По праздничнымъ днямъ собираются въ домахъ, поютъ, читаютъ, потомъ начинаютъ пѣть стихи голосомъ мірскихъ пѣсень, и подъ это пѣніе настоятель или настоятельница посрединѣ комнаты прыгаютъ, а потомъ и соучастники ихъ одинъ за другимъ, по испрошенію у нихъ благословенія. Чрезъ это они приходятъ въ чрезвычайное изступленіе, которое почитаютъ сошествіемъ Св. Духа или милостію Божіею.“*

по пятидесяти, по сту и болѣе; малые же бываютъ случайно, напримѣръ по случаю прїѣзда гостей, на нихъ собирается отъ трехъ до десяти человѣкъ. Большіе праздники продолжаются нерѣдко по недѣлѣ, и все это время хлысты производятъ въ безпрестанномъ круженіи по солнцу; перестаютъ только на время обѣда, каждый день радѣютъ. Когда поютъ начальную молитву (*Дай намъ Господи Исуса Христа*), бываютъ вмѣстѣ мушны и женщины, а потомъ въ иныхъ ко- рабляхъ кружатся и слушаютъ пророчества мужчины въ од- нѣхъ комнатахъ, а женщины въ другихъ. * „А когда „ходятъ въ словѣ“ пророки (то-есть пророчествуютъ), продолжаетъ священникъ Иванъ Сергѣевъ, то нѣкоторые изъ нихъ вер- тятся по одному на одномъ мѣстѣ, какъ жерновъ, такъ бы- стро, что и глазъ ихъ не видно. Отъ таковаго быстрого стремленія волосы на головѣ поднимаются къ верху. На мушникахъ рубахи, а на женщинахъ платы раздуваются какъ трубы, и происходитъ отъ нихъ чувствительный вихрь. Иног- да всѣ вообще кружатся, по ихъ выраженію, въ „стѣнку“, составляютъ большой кругъ, и если посмотрѣть на сію ихъ живую сцену, когда хорошо сладятъ, то представится совер- шенно какъ бы и подлинно плавающій по воздуху или водѣ кругъ, колеблющійся и изъ тиха-поднимающійся какъ бы еди- ною машиною. Оный кругъ знаменуетъ у нихъ чанъ или „ку- пель духовную“, какъ и молва въ народѣ гласитъ, будто бы они въ чанѣ купаются. Но сей чанъ у нихъ не изъ чув- ственныхъ досокъ, но изъ плотей человѣческихъ состоитъ. Въ семь-то чанѣ, или по ихъ выраженію „духовной купели“, то-есть въ кровавомъ своемъ поту они крестятся, будучи увѣрены что тутъ на нихъ сходитъ или, по ихъ выраженію, „скатаетъ“ Духъ Святой, и кружатся (радѣютъ, по ихъ выра- женію) дотолѣ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ случится

* Въ петербургскомъ „Новомъ Іерусалимѣ“ Кондратія Селиванова, что въ Литейной части близъ Лиговки, была устроена зала гдѣ могло радѣть болѣе шестисотъ человѣкъ. Она была устроена въ два свѣ- та и раздѣлена на двѣ части глухою перегородкой въ одинъ этажъ. Надъ этою перегородкой была устроена ложа (въ родѣ каѳедры въ протестантскихъ молитвенныхъ домахъ) подъ балдахиномъ, гдѣ си- дѣлъ христовъ Петръ Ѳеодоровичъ, царь израильскій (то-есть Кон- дратіи Селивановъ). Въ одной половинѣ залы радѣли мужчины, въ другой—женщины. И тѣ, и другіе въ это время видѣли своего „жи- ваго бога“.

собрание весьма многонародно, принуждены бываютъ даже ползть отъ поту ихъ подтирать ветошками, и рубахи на нихъ сдѣлаются какъ въ водѣ обмоченныя. И до такого изнеможения они искружатся и измучатся, что уже будутъ безсильны какъ мухи, и обезсилѣвъ падаютъ, а въ лицѣ бѣлы какъ полотно, почему легко можно узнать ихъ по лицу, когда идутъ съ богомолья домой. Оное круженіе свое именуютъ они „пивомъ духовнымъ, чувствительнымъ“ и похвалая сіе говорятъ: „то-то пивушко! Человѣкъ плотскими устами не пьетъ, а пьянъ живетъ.“ Въ продолженіе круженія и скаканія поютъ сочиненныя ими пѣсни со всхлипываніемъ и перерывистыми духа трелями, производятъ гоготаніе и какой-то необыкновенный тихій свистъ, повторяя безпрестанно: „ой духъ, ой духъ, ой Богъ, ой Богъ, царь Богъ, царь Богъ, царь духъ, царь духъ“, а иные: „о Ега, о Ега, о Ега!“ чѣмъ наводятъ на слушающихъ даже нѣкоторый ужасъ. И если подслушать ихъ гоготанье изъ-за стѣны, то представится совершенно, якобы чѣмъ сѣкуются или хлыщутся. Можетъ-быть, не отъ того ли и молва въ народѣ носится, будто бы они, ходя вокругъ чана, хлыщутся“ приговаривая:

Хлыщу, хлыщу,
Христа шду,
Выйди къ намъ наружу.
Дай денегъ на нужу.

„Не удалось ли кому-нибудь изъ постороннихъ подслушать ихъ дѣйствіе и заключить что вѣрно они чѣмъ-нибудь сѣкуются, и прочимъ въ народѣ такъ разгласили. При круженіи они всячески дурачатся и бѣсятъ, иные изъ нихъ трясутся, кривляются, ломаются какъ бѣсноватые, другіе топаютъ ногами, присѣдаютъ къ землѣ и вдругъ какъ неистовые вскрикиваютъ, приходятъ въ энтузіазмъ, нѣчто пересказываютъ, и говорятъ иными языки. А какими? Татарскими ли, тарабарскими ли? Думаю, и сами не понимаютъ, кольми паче другіе ни одного слова не знаютъ, да и понимать нечего *.“

Дѣйствительно, на радѣнія вокругъ чана съ водой и на бичеванія или хлыстанія во всѣхъ ста восьмидесяти извѣстныхъ намъ слѣдственныхъ дѣлахъ нѣтъ ни одного указанія кого-либо изъ хлыстовъ или скопцовъ, хотя иные

* Священника Ивана Сергѣева. *Изъясненіе раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина.*

весьма подробно и съ полною откровенностью разказывали про свои тайны. Нѣкоторые изъ нихъ показывали при допросахъ такъ: „носится слухъ въ народѣ что хлысты кружатся вокругъ чана и хлыщутся, но при мнѣ этого никогда не случилось, развѣ что бываетъ это въ другихъ корабляхъ“.*

О хлыстаньи вокругъ чана письменное извѣстiе находится только у покойнаго нижегородскаго преосвященнаго Іакова въ его статьѣ *О хлыстахъ въ Саратовской губернии*. Тамъ сказано, что въ 1828 г. въ тюремномъ замкѣ города Вольска сохранилась дѣвка Анна Федоровна Скачкова изъ села Давыдовки (Николаевского уѣзда Самарской губернии), бывшая у хлыстовъ богородицей. Она, говоритъ преосвященный Іаковъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ ввѣрившись одному изъ содержавшихся съ ней въ тюрьмѣ, за глубочайшій секретъ открыла ему тайны своей ереси, при чемъ сказала, что обряды ихъ моленія будто бы писаны въ книгахъ „грамотою никому неизвѣстною, печатною“, что грамоты той учатся лишь тѣ которые продолжительнымъ временемъ утвердятся неизмѣнно въ сектѣ. Эта Анна Федорова разказывала и о чанѣ, а о бичеваньи весьма подробно. Въ моей запискѣ, составленной со словъ посланнаго въ 1849 году покойнымъ преосвященнымъ Іаковомъ развѣдать о хлыстахъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губернии также говорится о бичеваньи. Тамъ сказано что богородица или пророчица, когда другіе радѣютъ, сидитъ въ углу на возвышеніи подъ образами и изъ тесемокъ или нарѣзаннаго полосками холста вьетъ такъ-называемые „святыя жгутики“, или же свиваетъ по три прута вербы въ одинъ. Когда прикладываются къ ея колѣнкѣ, она ударяетъ тѣмъ жгутикомъ или вербой и даетъ то или другое подходящему. Составляется новый кругъ: бѣгаютъ другъ за другомъ, бьютъ себя и другихъ жгутиками и вербами по голымъ плечамъ, и поютъ:

Хлыщу, хлыщу,
Христа ищу.

* Такъ, напримѣръ, при производствѣ слѣдственнаго дѣла объ арзамасскихъ хлыстахъ, крестьянинъ Федоръ Павловъ сказалъ: „Народный слухъ, что Василій (Радаевъ) и его послѣдователи молятся около чана съ водою и хлыщутся съ произнесеніемъ словъ: „Хлыщу, хлыщу, Христа ищу!“ если и справедливо, то мнѣ видѣть не случилось.“ То же показали и всѣ другіе.

Сниде къ намъ, Христе,
 Со седьмаго небесе,
 Походи съ нами, Христе,
 Во святомъ кругу,
 Сокати съ небеси
 Сударь Духъ Святой.

Но довѣренный покойнаго архіепископа Іакова хотя и вступилъ въ хлыстовскій корабль, но самъ тоже никогда не видалъ радѣній вокругъ чана и видѣній „золотаго христа“. Онъ только слышалъ о томъ и другомъ отъ постороннихъ. Я внесъ однако его разказъ въ трактатъ мой *О современномъ состоянїи раскола въ Нижегородской губерніи* (въ тринадцати большихъ тетрадахъ), писанный въ 1854 году по высочайшему повелѣнію. Онъ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковымъ былъ переданъ на разсмотрѣніе покойному петербургскому митрополиту Григорію, который, будучи тогда казанскимъ архіепископомъ, передалъ списокъ съ моего трактата въ Казанскую духовную академію. Тамъ изъ него взяли цѣликомъ не мало статей для *Православнаго Собесѣдника*, не ссылаясь на источникъ. Такимъ образомъ и сказаніе о радѣніяхъ хлыстовъ вокругъ чана съ водой вошло (слово въ слово) въ трактатъ *О людяхъ Божьихъ* г. Добротворскаго, напечатанный въ *Православномъ Собесѣдникѣ*. По дальнѣйшимъ моимъ изслѣдованіямъ, все написанное мною о чанѣ и о бичеваньи хлыстовъ и затѣмъ перешедшее цѣликомъ на страницы *Православнаго Собесѣдника* оказалось невѣрнымъ.

Радѣнья у хлыстовъ и скопцовъ совершаются тремя способами. Первый называется *круговымъ*. Составя кругъ въ родѣ хоровода, они ходятъ другъ за другомъ, повертываясь направо, то-есть по солнцу, * подь тактъ радѣльныхъ пѣсень. Подь это пѣніе они вертятся сильнѣй и сильнѣй, пока не дойдутъ до изступленія. Пѣсня поется съ болѣе и болѣе учащеннымъ тактомъ; рубашки отъ верченія раздуваются, а пророкъ или богородица приговариваетъ радѣющимъ:

Радѣйте, радѣйте,
 Плотей не жалѣйте,
 Марѳу не щадите,
 Богу поскочите.

* Даже не при радѣніяхъ ни хлысть, ни скопецъ никогда не повернется назадъ.

Царь Давидъ съ ковчегомъ
 Скакаше, играя.
 Людіе божьи, святые,
 Богу порадыйте,
 Трудовъ не жалыйте.... и т. д.

Или:

Ей вы, нуте-ка, други, порадыйте-ка,
 Меня, христа бога, поутышите-ка,
 Мою матеръ, богородицу, порадуите, и пр.

Продолжается это до тѣхъ поръ пока рубашки взмокнутъ отъ пота. Это у хлыстовъ называется *банею пакибытія, дѣловною купелью*.

Отдохнувши, они начинаютъ радѣть *корабельными радѣніями*. Становятся въ кругъ другъ къ другу лицомъ, молятся другъ на друга (на образъ и подобіе Божіе), а потомъ прыгаютъ вверхъ, подскакивая какъ можно выше, хлопая въ ладоши, бія себя въ грудь и голову и безпрестанно приговаривая: „ой, Духъ! Святыи Духъ! Накати, накати!“

Третье радѣніе *крестное* (радѣтъ на крестикъ) дѣлается такъ: по угламъ комнаты становятся по одному, по два или по нѣсколькѣ человекъ и перебѣгаютъ изъ угла въ уголъ какъ можно скорѣе. Во время этого перебѣганья притопываютъ ногами и кричатъ подъ тактъ пѣсни: „Ой Духъ, Святой Духъ! Накати, накати!“

Крестьянинъ Костромской губерніи, Галицкаго уѣзда, Иванъ Андреяновъ, въ своемъ донесеніи поданномъ въ февралѣ 1825 года императору Александру Павловичу, рассказываетъ о радѣніяхъ слѣдующее: „по отвѣтіи молитвъ ихъ собственнаго сочиненія, учитель садится впереди, а прочіе по достоинствамъ ихъ, поютъ разныя духовныя пѣсни, сложенныя ими же самими, иногда бьютъ сильно руками по колѣнямъ въ одинъ махъ всѣ. При началѣ пѣнія крестятся и просятъ благословенія: „благослови государь-батюшка“. Потомъ учитель приказываетъ „радѣтъ“ или вертѣтся по солнцу. Иногда радѣніе начинается самъ учитель, за нимъ слѣдуютъ другіе, и такимъ образомъ составляется большой кругъ: скоро ходятъ кругомъ по солнцу, приподымаясь понемногу, сильно топаютъ ногами въ одинъ шагъ, машутъ руками, дышатъ сильно и отрывисто въ разъ съ топаніемъ ногъ, а когда почувствуютъ въ себѣ духъ, то начинаютъ бѣгать все скорѣй и скорѣй, какъ скорость коней бѣгущихъ рысью. Это радѣніе называютъ они

„радѣніе кораблемъ“. Потомъ поворачиваются бокомъ, ходятъ скоро кругомъ, скачутъ при томъ вдругъ обѣими ногами, весь кругъ разомъ, и машутъ руками. Это радѣніе называется „стѣнкою“. Послѣ чего становятся на четыре угла по одному и по два, одни противъ другихъ, и бѣгаютъ парами на крестъ. Это „радѣніе на крестикъ“. Затѣмъ становятся въ рядъ отъ передней къ задней стѣнѣ, бѣгаютъ скоро, топая ногами и помахивая руками, у стѣны оборачиваются по солнцу всѣ вдругъ и начинаютъ „радѣніе на кругу“, которое заключается въ томъ что они вертятся по солнцу на одномъ мѣстѣ весьма проворно, сильно топаютъ ногами, и отрывисто и тяжело дышатъ. Въ этомъ радѣніи отъ скорости оборотовъ едва бываетъ видно лицо человѣка вертящагося, и скорость оборотовъ подобна вихрю. Другіе при этомъ поютъ въ тактъ: „Сей духъ, сей духъ, царь духъ, царь духъ, благодать, благодать!“ При этомъ они крестятся, наблюдаютъ за вертящимися, и когда замѣтятъ „сильное и удивительно скорое дѣйствіе радѣнія ихъ“, то говорятъ: „На него благодать накатила“. Во время такихъ дѣйствій ихъ, вселяется въ человѣка духъ, и выходятъ пророки. Женщины дѣлаютъ то же что и мужчины, и изъ нихъ выходятъ пророчицы. Тѣ и другія имѣютъ къ радѣнію большую охоту и чувствуютъ въ сердцѣ радость. Учитель мой говорилъ, что при радѣніи надо молчать и ни о чемъ не помышлять, иначе духъ не можетъ вселиться въ радѣющаго. Онъ уговаривалъ меня непременно радѣть на кругу, объясняя что иначе благодать въ меня не вселится.... Они радѣютъ больше „кораблемъ“ и „на кругу“, но если есть время, то и на всѣ манеры. По окончаніи радѣнія, всѣ садятся, поютъ разныя пѣсни и хлопаютъ въ тактъ руками по колѣнямъ; потомъ становятся предъ учителемъ на колѣни, крестятся, кланяются ему въ землю и просятъ сотворить милость, чтобы Духъ Святый просвѣтилъ ихъ чрезъ уста пророка. Учитель выбираетъ пророчицу для женщинъ, а самъ пророчествуетъ мужчинамъ. Избранные становятся лицомъ къ народу, съ платками въ рукахъ, разомъ пророчествуютъ съ небольшимъ движеніемъ тѣла, и громко выговариваютъ рѣчи стихами. И сперва бываетъ „слово“ (то-есть пророчество) всему собранію, и тогда все собраніе стоитъ на колѣняхъ предъ пророками, всѣ крестятся и кланяются въ землю.... Потомъ бываетъ слово каждому порознь. Этотъ, стоя на колѣняхъ, молится и кланяется

пророку, кланяется въ землю, иногда со слезами, ибо тогда они каются предъ пророками въ грѣхахъ, и пророки обличаютъ ихъ. Прочіе изъ собранія при этомъ встаютъ.... Пророчество всему собранію продолжается иногда безпрестанно до четырехъ часовъ. По окончаніи пророчествъ учитель и всѣ остальные поютъ *Христосъ воскресъ*, потомъ учитель кладетъ на лавку, подъ святыя образа, крестъ Господень и покровы (платки) отца искупителя. Присутствующіе покорно поклоняются въ землю и прикладываются ко кресту и къ покрову, и кладутъ деньги по усердію, крестятся, попарно кланяются учителю въ землю. Послѣ толкуютъ иногда пророчество, кому что вышло въ словѣ.“

Изъ другихъ источниковъ имѣющихся у насъ подъ руками видно, что если во время радѣнія кто-нибудь изъ хлыстовъ начнетъ приходиться въ изступленный восторгъ, почувствуетъ что ему захватываетъ духъ (это называется „заблужилъ въ немъ Духъ Святъ“), онъ тяжело дышетъ и начинаетъ вскрикивать: „Вотъ катить! Вотъ катить!... Духъ Святъ!... Духъ Святъ!... Накатилъ!... Накатилъ!...“ И начинаетъ снова кружиться, кружится какъ дервиши до безпамятства, и послѣ того, не помня себя, произноситъ скороговоркой или нараспѣвъ несвязныя рѣчи. Эти рѣчи и считаются *пророчествами*. *

* О томъ что чувствуютъ въ это время пророки, Василій Радаевъ такъ показывалъ на допросѣ: „Я прихожу тогда въ восторги многіе и воздыханія неизглаголанныя.“ (*Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ*. Показаніе Василья Радаева.) Никифоръ Майданскій въ своемъ показаніи (въ томъ же дѣлѣ) говорилъ: „Передъ тѣмъ когда нисходитъ Святой Духъ, чувствую затменіе въ умѣ и стѣсненіе въ груди.“ Ѳеодоръ Павловъ, скрывавшій о самыхъ дѣйствіяхъ радѣнія, говоритъ о пророчествахъ Радаева слѣдующими словами: „На бесѣдахъ, гдѣ толковалъ Радаевъ свое ученіе, постепенно входилъ онъ въ какую-то горячность разговора, такъ что наконецъ приходилъ въ какое-то затменіе ума и чувствовалъ, какъ онъ про то самъ утверждалъ, особенное стѣсненіе въ груди, которое, по утверженію его, происходитъ отъ дѣйствія Св. Духа, и послѣ котораго онъ впадалъ въ какое-то безпамятство.“ Хлыстъ Иванъ Ивановъ, изъ деревни Вторусской, показалъ о Радаевѣ такъ: „При полученіи Василій приходилъ въ какое-то затменіе ума и въ безпамятствѣ падалъ на полъ; таковыя же припадки случались и съ Никифоромъ Михайловымъ Майданскимъ.“ Одинъ хлыстъ, разказывая о томъ что чувствуетъ онъ во время радѣнія, говоритъ: „чувствую что

У хлыстовъ и у скопцовъ нѣтъ установленныхъ пѣсень, которыя бы пѣлись при извѣстномъ случаѣ. Одинъ запоетъ какую-либо извѣстную всѣмъ пѣсню, другіе тотчасъ же ее подхватываютъ и начинаютъ пѣть хоромъ. Иногда изъ одной пѣсни переходятъ въ другую, иногда кто-нибудь поетъ пѣсню импровизованную. Поэтому и нельзя опредѣлительно указать на то какія именно пѣсни поютъ они, приходя въ изступленное состояніе. Вотъ напримѣръ одна пѣсня. Начинаютъ ее хоромъ, протяжно, заунывно, и постепенно возвышая голоса, поютъ скорѣй и скорѣй. Пѣсня изъ *largo* и *pianissimo* мало-по-малу переходитъ въ *vivace allegro* и *fortissimo*. Подъ конецъ поющіе задыхаются, всхлипываютъ, гогочутъ и взвизгиваютъ:

Какъ не золотая трубушка жалобненько вострубила,
Ой да жалобненько, жалобненько,
Возставали, возставали души бурные,
Заходила, заходила тучи грозныя....

Соберемтесь-ка мы, братцы, во единъ во соборъ,
Мы посудимте, порядимте таку радость:

Ужь вы вѣрные, вы избранные,
Вы не знаете про то, вы не вѣдаете,
Что у насъ нынѣ на смрой землѣ понадѣлаось:

Катаетъ у насъ въ раію птица,
Она летитъ,
Во ту сторону глядитъ,
Да гдѣ трубушка трубитъ,
Гдѣ самъ Богъ говоритъ:
Ой Богъ! ой Богъ! ой Богъ!
Ой духъ! ой духъ! ой духъ!
Накати, накати, накати!
Ой Егà, ой Егà, ой Егà!

во мнѣ во всемъ, внутри меня небесный свѣтъ, а кромѣ меня во всей вселенной нѣтъ ничего; значить, Богъ тогда во мнѣ, а безъ Бога ничто же бысть, еже бысть. Вся вселенная, значить, вселенлась съ Богомъ въ мою утробу, и кромѣ меня нѣтъ нигдѣ ничего." Сравните съ этимъ слова протопопа Аввакума, извѣстнаго расколуучителя время царя Алексѣя Михайловича. Аввакумъ писалъ что однажды онъ „былъ въ духѣ“, и въ утробу его вселенлась вся вселенная.

Накатилъ, накатилъ,
 Духъ святъ, Духъ святъ!
 Царь духъ, Царь духъ!
 Разблажилася,
 Разблажилася
 Духъ святъ, Духъ святъ!

Ой горю, ой горю,
 Духъ горить, Богъ горить,
 Свѣтъ во мнѣ, свѣтъ во мнѣ,
 Святъ духъ, Святъ духъ,
 Ой горю, горю, горю,
 Духъ! ой Егѣ!
 Ой Егѣ, ой Егѣ, ой Егѣ,
 Евое!
 Духъ Евой, духъ Евой, духъ Евой...

Пророки и богородицы людей божіихъ пророчествуютъ или отъ своего лица, или въ видѣ словъ идущихъ отъ Бога, иногда же въ видѣ разговоровъ съ Иисусомъ Христомъ, съ Духомъ Святымъ, съ Божіею Матерью и пр. *

Если кто, придя въ изступленное состояніе (это называется *быть въ духъ*), начнетъ пророчествовать (*ходить въ слово*), все умолкаетъ. Всѣ съ благоговѣніемъ слушаютъ пророка или пророчицу, принимая ихъ слова за слова самого Бога. Пророчества говорятся въ риему и нерѣдко бываютъ совершенно безсмысленны. Вотъ для примѣра одно общее ко всѣмъ, ко всему собору или кораблю, а другое къ одному лицу:

„Ужь вы, батюшки, братцы и духовныя сестрицы, вы не извольте на землѣ жить и унывать, а извольте твердо на Бога уповать, а я буду вамъ драгоценнаго товару раздавать, а вы извольте на землѣ имъ торговать, царство и блаженный рай въ седьмомъ небѣ доставать.“

„Слушай, братъ, Саваоѣ тебѣ радъ. Я тебя не оставляю, сорокъ

* Изъ дѣла, произведеннаго въ 1851 году о хлыстовской богородицѣ Нижегородскаго уѣзда, села Елховки, Авдотѣй Шамниковой, видно, что когда слѣдователь, чиновникъ особыхъ порученій нижегородскаго губернатора Хотанинцовъ, арестовалъ ее, то „она пришла въ изступленіе, потомъ билась какъ въ припадкѣ (падучей болѣзни) съ полчаса, послѣ припадка пришла въ расслабленіе и скороговоркой начала говорить двумя голосами: отъ себя къ Богородицѣ и отъ Богородицы къ себѣ.“

ангеловъ къ тебѣ приставлю; будутъ тебя стеречь, отъ всякаго за беречь. Я, Богъ, тебя награжу—хлѣба волю урожу, будешь ѣсть, пить, меня Бога хвалить; станешь хлѣбецъ кушать, Евангеліе слушать. Вотъ тебѣ отъ Бога сказъ, отъ Святаго Духа указъ. Оставайся, Богъ съ тобою, покровъ Божій надъ тобою.* *

Послѣ пророчествъ всѣ садятся по мѣстамъ, и начинается общая трапеза: ѣдятъ молочную кашу, блины, молоко, калачи, у богатыхъ пьютъ чай. Это дѣлается на складчину.** Главное, годовое радѣніе бываетъ въ должайшіе іюньскіе дни, около

* Иванъ Андреевъ, въ донесеніи поданномъ въ февралѣ 1825 года императору Александру Павловичу, о пророчествахъ говоритъ: „иному выпѣваютъ что искупитель-отецъ его любитъ, своего духа посылаетъ, на золотый кругъ посылаетъ, въ золоту трубу трубить заставляетъ (то-есть даръ пророчества даетъ), на бѣлаго коня сажаетъ (удостоить его осклапенія), на Голгофѣ году снаряжаетъ (пошлетъ ему страданія). Если кто въ чемъ сомнѣвается въ вѣрѣ, то такому въ словѣ выпѣваютъ: „истинно, истинно, истинно, я богъ, я отецъ, тебѣ прорекаю: повѣрь, любезный сирота, что это истинное дѣло божіе творится, а міръ-народъ тому дивится; истинно, истинно, я, отецъ, тебя не покину, тебѣ милость покажу и отъ грѣхомъ тебя развяжу, и ты будешь у меня отца не пустъ, посажу я тебя въ виноградный кустъ, къ тебѣ Духъ Святой будетъ прилетать, а ты изволь его узнавать; и я, отецъ, не дамъ тебя въ іудейскія руки и избавлю тебя отъ вѣчныхъ муки; не дамъ напасть на тебя чернымъ врагамъ; ходитъ за тобой змѣя, и хочется ей тебя ужалить и твою душу погубить, но я, отецъ, тебя сохраню“. За невѣріе же угрожаютъ разными изреченіями, разными случаями наказанія и болѣзни. Иногда пророки выпѣваютъ давно умершихъ изъ своихъ собратій: Александра Ивановича (Шилова, скопческаго Іоанна Предтечу) и духовную матушку искупителя Акулину Ивановну; что они въ царствѣ небесномъ великіе люди, что они за нихъ Богу молятся и во всемъ имъ помогаютъ. Пророчество ихъ всегда, происходятъ отъ лица искупителя ихъ. Въ концѣ слова иногда выпѣваютъ: „оставайся, Богъ съ тобою, покровъ Божій надъ тобою, ангелъ Божій со трубою всегда ходитъ за тобою.“ Прежде выпѣвали въ словѣ: „возлюбленный ты мой“, а теперь поютъ: „любезный сирота“. Изъ пророковъ многіе не учены грамотъ.

** Священникъ Иванъ Сергѣевъ, въ своемъ *Изъясненіи раскола, или нуемага алыстовщиной*, говоритъ: „учители строго запрещаютъ ходить въ другіе корабли къ другимъ учителямъ и праздновать на чужихъ праздникахъ, развѣ въ превеликой нуждѣ, дабы не развлекались сердцами и не раздѣлялись любовью ко пьмымъ учителямъ и братіи пныхъ скопщцей.—Между учителями и мяньками (пророчицы, ухаживающія

Троицына дня. Въ то время въ иныхъ, весьма впрочемъ немногихъ корабляхъ, хлысты, радѣя, поютъ пѣсни обращенныя къ „матушкѣ сырой землѣ“, которую отождествляютъ съ Богородицей. Черезъ нѣсколько времени богородица, одѣтая въ цвѣтное платье, выходитъ изъ подполья, вынося на головѣ чашку съ изюмомъ или другими сладкими ягодами. Это сама „мать сыра земля“ со своими дарами. Она причащаетъ хлыстовъ изюмомъ, приговаривая: „даромъ земнымъ питайтесь, Духомъ Святымъ услаждайтесь, въ вѣрѣ не колебайтесь“, * потомъ помазываетъ ихъ водою, приговаривая: „даромъ Божиимъ помазайтесь, Духомъ Святымъ наслаждайтесь и въ вѣрѣ не колебайтесь.“ Говорятъ, будто во время радѣнія, бывающаго въ этотъ день, хлысты радѣютъ болѣе чѣмъ въ другіе дни, и что въ это время изступленнымъ представляется какой-то дымъ, и въ немъ будто бы видятъ они младенца, сіяющаго золотымъ блескомъ. Это называютъ они явленіемъ „золотаго христа“. Какъ скоро покажется это видѣніе, хлысты падаютъ ницъ. **

за большими, особенно за вновь оскпленными) бываютъ между собой ссоры. Ссорятся промежъ себя изъ-за того которую больше любить, у кого чаще сборища бываютъ, и при этомъ случаѣ кому больше гостинцевъ приносятъ, у кого больше народу бываетъ.“ У людей достаточныхъ угощеніе бываетъ на ихъ счетъ, а не на складчину.

* О причащеніи изюмомъ говоритъ и Св. Димитрій Ростовскій въ своемъ *Розыскѣ* (часть III, стр. 572). У послѣдователей скопческой ереси, происшедшей изъ хлыстовщины, есть портреты искупителя, на которыхъ онъ всегда изображается сидящимъ у стола, на которомъ лежатъ плоды и виноградъ.

** О причащеніи изюмомъ „матерью сырою-землею“ не упоминается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ свѣдѣнныхъ дѣлъ, хотя люди Божіи изъ этого обряда не дѣлаютъ большаго секрета. О явленіи „золотаго христа“ хлыстовская богородица Анна Федоровна въ Вольскомъ тюремномъ замкѣ разказывала слѣдующее: „хлысты до тѣхъ поръ себя хлыщутъ, пока не всколышется въ чанѣ вода. Колыханіе въ чанѣ воды бываетъ не по каждому моленію, а послѣ двухъ, трехъ, четырехъ разъ. Сверхъ сихъ моленій бываетъ еще годовое моленіе среди лѣта, во весь самый большой день и ночью, тѣмъ же порядкомъ, а когда всколебаются вода, то всѣ, ставъ на колѣна, видятъ надъ чаномъ туманъ, а въ туманѣ младенца, сіяющаго свѣтомъ. Въ сію минуту они приходятъ въ ужасный трепеть, дѣлаются безъ движенія, потомъ опаматовавшись и пришедъ въ себя, кланяясь другъ другу, говорятъ: „повдравляю тебя съ видѣніемъ христа.“ Послѣ того воду изъ

Во время тѣхъ радѣній на которыхъ совершается причащеніе хлыстовъ, они, послѣ пророчества, по обыкновенію, садятся за столъ, христокъ, пророкъ или богородица рѣжетъ бѣлый хлѣбъ, и раздавая куски людямъ божіимъ, произноситъ слова: *пріймите, ядите* и пр. Выѣсто вина, котораго хлысты ни въ какомъ случаѣ не пьютъ, христокъ, богородица или пророкъ причащаютъ ихъ водою, иногда квасомъ.

X.

Кромѣ изложенныхъ обрядовъ, совершаемыхъ послѣдователями хлыстовщины во время ихъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ радѣній, ихъ большихъ и малыхъ праздниковъ, въ нѣкоторыхъ „корабляхъ“, но далеко не во всѣхъ, изрѣдка (можетъ-быть, лѣтъ черезъ десять и болѣе) совершаются

чана берутъ въ посудѣ по домамъ, какъ святыню (преосвященнаго Іакова архіепископа Нижегородскаго, *О хлыстахъ въ Саратовской губерніи*). О явленіи „золотаго христа“ упоминается и въ слѣдственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ. Пророкъ Никифоръ Майданскій въ своемъ показаніи говоритъ: „я не видалъ золотаго христа въ видѣніяхъ, какъ это всегда бываетъ у другихъ хлыстовъ“. Прочіе хлысты почему-то объ этомъ не были спрошены. Такъ-называемый „золотой христокъ“ изображается у хлыстовъ и скопцовъ на картинахъ. На одной картинѣ нарисована гора, на ней бѣлый барашекъ, подаѣ него мальчикъ въ бѣлой сорочкѣ, подолъ которой выше коленъ. Бѣлокурый мальчикъ съ длинными волнистыми волосами, голыя ноги его красиво обвиты красными лентами крестъ-на-крестъ. Стоитъ онъ изогнувши нога на ногу, одной рукой держитъ переднюю ножку агнца, а другою обнимаетъ его шею, голову же преклонилъ къ головѣ барашка. Тутъ же прислоненный къ горѣ жезлъ съ четвероконечнымъ крестомъ на верху; перевязанъ тотъ жезлъ бѣлымъ полотенцемъ (знаменемъ хлыстовскимъ). На другой картинѣ изображенъ на облакѣ мальчикъ въ бѣлой рубашкѣ, на верху его бѣлый голубь. Отъ голубя (Святый Духъ) лучи падаютъ на голову мальчика, вокругъ херувимы. Копію съ этихъ картинъ приложены къ книгѣ покойнаго Надеждина *Изслѣдованіе о скопческой ереси*. Но эти и другія картины не самими хлыстами или скопцами сочинены. Онѣ взяты ими съ виньетокъ, которыми украшались русскіе переводы нѣмецкихъ мистиковъ Юнга Штилинга, Эккартсгаузена и др. Совершенно несправедливо сообщаютъ нѣкоторыя газеты извѣстіе будто такія картины находятся во всякомъ скопческомъ домѣ. Напротивъ, онѣ очень рѣдки.

отвратительные обряды „христовой любви“ и „причащенія тѣла и крови“. Повторяемъ, совершается это далеко не во всѣхъ корабляхъ и чрезвычайно рѣдко.

„Христовою любовью“ называется общій развратъ корабля, происходящій послѣ радвнїя, когда и мужчины и женщины на-ходятся въ изступленномъ состоянїи. Этотъ развратъ, не разбирающій ни возраста, ни узъ родства объясняется двояко. Одни хлысты говорятъ что они, поступая такъ, *грѣхомъ грѣхъ истребляютъ*. * Но есть, кромѣ того, свѣдѣнїя, что хлысты отъ времени до времени дѣлаютъ это съ тѣмъ чтобъ имѣть дѣтей рожденныхъ, какъ они говорятъ, отъ Духа Свята (такъ-называемыхъ „христосиковъ“). Если ка-кая женщина сдѣлается беременною, она принимаетъ санъ богородицы, и рожденный ею считается „не отъ крове, не отъ похоти плотскїя, не отъ похоти мужескїя, но отъ Бога родившимся“.

Дикій обрядъ „христовой любви“ въ иныхъ, немногихъ, ко-нечно, хлыстовскихъ корабляхъ соединяется съ другими, еще болѣе отвратительными, еще болѣе ужасными обрядами: при-общенія тѣлу и крови.

Баронъ Гакстаузенъ, путешествовавшій по Россїи въ началѣ сороковыхъ годовъ, которому нашимъ правительствомъ пред-оставлены были всѣ способы, какъ вещественные такъ и не-вещественные, къ собранїю всевозможныхъ свѣдѣнїй, такъ пере-даетъ откровенный разказъ одного хлыста Ярославской губер-нїи: „Во время моленїя, въ чанъ, наполненный теплою водою, сажаютъ пятнадцатилѣтнюю или шестнадцатилѣтнюю дѣвуш-ку, которую успѣли склонить къ оскотленїю. Когда она уса-дится въ чанъ, къ ней подходятъ старухи, дѣлаютъ глубокой надрѣзъ на ея груди, потомъ отрѣзываютъ одинъ изъ сос-цовъ, лѣвый, и съ удивительною ловкостью останавливаютъ теченїе крови. Во время этой операціи дѣвушкѣ даютъ въ руки икону Святаго Духа, чтобъ она, углубившись въ благо-говѣнное созерцанїе, легче переносила страшную боль. По-томъ отрѣзываютъ часть тѣла, кладутъ на блюдо, разрѣзы-

* Радаевъ говорилъ: „Христосъ принялъ плоть отъ Адама, чтобы грѣхомъ грѣхъ погребить, а я принялъ плоть и творю плотское, чтобы грѣхомъ грѣхъ истребить.“ Показанїе хлыста Лобанова въ *Слѣдственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ*.

ваютъ на мелкіе куски и раздають присутствующимъ, которые и ѣдятъ ихъ. Когда кончится это людоѣдство, ту дѣвushку сажаютъ на возвышенное мѣсто, особо для нея устроенное, и все собраніе начинаетъ вокругъ нея плясать, припѣвая:

Поплясаюмъ, погораюмъ
На Сіонскую гору.* *

Баронъ Гакстгаузенъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ легковѣрныхъ иностранныхъ путешественниковъ, которые, говоря о Россіи, допускаютъ въ разказахъ своихъ всевозможныя нелѣпости. Его свидѣтельство достоверно. Мнѣ самому случалось слышать отъ нѣкоторыхъ лицъ, хорошо знавшихъ хлыстовскіе корабли, разказъ о гнусномъ людоѣдствѣ, равно какъ и о закланіи младенцевъ мужескаго пола, раждаемыхъ богородицей. То же самое слышалъ г. Кельсіевъ за Дунаемъ отъ одной богородицы Авдотьи Ивановны, бѣжавшей изъ Курской губерніи, у которой хлысты съѣли лѣвую грудь и выпили кровь ея осьмидневнаго ребенка.

Вотъ разказъ записанный мною лѣтъ пятнадцать тому назадъ со словъ одного крестьянина, бывшаго въ хлыстовской ереси.

Въ христы, въ богородицы, въ пророки, какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ, поступаютъ не по выбору, а такъ сказать по вдохновенію.** Привлекается въ корабль молодая дѣвushка, чистой жизни. Если замѣчаютъ что на нее сильно дѣйствуютъ тѣлодвиженія, употребляемыя при радвнїяхъ, а еще лучше, если и безъ радвнїи случаются съ нею припадки въ родѣ истерики, при чемъ она впадаетъ въ безпамятное изступленіе („кликша“ по народному названію), то на нее начинаютъ смотрѣть съ уваженіемъ, какъ на

* *Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie.* Т. I, стр. 308; примѣчаніе. Это приведено и въ *Православномъ Собесѣдникѣ* (1858, № 7, стр. 404 и 405), но безъ означенія откуда заимствовано.

** Священникъ Иванъ Сергѣевъ говоритъ: „въ самъ пророка, Христа, богородицы, поступаютъ не по благословенію учителей, и никакого видимаго постановленія не бываетъ, все дѣлается по прореченію на кругу.“

избранный сосудъ. То же самое и относительно мушницъ. Черезъ нѣсколько времени, когда молодая дѣвушка участвуетъ въ „бесѣдѣ“, подходитъ къ ней пророчица и начинаетъ выпѣвать въ родѣ слѣдующаго:

Молодая ты юница,
 Богу милая пѣвица,
 Чистая отроковица,
 Красная дѣвица,
 Полюбилъ тебя Богъ,
 Самъ Господь Савасеъ.
 Благословенна ты въ женахъ,
 Родить Спасу въ пеленахъ,
 Во святыхъ во знаменахъ,
 Въ золотыхъ во теремахъ.
 Люди божьи тебѣ помолятся,
 Всѣ цари, короли поклонятся;
 Будешь ты святая юродица,
 Матушка пресвятая богородица,
 Отъ тебя христосъ народится,
 Дай намъ пречистымъ тѣломъ твоимъ причаститься

Дѣвушка сначала и сама не знаетъ что это означаетъ, но черезъ нѣсколько времени начинаетъ понимать что ее возводятъ въ величайшій для женщины санъ хлысловъ, въ санъ богородицы. *

Старыя пророчицы снимаютъ съ нея одежды и раздѣтую сажаютъ на возвышенное мѣсто подъ образа. Начинается обожаніе. Новой богородицѣ съ крестнымъ знаменіемъ кланяются въ землю и прикладываются кто къ ногѣ, кто къ рукѣ, кто къ груди и пр. Называютъ ее богородицей, царицей небесной, владычицей и т. п. Молятся ей и просятъ сподобить причаститься пречистаго тѣла ея. а когда отъ Духа Свята отъ нея „христосикъ“ родится, причаститься и его животворящей кровью....

Новая богородица на этой же „бесѣдѣ“, или черезъ

* Въ оконечскихъ *Страдахъ* или *Послании отъ истиннаго сына искупителя сълюбленнымъ дѣвушкамъ* (оно напечатано въ четвертой книжкѣ *Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей* 1864 года) сказано что оконечская богородица Акулина Ивановна говорила: „всѣ пророки мнѣ помѣть будто отъ меня сынъ божій народится; а этому и сама дивуюсь“.

нѣсколько времени, на другой, радѣть (въ бѣлой полотняной рубашкѣ), припѣвая:

Я люблю, люблю дружка,
Саваою въ небесахъ.
Ей, ей, люблю!
Ей, ей, люблю!

Радѣнія продолжаются.... Быстрѣй и быстрѣй всѣ вертятся.... Все оканчивается „христовой любовью“....

Съ этой поры корабль, воздавая избранной дѣвушкѣ божескія почести, поетъ, обращаясь къ ней на радѣніяхъ, „похвалу богородицы“:

Въ чистомъ полѣ, при дорожкѣ, стояла свѣтлица.
Эта свѣтлая свѣтлица—дѣвственное тѣло;
Краснѣй солнца, свѣтлѣй свѣта, бѣлѣй она снѣгу. и пр.

Ее дарятъ разными вещами, а когда прислуживающія ей „пророчицы“ и „праведныя“ замѣтятъ что она беременна, собираютъ корабль и совершаютъ обрядъ причащенія тѣломъ богородицы, о которомъ упоминаетъ баронъ Гакстаузенъ.

Для этого ставятъ среди горницы чанъ съ теплою водой. Богородица сначала радѣть какъ и другіе, потомъ ее раздѣваютъ и сажаютъ на престолъ подъ иконы. Послѣ обоженія, пророчицы ведутъ ее къ чану, сажаютъ туда, и даютъ въ руки икону Нерукотвореннаго Спаса**, которую она держитъ надъ головой. Вокругъ чана весь корабль радѣть при громкихъ пѣсняхъ, въ которыхъ величаютъ богородицу и просятъ ее сподобить людей Божьихъ причаститься ея пречистаго тѣла. Наконецъ одна изъ старыхъ богородицъ или пророчица отрѣзываетъ у ней лѣвую грудь и прижигаетъ рану раскаленнымъ желѣзомъ. Отрѣзанную часть тѣла рѣжутъ на деревянномъ кружкѣ въ кусочки и причащаются ими.

Дѣлаютъ это въ иныхъ случаяхъ съ дѣвушками. недорочными, но такія не называются богородицами, а только

* Обѣ послѣднія пѣсни заимствованы изъ архива департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Онѣ присланы изъ Тульской губерніи.

** Баронъ Гакстаузенъ говоритъ, что даютъ икону Святаго Духа. Но такой иконы у насъ, сколько извѣстно жнѣ, нѣтъ. Я слышала, что при этомъ употребляется образъ Нерукотвореннаго Спаса. То же сказывали и В. И. Кельсіеву за Дунаемъ.

пророчицами или же богинями. Богинями зовуть, впрочемъ, и богородиць.

Если отъ изуродованной такимъ образомъ дѣвочки родится дочь, ее отдають матери, и эта дѣвочка въ послѣдствіи обыкновенно сама дѣлается богородицей или пророчицей. Но если родился мальчикъ, онъ считается сыномъ божіимъ и называется „христосикомъ“. На восьмой день его закалають въ лѣвый бокъ, такимъ же копіемъ какое употребляется въ церквахъ, пронзають ему сердце и причащаются горячею кровью. Тѣло сушатъ и превращають въ порошокъ, съ которымъ послѣ пекутъ калачи, коими и причащаются вмѣстѣ съ водою.

Объ этомъ ужасномъ изувѣрствѣ разказываетъ Святый Димитрій Ростовскій въ своемъ *Розыскѣ*. Онъ пишетъ что между Вологдой и Каргополомъ жилъ въ его время изувѣръ, считавшійся святымъ и преподобнымъ, и съ нимъ жило много учениковъ и учениць, „ученіемъ бо его лестнымъ и лицемѣрнымъ житіемъ влекомы бяху къ нему, аки къ великому угоднику Божію. Учасе же той славимый мнимый святець тайно, еже всѣмъ жити блудно безо всякаго зазора, глаголя яко нѣсть грѣхъ плотское совокупленіе по согласію, но любовь есть.“ Однажды къ нему пришли два челоувѣка и сказали, что такая-то дѣвица родила мальчика: „Той же окаянный мнимый святой пустынный рече имъ: не рѣхъ ли вамъ прежде сего, да егда та дѣвица родить отроча, абіе у новорожденнаго младенца ножемъ, поднявъ груди, измете сердце и да принесете на блюдѣ ко мнѣ? Идите убо и сотворите якоже рѣхъ вамъ. Они же абіе отшедше, по маломъ часѣ принесоша на блюдѣ древяномъ онаго новорожденнаго младенца сердце, еще живо сущее и движущееся, и владоша ему. Онъ же возьмъ ножъ, своима рукама разрѣза е на четыре части и рече имъ: „пріимите сіе, и въ печи изсушивъ, истолките.“ Скверные же тѣи слуги окаяннаго онаго пустытника, шедше сотвориша повелѣнное имъ и паки принесоша къ нему истолченное въ муку младенческое сердце. Пустынный же возьмъ листъ писчія бумаги и на малыя бумажки раздробивъ, вложи по малой части истолченнаго сердца въ тѣ бумажки, и призвавъ нѣкія послушники своя, рече имъ: „возьмите бумажки сіи со святынею“ и пр. *

* *Розыскѣ*, III, 524 и слѣд.

О такихъ дѣтубійцахъ въ прошломъ столѣтїи говорилъ и Теофилактъ Лопатинскій въ своемъ *Обличенїи неправды раскольнической*. Въ нынѣшнемъ столѣтїи, въ составленномъ, по приказанію рязанскаго епископа Симона, *Наставленїи состязаться съ раскольниками*, тоже о нихъ упоминается.

Бумажки съ порошкомъ, въ которомъ подозрѣвался тотъ порошокъ о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, находимы были при обыскахъ у хлыстовъ и скопцовъ, но не было случая чтобъ изувѣрное преступленіе было вполнѣ обнаружено и юридически доказано.

Изувѣры, извращенно толкуя святое Евангеліе, полагаютъ что Дѣва Марія также отдала на восьмой день обрѣзать Иисуса Христа, то-есть заклать его для причащенія вѣрныхъ его тѣломъ и кровью. Обрѣзаніе (то-есть закланіе) совершено было, говорятъ они, пророкомъ Симеономъ и пророчицею Анною. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, продолжаютъ они, Дѣва Марія родила *духовно*, то-есть обратила въ вѣру людей божїихъ Иисуса, сына плотника Иосифа, который и сдѣлался Христомъ. Точно также, говорятъ они, столѣтняя богородица Арина Нестеровна, въ молодости отдавшая рожденнаго ею христосика въ „снѣдь вѣрнымъ“, духовно родила Христа Ивана Тимоѣевича; богородица Акулина Ивановна — Христа Петра Фодоровича, основателя скопчества, и т. д.

XI.

Секта бѣлыхъ голубей выдѣлилась изъ хлыстовщины, какъ выдѣлились изъ нея, съ одной стороны—монтане, духовники, а съ другой—секты Татариновой и адамистовъ, существовавшія въ образованномъ обществѣ Петербурга. Въ сущности же всѣ эти секты какъ по вѣрованіямъ такъ и по обрядамъ, одно и то же. *Скопцы отличаются отъ хлыстовъ единственно физическимъ изуродованіемъ тѣла, составляя съ ними одну и ту же секту.*

Изъ нѣкоторыхъ дѣлъ видно, что скопчество началось въ хлыстовскихъ корабляхъ еще при богородицѣ Настасьѣ Карповнѣ, казненной въ 1733 году *. Сыномъ богородицы

* См. Дѣло въ архивѣ департамента общаго дѣла министерства внутреннихъ дѣлъ 1817 г., № 20. Въ немъ есть записка министра полиціи, внесенная въ комитетъ министровъ. Въ этой запискѣ

Настасья Карповны, то-есть родившимся или открывшимся отъ нея духовно былъ христосъ Андрей Петровичъ, юродивый, въ домѣ котораго, какъ сказано выше, въ 1745 году были открыты хлыстовскія сборища, по указанію сыщика Ваньки Каина. Куда дѣвался Андрей юродивый по окончаніи дѣла въ 1752 году, неизвѣстно. Но вотъ его слѣды, отысканные въ дѣлахъ позднѣйшаго времени.

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Тульской провинціи появилось двое бродягъ: скопцы Андрей и Кондратій, называвшіе себя монахами и кievскими затворниками. Первый изъ нихъ, старшій годами, былъ, почти безспорно можно сказать, тотъ самый христосъ Андрей юродивый, что успѣлъ скрыться отъ преслѣдованій правительства въ 1752 году, вѣроятно при содѣйствіи своихъ покровительницъ изъ высшаго московскаго общества. Другой, помоложе его, Кондратій Ивановичъ Селивановъ, былъ лицомъ не менѣ загадочнымъ. Въ послѣдствіи оказалось, что это былъ крестьянинъ Орловской губерніи, села Столбова. Затворники Андрей и Кондратій пришли въ нынѣшній Алексинскій уѣздъ. Въ домѣ фабриканта купца Лугинина нашли они крестьянина Емельяна Ретивова, принадлежавшаго къ хлыстовской сектѣ, уговорили его „убѣдиться“ (принять оскотленіе), доказывая что онъ долженъ это сдѣлать, если желаетъ чисто и свято соблюсти истинную вѣру „людей божіихъ“. Кромѣ Ретивова они „убѣдили“ еще нѣсколько другихъ фабричныхъ крестьянъ.

Ретивовъ поѣхалъ въ Тамбовъ для покупки кожъ и проѣздомъ, въ селѣ Сосновкѣ, что близъ Моршанска, вовлекъ въ свою секту дворянскаго крестьянина этого села, хлыста Софона Авдѣева Попова. Этотъ Поповъ, согласясь съ сыномъ своимъ

сказано: „петербургскіе скопцы разказываютъ, что секта ихъ началась преже 1770 г. (какъ они были въ первый разъ открыты), потому что въ послѣдніе годы царствованія императрицы Анны Іоанновны дѣвка Настасья Карпова и три другія дѣвки, *производившія оскотленія въ Москвѣ*, были схвачены, привезены въ Петербургъ и по именному повелѣнію казнены на Сытномъ рынкѣ.“ Въ донесеніи, поданномъ въ февралѣ 1825 года крестьяниномъ Костромской губерніи, Галацкаго уѣзда, Иваномъ Андреяновымъ императору Александру Павловичу, сказано, что у скопцовъ сохраняется преданіе о Настась Карповнѣ, *которая скопила (Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 1826 года, № 15).*

Ульяномъ, съ крестьянами Иваномъ Прокудинымъ, Пименомъ Плотичинымъ * и съ приходскимъ своего села дякономъ Семеномъ Алексѣевымъ, поѣхали въ Алексинскій уѣздъ къ Ретивому, гдѣ бродяга Андрей и убѣлили ихъ всѣхъ. Послѣ того еще нѣсколько крестьянъ изъ Сосновки ѣздило съ тою же цѣлю къ Ретивому. Въ его домѣ бродяги Андрей и Кондратій и ихъ убѣлили. Наконецъ, въ началѣ 1774 года, Андрей и Кондратій съ какимъ-то мальчикомъ сами ѣздили въ Сосновку, прожили у Софона Попова двѣ недѣли, масляную и первую Великаго поста, убѣлили еще многихъ Сосновскихъ крестьянъ, и въ домѣ Софона Попова завели *домъ божій*, куда всѣ сосновскіе „бѣлые голуби“ собирались на радѣнья, отдѣльно отъ хлыстовъ, которыхъ было тогда довольно много въ селѣ Сосновкѣ. Всего Андреемъ и Кондратьемъ въ двѣ недѣли убѣлено въ Сосновкѣ до шестидесяти человѣкъ.

Священники села Сосновки, Герасимъ Лазаревъ и Иванъ Емельяновъ, узнавъ о сборищахъ въ домѣ Софона Попова и о томъ что въ общество новоявившихся бѣлыхъ голубей вступили церкви ихъ дяконъ Семень Алексѣевъ и дячокъ Алексій Савельевъ, 16-го марта того же 1774 года донесли о томъ тамбовскому епископу Θεодосію. Архіерей о сосновскихъ крестьянахъ сообщилъ тамбовской провинціальной канцеляріи, а принадлежавшихъ къ духовному сословію самъ допросилъ въ консисторіи, и 25-го мая 1774 года представилъ о нихъ въ святѣйшій синодъ.

Тамбовскія провинціальная канцелярія и духовная консисторія еще не кончили слѣдственныхъ дѣлъ о сосновскихъ скопцахъ, какъ въ Моршанскѣ пріѣхалъ статскій совѣтникъ Александръ Волковъ для производства слѣдствія.

* Едва ли не прадѣдъ нынѣшняго моршанскаго купца, Максима Плотичина. Въ дѣлѣ, производившемся о моршанскихъ скопцахъ съ 1840 по 1841 г., видны имена Поповыхъ, Плотичиныхъ, Селивановыхъ, происходящихъ отъ основателей секты. Замѣчательно что и тогда, какъ теперь, къ дѣлу привлечено было много женщинъ. Моршанскъ и Сосновка—колыбель скопчества, и мѣсто рожденія знаменитой богородицы Анны Софоновны Поповой, воспѣваемой въ пѣсняхъ бѣлыхъ голубей. Она была дочерью Софона Авдѣевича, отличалась въ молодости рѣдкою красотой и была жива еще въ пятидесятыхъ годахъ. Мы еще встрѣтимся съ нею въ этомъ трактатѣ. Младшая сестра ея, Афросинья Софоновна, была пророчицей въ Петербургѣ и тоже отличалась красотой.

Это было первое дѣло о скопцахъ. Волкову императрица предоставила право не только произвести слѣдствіе, но и положить рѣшеніе надъ виновными. Августа 16-го онъ объявилъ приговоръ: бродяга Андрей былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ каторжную работу *, Кондратій Селивановъ приговоренъ къ такому же наказанію, но такъ какъ во время слѣдствія онъ успѣлъ бѣжать изъ тюрьмы, то на нѣкоторое время и избавился отъ наказанія. Вскорѣ однако онъ былъ отысканъ, и чрезъ мѣсяць послѣ наказанія Андрея, 15-го сентября 1774 года, выслѣченъ кнутомъ въ Сосновкѣ и сосланъ въ Иркутскую губернію въ вѣчную ссылку. Первые вступившіе въ секту бѣлыхъ голубей и склонявшіе въ нее другихъ были на торгу биты батогами и сосланы въ крѣпостную работу въ Динаминдѣ. Этой участи подверглись: Софонъ Поповъ, Пименъ Плотыцынъ, Иванъ Семикинъ, Иванъ Прокудинъ, Кузьма, неизвѣстный по прозванію, дяконъ Семенъ Алексѣевъ и дячкѣ Алексѣй Савельевъ. Остальные безъ наказанія оставлены на мѣстѣ жительства. Имъ только подтвердили чтобъ они не уклонялись отъ православной церкви и не склоняли въ скопчество другихъ. **

Слѣдствіе производилось не въ одной Сосновкѣ. Надъ бѣлыми голубями, обнаруженными въ нынѣшнихъ губерніяхъ Орловской и Тульской, производили слѣдствія особья

* Андрей до того времени распространялъ скопчество въ Орловскомъ уѣздѣ. Въ *московскомъ губернскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ*, въ дѣлѣ 16-го января 1801 г., № 53 (181.300), есть донесеніе орловскаго вице-губернатора Протасова, отъ 15-го декабря 1800 года, московскому военному губернатору фельдмаршалу графу Салтыкову, въ которомъ сказано: „Изъ найденныхъ въ орловскомъ округѣ скопцовъ, крестьянинъ Федоръ Еремѣевъ Лопатинъ показалъ: лѣтъ двадцать или болѣе (стало-быть въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія), пришедшій въ нашу деревню Богдановку Стѣскаго округа, села Брасова, помѣщика Апраксина, крестьянинъ Андрей Ивановъ (?), „обольстивъ искусствомъ своимъ въ скопленіи къ избѣжанію грѣховъ, произвелъ оное въ деревнѣ ихъ тридцати человекамъ. По узнанію о семъ ихъ помѣщикомъ полковникомъ Александромъ Турчаниновымъ, всѣ они представлены были тогда въ бывшую орловскую провинціальную канцелярію, по присужденію которой начмщикъ Андрей Ивановъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ ссылку, а онъ и товарищи его освобождены на прежнее жилище безъ наказанія.“

** Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 1817 г., № 20.

коммиссіи, дѣйствовавшія подъ руководствомъ того же Волкова. Такъ въ Тулѣ былъ публично наказанъ и потомъ сосланъ въ Динаминдскую крѣпость ближайшій ученикъ Селиванова и главнѣйшій его помощникъ, крестьянинъ деревни Масловой, Алексинскаго уѣзда, Александръ Ивановъ Шоловъ, признаваемый скопцами за Иоанна Предтечу.

Таковы свѣдѣнія извлеченныя изъ официальныхъ дѣлъ. Обратимся теперь къ скопческимъ сказаніямъ.

Изъ *Страды или Посланія отца искупителя*, и изъ показаній данныхъ скопцами при производствѣ разныхъ слѣдствій, о Кондратѣ Селивановѣ извѣстно слѣдующее:

Онъ былъ родомъ изъ села Столбова, Орловской провинціи, принадлежалъ къ хлыстовской сектѣ и находился въ кораблѣ богородицы Акулины Ивановны. По словамъ Селиванова, въ этомъ кораблѣ было тысяча человекъ, и между ними первою и главною пророчицей была Анна Романовна. „Она узнавала въ морѣ и рѣкахъ“, разказываетъ Селивановъ, „когда будетъ рыбъ ловъ, а въ поляхъ хлѣбу урожай, почему и по явности она прославлялась. Знавши объ ономъ, многіе изъ міру (то-есть не хлысты) приходили къ ней и спрашивали: сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также о рыбѣ, ѣздить ли ловить или нѣтъ? И если она велитъ кому сѣять хлѣбъ или ловить рыбу, то много въ тотъ годъ уродится хлѣба и рыбы поймаютъ, а въ который годъ не прикажетъ, то ничего не поймаютъ, не уродится хлѣбъ.“ *

Въ тотъ день когда Селивановъ вступалъ въ корабль Акулины Ивановны, „ходила въ словѣ“, то-есть прорицала, Анна Родионовна. На радѣннѣ было восемьдесятъ человекъ. Когда онъ пришелъ въ собраніе, Анна Родионовна стала радѣть, и пророчествуя, сказала, обращаясь къ новому члену корабля:

— Самъ богъ пришелъ! Теперь твой конь бѣлъ и смиренъ! **

Взявъ крестъ, стала она подходить по порядку къ каждому бывшему на собраніи, давая его въ руки. Къ Селиванову подошла она къ послѣднему. Тотъ, будучи человекомъ смиреннымъ, и теперь, какъ и послѣ всегда, сидѣлъ на послѣднемъ мѣстѣ, у самаго порога. Онъ никогда ничего не говорилъ на собраніяхъ, оттого и прозвали его „молчанкой“.

* *Страды искупителя въ Читеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, 1864 г. № 4, смѣсь.

** Бѣлый конь — символъ скопчества, какъ и бѣлый голубь.

Подойдя къ Селиванову, Анна Родіоновна отдала ему крестъ, и обращаясь къ пророкамъ, заговорила въ „духъ“:

— Ступайте на округу, угадайте у кого богъ живетъ?

Пророки пошли по кругу и стали промежь себя искать бога, искали у всѣхъ богатыхъ, у всѣхъ первыхъ людей, но ни у кого не нашли присутствія божества. Анна Романовна, въ изступленномъ восторгѣ, сказала имъ отъ имени бога:

— Для чего жь вы меня, бога, не нашли? Гдѣ я пребываю?—

И указавъ на Кондратя прибавила: — Вотъ гдѣ богъ живетъ!

Приказавъ выдвинуть на средину горницы сундукъ, она сѣла на немъ, и посадивъ возлѣ себя Кондратя, стала ему выпѣвать такое пророчество:

„Ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары, и будутъ у тебя ихъ спрашивать, а ты никому не давай и не показывай, сиди крѣпко на своемъ сундукѣ. А теперь тебя хотятъ всѣ предать, но хоть ты и будешь сосланъ далеко, хоть и наложить тебѣ оковы на руки и на ноги, но по претерпѣннѣ великихъ нуждъ, возвратишься ты въ Россію и потребуешь всѣхъ пророковъ къ себѣ на лицо, и станешь ты судить ихъ своимъ судомъ. Тогда тебѣ всѣ цари, короли и архіереи поклонятся и отдадутъ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полкѣ полкѣми!...“

Такъ былъ встрѣченъ Кондратій при вступленіи въ хлыстовскій корабль. Онъ оставался смиреннымъ, занималъ всегда послѣднее мѣсто, и притворяясь нѣмымъ и глухимъ, никогда не пророчествовалъ. Никто не слышалъ его голоса, иные думали что онъ и въ самомъ дѣлѣ глухонѣмой. Но „сила была въ немъ“, какъ выражаются хлысты и скопцы. Разъ зазвала его пророчица Анна Родіоновна въ особую горницу, съ цѣлюю привести его въ восторженное изступленіе чтобъ онъ заговорилъ.

— Я давно хочу съ тобой побесѣдовать, сказала она: — садись возлѣ меня.

И посадя Селиванова, схватила крестъ. Желая привести его въ изступленіе, она сказала:

— Приложись ко кресту!

Но Кондратій самъ взялъ у нея крестъ и проговорилъ:

— Дай-ко я приведу тебя самое.

Пророчица удивилась.

— Ахъ, да и ты говоришь! сказала она. — Что жь это мы никогда не слышали чтобъ ты съ кѣмъ говорилъ?

„И тутъ накатилъ на нее духъ мой“, разказываетъ Селивановъ, „и она сбѣжавшись безъ чувствъ, упала на полъ, и я было испугался того какъ это богъ мой ничего не знаетъ. Взялъ дунулъ на нее своимъ духомъ, и она какъ отъ сна пробудилась, встала, и перекрестившись, сказала: „О, Господи! Чтò такое со мной случилось? О, куда твой богъ великъ! Прости меня!“ Взяла и приложилась ко кресту, и говорила: „Ахъ! чтò я про тебя видѣла!“ Я сказалъ: „Чтò такое видѣла? скажи, такъ и я тебѣ скажу.“ И тогда она стала мнѣ сказывать пророчество.“

Вотъ оно, второе пророчество Анны Родіоновны Кондратью Селиванову:

— Полетѣла отъ тебя птица по всей вселенной всѣмъ возвѣститъ, что ты богъ надъ богами, царь надъ царями, пророкъ надъ пророками.

— Это правда, спокойно отвѣчалъ ей Селивановъ.—Смотри же никому про то не сказывай.

Но и послѣ того Кондратій Селивановъ по-прежнему молчалъ на радѣньяхъ. Въ то время поступилъ въ корабль Акулины Ивановны новый хлыстъ, Александръ Ивановичъ Шиловъ. „Это былъ, говоритъ Селивановъ, мнѣ другъ и наперникъ, родился онъ съ благодатью. Еще въ мѣрѣ (то-есть до поступленія въ хлысты) Бога узналъ, произошелъ всѣ вѣры, былъ перекрещенецъ и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ, а самъ говорилъ всѣмъ: „не истинна наша вѣра, и постоять не за что. О, еслибы нашелъ я истинную вѣру Христову, не пощадилъ бы своей плоти, радъ бы головушку за нее сложить, отдалъ бы плоть свою на мелкія части раздробить.“

„И Господь, услышавши сіе его обѣщаніе, продолжаетъ Селивановъ, избралъ его мнѣ въ помощника. Потому и говорилъ я чрезъ искупительскія уста свои (одному изъ хлыстовъ):

— Романушко! Поди, любезный, къ одному человѣку, зовутъ его Александромъ Ивановичемъ, и объяви ему о моемъ спасеніи и истинной вѣрѣ, а онъ давно ищетъ и оному желаетъ на путь истины придти.

Романъ пошелъ къ Шиллову и сказалъ ему:

— Александрюшка! Не можно ли какъ получше жить?

— Нѣтъ, еслибъ ты самого того прислалъ, отъ кого ты самъ посланъ, я бы съ нимъ поговорилъ, а съ тобой говорить

миѣ нечего. Знаю что нѣтъ его больше на свѣтѣ, и что только онъ одинъ можетъ грѣховный нашъ узелъ развязать.

Селивановъ самъ пошелъ къ Шилову. И только что подошелъ къ его дому, какъ тотъ встрѣтилъ его словами:

— Вотъ кого надо. Кого сорокъ лѣтъ я ждалъ, тотъ идетъ. Ты нашъ истинный свѣтъ, ты просвѣтишь всю тьму, ты освѣтишь всю вселенную, тобою всѣ грѣшныя души просвѣтятся и отъ грѣховныхъ узловъ развяжутся. И тебѣ я съ крестомъ поклонюсь (то-есть перекрестившись, и даже обѣими руками). Ты одинъ, а насъ много, и радъ я за тебя головушку сложить, и на мелкія части плоть свою раздробить. Кто какъ хочетъ, а я *почитаю тебя за сына божія*. И ты поживи на землѣ, а я прежде тебя сойду. Тебѣ еще много дѣлъ надо на землѣ сдѣлать, чистоту свою утвердить и всю лѣпость истребить, всѣхъ пророковъ сократить и всю гордость и грѣхъ искоренить.

Такъ исповѣдывалъ сына божія Кондратія Ивановича Селиванова Александръ Ивановичъ Шиловъ. За это исповѣданіе онъ признается бѣлыми голубями за Іоанна Предтечу.

Кондратій благословилъ его, далъ ему крестъ, свѣчу и мечъ (то-есть ножъ, который потомъ употреблялся при операціяхъ), и сказалъ:

— Вотъ тебѣ мой мечъ, будешь у многихъ деревьевъ сучья свѣчь.

И много съ нимъ бесѣдовалъ „молчанка“ Кондратій, какъ ни съ кѣмъ еще не бесѣдовалъ, и послалъ онъ его къ богородицѣ Акулинѣ Ивановнѣ чтобъ она приняла его въ корабль свой, и велѣлъ онъ Шилову поклониться ей со крестомъ. А до тѣхъ поръ съ крестнымъ знаменіемъ у хлыстовъ не кланялись.

Когда Шиловъ вошелъ въ соборъ, и крестясь, три раза поклонился Акулинѣ Ивановнѣ, а потомъ на всѣ четыре стороны, всѣ удивились. Стали говорить: „никакъ онъ ужъ давно приведенъ (обращенъ въ хлыстовскую секту)? Да кто его научилъ съ крестомъ кланяться?“ И сказалъ Шиловъ про Селиванова что онъ научилъ его. Тутъ вышелъ на середину пророкъ, сталъ радѣть и такое пророчество выпѣвать Александру Ивановичу:

„Подь-ко, братъ, молодець! Давно тебя дожидаль, ты мнѣ, богу и духу святому, надобенъ. Благословляю тебя крестомъ, ты видѣлся съ самимъ христомъ; вотъ тебѣ отъ самого божьяго сына мечъ, имъ много будешь грѣховъ свѣчь, и дастся

тебѣ Книга Голубина отъ божьяго сына. Ты самъ о томъ знаешь съ кѣмъ бесѣдовалъ, и отъ васъ много народу народится; знать опять старинка хочетъ явиться.“

Богородица Акулина Ивановна позвала Александра Ивановича къ себѣ и стала спрашивать:

— Кто тебя сюда прислалъ? Никакъ ты приведенъ?

— Вы матушка сами изволите знать, отвѣчалъ предтеча богородицѣ, — что мы всѣ отъ одного приведены, отъ сына божія да отъ владычицы.

— Знаю, знаю, отвѣчала Акулина Ивановна, — поди же теперь, поклонись ему отъ меня.

До сихъ поръ сношенія съ начальницей корабля Акулиной Ивановой молчавшаго при всѣхъ Кондратя Селиванова бывали лишь тайныя. Тайно обратили они Шилова въ хлыстовщину, тайно и утверждали его въ вѣрѣ. Когда Александръ Ивановичъ пришелъ отъ богородицы къ Селиванову, то разказалъ ему про всю свою бесѣду съ ней.

— О, государь батюшка! сказалъ онъ:—что вы изволили говорить, то и пророки пѣли *, а матушка Акулина Ивановна изволила разговаривать со мной, что „это-де мой сыночекъ, что всѣ пророки мнѣ поютъ, будто отъ меня сынъ божій народится, а я этому и сама дивлюсь“.

— Ну, любезный мой сыночекъ, отвѣчалъ своему предтечѣ христоръ Селивановъ, говоря въ „духѣ“, на распѣвъ:

Дастъ тебѣ Отецъ и Сынъ
Святой Духъ и я, отецъ-искупитель, много силъ,
И порубишь ты много осинъ....
Коли ты сына божьяго просилъ,
Жалуешь тебя Богъ Ригой да тюрьмою **,
И благодарить тебя Отецъ, Сынъ и Святой Духъ
За вѣрное обѣщанье головушку за меня сложить.
Хочешь животъ и сердце надсадить,
Да и сады мнѣ насадить,
Такъ благословляю я тебя идти въ ночь,

* Скопцы считают великимъ чудомъ, что пророкъ на бесѣдѣ отъ имени Бога пропѣлъ Шилову то самое, что предъ тѣмъ говорилъ ему Селивановъ.

** Намекъ на то что Шиловъ посаженъ былъ сосланъ въ городъ Ригу.

А господь пойдетъ на востокъ. *

И будетъ у насъ межъ собой истекать одинъ истокъ,

Духъ мой будетъ въ тебѣ во вѣкъ пребывать

И обо мнѣ возвѣщать,

И мы съ тобой будемъ хотъ плотями и врозь,

Но духомъ пребудемъ неразлучно вмѣстѣ.

Кому будетъ ночь, а тебѣ день,

И не возьметъ тебя никакая лѣнь и т. д. **

Сильно негодовалъ Селивановъ на хлыстовъ за то что не соблюдаютъ они заповѣданной имъ чистоты, и вмѣсто того чтобы проводить жизнь не только въ безбрачїи, но и въ цѣломудрїи, какъ требовалось правилами секты и самими заповѣдями саваоа Давиды Филипповича, предаются разврату. Ходя изъ одного хлыстовскаго корабля въ другой, напрасно Селивановъ искалъ въ нихъ чистоты и цѣломудрїи. „Исходилъ я по всѣмъ кораблямъ, говорить онъ въ своемъ *Послании*, но всѣ лѣпостїю перевязаны, только того и глядятъ гдѣ бы съ сестрой въ одномъ мѣстѣ посидѣть.“ И вздумалъ Селивановъ истребить развратъ у людей божїихъ. Въ самообольщенїи полагалъ онъ, что свыше предназначено ему „освятить всю вселенную, истребить въ божїихъ людяхъ всю лѣпность и побѣдить змѣя лютаго, поѣдающаго всѣхъ на пути идущихъ“.

Сначала Селивановъ сталъ обличать людей божїихъ. „Лѣпность весь свѣтъ поѣдаетъ, говорилъ онъ, и отъ Бога отвращаетъ, и идти къ Богу не допускаетъ, и потому многіе въ пагубной лѣпности учителя учительства, пророки пророчества, угодники и подвижники своихъ подвиговъ лишились, не доходили до царства небеснаго, промѣняли вѣчное сокровище на пагубное житїе. Единые дѣвственники предстоятъ у престола Господня.... Храните дѣвство и чистоту. Не заглядывайтесь братья на сестѣрь, а сестры на братьевъ, и не имѣйте праздныхъ разговоровъ и смѣховъ.... и празднословїа не чините, отъ сего раждается злая лѣпность, которую не безъ труда искоренить можно.... Удаляйтесь злой лѣпности и не имѣйте съ сестрами, а сестры съ братьями,

* Намекъ на то что Шиловъ былъ послѣ сосланъ на смерть отъ Орловской губерніи, въ Ригу, а самъ Селивановъ на востокъ, въ Сибирь.

** Всѣ приведенные разговоры и пророчества дословно взяты изъ *Страды*.

праздныхъ разговоровъ и смѣховъ, отъ чего происходитъ лѣньность, ибо она какъ магнитъ, камень имѣющій свойство привлекать къ себѣ близъ находящееся желѣзо; такъ и женская лѣньность, по врожденному свойству своему, каждого близко обращающагося брата съ сестрою привлекаетъ къ себѣ и непримѣтно вкрадывается въ сердца человѣческія, и яко моль точитъ и поѣдаетъ всю добродѣтель и изгоняетъ благодать Божію.“*

Хлысты не могли равнодушно слушать обличеній Селиванова. Они возненавидѣли обличителя и нѣсколько разъ покушались даже на жизнь его. Во всѣхъ корабляхъ пророки возстановляли противъ него людей божьихъ, говоря что онъ хочетъ законъ измѣнить, но Селивановъ отвѣчалъ на то: „Я пришелъ къ вамъ не разорять вашего закона, но еще паче оный утвердить и укрѣпить, да про чистоту свою объявить.“** И дѣйствительно, онъ не коснулся ни единого изъ хлыстовскихъ вѣрованій; ввелъ одно лишь обыкновеніе кляняться на радѣніяхъ другъ другу съ крестнымъ знаменіемъ. Пророки поносили Селиванова. Особенно одинъ пророкъ, Филимонъ, ненавидѣлъ его, но въ *Страдахъ* упоминается что самъ онъ, когда „ходилъ въ словѣ“, вышѣвлялъ „про чистоту Селиванова“.

Неуспѣшна была устная проповѣдь Селиванова. Обратился онъ къ другому средству.

Въ одной бесѣдѣ съ наперсникомъ своимъ Шиловымъ Селивановъ сказалъ ему: „Всѣ лѣньностію перевязаны, то и порвать себѣ гдѣ бы съ сестрою въ одномъ мѣстѣ посидѣть. *Ужъ бить злѣю, такъ бей поскорѣе до смерти, покуда на шею не встрянула да не укусила.*“

И сталъ онъ учить людей Божьихъ: сказано въ писаніи: „аще рука твоя или нога твоя соблазняетъ тя, отсѣчь ю и верзи отъ себя, и аще око твое соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себя“. По сему и въ прочемъ слѣдуетъ поступать. Что соблазняетъ, то и отсѣки.

Шиловъ первый исполнилъ осконленіе надъ собой, потомъ надъ Селивановымъ. Присталъ къ нимъ третій, христокъ Андрей юродивый, за тѣмъ другіе.... Но никто не былъ такъ

* *Страды или Посланіе отца искупителя.*

** Тамъ же.

ревностенъ къ дѣлу „убѣленія“, никто такъ много не выпустилъ на свѣтъ „бѣлыхъ голубей“, какъ предтеча и креститель Александръ Ивановичъ Шоловъ.

Божьи люди не любившіе Селиванова еще больше не возлюбили его за проповѣдь „убѣленія“. Однажды на хлыстовской бесѣдѣ особенно за что-то ненавидѣвшая его пророчица стала у дверей съ камнемъ, чтобъ убить его когда онъ станетъ вонъ выходить, но поднятая рука ея, по словамъ *Страдъ*, окаменѣла. Селивановъ пошелъ изъ бесѣды, легъ въ ясли и пролежалъ въ нихъ трое сутокъ, не пилъ, не ѣлъ, плакалъ и молился. * Пророчица между тѣмъ увидала во снѣ что ангелы наказываютъ ее жезлами и велятъ просить у Селиванова прощенья. Она испросила прощеніе, но братъ ея хотѣлъ застрѣлить Кондратя, когда тотъ ходилъ на праздникъ въ Тулу. Каждый праздникъ выходилъ онъ на дорогу и шесть разъ стрѣлялъ, но каждый разъ не попадалъ въ отца-искупителя.

Божьи люди жаловались на Селиванова своему учителю пророку Филимону. Призвалъ тотъ къ себѣ Кондратя Ивановича и говоритъ:

— На тебя всѣ жалуются, ты людей отъ меня отвращаешь.

Селивановъ ни слова ему не отвѣтилъ.

— Вишь ты какой, сказалъ пророкъ, — даромъ что молчишь. Смотри, берегись.

Въ то время Селиванову нигдѣ не было пристанища. Всѣ божьи люди прогнали его отъ себя. Пришелъ онъ къ одному хлысту Аверьяну, говоритъ ему:

— Любезный Аверьянушка! не оставь ты меня сироту, призри и утай отъ семейства и отъ посестріи твоей **, чтобы никто не зналъ, пусти ты меня къ себѣ въ житницу, за то Богъ тебя не оставитъ.

„И онъ меня прирѣлъ и ходилъ ко мнѣ потихоньку отъ своихъ. И объявилъ я ему о „чистотѣ“, говоритъ въ своемъ *Посланіи*. Селивановъ (то-есть, предложилъ оскотленіе).

— Боюсь чтобы не умереть, отвѣчалъ Аверьянъ.

* Это все сдѣлано въ подражаніе словамъ Святаго Евангелія. Какъ истинный Спаситель міра по рождествѣ былъ положенъ въ ясли, такъ и Кондратій легъ въ нихъ. Гоненія, бывшія на него въ ту пору, бѣлые голуби называютъ гоненіемъ отъ царя Ирода.

** Посестрія — жена, съ которою прекращены супружескія отношенія

— Не бойся, не умрешь, а паче душу свою воскресить, сказалъ ему на это отецъ-искупитель Кондратій Ивановичъ,— и будетъ тебѣ легко и радостно, станешь ты какъ на крыльяхъ летать, духъ въ тебя преседится, душа твоя обновится. Поди къ учителю своему, пророку Филимону, онъ самъ тебѣ то же пропоетъ и скажетъ, что въ домѣ твоёмъ самъ Богъ въ тайнѣ живетъ, и никто о томъ не знаетъ кромѣ тебя.

Пророкъ Филимонъ, дѣйствительно, выпѣлъ Аверьяну все, что ни сказывалъ ему Селивановъ. Аверьянъ повѣрилъ, пришелъ домой, поклонился отцу-искупителю и — *принялъ чистоту*....

Когда Кондратій Селивановъ попался подъ судъ, враждебные ему хлысты Филимонова корабля не переставали его преслѣдовать. Ходилъ онъ въ нищенскомъ образѣ (вмѣстѣ съ Андреемъ) и прошелъ въ Тулу, а оттуда отправился въ Тифинь *. Преданный ему скопецъ Мартынъ уговаривалъ отца-искупителя не ходить, но тотъ не послушался и пошелъ. Судя по словамъ *Страдъ*, въ это время Селивановъ продолжалъ свою проповѣдь и многихъ хлыстовъ превращалъ въ „бѣлыхъ голубей“. „У меня было три сумки, говоритъ онъ своимъ иносказательнымъ языкомъ, — двѣ я набралъ [да хотѣлъ набрать и третью, и пошелъ къ солдатамъ просить милостыню **, но они меня схватили и подъ палатку къ себѣ взяли, и за телѣгу меня привязали, и крѣпко караулили.“ Какъ арестанту, обрили ему голову. Но Селивановъ ночью бѣжалъ изъ-подъ караула и пришелъ къ своему ученику Мартыну.

„На крестъ (то-есть подъ кнутъ) отдали меня божьи люди“ (хлысты), говоритъ Селивановъ. Скрывался онъ у одной женщины, не принадлежавшей ни къ хлыстовцамъ, ни къ кораблю „бѣлыхъ голубей“; звали ее Федосьей Левлевой. Враждебные Селиванову хлысты указали полиціи гдѣ скрывается отыскиваемый колодникъ. Два раза приходили солдаты съ обыскомъ къ Федосьѣ, но не могли найти спрятаннаго въ подпольи Кондратія. Пошли въ третій разъ, вмѣстѣ съ солдатами, сами докащики изъ божьихъ людей, разломали полъ въ избѣ Федосьиной, вытащили оттуда за волосы Селиванова,

* Много намъ неизвестное. Во всякомъ случаѣ не городъ Тифинь: это мѣсто гдѣ-нибудь поближе къ Тулѣ.

** То-есть, и ихъ уговаривать къ приматію „чистоты“.

избили его и отдали солдатамъ. „И тутъ меня били всѣ чѣмъ попало безо всякой пощады, рассказываетъ Селивановъ въ своемъ *Посланіи*,—поясокъ и крестъ съ меня сняли, а руки назадъ связали и назадъ гирю привязали, и повели меня съ великимъ конвоемъ, шпаги обнаживши и со всѣхъ сторонъ ружьями прикнувши, однимъ ружьемъ въ грудь, другимъ сзади и съ обоихъ боковъ, такъ что чуть не зажелола. И привели меня въ Тулу и посадили на стулъ*, подпоясали поясомъ желѣзнымъ фунтовъ въ пятнадцать и приковали меня къ стѣнамъ за шею, за руки и за ноги, и хотѣли меня уморить; на часахъ стояли четыре драгуна, а въ другой комнатѣ сидѣли мои дѣтушки трое, которые на меня доказали и которыхъ по утру хотѣли бить плетью.“ Послѣ допросовъ снятыхъ въ Тулѣ (по дѣлу въ имѣніи Лугинкина), повезли Селиванова въ Тамбовъ. Въ тамошней тюрьмѣ содержался онъ два мѣсяца. Когда вышло рѣшеніе наказать Селиванова, повезли его за конвоемъ на мѣсто преступленія, въ Сосновку. „И тогда за мною шли полки полкамъ, рассказываетъ Селивановъ въ своемъ *Посланіи*,—у солдатъ были шпаги наголо, а у деревенскихъ мужиковъ палки въ рукахъ. И тутъ меня сосновскіе дѣтушки встрѣчали, плакали и рыдали, и говорили: „ведутъ нашего роднаго батюшку!“ И въ самое то время поднялась великая буря, сдѣлался въ воздухѣ такой шумъ что за тридцать саженой никого не было видно, и никого не можно было разглядѣть. И привезли меня въ Сосновку, стали наказывать кнутомъ и сбѣкли долгое время, такъ что не родись человѣкъ на свѣтъ, и было мнѣ весьма тошно....“

Въ то время, при наказаніи кнутомъ, иногда взваливали преступника на плеча первому попавшемуся дюжему мужику. Иванъ Прокудинъ держалъ Селиванова („былъ за мѣсто крестнаго древа“), а Ульянъ, сынъ Софона Попова, держалъ его за голову**. Послѣ наказанія сняли съ Селиванова окро-

* Тяжелый стулъ съ цѣпью, къ которому приковывали въ старину важныхъ арестантовъ, или же бѣгавшихъ изъ тюрьмы.

** Въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древн.* 1864, № 4, напечатано: „Ионушка былъ за мѣсто древа“. Это опечатка. Въ трехъ свѣдѣніяхъ *Страдъ* или *Посланія отца-искупителя*, у меня находящихся, вездѣ стоитъ Ионушка. Въ экземплярѣ, взятомъ въ сороковыхъ годахъ въ Петербургѣ у скопца Горбачова, съ котораго пошла всѣ

завденную рубашку и надѣли новую. Окровавленная рубашка, въ послѣдствіи сохранялась въ кораблѣ рижскихъ скопцовъ какъ святыня и была извѣстна подъ названіемъ „крестной ризы“.

Селиванова свѣкли кнудомъ 15-го сентября 1774 года. Бѣлые голуби постытся въ этотъ день страданій своего искупителя. На томъ мѣстѣ гдѣ его наказывали, по словамъ бѣлыхъ голубей, была построена ими церковь, но это, по справкамъ дѣланнымъ въ сороковыхъ годахъ, оказалось несправедливымъ. Въ иныхъ корабляхъ скопцы говорятъ и поютъ въ „страстныхъ пѣсняхъ“ о томъ что Селивановъ былъ наказанъ не въ Сосновкѣ, а въ Моршанскѣ. Выстроенный скопцами Плотицкими и другими въ этомъ городѣ великолѣпный соборъ находится, говорятъ, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ наказывали основателя ихъ секты.

Когда Селиванова погнали въ Сибирь, на дорогѣ онъ встрѣтился съ Пугачевымъ, котораго везли тогда въ Москву на казнь *. Не тутъ ли пришла ему мысль назваться императоромъ Петромъ III?

XII.

Ссылка Селиванова и его ближайшихъ помощниковъ зла не уничтожила. Тамъ гдѣ были до того времени хлысты, теперь стали появляться и бѣлые голуби. Такъ было въ Орловской губерніи, на родинѣ скопчества, такъ было въ Моршанскѣ и Сосновкѣ, его колыбели, такъ было въ губерніяхъ Курской, Тульской, Калужской, Смоленской, Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Тверской и Новгородской. Бѣлые голуби появились и въ обѣихъ столицахъ.

Въ это время кѣмъ - то распущенъ былъ слухъ, что подъ именемъ сосланнаго въ Иркутскую губернію Кондратя Селиванова скрывается императоръ Петръ III. Въ царствованіе Екатерины не одинъ Пугачевъ принималъ имя этого

описки *Посланія отца-искупителя* также стоитъ Иванушка. Вообще списокъ напечатанный г. Толстымъ въ *Чтеніяхъ* довольно не вѣренъ.

* *Посланіе искупителя или Страды.*

государя. Самозванцевъ было много, и мысль что бывшій императоръ скрывается сильно была тогда распространена въ простомъ народѣ.

Въ *Посланіи* своемъ, по всей вѣроятности писанномъ уже по возвращеніи Селиванова изъ ссылки, онъ, именуясь царемъ израильскимъ, нигдѣ не называетъ себя императоромъ Петромъ III; называетъ богородицу Акулину Ивановну „матушкою - государынею“, но никогда Елизаветою Петровною. Тѣмъ не менѣ по всѣмъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ дѣлахъ о скопцахъ, видно, что мысль назваться императоромъ Петромъ III принадлежитъ самому Селиванову, и что онъ сталъ называться этимъ именемъ въ Сибири.

Бѣлые голуби разказываютъ и поютъ въ своихъ пѣсняхъ слѣдующее:

Отець-искупитель воплотился отъ Святаго Духа и родился отъ пренепорочныя дѣвы Елизаветы Петровны, по благовѣствованію ей Иоанна Богослова. Будучи предызбрана Богомъ къ святому житію, императрица Елизавета Петровна царствовала всего только два года *. Отдавъ правленіе любимой фрейлинѣ, очень похожей на нее лицомъ, она будто бы „отложила царскія одежды, надѣла нищенское платьѣ и пошла пѣшкомъ въ Кіевъ на богомольѣ“. На пути, въ Орловской губерніи, познала она истинную вѣру людей божьихъ и осталась съ ними жить подъ именемъ Акулины Ивановны **.

Еще въ Петербургѣ будто бы родила она сына Петра Федоровича и отправила его въ Голштинію на воспитаніе, гдѣ достигнувъ отроческихъ лѣтъ, сдѣлался онъ „бѣлымъ голубемъ“. Возвратясь вскорѣ послѣ того въ Петербургъ, былъ онъ объявленъ наслѣдникомъ престола и женился. Супруга Петра, продолжаютъ скопцы, возненавидѣла его за то что онъ былъ „убѣленъ“ и когда принялъ онъ правленіе, склонила на свою сторону нѣкоторыхъ вельможъ, которые рѣшились убить его

* По другимъ, вовсе не царствовала. Архимандрита Досиѣя *Открытіе тайностей скопческой ереси*. Рукопись.

** Можетъ-быть, это была одна изъ двухъ сестеръ, называвшихся Акулинами Ивановнами, которыя были сосланы по дѣлу о московскихъ хлыстахъ 1834 года. Одна была женой христа Прокофья Лупкина и нижегородскою богородицею, а потомъ московскаго Ивановскаго монастыря старицей Анной, другая, ея родная сестра, была въ томъ же монастырѣ въ монахиняхъ подъ именемъ Александры. Въ 1774 году старшей могло быть лѣтъ 85, а младшей не болѣе 60,

въ Ропшѣ. Но Петръ, свѣдавъ о томъ, перемѣнялся платьемъ съ караульнымъ солдатомъ, также бѣлымъ голубемъ, и скрылся. Трое сутокъ, скрываясь отъ поисковъ, онъ не пилъ, не ѣлъ, потомъ будто бы сидѣлъ въ какомъ-то каменномъ столбѣ, укрывался у колонистовъ жившихъ подъ Петербургомъ, и наконецъ успѣлъ скрыться въ Москвѣ. Солдата между тѣмъ убили и похоронили въ Невской лаврѣ. Въ Москвѣ Петръ началъ свою проповѣдь „чистоты“, за тѣмъ ушелъ въ Орловскую губернію къ Акулинѣ Ивановѣ, принялъ имя Кондратія Ивановича Селиванова, а ушедшій съ нимъ вмѣстѣ графъ Чернышевъ (по другимъ, князь Дашковъ) назвался Александромъ Ивановичемъ Шиловымъ. Оба они исходили всю Россію и разныя иностранныя государства „проповѣдая чистоту“, были наконецъ взяты въ Тулѣ, наказаны въ Сосновкѣ кнутомъ и сосланы: отецъ-искупитель Петръ Федоровичъ на востокъ, въ землю Иркутскую, предтеча его Шиловъ на сѣверъ, въ Ригу (то-есть въ Динаминдскую крѣпость). *

* Командиръ 1-й бригады грузинскихъ линейныхъ баталіоновъ, генералъ-маіоръ Сятковъ, 27-го декабря 1845 года, за № 2.809, донесъ кавказскому намѣстнику графу Воронцову, что отправленіе въ Сибирь на поселеніе въ 1843 году скопцовъ подвижной инвалидной № 96 роты (маранскіе скопцы), Степана Крюкова, Федора Аксенова и Пантелеяона Харьковскаго не прекратило зла, но напротивъ возродило въ оставшихся скопцахъ желаніе быть сосланными въ Сибирь для соединенія съ находившимися тамъ ихъ единомышленниками, почему скопцы и подавали въ 1843 году полковнику Вреверну прошеніе, представляемое генералъ-адъютанту Нейгардту (17-го іюня 1843 года № 6). Скопцы, видя что попытка ихъ къ достиженію желаемого не удалась, подали состоявшему при графѣ Воронцовѣ полковнику артиллеріи князю Голицыну, въ видѣ прошенія, слѣдующее „благовѣстіе“, въ которомъ излагается взглядъ ихъ на своего искупителя, почитаемаго ими за императора Петра III: „О прішествіи Господа нашего Ісуса Христа страшнымъ, грознымъ судомъ его, какъ свидѣтельствуешь священное писаніе. Въ скорое время подобаетъ Спасителю придти и совершить судъ на земли и поставить престолъ среди міра.... Въ то время спроситъ у всѣхъ отвѣта для чего Превышній Свѣтъ такіа страсти претерпѣлъ, царской крови не жалѣлъ, пошелъ волею на страды, оставилъ въ Питерѣ градъ свой престолъ и не восхотѣлъ быть земнымъ царемъ, и оставилъ правленіе государствомъ, поѣхалъ съ приближенными своими друзьями въ „Ранбоумъ“ для обозрѣнія любимыхъ своихъ голштинскихъ войскъ. Едва успѣлъ отправиться, такъ и дѣла приняла ту же ночь и присягали за

Эта сказка ходила по простонародью и достигла до свѣденія правительства въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины. Жилъ тогда въ Москвѣ купецъ Федоръ Евсѣевичъ Колесниковъ изъ бѣлыхъ голубей, и былъ онъ извѣстенъ государынѣ, называвшей его въ шутку „масономъ“. Ему, какъ разказываютъ скопцы, поручено было съѣздить въ Сибирь и развѣдать про ссыльнаго Селиванова. Колесниковъ воротился въ Петербургъ уже по кон-

Екатерины. Петръ III услышалъ о семъ, тогда приближенные друзья совѣтовали ему удалиться въ свое отечество, въ Голштинію, и тамъ принять всѣ нужныя мѣры къ поправленію своихъ обстоятельствъ, искать вспоможенія отъ постороннихъ державъ. Онъ садится на корабль и хочетъ переправиться въ кромштатскій цѣль, но тамъ было предупреждено, и его не пустили. Возвратившись назадъ въ Рамбоумъ, Петръ III посылаетъ два письма, одно за другимъ вскорѣ, къ воцарившейся императрицѣ Екатерины, наобоихъ письмахъ отрицаая самъ добровольно отъ короны, не желая царствовать въ Россійскомъ государствѣ, полагая то за великое бремя. Екатерина на оборотъ посылаетъ ему записку съ тѣмъ, чтобы онъ для всеобщаго спокойствія Россійскаго народа добровольное отрицаніе написалъ своеручно въ надлежащей формѣ. Когда Петръ III получилъ записку отъ Екатерины, тогда торжественно написалъ своею рукою отрицаніе отъ російскаго престола, написалъ въ слѣдующемъ содержаніи: „Въ какое время правительствѣ моего самодержавнаго Россійскаго государства на самомъ дѣлѣ узналъ я тягость и бремя. Сила моя не согласна, чтобы мнѣ не токмо самодержавнымъ, но и какимъ бы тамъ ни было образомъ правительствомъ владѣть въ Россійскомъ государствѣ, почему и восчувствовалъ я внутреннюю перемѣну наклонности ко опаденію его цѣлости и ко обрѣтенію себя вѣчнаго чрезъ то безславія. Того ради pomysслилъ я самъ безпристрастно и не-принужденно чрезъ сіе объявить не токмо всему Россійскому государству, но и цѣлому свѣту торжественно, что отъ правительства Россійскаго государствомъ на весь вѣкъ мой отрицаюсь, не желая ни самодержавнымъ ниже инымъ какимъ образомъ правительствомъ владѣть во всю жизнь мою. Отрицаюсь въ російскомъ государствѣ владѣть ниже ино гдѣ-либо или черезъ какую помощь себя искать, въ чемъ клятву мою чистосердечную приношу предъ Богомъ и воимъ цѣлымъ свѣтомъ, приношу нелицемѣрную. Все сіе отрицаніе написалъ и подписалъ моею собственною рукою іюня 19-го дня 1762 г.“ Петръ III не восхотѣлъ наслаждаться временнымъ житьемъ, а лучше согласился съ народомъ божьимъ страдать, считалъ сіе больше для себя богатствомъ нежели питерское сокровище, ибо онъ взиралъ на возмездіе небесное, оставилъ онъ Питеръ....“ и т. д.

чинѣ государыни, и будто бы объявилъ новому государю что Петръ дѣйствительно живъ. Императоръ Павелъ велѣлъ привезти Селиванова въ Петербургъ. * Въроятнѣ всего что скопческій отецъ-искупитель, при содѣйствіи и помощи разбогатѣвшихъ во время его ссылки скопцовъ, бѣжалъ изъ

* Въ царствованіе императора Павла являлось нѣсколько же-Петровъ. Такъ, напримѣръ, мѣсяца черезъ три по вступленіи Павла Петровича на престолъ, присланъ былъ Архаровымъ изъ Москвы одинъ трудникъ, молчаливикъ, въ веригахъ, называвшій себя Петромъ Ш, и былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Объявившій о немъ и также посаженный въ Петропавловскую крѣпость крестьянинъ бывшаго Никитскаго уѣзда Московской губерніи, деревни Дурнова (нынѣ Вронницкаго уѣзда), Иванъ Гавриловъ, 16 февраля 1797 года въ собственноручномъ показаніи писалъ: „Близъ нашего селенія, въ вотчинѣ г. Измайлова, въ селѣ Быковѣ, подъ колокольнею жилъ человекъ трудникъ, какъ безъязыченъ, болѣе двухъ годовъ, который имѣлъ на себѣ желѣзные вериги на животѣ и на ногахъ. Вида его къ Богу великіе труды и подвиги, имѣлъ и я съ прочими приверженность къ нему, нѣсколько разъ ходилъ и почиталъ его трудъ за свято, и просилъ его чтобъ онъ сказалъ про себя какого онъ званія человекъ, и проговорилъ бы языкомъ, и происходилъ этого времени съ годъ, однако онъ мнѣ не открылся, а сталъ меня просить пещь-можъ, чтобъ я для него началъ подводу отвезти его въ Стародубъ, въ старообрядскій монастырь, для постриженія въ монахи. Я на его просьбу сначала долго не еклонялся, а потомъ согласился. Потомъ стади мы его просить усердно, и въ ноги ему кланялись, и слезно плакали, чтобы онъ намъ объявилъ кто онъ такой. Но онъ мнѣниемъ, а не языкомъ разсуждая, все пальцами: потерпите немного, скажуся. Проживъ недѣлю двѣ у меня, сталъ онъ на себѣ воображать пальцемъ на груди какъ кресты или звѣзды, и дѣлалъ будто артикулъ руками, и вынималъ будто шпагу. Мы по этому примѣру не поняли, стали еще больше прѣсить его, приговаривая притомъ: „по твоему труду, неужели ты у Господа Бога не упросишь языкомъ съ нами проглати?“ И такъ онъ при отъѣздѣ въ Стародубъ у меня въ домѣ объявилъ себя государемъ Петромъ Θεодоровичемъ, и тутъ завѣщалъ намъ съ клятвою чтобы мы, до того времени когда государь приметъ коронацію, никому этого не сказывали. Отпустя его въ Стародубъ на наемныхъ подводахъ, я усомняся какъ бы чрезъ сіе не послѣдовало въ Россіи какого нестройства, для совѣта сказалъ московскому жителю Ильѣ Алексѣичу (извѣстный основатель Преображенскаго кладбища Ковылаицъ); а онъ сказалъ намъ что непременно онаго человека надобно искать и объявили бы мы о семъ Ивану Петровичу Архарову. И по поводу онаго мы, обще съ братомъ моимъ Нико-

Сибири, и отысканный, былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. *

„Бѣлые голуби“ въ одной изъ своихъ „воскресныхъ пѣсень“ поютъ, что купецъ Федоръ Колесниковъ

Святымъ Духомъ разблажилъ,
 Отца царю доложилъ:
 „Онъ не умеръ, вѣдь, а живъ,
 „Во Иркутскѣ все блажилъ,
 „Сорокъ лѣтъ въ страдахъ онъ жилъ“.
 Тутъ царь сердцемъ встрепенуся,
 На отца онъ ужаснулся,
 И заплакалъ, затужилъ,
 Все собранье нарушилъ,
 Послалъ скорого гонца,
 Отыскать своего отца,
 Чтобъ представилъ бы въ столицу
 Со Иркутской со границы.
 Скоро это сотворилъ,
 Отцу двери растворилъ.
 Онъ вошелъ со бурнымъ духомъ,
 А самъ гордо говорилъ:
 „Сотвори мою ты волю,
 „Я имѣю власть теперь,

лаемъ Алексѣевымъ и съ опредѣленнымъ отъ Архарова офицеромъ поѣхали въ Стародубскіе монастыри секретно его искать, но тамъ не отыскали, а пріѣхавши въ Москву обратно, отыскали его въ Москвѣ уже въ сѣзжемъ домѣ. И тотъ трудникъ Архаровымъ представленъ вмѣстѣ со мною въ Петербургъ.“ (*Дѣло департамента общицъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 1827 г., № 3.*) Крестьянинъ Гавриловъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, подавалъ въ 1826 году всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ подтверждалъ написанное имъ въ февралѣ 1797 года. (*То же дѣло*). Не былъ ли этотъ трудникъ и молчаливикъ бѣжавшій изъ Сибири Селивановъ?

* Указанія на побѣгъ Селиванова изъ Сибири, а не на возвращеніе его по распоряженію высшей власти, находимъ и въ свидѣтельствахъ самихъ скопцовъ. Такимъ образомъ Костромской губерніи крестьянинъ Иванъ Андреяновъ, въ поданномъ императору Александру Павловичу донесеніи, говоритъ: „учитель мой, отставной солдатъ, скопецъ Алексѣй Ивановъ разказывалъ, что икупитель, „изъ царскаго рода царь“, бѣжавши съ какимъ-то молодымъ генераломъ изъ Иркутска, проживалъ гдѣ-то въ деревнѣ, у одной жемки, подъ поломъ скрываясь отъ ищущихъ.“

„Отдамъ скипетръ и вѣнецъ
 „Коль ты мнѣ родной отецъ.“
 Нашъ батюшка-искупитель
 Проголаголаъ съ высоты:
 „Ты послушай, молодецъ,
 „Что грѣху я не отецъ.
 „Я за тѣмъ сошелъ съ небесъ
 „Раззорить грѣхи въ конецъ,
 „Чистоту буду любить,
 „Хочу грѣхъ весь погубить,
 „А и въ праведной семьѣ
 „Буду въ трубушку трубить,
 „Всѣхъ поставитъ, утвердитъ.“
 Тутъ царь крѣпко осерчалъ,
 Забылъ первый свой началъ,
 Пошелъ, очень закричалъ.
 Затворилъ оны крѣпко двери:
 „Не хочу въ твоей быть вѣрѣ,
 „А за этотъ за смѣшокъ
 „Пошлю въ каменный мѣшекъ.“
 Нашъ батюшка-искупитель
 Кроткимъ гласомъ провѣстияъ:
 „Я бы Павлаушку простилъ,
 „Воротись ко мнѣ ты, Павелъ,
 „Я бы жизнь твою исправилъ.“
 А царь гордо отвѣчалъ,
 Божества не замѣчалъ,
 Не сталъ слушать и ушелъ.
 Нашъ батюшка-искупитель
 Своимъ сердцемъ воздохнулъ,
 Правой рученькой махнулъ:
 „О земная каеветина!
 „Вечеромъ твоя кончина;
 „Изберу себѣ слугу,
 „Царя Бога на кругу,
 „А земную царску справу
 „Отдамъ кроткому царю:
 „Я всѣмъ трюмомъ и дворцами
 „Александра благословлю,
 „Будеть вѣрно управлять,
 „Властямъ воли не давать;
 „Я вамъ истинный Христосъ,
 „Учителю не слабѣйте,
 „А пророки не робѣйте....“ и т. д.

Представляемъ еще два разказа скопцовъ о возвращеніи Селиванова въ Петербургъ: унтеръ-офицера Архипова, которому самъ Селивановъ разказывалъ про свиданіе свое съ императоромъ Павломъ, и штабсъ-капитана Созоновича, знавшаго всѣ тайны скопческаго общества.

Изъ записки полковника князя Голицына *О скопцахъ открытыяхъ въ Москвѣ въ 1835 году* и изъ свѣдѣтельнаго дѣла о нихъ тогда производившагося видно, что скопецъ отставной унтеръ-офицеръ Денисъ Архиповъ, служба въ Нотебургскомъ пѣхотномъ полку, квартировавшемъ въ 1789 году въ Ригѣ, стоя на часахъ въ Динаминдской крѣпости, былъ совращенъ въ скопческую ересь содержащимся тамъ крестьяниномъ Александромъ Ивановымъ Шиловымъ и тутъ же „убѣленъ“ инженернымъ унтеръ-офицеромъ Казуткинымъ. Въ Ригѣ бѣлые голуби собирались на радѣнія въ домѣ мѣщанина Деггарева, куда приходилъ и кормщикъ рижскаго корабля Іоаннъ Предтеча Шоловъ, отпускаемый для того каждый разъ изъ-подъ караула изъ Динаминдской крѣпости, благодаря слабости надзора за арестантами и тому что многіе изъ караулившихъ его сами принадлежали къ обществу бѣлыхъ голубей. „Когда воцарился императоръ Павелъ Петровичъ, разказывалъ Архиповъ, то возникли въ народѣ разные толки про императора Петра III. Узнали мы что учитель нашъ Александръ Ивановичъ Шоловъ и сосланные съ нимъ въ крѣпостныя работы скопцы Софонъ Авдѣевичъ Поповъ, дяконъ Семень Алексѣевъ, Иванъ Прокудинъ, Емельянъ Ретивовъ, Иванъ Семикинъ и еще Кузьма, присланные изъ Моршанска, разказываютъ будто старѣйшій скопческій нашъ учитель есть императоръ Петръ Федоровичъ, что онъ живъ и находится въ Сибири въ ссылкѣ.“ Вслѣдствіе такихъ ихъ разговоровъ, всѣ они были отправлены по высочайшему повелѣнію изъ Риги въ Шлиссельбургскую крѣпость, и тогда же, по словамъ ихъ, вытребованъ былъ изъ Сибири отецъ-искупитель Петръ Федоровичъ. „Я бывши въ 1805 году въ Петербургѣ, во время уже своей отставки, по надобностямъ, говорилъ Архиповъ, видалъ его въ домѣ скопца тамошняго купца Сидора Яковлевича Ненастьева, бесѣдовалъ съ нимъ и изустно отъ него слышалъ, что по возвращеніи его изъ Сибири, представляли его императору Павлу Петровичу, который спросилъ его: „почему ты именуешься по народной молвѣ отцомъ моимъ?“ На сіи слова батюшка отецъ-искупитель, продолжалъ Архи-

повъ, отозвался, что когда ты (то-есть государь Павелъ Петровичъ) согласишься „принять чистоту“ и поступить въ нашу истинную вѣру, те и будешь моимъ сыномъ. Разгнѣвавшись за такой отвѣтъ, государь отправилъ отца-искувителя въ какую-то богадѣльню подъ надзоръ, откуда онъ былъ освобожденъ уже императоромъ Александромъ Павловичемъ.“

Въ такомъ же родѣ разказываетъ другой скопецъ, штабсъ-капитанъ 34 егерскаго полка (изъ дворянъ, Смоленской губерніи, воспитанникъ С.-Петербургскаго дворянскаго корпуса) Борисъ Петровичъ Созоновичъ, убѣдившійся на 24 году отъ рожденія „По вступленіи на престолъ императора Павла Петровича (говоритъ онъ въ *Объясненіи*, которое, раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, писалъ онъ въ Соловецкомъ монастырѣ, куда былъ сосланъ), по доносу нѣкотораго московскаго купца Масонова (то-есть Колесникова), освобожденнаго онымъ государемъ изъ заточенія, что якобы отецъ его, бывшій императоръ Петръ Федоровичъ, находится въ живыхъ, тотъ самозванецъ былъ возвращенъ изъ Сибири въ Петербургъ. Когда государь спросилъ его точно ли онъ его отецъ, то онъ якобы отвѣтствовалъ; что когда-де примешь мое дѣло, то-есть оскотленіе, то я почту тебя за сына. А равно и помянутый предтеча того лжехриста (Шиловъ) въ онде же время изъ заключенія освобожденъ. Но какъ государь Павелъ Петровичъ не почелъ ихъ тѣми особами коими они отъ купца Масонова были названы, то якобы государь самозванца Петра изъ секретнаго заключенія опредѣлилъ въ нѣкую богадѣльню съ пенсіей, а означенный лжепредтеча сосланъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.“ *

Въ дѣйствительности императоръ Павелъ, не зная тайнъ скопческой ереси и считая уродующихъ себя сумашедшими, облегчилъ наказанія которымъ подвергались они въ царствованіе Екатерины по суду статскаго совѣтника Волкова. Привезенный въ Петербургъ Кондратій Селивановъ былъ по высочайшему повелѣнію помѣщенъ въ смиренительный домъ, находившійся при Обуховской больницѣ, подъ именемъ „секретнаго арестанта“. Шиловъ изъ крѣпостныхъ работъ въ Динаминдѣ переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ получалъ хорошее содержаніе съ разными удобствами въ жизни, а Софонъ Авдѣевичъ Поповъ помѣщенъ въ Зеленецкій

* *Объясненіе штабсъ-капитана Созоновича. Рукопись.*

монастырь Петербургской епархіи, гдѣ постригся и нареченъ въ монашество Савватіемъ. Другіе скопцы также получали облегченіе. Многіе изъ моршанскихъ и орловскихъ бѣлыхъ голубей переселились уже въ это время въ Петербургъ, приписались въ тамошнее городское общество и завели большія торговля дѣла.

Императоръ, Александръ Павловичъ черезъ годъ по вступленіи на престолъ (6-го марта 1802 года), въ сопровожденіи молодого своего совѣтника графа Строгонова, посѣтивъ Обуховскую больницу и находившіяся при ней заведенія, разговаривалъ съ Селивановымъ и приказалъ освободить его и помѣстить въ богадѣльню.

Въ тотъ же день петербургскій камеральный департаментъ писалъ надзирателю богадѣльни находившейся при Смольномъ монастырѣ, коллежскому совѣтнику Бѣлкину, слѣдующее: „во исполненіе высочайшаго именнаго его императорскаго величества повелѣнія, здѣшній военный губернаторъ генералъ отъ инфантеріи Голевищевъ-Кутузовъ сему департаменту предложилъ: содержащагося въ смиренномъ домѣ подъ именемъ секретнаго арестанта, крестьянина Орловской губерніи, села Столбова, Кондратія Селиванова освободивъ, опредѣлить въ богадѣльню.“ *

Въ тотъ же день надзиратель городской больницы Солодовниковъ увѣдомилъ Бѣлкина о высочайшей волѣ, и препровождая Селиванова, предписалъ принять его въ богадѣльню *въ первый сортъ.* **

Въ богадѣльнѣ Смольнаго монастыря Селивановъ ходилъ по церкви съ кружкою для сбора въ пользу бѣдныхъ. Черезъ три съ половиною мѣсяца онъ, по прошенію жившаго въ Александроневской лаврѣ Поляка, статскаго совѣтника Елянскаго, былъ уволенъ, уже безъ высочайшаго повелѣнія. ***

* *Предписаніе петербургскаго камеральнаго департамента коллежскому совѣтнику Бѣлкину 6-го марта 1802 года, № 189.* Смирительный домъ, называвшійся болѣе „духгаузомъ“, находился тогда въ вѣдѣніи петербургскаго приказа общественного призрѣнія и помѣщался въ зданіяхъ у Обуховскаго моста. Богадѣльня при Смольномъ монастырѣ—нынѣшній вдовій домъ.

** *Отношеніе надзирателя городской больницы Солодовникова надзирателю богадѣльни при Смольномъ монастырѣ коллежскому совѣтнику Бѣлкину 6-го марта 1802 года, № 176.*

*** *Предписаніе петербургскаго приказа общественного призрѣнія (въ вѣдѣніи котораго находилась богадѣльня при Смольномъ мона-*

Бѣлые голуби, называя наказаніе кнудомъ Кондратя Селиванова „крестною смертію“ и „распятіемъ“, а ссылку его въ Сибирь „погребеніемъ“, считаютъ возвращеніе его въ Петербургъ и полученіе имъ свободы „воскресеніемъ.“ Со времени этого „воскресенія“ на радѣвняхъ бѣлыхъ голубей, какъ въ Петербургѣ, въ присутствіи самого обоготворяемаго Селиванова, такъ и по другимъ мѣстамъ, скопцы стали пѣть пасхальную пѣснь православной церкви *Христосъ воскрес.* Этими же словами начинаетъ Селивановъ и свое *Посланіе* къ дѣтушкамъ, которое писалъ онъ, безспорно, въ Петербургѣ. У скопцовъ есть слѣдующая „воскресная пѣснь“ о возвращеніи свободы ихъ отцу-искупителю.

Со восточной со сторонушки
 На западную, на западную
 Провезли древо кипарисовое,
 На томъ древѣ пятьсотъ золотыхъ вѣтвей,
 Эти вѣтви
 Израильски дѣти,*
 А везли то древо на пяти стахъ коняхъ,
 А на всякомъ конѣ по пяти сотъ ковровъ,
 А на всякомъ коврѣ по пяти сотъ ангеловъ,
 Еще ангеловъ, да архангеловъ.
 Привезли то древо-кипарисъ во Питеръ градъ,
 Стамовили древо отъ земли до неба:

стырѣ) коллежскому совѣтнику Бѣлкину, 23-го іюля 1802 г., № 312: „находящагося въ богадѣльнѣ, Орловской губерніи, села Столбова, крестьянина Кондратя Селиванова уволить просителю статскому совѣтнику Елянскому.“ Этотъ далъ слѣдующую странную расписку: „Бывши польскаго двора камергеромъ, въ 1793 году переименованъ російскаго двора статскимъ совѣтникомъ. По случаю пріобрѣтенія мною смиренной жизни, сложилъ я добровольно патенты, отрекся гражданской службы, подучаю по указу всемилостивѣйшаго монарха пенсію въ годъ 500 рублей изъ кабинета, а самъ имѣя квартиру въ Невской лаврѣ, именуясь: польскій дворянинъ Алексѣй Елянскій.“ Эта расписка хранится въ дѣлахъ богадѣльни. Она 1-го апрѣля 1844 года, за № 588, въ засвидѣтельствованной копіи, была препровождена къ дѣйствительному статскому совѣтнику И. П. Липранди, который, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, занимался тогда розысканіями о скопцахъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ. (Всѣ эти свѣдѣнія извлечены изъ бумагъ переданныхъ мнѣ В. И. Далемъ).

* Израильскія дѣти—скопцы.

Будутъ строить градъ Иерусалимъ
 Съ Отцомъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ съ самимъ,
 И со Троицею, съ богородицею,
 И великіе дома строятся, *
 Кладъ великій откроется,
 Источникъ протечетъ,
 Смыкъ Божій на всю землю проречетъ:
 „Кто хочетъ живой воды напиться,
 Изволь въ Питеръ прикатиться,
 То душамъ вѣчно годится.
 Чтобы тѣлу не потакать,
 А живому Богу работать,
 Души въ царство привлекать,
 На плеча бѣлы ризы надѣвать,
 Будетъ весь Израиль доставать
 И этому дѣлу не миновать.“ **

По выходѣ изъ богадѣльни Смольнаго монастыря, отецъ-искупитель бѣлыхъ голубей поселился въ домѣ купца Сидора Ненастьева, гдѣ собирался тогда петербургскій хлыстовско-скопческій корабль, въ то время уже многочисленный и поддерживаемый лицами принадлежавшими къ высшему, образованному обществу. Живалъ Селивановъ и въ другихъ домахъ скопческихъ, у Красниковыхъ, у Добрецова, Артамонова, Васильева и у купчихи Афросиньи Софоновны Поповой, *** дочери сосновскаго скопца Софона Авдѣевича, теперь инока Савватія, бывшей, для виду, замужемъ за купцомъ Андреемъ Костровымъ, тоже скопцомъ. Эта Афросинья, очень красивая собой, хотя уже немолодая женщина, была въ петербургскомъ кораблѣ пророчицей. Наконецъ купецъ Солодовниковъ, въ 1816 году, построилъ въ Литейной части, близъ Лиговки, „Новый Иерусалимъ“, гдѣ водворился отецъ-искупитель и жилъ до 1820 года, то-есть до ссылки его въ Суздальскій Спасо-Евфимьевъ монастырь.

Заклучимъ эту главу сохранившимися извѣстіями о скопческомъ Іоаннѣ Предтечѣ, Александрѣ Ивановичѣ Шиловѣ,

* Это относится до постройки скопцами Солодовниками дома Ковдрацю Селиванову, которъ назывался „Новымъ Иерусалимомъ“; о немъ подробно будетъ разказано далѣе.

** Эта пѣсня находится въ *дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, 1822, № 16.

*** *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, 1814, № 8. Въ домахъ Поповой (Кострова) и у Ненастьева до постройки „Новаго Иерусалима“ были скопческія молебенныя.

котораго называли то графомъ Чернышевымъ, то княземъ Дашковымъ, заключеннымъ будто бы въ темницу по повелѣнію императрицы Екатерины. Въ рѣдкой рукописи *Русскіе скопцы* *, экземпляръ которой находится у насъ, говорится о немъ слѣдующее:

Скопцы съ какою-то таинственностью и благоговѣніемъ разказываютъ, будто бы императоръ Павелъ Петровичъ, будучи еще великимъ княземъ, въ 1776 году два раза одинъ на одинъ разговаривалъ съ Шиловымъ въ Динаминдской крѣпости. Овдовѣвшій въ этомъ году (15-го апрѣля) великій князь черезъ восемь недѣль по кончинѣ супруги своей Наталіи Алексѣевны (13-го іюня) поѣхалъ въ Берлинъ свататься къ принцессѣ Софіи Доротеѣ Виртембергъ-Штутгардской (императрица Марія Ѣеодоровна) и воротился въ Петербургъ 14-го августа. Находясь въ Ригѣ въ концѣ іюня и въ первыхъ числахъ августа 1776 года, онъ дѣйствительно обозрѣвалъ казематы Динаминдской крѣпости и конечно видѣлъ Шилова и другихъ скопцовъ, не задолго предъ тѣмъ присланныхъ изъ Сосновки и Моршанска. Вступивъ на престолъ, онъ отдалъ повелѣніе президенту города Риги Егору Егоровичу Гене прислать Шилова въ Петербургъ, а остальныхъ скопцовъ разослать по монастырямъ. Шилова привезли въ Петербургъ и въ продолженіе полутора мѣсяца содержали у Обольянинова, въ угловомъ домѣ выходившемъ на набережную Невы изъ Мошкова переулка. Въ то же время взяли шестерыхъ скопцовъ жившихъ въ Петербургѣ и въ концѣ 1796 года всѣхъ ихъ отправили въ Шлиссельбургъ. ** Вскорѣ послѣ того, именно 6-го января 1799 года,

* Доставлена В. И. Далемъ. Эта рукопись составлена И. П. Липради, который своими изслѣдованіями первый прогналъ свѣтъ на темную секту бѣлыхъ голубей, до него совершенно почти неизвѣстную.

** Изъ числа этихъ скопцовъ, лично знавшихъ Шилова, въ сороковыхъ годахъ были еще живы въ Петербургѣ: купецъ Агѣевъ и бывшій купецъ, а потомъ мѣщанинъ, Савельевъ. Послѣдній былъ одаренъ большимъ умомъ и удивительною по его лѣтамъ памятію. Онъ разказывалъ, между прочимъ, о смерти императора Ивана Антоновича, содержавшагося въ томъ самомъ казематѣ въ которомъ въ послѣдствіи сидѣлъ Савельевъ, и слышалъ объ обстоятельствахъ его смерти отъ сторожей. Савельевъ, Агѣевъ и другіе разказывали что въ числѣ посаженныхъ съ ними въ Шлиссельбургскую крѣпость былъ и московскій купецъ Ѣеодоръ Евсеевичъ Колесниковъ. Они гово-

рано утромъ прѣхалъ въ Шлуиссельбургъ нарочный курьеръ (камергеръ, ибо имѣлъ на заднемъ карманѣ ключъ), съ повелѣніемъ привезти въ Петербургъ для освобожденія Шилова съ другими скопцами. Но посланный не засталъ Шилова въ живыхъ: онъ умеръ въ то самое утро какъ тотъ прѣхалъ. Это поставило камергера въ недоумѣніе: онъ недоумѣвалъ везти ли ему другихъ скопцовъ, которыхъ предписано было ему представить вмѣстѣ съ умершимъ. По совѣщаніи съ комендантомъ крѣпости, генераль-маіоромъ Плуталовымъ, онъ рѣшился пока оставить ихъ въ крѣпости, а Шилова не предавать землѣ до разрѣшенія государева. Черезъ двѣнадцать дней послѣдовало повелѣніе Павла Петровича предать тѣло Шилова землѣ, со всѣми христіанскими обрядами, * а заключенныхъ одновременно съ нимъ скопцовъ допустить проститься съ его тѣломъ. Они нашли при гробѣ коменданта и священника. Изъ нихъ Савельевъ и Агѣевъ чрезъ сорокъ пять лѣтъ послѣ того утверждали что тѣло Шилова не только не было испорчено, но и не имѣло дурнаго запаха. Въ

рими что этотъ Колесниковъ пользовался милостію императрицы Екатерины II, что она употребляла его по разнымъ дѣламъ и прозвала въ шутку „масономъ“, названіе которое, изъ подражанія государыни, и всѣ давали въ то время скопцамъ. Будучи посланъ Екатериною по какимъ-то дѣламъ въ Сибирь, Колесниковъ, возвратясь, нашель на престолѣ уже Павла Петровича, также знавшаго его и осыпавшаго милостями, когда былъ великимъ княземъ. Принявъ бумаги отъ Колесникова и полный отчетъ по порученію данному Екатериной, императоръ Павелъ будто бы разсердился на него за то что тотъ явился къ нему въ сибирской одеждѣ, и какъ въ то самое время отправляли Шилова и шестерыхъ петербургскихъ скопцовъ въ Шлуиссельбургъ, то онъ велѣлъ отправить съ ними и его, но черезъ два года возвратилъ, и тогда какъ самъ, такъ и императрица Марія Федоровна, снова осыпали будто бы Колесникова своими милостями.

* Савельевъ утверждалъ что Александръ Ивановичъ былъ первый котораго разрѣшено было вывезти для погребенія изъ крѣпости; но что обыкновенно умиравшихъ до него шлуиссельбургскихъ арестантовъ хоронили на томъ же мѣстѣ, гдѣ они содержались, что даже императоръ Иванъ Антоновичъ также былъ похороненъ. Къ этому Савельевъ присовокуплялъ, что императоръ Александръ Павловичъ, по вступленіи на престолъ, два раза прѣзжалъ въ Шлуиссельбургъ и приказывалъ отыскать тѣло Ивана Антоновича. Поэтому перерыли все подъ мусоромъ и другимъ хаамомъ, но ничего не нашли.

этомъ нѣтъ, впрочемъ, удивительнаго: дѣло было зимою. Шилова похоронили при подошвѣ Преображенской горы, близъ берега Невы, куда будто бы сопровождали гробъ его: комендантъ генераль-маіоръ Шауталовъ, плацъ-маіоръ Юхаревъ, множество чиновниковъ, народъ и все духовенство. По востшествіи на престолъ императора Александра Павловича, бывшіе въ заточеніи спутники Шилова освобождены и возвращены въ экипажахъ въ Петербургъ. Въ 1802 году, при комендантѣ Шауталовѣ, плацъ-маіорѣ Юхаревѣ, разныхъ чиновникахъ, священствѣ и множествѣ народа, стекшагося какъ изъ Шлиссельбурга, такъ и изъ Петербурга, гробъ Шилова былъ вырытъ, и тѣло будто бы найдено неповрежденнымъ и по словамъ плацъ-маіора Юхарева, передававшего это скопцу унтеръ-офицеру Трусову, оказался одинъ только ноготь на пальцѣ ноги почеркнѣвшимъ, но и то Юхаревъ относилъ къ тѣснотѣ гроба. Мертваго Шилова причесали, потомъ, закрывъ, положили въ тотъ же гробъ, и въ сопровожденіи всѣхъ чиновъ Шлиссельбурга и постороннихъ лицъ, перенесли выше на той же горѣ, туда гдѣ оно и теперь находится. Здѣсь сначала была построена надъ могилой обширная деревянная часовня (будто бы иждивеніемъ коменданта, который былъ съ покойнымъ въ дружбѣ). Могила скопческаго предтечи сдѣлалась предметомъ обожанія съ того времени какъ Кондратій Селивановъ сталъ свободно проповѣдывать ученіе свое въ Петербургѣ. Бѣлые голуби со всѣхъ сторонъ стали стекаться на поклоненіе этой могилѣ. Петербургскіе скопцы купцы Борисовъ * и Шеметовъ сдѣлали надъ нею прочный сводъ, а въ 1829 году поставили существующій до нынѣ памятникъ. **

II. МЕЛЬНИКОВЪ.

(Продолженіе будетъ.)

* Въ послѣдствіи почетный гражданинъ, выстроившій на Преображенской горѣ въ 1818 году церковь и домъ. Онъ былъ старостою двухъ церквей въ Шлиссельбургѣ: Благовѣщенской, въ городѣ, и Преображенской, на кладбищѣ, въ которой въ началѣ 1844 года и похороненъ.

** Сравн. *Исслѣдованіе о скопческой ереси* Н. И. Надеждина. При этой книгѣ приложено и изображеніе надгробнаго памятника Шилова.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Соч. автора *Исторіи отечественной войны 1812 года.* Спб. 1869, т. I—IV.

Послѣ довольно большаго числа обнародованныхъ въ послѣдніе годы документовъ относящихся къ эпохѣ императора Александра I, послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ монографій касающихся той же эпохи, мы получаемъ наконецъ ея *Исторію*. Эпоха въ высшей степени важная и любопытная, за разработку которой пора было наконецъ приняться, чтобъ установить на нее правильную точку зрѣнія. Императоръ Александръ I и его время, точно такъ же какъ и всѣ историческіе дѣятели и историческія эпохи, подвергались у насъ то ожесточеннымъ порицаніямъ, то какому-то тенденціозному восхваленію, которое какъ будто имѣло въ виду колотъ глаза настоящему времени. „То былъ вѣкъ богатырей“, восклицалъ поэтъ прежняго времени и прибавлялъ:

„Но смѣшались шатки,
И полѣзли изъ щелей
Мотки да букашки.“

Правда, послѣднія слова Давыдова относятся не къ нашему времени, но сколько есть охотниковъ (особенно между стариками) дать выразумѣть, что и тѣ люди которые разрѣшили крестьянскій вопросъ и осуществляютъ судебную реформу—*мотки и букашки*.... И безусловныя похвалы, и ожесточенныя порицанія дѣятелямъ первой четверти XIX вѣка не справедливы: эти люди не лучше и не хуже насъ, но они дѣйствовали при иныхъ обстоятельствахъ, находились въ иныхъ условіяхъ и,

главное дѣло, стремились часто къ осуществленію иныхъ идеаловъ чѣмъ мы: вотъ причина что ихъ и обвиняютъ, и восхваляютъ съ такою страстностію. Но потому-то самому что такое различіе понятій отдѣляетъ насъ отъ людей и дѣлъ Александровской эпохи, намъ и слѣдуетъ внимательно изучить эти дѣла и этихъ людей. Большое спасибо, слѣдовательно, почтенному генералу Богдановичу за то что онъ составилъ полное и обстоятельное описаніе эпохи, о которой были разсѣяны до сего времени лишь эпизодическія, нерѣдко одностороннія или даже пристрастныя извѣстія.

Прежде чѣмъ заняться сочиненіемъ заглавіе коего выписано выше, да позволено намъ будетъ пріостановиться на мысли выраженной нѣскольکو строкъ выше сего. Естественное ли, нормальное ли явленіе это различіе въ понятіяхъ двухъ столь близкихъ между собою эпохъ, какъ нынѣшняя и Александровская? Естественное ли, нормально ли чтобы правительство одной и той же страны имѣло такіе-то идеалы въ данную минуту, а пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ спустя совершенно иные? Многое измѣняется и даже должно измѣняться по мѣрѣ того какъ одно поколѣніе смѣняется другимъ, но, на примѣръ, система внѣшней политики страны должна ли измѣняться? Вотъ вопросъ который, конечно, заслуживаетъ нѣсколькихъ минутъ вниманія со стороны читателей *Русскаго Вѣстника*. Обращаясь для разрѣшенія этого вопроса къ примѣру другихъ странъ, мы видимъ что Англія въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ стремится къ господству на моряхъ, учреждаетъ морскія станціи на всѣхъ океанахъ и ревниво наблюдаетъ за возникновеніемъ всякой новой силы на Востокъ; Франція болѣе двухъ сотъ лѣтъ стремится къ границамъ на Рейнъ и къ подножію Альпъ, къ преобладанію на Средиземномъ морѣ и къ утверженію своего вліянія въ Прирейнской Германіи и въ сѣверной Италиі; Пруссія со времени Фридриха II заявляла постоянно желаніе стать во главѣ германскаго единства... Только въ Россіи мы не замѣчаемъ твердыхъ политическихъ преданій. Какая могла бы быть тому причина? Неужели вокругъ такого исполнскаго организма какъ Россія не образовалось извѣстныхъ условій которыя специально соответствовали бы его потребностямъ? Или же не нашлось великаго государственнаго челоука въ Россіи который бы угадалъ эти потребности? Нѣтъ, недаромъ иностранцы сочинили легенду

о политическомъ завѣщаніи Петра Великаго, которому будто бы всѣ послѣдовавшія съ того времени правительства неуклонно слѣдуютъ: значитъ предполагается же известная политическая система специально пригодная для Россіи. Дѣйствительно, подобно тому какъ Кромвель, Ришелье и Фридрихъ II были родоначальниками національной политики Англіи, Франціи и Пруссіи, такъ Петръ I есть отецъ русской національной политики. Различіе состоитъ только въ томъ что въ Англіи, Франціи и Пруссіи установилась въ теченіи времени неизмѣнная политическая система и образовались правительственныя преданія, между тѣмъ какъ у насъ этого не было. Одна Екатерина Великая усвоила себѣ Петровы преданія; за то едва лишь закрыла она глаза, какъ все существенное и по внутреннимъ дѣламъ, и по внѣшнимъ, приняло иное, по большей части діаметрально противоположное прежнему направленіе. Екатерина всю жизнь свою стремилась къ утвержденію государственнаго единства и къ подавленію провинціализмовъ; ея преемникъ поспѣшилъ возстановить особенныя учрежденія прибалтійскихъ и возвращенныхъ отъ Польши губерній. Екатерина руководствовалась единственно выгодами Россіи въ дѣлахъ международной политики; въ послѣдніе годы своей жизни она, правда, много говорила о необходимости подавить революціонную гидру во Франціи, но найдя ея отпрыски въ Варшавѣ, свела съ нею свои счеты и не захотѣла идти далѣе; а предпочла употребить русскую армію для утвержденія своей власти на Востоку; Павелъ, напротивъ того, отозвалъ русскія войска изъ восточнаго Кавказа и послалъ ихъ возстановлять власть Сардинскаго короля....

Екатерининскія преданія были слѣдовательно совершенно заслонены, забыты, истреблены, когда Александръ I вступилъ на престолъ. Молодой императоръ счелъ нужнымъ объявить во всеобщее свѣдѣніе что онъ будетъ царствовать по духу и разуму своей бабки. Но духъ и разумъ ея правительства были утрачены; тѣ изъ ея сотрудниковъ которые до воцаренія ея внука едва ли были въ состояніи сообщать ему ея правительственныя преданія, да притомъ и самъ Александръ и ближайшіе его совѣтники многое презирали и многое отрицали (начиная съ Потемкина и Греческаго проекта) въ томъ царствованіи которое ставили себѣ будто бы въ образецъ. Что же предпримуть они сами? Чѣмъ

станутъ руководствоваться?... Предъ ними была *tabula rasa*; имъ предстояла свобода дѣйствія тѣмъ болѣе полная, что даже международные акты, эти видимыя связи настоящаго съ прошедшимъ, ослабли и утратили значеніе въ началѣ нынѣшняго вѣка, благодаря всеобщей пертурбаціи въ европейской политикѣ причиненной революціонными войнами. Посмотримъ же на первые шаги императора Александра въ сферѣ вѣшной политики; они тѣмъ болѣе любопытны что слѣды ихъ мы находимъ въ продолженіе всего его царствованія.

Франція была въ это время на верху своего могущества; анархія уступила мѣсто умной, энергической администраціи,

....*Rome remplissait Sparte;*

Déjà Napoléon perçait sous Bonaparte,

Et du premier Consul le masque étroit

Le front large de l'empereur perçait en mainte endroits.

Что касается до международнаго положенія Франціи, то оно было, можно сказать, господствующее. Присоединеніемъ Бельгіи и Савоіи съ Пиемонтою границы ея передвинуты были къ Нижнему Рейну и Альпамъ, съ чѣмъ вмѣстѣ увеличено было и протяженіе ея морскихъ береговъ. Далѣе, широкою полосой окружили Францію владѣнія покорныхъ ей и трепещущихъ предъ ней союзниковъ: на сѣверѣ къ ней прикасалась Батавская республика; на востокѣ группа мелкихъ германскихъ владѣній, сжимаемая въ желѣзной рукѣ перваго консула Франціи, приучалась къ осуществленію задуманнаго имъ Рейнскаго Союза; изъ рукъ того же перваго консула Франціи Швейцарія, подъ именемъ Гельветической республики, получила свое политическое устройство и была въ дѣйствительности его вассаломъ; сѣверная и средняя Италия, соединенная въ единое политическое цѣлое, считала генерала Бонапарта своимъ президентомъ; онъ занималъ своими войсками Неаполитанскія владѣнія, заставлялъ трепетать предъ собою Испанію, принудилъ германскаго императора къ двукратному унижительному миру, грозилъ высадкой Великобританіи, Ганноверскія владѣнія коимъ онъ занялъ вооруженною рукою, и полагалъ основанія континентальной системѣ закрытіемъ для англійской торговли устьевъ Везера и Эльбы.... Со времени Карла V Европа не видала такого преобладанія одной державы надъ остальными.

Въ какихъ отношеніяхъ находились между собой въ это время Франція и Россія?

Императоръ Александръ наследовалъ отъ родителя своего очень удовлетворительныя отношенія къ генералу Бонапарту, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего вступленія на престолъ заключилъ съ нимъ секретную конвенцію, коею, казалось, Россія и Франція раздѣляли между собой диктатуру надъ Европой. Онѣ договорились доставить, по обоюдному соглашенію, вознагражденіе королю Сардинскому и германскимъ владѣтелямъ потерявшимъ свои владѣнія по Люневильскому трактату, Императоръ Александръ принималъ на себя ходатайство въ Константинополь объ освобожденіи французскихъ плѣнныхъ, а генералъ Бонапартъ обязывался вывести свои войска изъ Неаполитанскихъ владѣній и признавалъ независимость освобожденныхъ русскимъ оружіемъ изъ-подъ турецкаго ига Ионическихъ острововъ. Итакъ, всѣ текущіе международные вопросы должны были разрѣшиться совмѣстнымъ дѣйствіемъ Россіи и Франціи: такъ значилось въ трактатѣ. Но Бонапартъ находилъ что для обѣихъ сторонъ удобнѣе замѣнить совмѣстное ихъ дѣйствіе дѣйствіемъ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ, каждой въ сферѣ наиболѣе важныхъ для нея интересовъ. Такъ какъ, соображалъ онъ, вопросъ объ устройствѣ дѣлъ въ Италіи или на берегахъ Рейна болѣе интересуется Францію чѣмъ Россію, то послѣдняя могла бы предоставить первой устроить эти вопросы по своему усмотрѣнію, а Франція, съ своей стороны, не стала бы вмѣшиваться въ распоряженія Россіи по дѣламъ восточной Европы. Помянутою конвенціей было постановлено чтобы на Ионическихъ островахъ не было иностранныхъ войскъ, а русскія войска не торопились выходить оттуда и даже, если вѣрнѣе выраженнымъ въ послѣдствіи на это жалобамъ со стороны Франціи, число нашихъ войскъ тамъ постоянно увеличивалось; но генералъ Бонапартъ дѣлалъ видъ что не замѣчаетъ этого, и за то требовалъ чтобы императоръ Александръ не торопилъ его вознагражденіемъ короля Сардинскаго и выводомъ войскъ изъ Неаполитанскихъ владѣній.

Итакъ, отношенія между Россіей и Франціей устанавливались на ногѣ совершеннаго равенства; это могло быть началомъ союза, но не такого какой образовался послѣ Тильзитскаго мира, это могло быть началомъ союза неностыднаго для Россіи, союза который ставилъ ее въ необыкновенно

выгодное положеніе. Дипломатическія сношенія между Россіей и Франціей, прерванныя во время революціонныхъ сатурналіи, возобновились зимою 1801—1802 года, и въ продолженіе нѣкотораго времени Европа могла думать что тѣсная дружба соединяетъ императора Александра и главу Французской республики. На Ратисбонскомъ конгрессѣ, происходившемъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Франціи, представленіямъ Петербургскаго двора было оказываемо величайшее вниманіе; второстепенные князья Германіи, если только они находились въ родствѣ съ императоромъ Александромъ или пользовались его покровительствомъ, получали вознагражденіе болѣе широкое чѣмъ прочіе. Позже, при возникавшихъ уже недоразумѣніяхъ между Франціей и Россіей, первый консулъ два раза заявлялъ самымъ серіознымъ образомъ о своемъ уваженіи къ императору Александру и о желаніи сохранить добрыя отношенія къ Россіи. Въ первый разъ это случилось по поводу уклоненія со стороны Англіи отъ обязательства вывести, согласно Амьенскому трактату, свои войска изъ Мальты и возвратитъ этотъ островъ ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго. Такъ какъ британское правительство выражало опасеніе что этотъ важный по своему положенію островъ легко можетъ перейти изъ рукъ ордена въ руки Франціи, то первый консулъ предложилъ сдать оный подъ охрану Александра, — предложеніе, которое было отклонено англійскимъ кабинетомъ. Потомъ въ томъ же дѣлѣ, по поводу тѣхъ же недоразумѣній съ Великобританіей, первый консулъ еще разъ торжественно засвидѣтельствовалъ о своемъ довѣріи и уваженіи къ русскому правительству по слѣдующему случаю. Король Георгъ нашель нужнымъ заявить своему парламенту что морскія вооруженія Франціи не дозволяютъ ему вывести свои войска изъ Мальты. Такое заявленіе, сдѣланное официальнымъ образомъ предъ лицомъ всего свѣта и (по французскимъ источникамъ) не оправдываемое дѣйствительностію, вызвало со стороны перваго консула одну изъ тѣхъ бѣшеныхъ выходокъ, которыя были результатомъ не столько его горячаго темперамента, сколько никогда не покидавшаго его политическаго разчета: онъ рѣшился „оборвать“ Англію въ лицѣ ея представителя. Тщетно было все искусство Талейрана чтобъ успокоить его; 1-го (13-го) марта 1803 года, на третій день послѣ полученія въ Парижѣ извѣстія о королевскомъ посланіи, у супруги перваго консула былъ приемъ. Пока

гостиныя наполнялись, Бонапартъ, совершенно одѣтый, находится во внутреннихъ комнатахъ своей супруги; онъ игралъ съ племянникомъ своимъ, новорожденнымъ младенцемъ, старшимъ братомъ нынѣшняго императора Франціи, и разсѣянно слушалъ имена прибывавшихъ гостей. Но когда произнесено было имя лорда Витворта, онъ вздрогнулъ, оставилъ ребенка, быстро взялъ за руку Жозефину и прошелъ ускореннымъ шагомъ къ гостямъ. Не замѣчая никого, онъ направился прямо къ англійскому посланнику и сказалъ ему съ чрезвычайнымъ волненіемъ: „Милордъ, имѣете ли вы извѣстія изъ Англіи?“ Затѣмъ, не ожидая отвѣта, онъ продолжалъ, задыхаясь отъ волненія: „Итакъ, вы хотите войны?... Вы хотите войны?“ говорилъ онъ возвышая голосъ. „Мы дрались десять лѣтъ, и вы желаете чтобы мы дрались еще другихъ десять лѣтъ?... Какъ смѣли сказать у васъ что Франція вооружается?...“ Разрывъ былъ полный, громкій. Однако прежде чѣмъ обнажить оружіе, Бонапартъ съ большою предупредительностію принялъ предложеніе посредничества со стороны Русскаго императора, и если оно не состоялось, то еще разъ по недостатку довѣрія къ Петербургскому двору со стороны британскаго, а не французскаго правительства.

Вотъ каково было положеніе дѣлъ въ половинѣ 1803 года. Первый консулъ явно заискивалъ расположенія Россіи. Въ Европѣ готовы были, казалось, образоваться двѣ отдѣльныя политическія сферы, изъ коихъ въ одной центромъ была бы Франція, а въ другой—Россія. Не такого ли положенія дѣла для Россіи и желали въ свое время Петръ I и Екатерина II? Какъ тотъ такъ и другая, почти не вмѣшиваясь въ дѣла крайняго Запада, старались освободить отъ вмѣшательства Франціи и Англіи дѣла Востока, которыя, по мнѣнію этихъ знаменитыхъ политическихъ дѣятелей, отнюдь не должны были подчиняться западной гегемоніи. Еслибъ императоръ Александръ руководствовался преданіями Петра и Екатерины, то онъ не преминулъ бы замѣтить что ему открывается возможность не только продолжать, но можетъ-быть и окончить то что они начали, то-есть, перестроить восточную Европу на основаніяхъ согласныхъ съ интересами ея населеній и съ интересами Россіи, окружить Россію владѣніями естественныхъ ея союзниковъ и сдѣлать ее центромъ особой политической системы....

Но преданія прошлаго не имѣли силы для Александра, ибо

не представляли полной, стройной политической системы, издавна дѣйствующей, проверенной въ законодательныхъ собраніяхъ, въ клубахъ, въ газетахъ всевозможныхъ направленій. Предъ нимъ былъ полный, безусловный просторъ, широкое поле, по которому проходили сотни тропинокъ: которую изъ нихъ выбрать? Дѣлать подобный выборъ а priori очень трудно: ничто такъ не ускользаетъ отъ подобныхъ рѣшеній какъ задачи политическаго свойства. Такія задачи рѣшаются мудростью цѣлыхъ поколѣній, опытомъ вѣковъ, разумніемъ историческаго назначенія той или другой націи: но этихъ-то указаній и не имѣлъ предъ собою Александръ. Единственное надежное, повидимому, основаніе на которомъ онъ могъ утвердиться была общая всѣмъ христіанская нравственность. Это основаніе провозглашалось притомъ современными мыслителями, которые сѣтовали что государи не слѣдуютъ ему въ своихъ международныхъ отношеніяхъ. Молодые совѣтники Александра съ этой же точки зрѣнія порицали политику Екатерины и убѣждали его быть представителемъ новыхъ началъ; наконецъ въ семействѣ своемъ онъ постоянно слышалъ ожесточенныя выходки противъ Бонапарта, какъ противъ революціонера, развѣну, явно замышляющаго надѣть на себя корону Св. Лудовика.... Въ это время приходитъ въ Петербургъ извѣстіе о похищеніи французскими солдатами одного изъ представителей Бурбонской фамилии и о разстрѣляніи его ночью во рву Венсенакаго замка. Съ человѣкомъ руки котораго обрызганы кровью, и притомъ кровью Бурбоновъ, императору Александру казалось невозможнымъ быть не только въ дружественныхъ, но даже въ мирныхъ отношеніяхъ. Онъ вступилъ въ сношенія съ различными дворами, гдѣ надѣялся встрѣтить сочувствіе волновавшему его негодованію. Но и теперь, вступая на новый политическій путь, Александръ не имѣлъ ясной политической программы; если вѣрить Тьеру, то виды Петербургскаго кабинета были такъ неопредѣленны, что ихъ подсказалъ русскимъ министрамъ нѣкій Піатоли, Италіанецъ по происхожденію, аббатъ по званію, а по занятіямъ — политическій мечтатель и авантюристъ.

Аббатъ Піатоли пробрался въ Польшу еще во времена короля Станислава-Августа, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Курляндіи, и наконецъ явился въ Петербургъ, гдѣ не безъ блеска развивалъ въ разныхъ салонахъ свои политическія теоріи.

Принятый подъ покровительство княземъ Чарторыйскимъ, въ то время управлявшимъ иностранными сношеніями Россіи, онъ подалъ черезъ него русскому правительству записку о современномъ положеніи дѣлъ и, по словамъ Тьера, эта записка рѣшила судьбу русской политики. Поднявшись на самую высъ общечеловѣческихъ соображеній, онъ, во имя бѣдствій всей Европы обуреваемой-де своекорыстными стремленіями Франціи и Англіи, предлагалъ русскому правительству, ставъ выше политическихъ ссоръ и выше матеріальныхъ стремленій, собрать подъ свое знамя всѣ страдающія и угнетенныя правительства и народы и затѣмъ воззвать къ разрушителямъ всеобщаго спокойствія, предложить имъ условія, и соединившись съ тою изъ двухъ препирающихся державъ которая приметъ русскую программу, обрушиться на другую всюю тяжестью негодования цѣлой Европы; Піатоли, — говоритъ г. Тьеръ имѣвшій предъ глазами копію съ его записки, — провозглашалъ что не должно быть пощады въ отношеніи страны „qui aurait déserté la cause de l'humanité“. Политическими мечтателями и авантюристами, подобными Піатоли, кашила въ то время Европа; но Петербургъ былъ ихъ обѣтованною страной. Указывая Россіи такое высокое положеніе въ своихъ политическихъ соображеніяхъ, Піатоли указывалъ и средство достигнуть онаго: въ священной войнѣ за благо челоѣчества, она должна была выставить три арміи, къ которымъ должны были примкнуть мелкіе контингенты остальной Европы: роль „Агамемнона царей“ ясно указываема была Александру еще въ 1804 году! Цѣлю всеобщей войны противъ Франціи было бы преобразование карты Европы; нѣкоторые изъ ея завоеваній были бы у нея отняты; король Сардинскій, за котораго очень хлопотали всѣ усердные католики, былъ бы восстановленъ въ своихъ владѣніяхъ, Европа была бы разграничена почти такъ же какъ ее разграничилъ въ послѣдствіи Вѣнскій конгрессъ, наконецъ Польша была бы возсоздана въ ея старинныхъ предѣлахъ, съ подчиненіемъ ея Русскому императору....

Не знаемъ почему генералъ Богдановичъ не упоминаетъ о странной, но любопытной запискѣ Піатоли; она ярко характеризуетъ мечтательную политику нашу въ первые годы выѣзднаго вѣка. Проникнутый мыслями которыхъ Піатоли былъ отчасти глашатаемъ; а отчасти отголоскомъ, Александръ рѣшился отправить одного изъ молодыхъ совѣтниковъ

своихъ, Новосильцова, въ Лондонъ, и начерталъ ему инструкцію которую г. Богдановичъ приводитъ въ довольно подробномъ извлеченіи. Мы передадимъ съ его словъ содержаніе этого оригинальнаго и любопытнаго документа. По мнѣнію государя, самымъ опаснымъ оружіемъ Французовъ было распространенное ими убѣжденіе будто они ратуютъ за свободу и благосостояніе народовъ. И потому необходимымъ казалось прежде всего, вырвавъ это оружіе изъ рукъ правительства недостойнаго подвизаться за столь правое дѣло, принять на себя защиту независимости и блага державъ угнетенныхъ Французами. Совсе не желая замедлять преуспѣваніе человѣчества, что впрочемъ, по мнѣнію императора Александра, не только было бы напрасно, но повело бы къ собственному вреду, государь предполагалъ во всѣхъ странахъ освобожденныхъ отъ ига Бонапарта искоренить прежнія злоупотребленія и обезпечить свободу. Участіе союзниковъ въ судьбѣ короля Сардинскаго, въ отношеніи къ коему Россія и Англія приняли на себя обязательства, должно было подать тому полезный примѣръ: безопасность Европы требовала не только его восстановления, но и увеличенія его владѣній. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣ державы могли совокупно ему посовѣтовать даровать своимъ подданнымъ благоразумную и свободную конституцію: король, безъ сомнѣнія, убѣдился бы что этого требуютъ его собственные выгоды, и что только дѣйствуя такимъ образомъ оны могъ принести пользу общему дѣлу. Касательно Швейцаріи и Голландіи, государь полагалъ предоставить ихъ жителямъ такой образъ правленія какого они пожелаютъ сами. Что же касается Франціи, то одержавъ успѣхи силою оружія и заслуживъ общее сочувствіе соблюденіемъ справедливости и снисхожденія, можно было надѣяться что всякое обѣщаніе союзниковъ будетъ съ довѣріемъ встречено французскимъ народомъ. Пользуясь этимъ, они должны были объявить что они воюютъ не противъ Франціи, а противъ правительства столь же тягостнаго для нея сколько и для прочихъ державъ Европы, и что они обращаются къ Французамъ не съ вызовомъ къ бунту, либо къ ослушанію законамъ, а съ приглашеніемъ оставить несогласія раздѣлявшія ихъ на партіи и учредить такой образъ правленія какой они сами сочтутъ лучшимъ для блага Франціи. Предполагая что Французы пожелаютъ ввести у себя конститу-

ціонную монархію, государь желалъ бы предоставить имъ выборъ главы правительства. Вообще же относительно формы правленія императоръ Александръ полагалъ что „началами учрежденій вездѣ долженствовали быть священныя права человечества, и что самыя учрежденія будутъ различны, сообразно свойствамъ странъ и жителей ихъ“. „По мнѣнію государя,“ продолжаетъ генералъ Богдановичъ,—

„великая цѣль утвержденія на прочномъ основаніи будущаго спокойствія Европы могла быть достигнута, съ одной стороны, преданностію народовъ правительствамъ, руководящимся благомъ своихъ подданныхъ, а съ другой—опредѣленіемъ международныхъ отношеній болѣе точными правилами. По словамъ его, „внимательное обсужденіе этихъ предметовъ и опытъ прежнихъ вѣковъ доказываютъ, что такіе результаты возможны только тогда, когда внутренній общественный бытъ основанъ на благоразумной свободѣ, которая одна лишь скрѣпляетъ правительства и служитъ преградой страстямъ, либо необузданному властолюбію правителей, и когда, въ то же время, народное право утверждено на незыблемыхъ началахъ“. Средствомъ къ упроченію спокойствія Европы, по мнѣнію императора Александра, могло быть заключеніе общаго договора, подобнаго Вестфальскому трактату.

„Императоръ Александръ былъ убѣжденъ въ необходимости усилить второстепенныя государства чтобъ они имѣли средства выдержать первый ударъ и выждать помощь которую дадутъ имъ прочія союзныя державы. Очевидно, что существованіе слухкомъ малыхъ владѣній было несообразно съ предполагаемою цѣлью, потому что они, не обладаа собственною силою, служатъ приманкой властолюбію другихъ державъ и не могутъ содѣйствовать общей пользѣ. Такія неудобства нельзя отстранить ничѣмъ кромѣ присоединенія ихъ къ государствамъ болѣе обширнымъ, либо составленія федеративныхъ союзовъ. Необходимость обуздать Францію заставляетъ обратить вниманіе на эти соображенія въ отношеніи къ Италіи и еще болѣе къ Германіи, которая, повиному, подаетъ удобства къ измѣненію своего политическаго устройства не соответствующаго пользамъ ея народовъ и всей Европы. Но отнятіе владѣній у многихъ германскихъ князей было бы столь несправедливо, что нельзя о томъ и думать. Не лучше ли отдѣлать эти владѣнія совершенно отъ преобладающихъ надъ ними державъ, Австріи и Пруссіи, и образовать изъ второстепенныхъ германскихъ государствъ болѣе тѣсный союзъ? Таковъ былъ вопросъ, требовавшій, по мнѣнію государя, зрѣлаго обсужденія, коль скоро настанетъ время устроить судьбу Германіи.

„Руководимыя одними и тѣми же видами и чувствами, обѣ союзныя державы легко могли согласиться между собою

насчетъ образа дѣйствій въ отношеніи къ прочимъ государствамъ которыя примуть участіе въ войнѣ. Австрія будетъ дѣйствовать по ихъ внушеніямъ изъ опасенія лишиться помощи Россіи и англійскихъ субсидій. Но едва ли можно надѣяться на добровольное присоединеніе Пруссіи къ союзу противъ Франціи, и потому предстоялъ вопросъ не лучше ли заставить ее силою пристать къ одной изъ воюющихъ сторонъ нежели признать ея нейтралитетъ? Впрочемъ, каковы бы ни были сподвижники коалиціи, великобританское министерство, убѣдясь въ пользѣ предлагаемыхъ видовъ, согласится въ необходимости сохранять ихъ въ тайнѣ, ограничиваясь направленіемъ общихъ усилій къ желаемой цѣли.

„По мнѣнію государя, Россія и Англія должны были войти въ искреннее соглашеніе насчетъ судьбы Оттоманской Порты. Не подлежало сомнѣнію что слабость сей державы, безначаліе ея управленія и безпрестанно возрастающее недовольствіе христіанъ, ея подданныхъ, постоянно угрожали спокойствію Европы, и потому слѣдовало принять какія-либо мѣры, сообразныя съ благомъ челоуѣчества и съ правами здравой политики. Конечно, главнымъ препятствіемъ тому было правдушіе, отъ котораго обѣ союзныя державы не захотятъ отклониться даже въ отношеніи къ столь тиранскому правительству; тѣмъ не менѣе, однакоже, еслибы Турки вошли въ союзъ съ Французами, или еслибы, по другимъ обстоятельствамъ, дальнѣйшее существованіе Турецкой имперіи въ Европѣ содѣлалось невозможно, то союзныя державы должны были распорядиться устройствомъ различныхъ частей ея. Далѣе было упомянуто „о вознагражденіи по окончаніи войны обѣихъ державъ за сдѣланныя ими пожертвованія, могущемъ послужить свидѣтельствомъ что пользы ихъ народовъ не были ими оставлены безъ вниманія“.

Эта инструкція, равно какъ и записка италіянскаго аббата служащая ей ключомъ и объясненіемъ, заключаютъ въ себѣ въ общихъ чертахъ мысли которыми руководствовалась политика наша во все продолженіе царствованія Александра I; поэтому помянутые акты заслуживаютъ того чтобы въ нихъ вглядѣться пристально. Прежде всего поражаетъ въ нихъ и кидается въ глаза космополитическій и теоретическій ихъ характеръ, особенно если сличить ихъ съ программой которой слѣдовала политика перваго консула. Генераль Бонапартъ могъ ошибаться насчетъ того что составляло потребности управляемой имъ страны, онъ, можетъ быть, придавалъ чрезмѣрное значеніе вопросу о внѣшнемъ, международномъ величій Франціи, но цѣлю его постоянно и исключительно была Франція, одна Франція; напротивъ того, какъ въ инструкціи данной Новосильцову, такъ и въ

запискѣ Платони говорится о владѣніяхъ Сардинскаго короля и германскихъ владѣтелей, о Ганноверѣ и Швейцаріи, высказывается много великодушныхъ и просвѣщенно-либеральныхъ мыслей, но не говорится специально о Россіи. О ней говорится въ инструкціи Новосильцова лишь по поводу турецкихъ дѣлъ; но при этомъ обнаружены мысли поражающія своею отвлеченностію, какъ напримѣръ, слѣдующая: „Россія и Англія, сказано между прочимъ въ этой инструкціи, единственныя державы въ Европѣ не имѣющія враждебныхъ между собою интересовъ...“ Далѣе, Новосильцову повелѣвалось условиться о совокупномъ дѣйствіи Россіи и Великобританіи „въ случаѣ еслибы дальнѣйшее существованіе Турецкой имперіи въ Европѣ сдѣлалось невозможно,“ — и условиться съ кѣмъ же? Съ сыномъ того кто утверждалъ что не стоить разговаривать о политикѣ съ человекомъ не понимающимъ что Англія не можетъ допустить усиленія русскаго вліянія на Востокѣ!.. Далѣе, окончивъ переговоры въ Лондонѣ, Новосильцовъ долженъ былъ отправиться въ Парижъ и стараться привлечь перваго консула къ принятію русской программы.... Признаемся, мы находимъ очень понятными слова Бонапарта сказанныя по поводу настояній русскаго посланника въ пользу Сардинскаго короля: „Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что императора Александра также мало могутъ интересовать дѣла Сардинскія, какъ меня дѣла Персидскія!“ Питтъ былъ одержаннѣе Бонапарта, но и онъ, — этотъ практичнѣйшій изъ людей, — слушая диссертацию Новосильцова, долженъ былъ думать: съ какой стати эти люди, живущіе подъ полюсомъ, такъ хлопчутъ сдѣлаться всеобщими опекунами!

Стадемъ ли однако порицать императора Александра? Возвышенность его стражденій невольно налагаетъ на насъ печать молчанія; но обращаясь отъ факта къ общимъ соображеніямъ, мы позволяемъ себѣ сказать что каждое правительство должно прежде всего блюсти интересы страны имъ управляемой. Эти интересы, въ своихъ главныхъ основаніяхъ, неизмѣнны: также должны быть неизмѣнны и основанія политики каждой страны, также своеобразны и самостоятельны какъ своеобразны и самостоятельны условія существованія каждаго большаго политическаго организма. А для этого необходимо чтобы въ самой странѣ существовала политическая жизнь, и чтобы съ переменой правительственныхъ лицъ и обсто-

ательствѣ перемѣнялись только приемы, а не основанія политической системы. Франція теперь покровительствуетъ построенію желѣзной дороги черезъ Суэскій перешеекъ чтобы занять почетное положеніе на Востокаѣ, а 70 лѣтъ тому назадъ она предпринимала завоеваніе Египта съ тою же самою цѣлью; также точно Пруссія, организовавъ въ концѣ прошедшаго вѣка Fürstenbund, а въ началѣ нынѣшняго привлекая въ Берлинъ всѣхъ лучшихъ представителей германской мысли, преслѣдовала ту же цѣль, — объединеніе Германіи подъ своимъ главенствомъ, — какую она имѣла въ виду навося Австріи ударъ при Садовой.... Почему же мы не видимъ въ Россіи такой послѣдовательности? Почему въ восьмидесятихъ годахъ всѣ помыслы русскаго правительства сосредоточивались на *греческомъ проектѣ*, а лѣтъ двадцать спустя на возстановленіи Сардинскаго короля въ его владѣніяхъ? Почему Екатерина говорила съ негодованіемъ: „я не нидерландская императрица“, а Александръ принималъ титулъ царя Польскаго?.. Кто же ошибался, Александръ или Екатерина? Почему на разстояніи какихъ-нибудь двадцати пяти лѣтъ представителями русской политики являются Потемкинъ и графъ Нессельроде?

Потому что у насъ не было еще въ первой четверти нынѣшняго вѣка твердыхъ правительственныхъ преданій, а ихъ не было, потому что не было политической жизни въ странѣ. Тамъ гдѣ нѣтъ этой жизни, возможенъ переходъ отъ „греческаго проекта“ къ Священному союзу, тамъ можно сегодня усиленно добиваться клочка скалы въ Архипелагѣ, а завтра безъ борьбы отказываться отъ Ионическихъ острововъ.

П. Ц.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

ТАКТИКА ПРОТИВНИКОВЪ

НАШЕЙ ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Не такъ давно *Московскія Вѣдомости* разоблачили продаку къ которой прибѣгъ *Вѣстникъ Европы* по поводу статьи англійскаго писателя Фоулера. Дѣло полезное, и можно сказать заранее, что еслибы кто вознамѣрился почаще обращаться къ подвигамъ нашихъ мнимыхъ педагоговъ, то не пришлось бы ему, конечно, жаловаться на недостатокъ весьма любопытнаго матеріала. Вотъ уже четыре года сряду какъ петербургская журналистика ратуетъ почти поголовно противъ классицизма, и всякому мыслящему и сколько-нибудь понимающему дѣло человѣку хорошо извѣстно удалось ли ей способствовать разъясненію вопроса. Серіозныхъ аргументовъ она не имѣетъ, но за отсутствіемъ этихъ аргументовъ, вымыслы, подлоги, искаженія фактовъ приняли грандіозные размѣры. Въ сущности *продака* со статьей Фоулера не представляетъ ничего новаго: эта *продака* принадлежитъ еще къ числу самыхъ невинныхъ сравнительно съ другими, которыми изобилуютъ страницы петербургскихъ газетъ и журналовъ. Что за важность въ самомъ дѣлѣ, если *Вѣстникъ Европы* заставлялъ мало извѣстнаго англійскаго писателя проповѣдывать противъ классической системы? Такіе ли еще авторитеты какъ Фоулеръ принуждены были участвовать, по капризу редакціи *Вѣстника Европы* въ подобныхъ же упражненіяхъ? Вообще редакторъ *Вѣстника Европы* сильно напоминаетъ намъ мастера Тутса, героя Диккенсова романа *Домби и Сынъ*. Извѣстно, что этотъ почтенный господинъ велъ дѣятельную корреспонденцію со всеми знаменитостями Англіи, самъ сочиняя къ себѣ отъ нихъ письма,

въ которыхъ заставлялъ ихъ говорить, разумѣется, лишь то что было приятно и лестно самому ему, мистеру Тутсу. Точно также и редакторъ *Вѣстника Европы*: между отечественными и европейскими учеными онъ выбираетъ нарочно такихъ отъ которыхъ менѣе всего можно ожидать что они явятся противниками классическаго образованія, и съ помощью особаго процесса которому подвергаются въ его рукахъ произведенія этихъ писателей, онъ преспокойно отводитъ имъ мѣсто въ рядахъ друзей нашей доморощенной педагогii. Штука, повидимому, не хитрая, а между тѣмъ разчитанная на вѣрный успѣхъ: быть-можетъ, многіе читатели и не положились бы на авторитетъ *Вѣстника Европы*, но есть ли средство устоять когда этотъ журналъ непрерывно подкрѣпляетъ свои злокубраціи ссылками на всѣми признанные авторитеты? Каково положеніе некомпетентнаго въ педагогическихъ вопросахъ человѣка, когда принимаются увѣрять его, что даже въ тѣхъ странахъ гдѣ классицизмъ пустилъ глубокіе корни веѣ просвѣщенные умы только и толкуютъ о томъ чтобы сдѣять поскорѣе въ архивъ эту давно будто бы обветшалую систему? Нельзя было придумать, конечно, лучшаго средства съ цѣлью произвести путаницу въ понятіяхъ публики, на глазахъ которой совершается такимъ образомъ изумительная подтасовка картъ, къ удивленію, остававшаяся до сихъ поръ безнаказанною.

Московскія Вѣдомости упоминаютъ о Фюлерѣ: позволимъ себѣ привести здѣсь на выдержку нѣсколько другихъ примѣровъ въ томъ же родѣ....

Вѣстникъ Европы началъ заниматься изобрѣтенною имъ игрой вѣкорѣ послѣ того какъ возникъ къ существованію. Скольکو помнимъ, для перваго дебюта избралъ онъ имя Т. Н. Грановскаго, которое повладобилось ему среди западныхъ возгласовъ противъ такъ-называемой классической системы. Подобная выходка не могла не изумить, конечно, всѣхъ людей знавшихъ лично незабвеннаго профессора, не могла не изумить особенно послѣ того какъ въ особой статьѣ (см. его *Сочиненія*, т. II, стр. 379) онъ выказалъ весьма ясно и опредѣленно свой взглядъ на значеніе классицизма. Статья эта столь замѣчательна, что считаемъ не лишнимъ напомнить здѣсь о ней. Она была написана по поводу удара нанесеннаго въ 1851 году преподаванію древнихъ

языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Т. Н. Грановскій счелъ долгомъ заявить открыто, что мѣры принятыя въ то время „не безъ причины изумили и опечалили всѣхъ принимающихъ къ сердцу судьбы русскаго просвѣщенія и знакомыхъ съ ходомъ его развитія“, что „люди понимавшіе дѣло были тѣмъ болѣе огорчены, что мѣры эти должны были неизбѣжно вести къ усилению тѣхъ именно идей противъ которыхъ онѣ очевидно были направлены.“ Авторъ статьи возражаетъ сначала противъ нелѣпой мысли будто классическое образованіе способствуетъ развитію и распространенію революціонныхъ ученій, затѣмъ онъ старается доказать что реальныя школы, изгоняя древніе языки, не въ состояніи замѣнить ихъ никакими другими предметами на которыхъ могъ бы всецѣло сосредоточиться умъ воспитанника, что школы эти, „заботясь о сообщеніи многостороннихъ свѣдѣній нужныхъ для пракческаго приложенія, требуютъ отъ учащихся чрезмѣрнаго напряженія силъ и тѣмъ самымъ охлаждають въ нихъ любознательность“, что слѣдствіемъ всего этого является умственное безсиліе и поверхностность. „Иначе, говоритъ онъ, понимаетъ свою задачу здравая педагогія, менѣе заботящаяся о накопленіи знаній и болѣе обращающая вниманіе на развитіе и упражненіе духовныхъ силъ. Ограничивая по мѣрѣ возможности число предметовъ преподаванія, она ставитъ на первомъ планѣ древнюю филологію, *какъ незамѣнимое никакимъ другимъ* средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія. Основательное изученіе древнихъ языковъ, которыхъ правила получили математическую точность и опредѣленность, не только сообщаетъ эти же свойства уму, но въ высшей степени облегчаетъ занятіе новыми языками, такъ что простое грамматическое знаніе греческаго и латинскаго языка ведетъ за собою цѣлый рядъ другихъ приобрѣтеній, съ избыткомъ вознаграждающихъ за употребленное время. Но не въ этомъ заключается главная польза изученія классической литературы. Гдѣ, какъ не въ ея отборныхъ памятникахъ, найдемъ мы столь совершенное сочетаніе изящной формы съ благороднымъ содержаніемъ? Откуда вынесетъ юноша столь чистое понятіе о красотѣ и столь возвышенныя чувства нравственнаго долга и человѣческаго достоинства? Въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ Греціи и Рима было безспорно много ложнаго и непримѣнимаго къ быту

новыхъ гражданскихъ обществъ, но умному наставнику не трудно отдѣлать чисто-историческое, временное, отъ общечеловѣческаго, вѣчно истиннаго элемента въ твореніяхъ древнихъ поэтовъ и мыслителей.....“

Повторяемъ, все это такъ ясно и опредѣленно, что нужно только удивляться зачѣмъ понадобилась статья Т. Н. Грановскаго людямъ избравшимъ своею спеціальностью голословныя нападки на классицизмъ. Но въ рукахъ ловкихъ мастеровъ все становится пригоднымъ къ дѣлу. Покойный московскій профессоръ, имя котораго высоко стоитъ во мнѣніи его почитателей, былъ ревностнымъ защитникомъ классической системы; а что если нападки на эту систему подкрѣпить ссылкой на его авторитетъ? Мысль заманчива, и *Вѣстникъ Европы* отважно принимается за дѣло. Сначала пускаетъ онъ въ ходъ маленькую оговорку, что если Грановскій и „принадлежалъ лично къ почитателямъ классическаго образованія“, то это отнюдь не удивительно въ человѣкѣ „посвятившемъ себя исторической наукѣ, въ которой немѣслимы дальнѣйшіе успѣхи безъ успѣховъ классической филологіи“. Такимъ образомъ дѣлается намекъ, что взглядъ Т. Н. Грановскаго на педагогическую важность древнихъ языковъ объясняется единственно увлеченіемъ ученаго, вполне преданнаго своей спеціальности (какъ неизмѣримо выше его стоитъ въ этомъ отношеніи г. Стасюлевичъ, который успѣлъ остеречься отъ подобныхъ увлеченій, который также былъ профессоромъ всеобщей исторіи, а теперь преспокойно позоритъ классическую систему въ своемъ изданіи!). Затѣмъ, продолжаетъ *Вѣстникъ Европы*, нужно обратить вниманіе на постороннія обстоятельства: въ пятидесятихъ годахъ „на древніе языки смотрѣли такъ же недоувѣрчиво, какъ смотрятъ нынѣ на естественныя науки“. Грановскій возсталъ противъ этой крайности. „Несмотря на гоненіе классической науки, онъ въ ту пору тѣмъ не менѣе настаивалъ на необходимости и пользѣ изученія исторіи Греціи и Рима, точно такъ же какъ и нынѣ онъ, *въпротиву*, не настаивалъ бы на томъ чтобъ изучали только греческую и римскую исторію; какъ, требуетъ *ученіе времени* (?).“ Словомъ, твердое и категорическое заявленіе покойнаго профессора что онъ видитъ въ древней филологіи *незатѣнное никакимъ другимъ* средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія, весьма искусно обставляется

такого рода толкованіями которыя должны ослабить его силу. Остается теперь прицѣпиться къ какому-нибудь выраженію Т. Н. Грановскаго которое можно было бы перевернуть въ такомъ смыслѣ будто онъ самъ сомнѣвался въ пригодности классицизма на нашей почвѣ,—и дѣло въ шляпѣ. *Вѣстникъ Европы* думаетъ что онъ отыскалъ это выраженіе. А именно, въ концѣ замѣчательной статьи своей покойный профессоръ говоритъ:

„До 1851 года русскія гимназіи шли медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ къ указанной имъ цѣли. Имъ предстояла задача осуществить идеалъ средняго заведенія приготавлиющаго своихъ воспитанниковъ не къ одному университету, но и къ жизни, не чрезъ поверхностное многознаніе, а чрезъ основательное и всестороннее развитіе способностей. Цѣль эта теперь отодвинута на задній планъ. Но гдѣ же плоды семнадцатилѣтняго классическаго направленія? говорятъ его противники, ссылаясь на въ самомъ дѣлѣ неудовлетворительное состояніе древнихъ языковъ въ нынѣшнихъ гимназіяхъ. Отвѣтъ на этотъ упрекъ не труденъ: полезное и плодотворное дѣйствіе филологіи возможно только при достаточномъ количествѣ хорошихъ, знающихъ дѣло и усердныхъ къ нему учителей“....

Только этого и нужно было *Вѣстнику Европы*. Онъ вдругъ впадаетъ въ лирической паеосъ отъ словъ Т. Н. Грановскаго: какое безпристрастіе, какая трезвость взгляда! „Грановскій не боится правды въ исторію“ и потому сознается открыто что 'дѣйствительно семнадцатилѣтнее классическое направленіе осталось у насъ бесплоднымъ, что „другими словами, исторія классическаго направленія у насъ — весьма плохое доказательство его пользы“. Къ тому же Грановскій ставитъ успѣхи филологическихъ знаній въ зависимость отъ хорошихъ учителей, но гдѣ же они въ Россіи? Чтѣ сдѣлано у насъ чтобы такіе преподаватели могли явиться?... Изумленный читатель едва успѣваетъ слѣдить за всѣми этими странными выводами, перемѣшанными пышными похвалами безпристрастію покойнаго профессора, котораго *Вѣстникъ Европы* окончательнo рѣшился считать съ этой минуты „однимъ изъ своихъ“. Но гдѣ же говорилъ Грановскій что классическое направленіе оказалось у насъ *бесплоднымъ*? Развѣ указать на тотъ фактъ что до 1851 года означенное направленіе не успѣло еще принести желаемыхъ плодовъ, что древніе языки преподавались у насъ не вполне

удовлетворительно, значить утверждать что они не принесли пользы? Съ другой стороны, конечно, хорошіе учителя необходимы для успѣшнаго сообщенія воспитанникамъ филологическихъ знаній, но развѣ требованіе такого рода не относится одинаково ко всѣмъ училищамъ, развѣ, напримѣръ, реальныя школы обладаютъ такою чародѣйскою силой что дѣло можетъ идти въ нихъ хорошо и съ плохими преподавателями? Мысль Т. Н. Грановскаго ясна какъ нельзя болѣе: до 1851 года наши гимназіи опирались на вѣрныя начала, основой учебнаго курса признаны были древніе языки, и если преподаваніе этихъ языковъ страдало недостатками, надлежало лишь заботиться о томъ чтобъ устранять эти недостатки; *Вѣстникъ же Европы* толкуетъ мысль покойнаго профессора такимъ образомъ: состояніе древнихъ языковъ было не совсѣмъ удовлетворительно, ерго классическая система оказалась безплодною, ерго нужно покончить съ нею навсегда, и ура Грановскому, который, „не боясь правды въ исторіи“, высказалъ будто бы столь замѣчательную истину, хотя самъ лично и принадлежалъ къ поклонникамъ классическаго образованія!

Первая попытка оказалась столь удачною, что естественно должна была придать храбрости почтенному журналу. Не довольствуясь отечественнымъ авторитетомъ, нашъ мистеръ Тутсъ избираетъ корреспондентомъ своимъ авторитетъ общеевропейскій, да еще какой авторитетъ! Ни болѣе, ни менѣе какъ Маколей.... Знаменитый авторъ *Lays of ancient Rome*, человекъ глубоко изучившій литературу Греціи и Рима, являющій слѣды этого изученія почти на каждой страницѣ своихъ твореній, — чѣмъ могъ онъ заслужить весьма сомнительную честь фигурировать въ однихъ рядахъ съ сотрудниками *Вѣстника Европы*? Какая обмолвка, какое неосторожное слово въ его многотомныхъ сочиненіяхъ могло послужить аргументомъ для нашихъ петербургскихъ педагоговъ? Пусть успокоятся читатели: ни неосторожности, ни обмолвки съ его стороны не было. Дѣло происходило такимъ образомъ: въ 1846 году Маколей присутствовалъ на празднествѣ въ честь открытія философскаго института въ Единбургѣ и провозгласилъ при этомъ тостъ за англійскую литературу, предпославъ ему при этомъ длинную рѣчь. Извѣстно, что знаменитый историкъ любилъ прибѣгать къ блестящимъ сопоставленіямъ, любилъ пояснять свою мысль анало-

гидми и антитезами заимствованными изъ различныхъ эпохъ. Точно такъ же и въ настоящемъ случаѣ: восхваляя богатство своей отечественной литературы, онъ сравниваетъ положеніе современнаго англійскаго ученаго съ положеніемъ ученаго въ XIII вѣкѣ... Но позволимъ себѣ привести здѣсь самый отрывокъ изъ рѣчи, послужившій темою для разглагольствованій *Вѣстника Европы*.

„Положимъ даже, говорить Маколей, что онъ (то-есть средневѣковой ученый) владѣлъ всѣми цѣнными произведеніями римской литературы, то и тогда онъ имѣлъ бы гораздо меньше для образованія ума и для умственного наслажденія чѣмъ человѣкъ въ наше время, знающій одинъ англійскій языкъ, и библиотека котораго наполнена лучшими произведеніями англійской литературы. Нашъ великій человѣкъ среднихъ вѣковъ не могъ вообразить ничего подобнаго *Макбету*, *Лиру* или *Генриаду*. Лучшая ему извѣстная эпическая поэма была далеко ниже *Потеряннаго Райа*, и всѣ томы его философовъ не стоили одной страницы изъ *Novum Organon*. Люди знающіе одинъ англійскій языкъ должны, правда, читать *Novum Organon* въ переводѣ, но это-то и напоминаетъ мнѣ одно важное преимущество нашего учрежденія (то-есть учрежденія въ Эдинбургѣ библиотеки исключительно изъ произведеній на англійскомъ языкѣ). Такіе люди будутъ имѣть возможность познакомиться здѣсь съ лучшими произведеніями отдаленныхъ вѣковъ и другихъ народовъ. Большая часть того что стоить читать изъ древнихъ писателей, также какъ изъ произведеній Франціи, Италіи, Германіи и Испаніи, переведено на англійскій языкъ. Едвали возможно чтобы переводъ великаго произведенія могъ равняться оригиналу. Но хотя мелкіе оттѣнки ускользаютъ, сущность остается. Англичанинъ, не выдавшій никогда фресокъ Ватикана, можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о граціи Рафаэля и энергіи Микель-Анджело по гравюрамъ. Геній Гомера виденъ въ самыхъ дурныхъ переводахъ *Иліады*, геній Сервантеса—въ самомъ плохомъ переводѣ *Донъ-Кихота*. Не думайте только что я этимъ хочу отклонять кого-нибудь отъ изученія древнихъ или новѣйшихъ языковъ. Вовсе нѣтъ. Я высоко ставлю эти ключи къ знанію и думаю что человѣкъ, имѣющій доступъ для занятія, не долженъ успокоиться пока не изучитъ нѣсколько языковъ. Меня всегда прельщало одно выраженіе Карла V: „когда я учусь новому языку, мнѣ кажется что я приобретаю новую душу“. Но я желаю утѣшить тѣхъ кто не можетъ быть лингвистомъ, завѣряя ихъ, что зная одинъ родной языкъ, они имѣютъ свободный доступъ къ огромнымъ умственнымъ сокровищамъ, которымъ позавидовали бы величайшіе лингвисты времени Карла V, превосходящимъ тѣ которыми владѣли Альдъ, Эразмъ и Меланхтонъ...“

Со стороны Англичанина, со стороны человѣка который призванъ былъ воздать хвалу, въ торжественномъ собраніи, національной англійской литературѣ, слова эти не поражаютъ странностью. Увлеченія и парадоксы здѣсь какъ нельзя болѣе извинительны. Въ пылу своего краснорѣчія Англичанинъ могъ утверждать что ни одна эпическая поэма не выдержитъ сравненія съ *Потерянными Раемъ*, и что цѣлые томы древнихъ философовъ не стоятъ одной страницы Бекона, но мы сомнѣваемся чтобы свѣдущіе люди согласились безусловно съ подобными приговорами.... Но оставляя это въ сторонѣ, спросимъ только какое отношеніе имѣютъ слова Маколея къ вопросу о педагогическомъ значеніи древнихъ языковъ? Развѣ его имѣлъ въ виду знаменитый историкъ? Развѣ говорилъ онъ о молодежи учащейся въ школахъ и о томъ какъ и чему нужно учить эту молодежь? Развѣ не началъ онъ съ того что замѣчанія его относятся къ людямъ которые „хотя не лишены научныхъ свѣдѣній и чувствительны къ наслажденіямъ доставляемымъ литературою, вынуждены, однако, довольствоваться лишь тѣмъ что написано на англійскомъ языкѣ?“ Этотъ-то многочисленный классъ Маколей „утѣшаетъ“ (собственное его выраженіе) мыслью что съ помощью своего природнаго языка они все-таки имѣютъ средство удовлетворить въ значительной степени свою любознательность, точно такъ же какъ люди, никогда не видавшіе въ подлинникъ Рафаэля, Микель-Анджело и другихъ мастеровъ, могутъ по гравюрамъ составить себѣ кое-какія, хотя и поверхностныя, понятія объ этихъ великихъ мастерахъ. Маколей говоритъ не о древнихъ только языкахъ, но и о языкахъ новѣйшихъ, и еслибы нелѣпнымъ образомъ придираться къ его словамъ, то слѣдовало бы заключить что онъ возстаетъ столько же противъ изученія литературъ Греціи и Рима, сколько современныхъ литературъ Франціи и Германіи, что молодые люди въ англійскихъ школахъ должны довольствоваться лишь своимъ національнымъ языкомъ и не знать ничего кромѣ своей національной литературы. Могъ ли онъ утверждать такую нелѣпность? Самъ *Вѣстникъ Европы* знаетъ, конечно, что Маколей утверждать этого не могъ, но ему выгодно прикинуться наивнымъ чтобы завербовать и Маколея въ ряды противниковъ классицизма. Съ великимъ торжествомъ выписываетъ онъ приведенный нами отрывокъ изъ рѣчи этого писателя, затѣмъ нѣсколько словъ изъ того

же отрывка беретъ еще эпиграфомъ для другой своей статьи, и разглагольствуетъ такимъ образомъ: „Они (то-есть защитники классической системы) особенно любятъ ссылаться на Англiю, но объ Англiю полезнѣ всего послушать Англiю. Чтò скажутъ наши противники въ отвѣтъ на такое мнѣнiе, которое въ Англiи выражаютъ Маколеи, будто съ однимъ знанiемъ англiйскаго языка въ наше время можно достигнуть такого образованiя какого не достигалъ даже ученый ограниченный кругомъ одной римской литературы? Мы полагаемъ что трудно отдѣлаться отъ Маколея однимъ призванiемъ къ суду за то чтò онъ подкладываетъ камешки подъ ходъ англiйской образованности“... Мы полагаемъ что мнѣнiе Маколея отнюдь не вызываетъ возраженiй: никто и не думалъ сомнѣваться что образованный человѣкъ нашего времени обладаетъ гораздо болѣе обширными свѣдѣнiями чѣмъ ученый древности или среднихъ вѣковъ, но какое же отношенiе имѣетъ все это къ вопросу о педагогическомъ значенiи классическихъ языковъ? Чтò хочетъ доказать *Вѣстникъ Европы* словами Маколея, или ничего не хочетъ доказывать онъ, а усиливается только произвести путаницу въ понятiяхъ своихъ читателей?...

Но пойдемъ далѣе. Мы имѣемъ предъ собой еще любопытный образецъ обычной тактики къ которой прибѣгаетъ петербургскiй журналъ. Въ прошломъ году извѣстный французскiй лингвистъ Ренанъ издалъ сборникъ своихъ статей подъ заглавiемъ: *Questions contemporaines*. Въ сборникѣ этомъ говорится много весьма дѣльнаго и полезнаго о недостаткахъ высшаго преподаванiя во Францiи, но нѣтъ почти ни слова о классической системѣ по сравненiю ея съ системой реальною. Дѣло въ томъ что Ренанъ считаетъ совершенно безплодною тратой времени доказывать вещи въ справедливости которыхъ никто не сомнѣвается, какъ на примѣръ необходимость древнихъ языковъ для школы: есть вопросы давно уже рѣшенные въ Европѣ и которые кажутся нерѣшенными только для извѣстныхъ кружковъ Петербурга. Ренанъ весьма подробно развиваетъ мысль что во главѣ умственнаго движенiя въ настоящее время находится Германiя, и что превосходствомъ этимъ обязана она преимущественно широкому развитiю въ ея средѣ филологическихъ знанiй. „Въ наукахъ историческихъ и филологическихъ, говоритъ онъ, превосходство нѣмецкихъ университетовъ таково, что Гер-

мянія оказываетъ здѣсь болѣе услугъ чѣмъ вся остальная Европа вмѣстѣ.“ И не удивительно повтому, продолжаетъ Ренанъ, что Франція готова утратить роль которую нѣкогда занимала она въ научномъ движеніи, не удивительно что „многочисленная группа просвѣщенныхъ людей, которые съ ревностью и успѣхомъ стремятся отвлечь Англію отъ ея отсталыхъ привычекъ (de ses habitudes arriérées), эта группа вся обращена къ Германіи“. *Вѣстникъ Европы* спѣшитъ сдѣлать слѣдующее маленькое примѣчаніе къ этимъ послѣднимъ словамъ: „Отсталыя привычки, о которыхъ говоритъ Ренанъ, относятся къ англійскому—оксфордскому и кембриджскому—классицизму, который столько же безплоденъ сколько и французскій, и теперь, какъ извѣстно, возбудилъ, наконецъ, сильную оппозицію противъ себя со стороны разумныхъ людей англійскаго общества.“ Удивительное дѣло! Ренанъ самымъ подробнымъ образомъ развиваетъ мысль что физико-математическія знанія получили весьма широкое развитіе въ Англіи, но что несмотря на то многочисленная группа просвѣщенныхъ людей не довольна современнымъ состояніемъ тамъ науки и обращаетъ свои взоры на германскіе университеты, которые стоятъ высоко именно благодаря блестящему процвѣтанію въ нихъ наукъ филологическихъ, а по словамъ *Вѣстника Европы* выходитъ что эти просвѣщенные люди провиклись непреодолимымъ отвращеніемъ къ классицизму! Не сомнѣваемся, что *Вѣстнику Европы* пріятно думать такимъ образомъ, но зачѣмъ же онъ навязываетъ свои злокубраціи Ренану? Зачѣмъ прибѣгаетъ онъ, напримѣръ, къ слѣдующей удловкѣ: французскій ученый часто указываетъ на недостатки классическаго преподаванія во Франціи, но указываетъ на эти недостатки съ цѣлію устранить ихъ, съ цѣлію возвысить классическое преподаваніе до надлежащаго уровня, а *Вѣстникъ Европы* пользуется замѣчаніями Ренана для голословныхъ выходокъ противъ „хвалеваго, какъ выражается онъ, классицизма“ вообще. Прилично ли прибѣгать къ подобнымъ шуткамъ съ публикой?

Еслибы тщательно порыться въ книжкахъ петербургскаго журнала, то нашлось бы, вѣроятно, достаточно диковинокъ и кромѣ указанныхъ нами. Въ послѣднее время къ Грановскому, Маколею, Ренану присоединилъ онъ еще Фоулера и, вѣроятно, не остановится на этомъ пути, да и какъ остановиться, если не захочетъ онъ обречь себя на молчаніе?

Собственныя возраженія, измышленныя имъ противъ системы обученія господствующей во всей Европѣ, слишкомъ безсильны, чтобы сбить съ толку здравомыслящаго человѣка; ссылки на иностранныя писанія направленныя противъ классицизма также не принесутъ много пользы, ибо писанія эти лишены серьезнаго авторитета въ педагогическомъ мѣрѣ; затѣмъ не остается ничего болѣе, какъ пожертвованъ добросовѣстностью, увѣрять будто бы люди пользующіеся заслуженною репутаціей и не имѣющіе ничего общаго съ теоріями нашихъ доморожденныхъ прогрессистовъ говорятъ съ нами въ одинъ тонъ. Французскій драматургъ Эмиль Ожье выставлялъ въ одной изъ своихъ комедій забавную личность отчаяннаго клерикала, который сочинилъ рѣчь въ защиту свѣтской власти папы, но для вящаго эффекта старается приискать протестанта который согласился бы произнести ее. *Вѣстникъ Европы* смѣло шествуетъ по стопамъ этого господина..

Р.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. Аѳ. Авадьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССІИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Цѣна 60 к., съ пересылкою 75 коп. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ УДОБРЕНІЮ ПОЧВЫ. Соч. д-ра Эмиля Вольфа. Переводъ съ нѣмецкаго Я. Н. Калиновскаго. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ТУРЕЦКО-ТАТАРСКІЙ РУССКІЙ СЛОВАРЬ, сост. проф. при Лазаревскомъ институтѣ, магистромъ восточной словесности М. Л. Лазаревымъ. Цѣна 3 руб., съ пересылкой 3 руб. 50 коп. сер.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудрявцева, покойнаго профессора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

ИЗДАНИЕ П. И. ЮРГЕНСОНА.
ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ 2 РУКИ

Р. ШУМАНА,

ПЕРЕСМОТРѢННОЕ И ИЗДАННОЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Н. Г. РУВИНШТЕЙНА.

Открывая подписку на полное издание сочинений для ф.-п. *Р. Шумана*, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу предстоящаго издания.

Всѣмъ болѣе или менѣе знакомымъ съ музыкальными произведеніями новѣйшихъ композиторовъ вѣроятно извѣстно, что до сихъ поръ еще не выходило въ свѣтъ полного изданія сочиненій *Р. Шумана*. Всѣ же его произведенія въ отдѣльныхъ тетрадахъ обходились не менѣе 92 р. сер., и даже цѣна отдѣльныхъ pieces доходила до 4 рублей. Нечего и говорить что такая цифра для большинства играющихъ была недоступна. А между тѣмъ сочувствіе публики къ твореніямъ Шумана росло такъ быстро, что необходимость соединить его произведенія въ одномъ изданіи и удешевить цѣну ихъ стала весьма чувствительна.

Фортепианныя сочиненія Шумана составляютъ примѣрно 1.000 печатныхъ страницъ большаго формата въ 6 томахъ; подписная цѣна назначена очень не высокая, а именно по 3 р. сер. за каждый томъ. Печать и бумага будутъ болѣе чѣмъ удовлетворительны; я приложу все стараніе чтобы наружный видъ этого изданія соответствовалъ внутреннему содержанию.

При подпискѣ желающіе могутъ и не внести полной суммы (18 р. сер.) за все изданіе, а только за послѣдній томъ 3 р. Они будутъ получать изданіе это въ еженедѣльныхъ тетрадахъ по 30 коп. 6 й же томъ выдается безъ платы. За пересылку гг. иногородные благоволятъ прилагать по 50 коп. за каждый томъ. Послѣ выхода 6-го тома цѣна возвысится на 30%.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ ВЫШЕЛЪ и заключааетъ въ себѣ на 168 страницахъ 10 первыхъ сочиненій *Р. Шумана*.

ВТОРОЙ ТОМЪ выйдет не позже 1 го августа 1869 г.

ТРЕТИЙ " " " " 1-го октября 1869 г.

О времени выхода остальныхъ трехъ томовъ будетъ объявлено въ свое время.

Въ заказаніе я позволю себѣ указать на изданныя мною прежде по подпискѣ 5 изданій: Романы съ русскимъ текстомъ *Ф. Шуберта* и *Р. Шумана*, Полное собр. соч. Мендельсона, 40 мелодій *Шуберта*, Сборникъ 50 романсовъ знаменитыхъ композиторовъ. Всѣ эти изданія вышли въ назначенный срокъ, встрѣчены сочувственно публикой и распространялись въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

И.

Р. К.

Op.	1. Abegg	—	70
"	2. Papillons.	—	70
"	3. Six Etudes ou caprices de Paganini liv I	1	40

	P.	K.
Op. 4. Intermezzi 1, 2.....	—	70
" 5. Impromptus sur un thème de Cl. Wieck	—	85
" 6. Die Davidsbündler. 18 Stücke.....	1	50
" 7. Toccata C-dur	—	70
" 8. Allegro H-moll.....	—	70
" 9. Carnaval. Scènes mignonnes	1	80
" 10. Six Etudes ou Caprices de Paganini liv II	1	60
II.		
" 11. Grande Sonate N° 1. Fis-moll.....	1	80
" 12. 8 Fantasiestücke.....	1	80
" 13. Douze études symphoniques	1	80
" 14. Gr. Sonate. N° 3. F-moll.....	2	50
" 15. Kinderscenen	1	—
" 16. Kreisleriana 8 Fantasien	1	80
III.		
" 17. Fantasie C-dur	1	50
" 18. Arabeske. C-dur	—	60
" 19. Blumenstück. Des-dur.....	—	60
" 20. Humoreske. B-dur.....	1	50
" 21. 8 Noveletten	3	—
" — " in 4 Heften à	—	85
" 22. Gr. Sonate. N° 2. G-moll	1	50
" 23. Vier Nachtstücke	—	85
IV.		
" 26. Faschingsschwank in Wien. 5 Fantasiebilder.....	1	15
" 28. Drei Romanzen. Bm. Fis-dur. H-dur	1	15
" 32. Scherzo, Gigue, Romance et Fughette.....	—	75
" 54. Concert. A-moll.....	2	40
" 68. Album für die Jugend. 48 Stücke net.....	2	25
V.		
" 72. Quatre fugues	—	85
" 76. Quatre marches.....	1	40
" 82. Waldscenen. 9 Clavierstücke	1	30
" 92. Concertstück	1	40
" 99. Bunte Blätter. 14 Stücke net.....	2	25
" — " en 8 cahiers.....	à	60
" 111. 3 Fantasiestücke. Cm. As. Em.....	—	80
" 118. 3 Claviersonaten für die Jugend. Des Jugend-Albums III Abthl. net	1	50
N° 1. Kinder Sonate in G	—	75
" 2. Sonate in D	1	15
" 3. " in E.	1	15
VI.		
" 124. Albumblätter, 20 Clavierstücke	2	25
" " en 4 Cahiers. à	—	75
" 126. Sieben Clavierstücke in Fughettenform.....	1	15
" 133. Gesänge der Frühe. 5 Stücke.....	1	50
" 134. Concert-Allegro mit Introduction D-moll	1	80
Oeuvres posth. Scherzo	—	60
" " Presto passionato	1	15

2.090.

